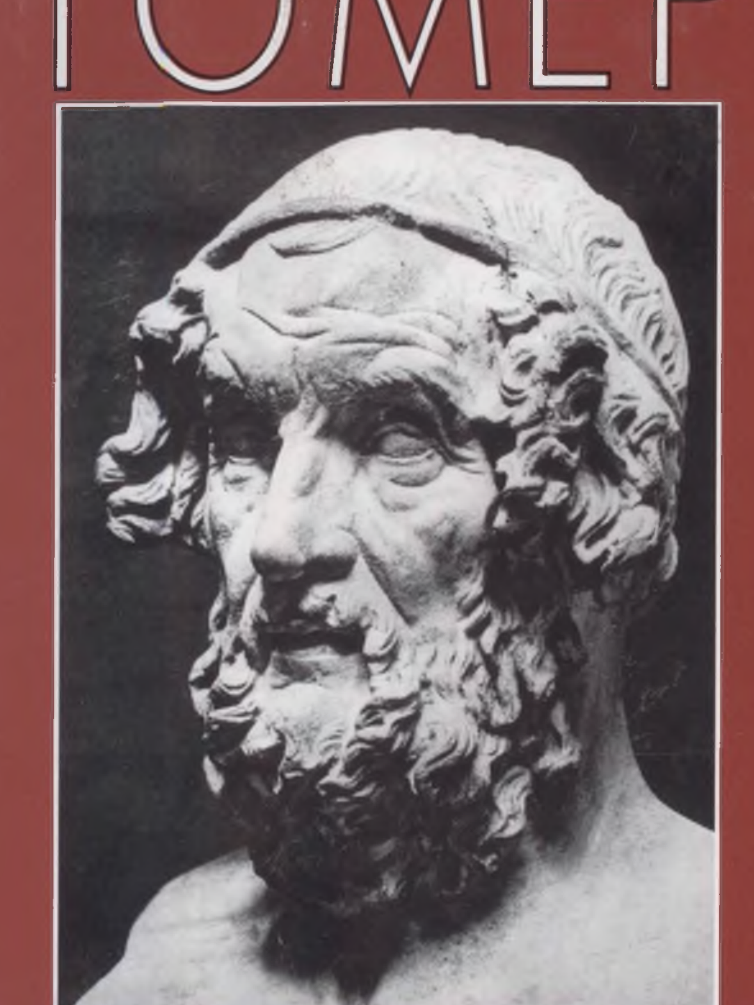
ГОМЕР ОДИССЕЯ

ГОМЕР

ОДИССЕЯ

ГОМЕР
ОДИССЕЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΟΜΗΡΟΥ
ΟΔΥΣΣΕΙΑ

HOMERI
ODYSSEIA

Перевод
В. А. ЖУКОВСКОГО

Издание подготовил
В. Н. ЯРХО

МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК 82
ББК 84(0)3
Г 64

"Федеральная программа книгоиздания России"

Ответственный редактор
М.Л. ГАСПАРОВ

ТП-2000-I-№ 200

ISBN 5-02-011652-1

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, –
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посидон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять экатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
"Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий

Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
"Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет", так было
Сказано Эрмием – тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он".
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: "Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь козподея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в Троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?"
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
"Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посидон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоозою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посидоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посидон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посидон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет".
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: "Отец наш, Кронион, верховный владыка!
Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий Аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей

Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава".
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амврозиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемак богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом; приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
"Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей".
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,

Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное – желаньие сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемак светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
"Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том, лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

“Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темезе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются: это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались”.
“Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,

Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь, конечно.
Кажется, только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя".
"Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят".
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
"Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но – того мы, конечно, не ведаем – в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,

Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужство.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я".
"Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;

Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши".
С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаковом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала.
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
"Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечастно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос".
"Милая мать, – возразил рассудительный сын Одиссеев, –
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь – с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель".
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое

Верхнем своем затворяся, в кругу приближеных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами".
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Эвпейтов, ему отвечал, возражая:
"Сами боги, конечно, тебя, Телемак, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятной Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!"
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах".
Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаку:
"О, Телемак, мы не знаем – то в лоне бессмертных сокрыто, –
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?

С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно".
“Друг Эвримах, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев". Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемак, что богиню бессмертную видел.
Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемак в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской.
Факел неся, Эвриклея вела Телемака – за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил,
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился –
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
Первое слово тогда произнес благородный Эгипций,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроте, последний, похищенный им для вечерния пищи.
Три оставалися старцу: один, Эвриномом, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
"Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том незапная нужда?
Юноша ль расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно".
Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку

Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратяся, ему он сказал: “Благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, – это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
Нет; им удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уже нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней
Мере, чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитеся мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
Мы, чтоб и скот наш живой, и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем”.

Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.

Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
“Что ты сказал, Телемак, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилося года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
“Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый –
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам, и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене
Древней, ни Тиро, ни пышновенчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа”.
“О Антиной, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю, – тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью
Демона: страшных Эринний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюся вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами".
Так говорил Телемак. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;
Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрестанными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народом Галиферд, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
"Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну

Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне".
Кончил. Ему отвечал Эвримах, сын Полибиев: "Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.
В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемаке, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаку:
Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемака,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь, – ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратиться
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними".
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"О Эвримах и вы все, женихи знаменитые, боле
Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,

В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство".
Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
"Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Кротким, благим, и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.
Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое".
Сын Эйвеноров тогда, Леокрит, негодуя, воскликнул:
"Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор?
Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разойдитеся, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Галиферд, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемака;
Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, сбирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся".
Так он сказав, распустил самовольно собранье народа.
Все, удалясь, по своим разошлися домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
Но Телемак одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
"Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы".

Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
"Смел, Телемак, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частию хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемак, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предпринятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют – оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море".
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаку.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
"Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемак, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном".
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше

Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликать,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно".
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так, говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
"Нас Телемак погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить".
"Но, – отвечали другие насмешливо первым, – кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами".
Так женихи. Телемак же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
Входом служили; почтенная ключница денно и нощно
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Эвриклею, сказал Телемак ей:
"Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалося двенадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.

Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи".
Кончил. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: "Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
В страшное море тебе на беды и на бури пускаться".
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,
Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет, – боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица". Эвриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившися, там с женихами остался.
Умная мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемака принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноэмону, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль – Ноэмон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлися, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: "Пора, Телемак, нам;
Все собралися уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой".

Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемака
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемак за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного брега.
К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:
"Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает". И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемак, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им скорее
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посидону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемак, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратяся, богиня Афина сказала:
"Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим".
"Но, – отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, –
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?"
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан".
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемака
Быстрым шагом; за нею пошел Телемак; и поспешно
К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Пизистрат благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном

Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фразимедом.
Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
"Странник, ты должен призвать Посидона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю".
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посидона владыку:
"Царь Посидон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв экатомбу;
Дай нам потом, Телемаку и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком".
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двуярусный кубок она подала Телемаку;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой Геренейский:
"Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?"
С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
"Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,

Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне".
Так Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
"Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом.
Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести сбирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возратился.
Девять трудилися лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, – кончить насилу решился Кронион.
В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.

Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они – потому и постигнула злая судьбина
Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлися, вином охмеленные; те же
Стали один за другим объяснять им причину собранья:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив экатомбу святую,
Гнев примирили ужасной богини... младенец! еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказанье.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев глубокоопоясанных) вышли.
Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
    Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лезбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой средине,
Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;

Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посидонов, измерив великое море.
День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доныне
Сведать еще я не мог, кто погиб из ахеян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;
Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
Как и Эгист наконец по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили".
Выслушав Нестора, так отвечал Телемак благородный:
"Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
О! когда б и меня одарили такою же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу – и удел мой отныне терпенье".
Так Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
"Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоем женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратяся, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же мóгла и тебя, как она Одиссея любила
В крае Троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,

Столь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала".
Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Странное слово из уст у тебя, Телемак, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет".
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
"Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору – правдой и мудростью всех он людей превосходит:
Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен –
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?"
"Друг, – Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали – страшное дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное – мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,

В Трою готовяся плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою
Фронтис, Онеторов сын, наиболе из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.
Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Маллеи
Быстро достиг – повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер могучий и волны ко брегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, – народ покорился безмолвно.
Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богоподобный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,

Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, – столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней с колесницей
Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим".
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
"Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посидону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам".
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умытия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемак благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Нестор, гостей удержавши, сказал: "Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын толь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?":
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемак: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею

Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из сопутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаку) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемака же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных".
    Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемака, ему дружелюбно сказал он:
"Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым".
Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
    Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой Геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
    Гостю желая спокойствия, Нестор, герой Геренейский,
Сам Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,
В звонкопространном покое кровать указал прорезную;
Лег близ него Пизистрат, копьевержец, мужей преводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
    Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
С мягкой поднялся постели и Нестор, герой Геренейский,

Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанным маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахеян. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Эхефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фразимед; наконец и шестой к ним,
Младший из братьев пришел, Пизистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой Геренейский:
"Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афину,
Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемаков пойти и позвать к нам
Все мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэркос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам".
Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаковы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный для ковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Эхефрон;
Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фразимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фразимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,
Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царица,

Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Эвридика.
Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли – разом зарезал ее Пизистрат благородный.
После, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедра и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемак Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой Геренейский, сказал сыновьям благородным:
"Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
Должно, чтоб мог Телемак по желанию в путь устремиться".
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемак благородный;
Рядом с ним Несторов сын Пизистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчалися быстрые кони
Полем, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя в царском жилище.
К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в Троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Эрмиона, подобная дивной красой Афродите.
Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.
Тою порой Телемак благородный с младым Пизистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многочтимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
"Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?"
С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
"Ты, Этеон, сын Воэтов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих".

Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
"Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся".
Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие
Речи его не могли, прошептал Телемак осторожно:
"Несторов сын, мой возлюбленный друг, Пизистрат благородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоях;
Блещет все златом, сребром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
Что за богатство! как много всего! с изумленьем смотрю я".
Вслушался в тихую речь Телемака Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
"Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.

Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирногустом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
Той же порой, как в далеких землях я, сбирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам
Все рассказали... О! горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахеян столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталося часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемаком,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома”.
  Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемаке.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?
  Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алкандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две кребролитные дал он Атриду купальни и с ними

Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
"Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
Я же скажу – справедливо ли, нет ли, не знаю, – но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемаком, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью".
  Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
"Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся".
  Тут Пизистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
"Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец родитель мой Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься".
  Царь Менелай, отвечая, сказал Пизистрату младому:
"Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахеян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;

Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вожделенный".
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;
Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и младой Пизистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
"Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою – скоро подымется Эос,
В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах".
Царь Менелай златовласый ответствовал так Пизистрату:
"Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает
Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Телемаком
Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне".
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,

Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
"Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
Вам расскажу – хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне, –
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предприял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахеян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалася, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я – он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахеян тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою".
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
"Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;

Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предприял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла – по внушению злому, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, –
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе извнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины".
Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены".
Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Пизистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаку, его он поздравствовал; после спросил он:
"Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть, Телемак благородный?

Нужда какая? своя иль народная? Правду скажи мне".
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
"Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне".
С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
"О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
В виде таком, как в Лезбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филомелидом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Все еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил экатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумношироком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от брегов на таком расстояньи, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.

Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,
Хитрого старца морского цветущая дочь Идофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Остросогбенными крючьями удили – голод терзал их.
С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
“Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?”
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.
Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”
Так вопросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать:
Здесь пребывает издавна морской проницательный старец,
Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посидона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-пустынным”.
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога”.
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темныя влаги,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостоногие, дети младой Алозидны,

Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться – из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, – вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?"
Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажнопесчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив перед богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
В ямы уклавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой, –
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Идофея беде помогла и страдание наше
Кончила, ноздри амврозией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглися.
В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюлене́й он

Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
Он напоследок, увидя что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
“Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?”
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
“Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Должен бы Зевсу владыке и прочим богам экатомбу
Ты, с кораблями пускаяся в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь экатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят”.
Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительнотрудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
“Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимо ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучилися, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный их них на дороге погиб с кораблями?
Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?”
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
Многих уж нет; но и живы осталися многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться

Смерть запретила (кто пал на сраженьи, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
Сын Оилеев Аякс; Посидон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.
Дерзкое слово царем Посидоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко брегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Ирой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Маллеи
Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли".

Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской проницательный старец:

“Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью”.
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
“Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я”.
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Это Лаэртов божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсы, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами – туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса”.
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развив паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил экатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив экатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемак, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;

После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье".
"Царь Менелай, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпеньем
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих".
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
"Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь".
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Эвримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
Фрониев сын Ноэмон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
"Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемак из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль – самому мне он надобен ныне:

Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работящих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить".
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Эвпейтов, спросил Ноэмона:
"Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?"
Фрониев сын Ноэмон, отвечая, сказал Антиною:
"Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж – ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
Ибо я был изумлен несказанно – божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими".
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Эвримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.
К ним обратяся, сказал Антиной, сын Эвпейтов, кипящий
Гневом, – грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
"Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемак; от него мы подобной отваги не ждали:
Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось".
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссеев.
Но Пенелопа недолго в незнанье осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемака;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:

“С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемаково, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случалось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно”.
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
“О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось?
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой – да успеха не даст им Зевес громовержец!
Острым мечом замышляют они умертвить Телемака,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон”.
Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
“Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?”
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей :
“Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он”.
Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданием к ней собралися рабыни,
Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
“Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,

Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одисеева богоподобного сына".
　Тут Эвриклея, усердная няня, сказала царице:
"Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойди и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящия смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке".
　Так Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхней покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем,она возгласила к Афине:
"Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив".
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
　Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
"Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну".

Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
“Буйные люди, советую вам от таких неразумных.
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.
Лучше, отсель удаляся в молчаньи, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили”.
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.
Сдвинув с песчаного брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собралися, все вместе,
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет охвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, все в ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Эвмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
“Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?
Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемак невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною”.
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
“Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сомне данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;

Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не видавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;
Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну".
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
"Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя – для нее все возможно, –
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня".
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
"Если ты правду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Иль его уж не стало и в область Аида сошел он?"
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
"Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно".
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеяв
Воздухом легким, пропал. Пробудяся от сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаку готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.
Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсы:
“Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, –
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсы, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемака,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон”.
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемака ж
Ты проводи осторожно сама – то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, прибудут в Итаку”.
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
“Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному: путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:

В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит".
Кончил. И медлить не стал благовестник, Аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амврозиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонкоприятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополи, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
В лиственных сенях гнездилися там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился б и радость в его бы проникнула сердце.
Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;

Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
“Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье”.
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амврозией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
“Знать от меня ты – от бога богиня – желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, –
Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам экатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светлоустроенный дом свой опять он увидел”.
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали до тех пор, пока златотронныя он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
Так Язион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.

Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул – корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечноцветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он – когда уж того так упорно желает Кронион –
Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться".
Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
"Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказанье".
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу;
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
"Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусьях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, –
Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно".
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
"В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну

Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне".
Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
"Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим
Стикса подземной водою клянусь, ненару́шимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне.
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненьи великом;
Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце".
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,
Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амврозии подали с нектаром сладким.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть – прости! но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?"
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
"Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней, ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,

Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию". Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий

Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напряг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феакиян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
"Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить".
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
"Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вкруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахеян мне слава;

Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает..."
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердосколоченный плот и сказала:
"Бедный! За что Посидон, колебатель земли, так ужасно
В сердце разгневан своем и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положися теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися".
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
"Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,

Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства".
Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посидон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготовясь, потом он отважно
Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
"По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен".
    Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
    Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
    Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, –
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрей он, ступить торопяся на твердую землю.
Но, от нее на таком расстоянье, в каком человечий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.

В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаяся, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посидон земледержец”.
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество кру́пинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя пред устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
“Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посидонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
Бед претерпевшему; сжалься, могучий, подай мне защиту”.
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил

Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
"Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным".
Так размышлял он; ему наконец показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листами зарывшися, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиян,
Живших издавна в широкополянной земле Иперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навзитой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышлёных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
  В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навзикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ принявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навзикае, богиня сказала:
"Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платья, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
Мать и отец веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и на реку мыть соберитеся все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань, и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно

Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично –
Путь к водоемам от стен городских утомительно долог".
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подъемлет мятелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденьи
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навзикая сказала:
"Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
Должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе".
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
"Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб".
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна
Все поместила на быстроколесной, большой колеснице.
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навзикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею

Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому брегу потока пустили
Сочномедвяной травою питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочистá их
Вымыв, по взморью на мелкоблестящем хряще, наносимом
На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя и подруг, и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белорукая петь Навзикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей – и любуется ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навзикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прянул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
"Горе! к какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать".
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листами
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.

Вышел он – так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявыя девы?
Или, в почтительном став отдаленьи, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленьи
(Тронув колена, ее он прогневал бы чистую деву),
С словом приятноласкательным он обратился к царевне:
"Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
Нет! ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я – там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, –
Юную стройновысокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивяся тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
Только вчера, на двадцатый мне день удалося избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей – еще не конец им;
Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,

Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу".
Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
"Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким, и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы".
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
"Стойте! куда разбежалися вы, устрашась иноземца?
Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны – к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке". Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
"Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;

Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы".
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
"Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О! когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги".
Так говорила царевна. Ее повинуяся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
"Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом – у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вкруг Посидонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти

Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданьях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах и веслах и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
"С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурею к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший – и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных".
Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласья их стала,
В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом в таком расстояньи от града, в каком человечий
Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же
Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных,
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
Там перед яркоблестящим ее очагом ты увидишь,
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царевы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,

Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом и семью и отечество скоро увидишь".
  Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навзикая
Мулов: затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшися, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
"Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских".
  Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навзикая
Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,
В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навзикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокую Зевса богиню Афину
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
"Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;
Следуй за мною в глубоком молчаньи; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
Бездну морскую они, отворенную им Посидоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли".
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.

Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
"Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит
Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навзитой Посидоном земли колебателем прижит
Был с Перибоей, всех дев затмевавшей своей красотою,
Младшею дочерью мужа могучего Эвримедона,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навзитоя; и первым царем феакиян
Был Навзитой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом и семью и отечество скоро увидишь".
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.

Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из сребра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две – золотая с серебряной – справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканные дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садилися чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год и в холодную зиму и в знойное лето
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый Зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарногустым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.

Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
   Долго, дивяся, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.
Все замолчали, могучего мужа незапно увидя;
Все в изумленьи смотрели. Царице Арете сказал он:
"Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим и к царю и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими".
   Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
Но наконец Эхеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
"Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней".
   Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут для умытия рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: "Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье".
Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.
Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: "Приглашаю
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,
Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить экатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;
Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия роковую вплели для него при рожденье.
Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им экатомбы приносим;
С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
Странником встретится – он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпенных с трудом непомерным по воле бессмертных;
Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно
Требует пищи себе и меня забывать принуждает

Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.
Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне злополучному путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
Светлый свой дом и семью, и рабов, и богатства увидеть".
Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
"Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодою брошен".
Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
"Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов, – об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров – не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
Хлебом меня и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.

Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посидон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему брегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избегнуть, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки – показалось то место приютным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли, – молодежь рассудительна редко.
Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам".
Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
"Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей обратился".
Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
"Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;
Я ж отказался – мне было бы стыдно; при том же подумал
Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди".
Царь Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
"Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце не склонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
Если б – о, Дий громовержец! о, Феб Аполлон! о, Афина! –

Если б нашелся, подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навзикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он.... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
В землю отцов иль в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,
Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, –
Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые".
   Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;
Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
"Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну".
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
   Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
"Странник, иди почивать; для тебя приготовлено ложе".
Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладкоцелительный сон наконец он вкусил безмятежно,
В звонкопространных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

ПЕСНЬ ОСЬМАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос –
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На́ площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладкообтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
"Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен".
Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына; ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им искать надлежало его, отличась пред народом.
Все собралися они, и собрание сделалось полным.
Тут, обратяся к ним, царь Алкиной произнес: "Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный – его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл –
Молит о том, что ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужемец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся

В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.
Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой пространный
Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться невластен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце".
Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодносоленого моря собравшися, вместе
К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
Легкий корабль на открытое взморье, они собралися
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат и дворы и притворы народом
Сделались полны – там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему – чтоб ее мог найти он –
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел, – а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею

Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам весслолюбивым сказал: "Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкусноообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратяся, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганьи, в беге проворном".
Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На площадь все собралися: толпой многочисленношумной
Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акроней, Окиал с Элатреем,
Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабазиоменом;
С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,
Сыном Полития, внуком Тектона; пристал напоследок
К ним и младой Эвриал, Навболид, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном – три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустилися разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный – какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив
Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганьи был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном

Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: "Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает".
"Умным, – сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму, –
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов".
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратяся к царю Одиссею:
"Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, – но, верно, во всех ты искусен, –
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут и наши готовы к отплытию люди".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться".
Но Эвриал Одиссею ответствовал с колкой насмешкой:
"Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышлёных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходен".
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
"Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ и ум и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин –
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.

Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом".
Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил – он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Весполюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
"Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
Бросить". От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тем, что ему хоть один благосклонный в собранье
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
"Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть может, и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я – с одним не могу Лаодамом:
Гость я его – подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый

Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Ираклом, ни с Эвритом, метким стрелком эхалийским;
Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Эврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелою;
Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены".
　Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
"Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой, – зато ни один, говорить здесь привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратяся
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном и в пляске и в пенье.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил".
　Так Алкиной говорил, и глашатый, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
　Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:

Как их свидание первое в доме владыки Ифеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Ифеста Арей, как открыл, наконец, все Ифесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Ифестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Ифест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос, крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведал, что в путь свой Ифест, многославный худложник, пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял и по имени назвал ее и сказал ей:
“Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Ифест далеко; он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийцам, наречия грубого людям”.
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Ифеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Ифест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой ступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Ифест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
“Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром – но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?

Вот посмотрите, как оба, обнявшися нежно друг с другом,
Спят на постеле моей. Несказанно мне горько то видеть.
Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.
Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце".
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посидон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини осталися дома.
В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Ифест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
"Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала;
Как ни хромает Ифест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака".
Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
"Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постеле одной с золотою Кипридой?"
Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
"Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели [одной с золотою Кипридой!"
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посидон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
К славному дивным искусством Ифесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
"Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все дополна при бессмертных богах он заплатит".
Бог хромоногий Ифест, отвечая, сказал Посидону:
"Нет! от меня, Посидон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?"
Богу Ифесту ответствовал так Посидон земледержец:
"Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я". Хромоногий Ифест отвечал Посидону владыке:

“Воли твоей, Посидон, не дерзну и не властен отвергнуть”.
С сими словами разрушила цепи Ифестова сила.
Бог и богиня – лишь только их были разрушены цепи –
Быстро вскочив, улетели. Во Фригию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым , святое
Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Вес履любивые смелые гости морей, феакийцы.
Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темносветлым
Бросил один; а другой разбежался и, прянув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся”.
Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам весллюбивым сказал: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведнострогих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом”.
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
Но Эвриал, повинуясь, ответствовал так Алкиною:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых

Чудной работы ножнах из слоновыя кости охотно
Дам я ему, и конечно, он дар мой высоко оценит".
Так говоря, среброкованный меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
"Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею".
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом".
Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.
Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратяся к царице Арете, сказал благородный
Царь: "Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся, и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлияние Зевсу и прочим бессмертным".
Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен.
Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
"Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком".
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню

Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсы, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навзикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан”.
Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
“О Навзикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Иры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан”.
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатый с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел перед гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
“Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя”.
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
“Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданьи,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,

Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили".
Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.
В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские; было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвалися,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как разъяренные каждый по-своему град разоряли
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахеянах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, как он содрогается в смертной борьбе и, прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они не замечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам весполюбивым сказал: "Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.

Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мне, каким и отец твой и мать и другие
В граде твоем и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
Землю и град и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем.
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навзитоя
Слышал: не раз говорил он, что бог Посидон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посидоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Посидон земледержец
Иль не исполнит – пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человеков ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник".

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде однако вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого;
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом, –
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое

Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Измару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;
Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобыкших сражаться с коней и не мене
Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.
С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее поплыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда
Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинуясь кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Маллею, с пути, отдалив от Китеры.
Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,

Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладкомедвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос сбирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь и пшено и ячмень и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким со псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года не сеют, не пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;
Нет между ними искусников, опытных в хитром строеньи
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят

По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам, иль пока не подымется ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо денницы.
    Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
“Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,

Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?”
   Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
   Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Эвантеев
Сын, обитавший в разрушенном Измаре, им наделил нас
В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном –
Сан уважая жреца – пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным,
Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
   Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке

Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четыреколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
"Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?"
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце;
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
"Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем

Нас бесприютных к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощаньи гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник".
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
"Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угóдно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я". Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
"Бог Посидон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалося".
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.

Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
“Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?”
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. “Налей мне, – сказал он, – еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает;

Твой же напиток – амврозия чистая с нектаром сладким”.
Так он сказал, и другую я чащу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
“Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают”.
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
“Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок”.
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков – божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая: другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
Дико завыл людоед – застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: “Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?

Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?"
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: "*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне". В сердцах закричали циклопы:
"Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.
В помощь отца своего призови, Посидона владыку".
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думаньи долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждых
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще не доенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
"Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку

Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес". Так сказав, он барана пустил на свободу.
  Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
  Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
"Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать – наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные". Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; все, нагнувшися, разом ударили в весла.
  Быв на двойном расстоянье от страшного брега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
"Дерзкий, – они говорили, – зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.

Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит".
Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
"Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой".
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
"Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
Телем, Эвримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;
Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечишко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молит Посидона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может – один он, никто из людей и никто из бессмертных".
Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
"О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
То, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!"
Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыке:
"Царь Посидон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив сопутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе".
Так говорил он, моляся, и был Посидоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалося море от падшей громады;
Судно же волною помчало вперед к недалекому брегу

Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы встащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге
В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.
  Жертву принесши, мы целый там день до вечерного мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собралися и все отвязали канаты.
Спутники все собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых; но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Иппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.
Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе
Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют
В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.
Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.
Девять мы суток и денно и нощно свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:

“Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним – а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много”.
   Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море.
Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
“Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?
Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?”
   Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
“Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите: вам это возможно”.
Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне ответствовал с гневом:
“Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.
Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен”.
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
   Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишенные собственным жалким безумством.
Денно и нощно шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там, возвращаяся с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник

Плату двойную там мог получать, выгоняя пастися
Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночною сближается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: "Желаем узнать мы,
Дева, кто властвует здешним народом и здешней страною?"
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору, – они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав, на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалося их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога – ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть

Близкой беды: устрашенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Аэта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел
Я за широкоразросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,
Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
Ношу и с нею пошел к кораблю, на копье опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снесть: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: “Ободритесь, товарищи, в область Аида

Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод".
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
Всех их олень изумил, несказанно великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
"Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса".
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце:
В память пришли им и злой лестригон Антифат, и надменный
Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы, – напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
Избран вождем был дружины другой Эврилох благородный.
Жеребьи в меднокованном шлеме потом потрясли мы –
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Эврилоху.
В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставя нас, горем объятых.
Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся – им же всегда он приносит остатки обеда, –
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появленьем они, приведенные в ужас,
К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно

Все устремились. Там голосом звонкоприятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:
"Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей".
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Эврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свинины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Эврилох прибежал той порою
С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленьи великом расспрашивать стали,
Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
"Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши погибель;
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши".
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Эврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
"Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен

Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
Бегством спасаться, иль все мы ужасного дня не минуем".
Так говорил Эврилох, и, ему отвечая, сказал я:
"Друг Эврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно".
С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
"Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаюсь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею: дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка –
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь".
С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно

Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив сребргвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
Слово: "Иди и свиньею валяйся в закуте с другими".
Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
"Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленьи; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем".
  Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
"Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,
Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь
Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне, –
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь".
  Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
  Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;
Все они дочери были потоков, и рощ, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный чудной работы
Стол пододвинула с хлебом в златых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки златые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:

Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье
Тела. Когда ж и омыт я, и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым
Креслам меня проводила, – была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.
Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
“Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой”.
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть”.
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.
Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере

Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися".
Там мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.
    Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговою,
Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,
Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
"Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?"
    Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
"Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете".
    Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Эврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
"Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною".
    Так говорил Эврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью
Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
"Если желаешь, божественный, пусть Эврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи".
    Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на бреге;
Но Эврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.
    Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи

Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.
    Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
"Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы, – горе
Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
Вы затворяете, – были велики страдания ваши".
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
    С тех пор вседневно, в теченье мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда наконец обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновалися месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
"Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светлобогатый свой дом, и отчизну, и милых домашних".
    Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.
    Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
"О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем".
    Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тирезия фивского должно тебе вопросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют".

Так говорила богиня; во мне растерзалося сердце;
Горько заплакал я, сидя на ложе, мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
"Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный".
Так вопросил я богиню, и так мне она отвечала:
"О Лаэтид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из ракит, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водоворатный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.
Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тирезия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана, – к Эреву
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, –
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;
Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тиризий.
Скоро и сам он, представ перед тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься".
Так говорила она; той порой златотронная Эос

Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
"Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду".
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Эльпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одаренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломил позвонковую кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
"Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тирезия Фивского должен сперва вопросить я".
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну – от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему бреге,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела черноруннную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
Все мы взошли, сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
Дав Перимеду держать с Эврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, имископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тирезия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эрева поднявшись:

Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тирезий.
Прежде других предо мною явилась душа Эльпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
"Скоро же, друг Эльпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном".
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих летах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,
Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) – о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил".
Так говорил Эльпенор, и, ему отвечая, сказал я:
"Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет".
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.

Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном, – ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тирезий.
Скоро предстал предо мной и Тирезия Фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
"Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившися, мог я по правде пророчить".
Так он сказал; отслоняся от ямы, я меч сребргвоздный
Вдвинул в ножны; а Тирезий, напившися черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
"Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посидон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темнолазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой – покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям, – от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
"Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?" –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,

Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною".
Так говорил мне Тирезий; ему отвечая, сказал я:
"Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завесть разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?"
Так я его вопросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
"Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови не пустишь",
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
"Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Ада? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?"
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
"Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тирезия Фивского мне вопросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место

Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Панелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?"
Так я ее вопросил; Антиклея мне так отвечала:
"Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
Дома своим Телемак достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоем миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь". И умолкла она. Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
"Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?"
Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
"Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:

Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает,
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге".
Так, собеседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен – их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их вопросить почередно
Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнажившим,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посидон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные встали горой и, слиявшись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
"Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.
Но, возвратяся к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посидон земледержец".
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родилися;
Слуги могучие Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолхосе
Тучнополянистом жил Пелиас; а Нелей жил в песчаном
Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эзон, и Ферит, и могучий ездок Амифаон.
После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Цетос; положили
Первое Фив семивратных они основанье и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.
Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
Сына Иракла, столь славного силой и мужеством львиным,

Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.
После явилась Мегара; Креон необузданносмелый
Был ей отцом; а супругом Иракл, в испытаниях твердый.
Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнанье она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшися браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
Гибелью царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эринний.
После явилась Хлорида; ее красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Деву прельстивший; был царь Амфион Иазид, Орхомена
Града минийского славный властитель, отец ей; царица
Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
После Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.
Но когда миновалися месяцы, дни пробежали и годы,
Круг совершился и Оры весну привели, – Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесова сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.
Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась;
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
Коней смиритель Кастор и боец Полидейк многосильный.
Оба землею они жизнедарною взяты живые;
Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.
Ифимедею, жену Алоэя, потом я увидел;
С ней сочетался, – хвалилась она, – Посидон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила:
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их

Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.
Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тезей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Меру, Климену, злодейку-жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явилися жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами".
Так говорил Одиссей, – все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
"Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно мой гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами
Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства".
Тут поднялся Эхеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
"С нашим желаньем, друзья, – он сказал, – и намереньем нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит".
Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
"Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Весполюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.

Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку".
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
"Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
Слушать тебя я готов до явления светлой денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься".
Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
"Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних сопутников; также
Кто из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали –
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
"Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посидон с кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?"
Так вопросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!

Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посидоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моей заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном дому гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, –
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзкобесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним –
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных".
Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
"Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра".
Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
"Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна погибель;
Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...

Мне ж козноделка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновенье зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе? В Спарте ль
Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный".
Так вопросил Агамемнон, ему отвечая, сказал я:
"Царь Агамемнон, о сыне твоем ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно".
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: "Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?"
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
"О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я затем, чтоб Тирезий слепец прорицатель открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный".
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
"О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженье мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?
Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?

В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
Трое губил ополченья и грудью стоял за ахеян.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших".
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
"Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоем благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
Там на советах вождей и судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Эврипила, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, я другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится".
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса

Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о! зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
"Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копьеносных данаев
Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца".
　Так я сказал: не ответствовал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эреве.
Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремило желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В Аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.
　После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он –
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.
　Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
　Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,

Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжкой ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобяся ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вкруг озирался, как будто готовяся выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грозноокие, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
Сын я Крониона Зевса: но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.
Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина”.
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тезея царя, Пиритоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.

Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоиспытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденныя Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
К брегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо денницы.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скликав, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там
Труп Эльпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближась, сказала:
"Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра
Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленье, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на море темном".
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принесши, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
"Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем

Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанью, к тем двум чародейкам приближась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетных
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящих* дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал – посетитель Аэта, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Ирой, любившей Язона.
После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают
Темносгущенные ту высоту, никогда не редея.
Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел, – столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эрева на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря

Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
Движется спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посидон от погибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держася скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
Всем". Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
"Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?"
    Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
"О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение – бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас нападения может.
    Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то

Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Иперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну".
   Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратяся к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
"Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, – двойными скрутите мне узами руки и ноги".
   Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон угладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же

Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
"К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится".
  Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали грестъ; а, ко мне подошед, Перимед с Эврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
  Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов устрашенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
"Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
Острыми веслами бейте; быть может, Зевес-покровитель
Нам от погибели близкой уйти невредимо поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебе попеченье
Главное я возлагаю – ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвесть от волненья и дыма,
Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью – иначе корабль, несомненно, погибнет".
  Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,

Праздно б столпились внутри корабля в ожиданьи напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.
Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тирезия Фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.
Тут к сокрушенным сопутникам речь обратил я такую:
"Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:

Сведать должны вы пророка Тирезия Фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите".
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Эврилох непокорный:
"Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой, усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.
Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболе
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.
Лучше теперь, покорившись велению темныя ночи,
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с денницею пустимся снова в пространное море".
Так говорил Эврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие Демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
"Здесь я один, оттого и ответ, Эврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея".
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,
Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой пред нами.
Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися – вдруг громовержец Кронион Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры.
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.

Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
“Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает”.
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие
Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случилось: стреляли дичину иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили – голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольно,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Эврилох предложение спутникам сделал:
“Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
После – когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять”.
Так говорил Эврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они – невдали корабля темноносого стадо
Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, –
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
Бедра они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,

Все изрубили на части и стали на вертелах жарить.
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
"Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили".
Тою порой о убийстве быков Иперионов светлый
Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
"Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я – всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших".
Гневному богу ответствовал так тученосец Кронион:
"Гелиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю".
Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
Все рассказал вестоносец крылатый Кронионов, Эрмий.
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал; но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо, и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавало бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденьи тяжелым ударом разбила

Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшися вглубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион.
Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Киля водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вкруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
Солнце – себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться – висел на руках я.
Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал и уж около часа, в который судья, разрешивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади, – выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.
Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды".

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
"Если мой дом меднокованый ты посетил, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращуся теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды, и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам".
Так Алкиной говорил; и, одобрив его предложенье,
Все по домам разошлися, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.
Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,
В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многочтимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов боroздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад –
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:

“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратяся в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею
Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось”.
Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратяся тогда к Понтоною, сказал феакиян
Царь благородный: “Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром”.
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подал царице Арете двуярусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: “Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем”.
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
Путь указал к кораблю и к песчаному брегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чистой одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светлопурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
К брегу морскому они подошли и, принявши из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягкоширокий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягкоширокий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает

Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете, –
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих видавшего браней –
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
К брегу Итаки достигнул корабль, обегающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбраняет извне нагонять на спокойную пристань
Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам;
Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездяся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен – не дерзает
Смертный к нему приближаться, один лишь бессмертным
открыт он.
Зная то место, к нему подошли мореходы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул – так быстро
Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.
Кончив, пустилися в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствия мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: "О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами

Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
Спящего, мне вопреки, довезли, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился".
Гневному богу ответствовал туч собиратель Кронион:
"Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почтит, накажи беспощадно.
Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу".
Бог Посидон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
"Смело б я действовать стал, о Зевс чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея
В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город".
Гневному богу ответствовал так громовержец Кронион:
"Друг Посидон, полагаю, что самое лучшее будет,
Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна его сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город".
Слово такое услышав, могучий земли колебатель
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошед, колебатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул: потом удалился.
Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Весполюбивые, смелые гости морей феакийцы,
Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
"Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно".
Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: "Феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посидон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.

Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посидоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посидону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой".
Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
Страхом народ; и, усердно молясь Посидону владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря.
Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он –
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
"Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были в поступках со мною и царь, и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В милую прямо Итаку меня и нарушили слово;
Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном".
Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари, все драгоценно-сотканные ризы, и целым
Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,

Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сияли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
"Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро, и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?"
Дочь светлоокая Зевса, Афина, ему отвечала:
"Видно, что ты издалека, пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславлен
Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян".
Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
"Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался

В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко-направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглися на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный".
  Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройновысоким, во всех рукодельях искусною девой.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
"Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, козндей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоесмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец – ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева".
  Светлой Афине ответствовал так Одиссей богоравный:

“Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в Троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю иную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?”
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела – напротив,
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посидоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами, нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил экатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким”.
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;
Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
“Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,

Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.
После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней".
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртов
Все, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя".
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
"Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщу блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.

Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиными смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Пенелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать".
    Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
"Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив".
    Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит".
    С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тою порою из пристани вкруть по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.
Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отвсюду обходный; его для свиных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто – матки одни для расплода; самцы же во внешних
Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владеньи,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
"Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;

Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:
Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).
В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил".
Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
"Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял".
Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято – Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный".
Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
"Странник, – сказал, – не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать – свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;

Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабить обыкшие, – многой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагрузивши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, –
Страх наказанья великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно всё грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей – на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке – того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свиных и не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свиными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен".
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.

Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина – и его свинопас с удовольствием принял;
Гость же, к нему обратившися, бросил крылатое слово:
"Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;
Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
Очередь что про него рассказать – я давно уж скитаюсь".

Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
"Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно
Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленьи

Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали – и с телом душа разлучилась,
Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушеньи великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их
Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне, –
Нет, об одном Одиссее далеком я плачу; ах! добрый
Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю".
Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Эвмею:
"Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел".
Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы – я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемак, – но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами
Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,

Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, –
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркезия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его – попадется ль им в руки
Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, – теперь ты
Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем и глаз на глаз осталися двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле бессмертных.
Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором Гилаксовым сыном;
Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном не робок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; н раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой

Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне – боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.
Прежде, чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил – и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремящий Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратилися, бог разлучил нас.
Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собралися
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли и с быстропопутным, пронзительно-хладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,

В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
Силы врага не поспел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.
(О! для чего избежал я судьбины и верной не встретил
Смерти в Египте! мне злее беды приготовил Кронион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом
Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился – а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем – он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительно-хладным Бореем
Плыли; уж Крит был за нами... но Дий нам готовил погибель;
Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слияннное, зрелось;
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион
Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил
Вовремя он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей

Ночью ко брегу феспротов высокобегущей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
Даже и внукам в десятом колене достанется много –
Сколько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как, по отсутствии долгом – открыто ли, тайно ли, – в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
Только от брега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного – прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне – все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю скользя по кормилу, спустился;
Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустилися в путь; так самими богами
Был я спасен и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне".
Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:

“Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынником; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все – как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял;
– Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея, – сказал он, –
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
Я и товарищи будем с несметно-великим богатством. –
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Дием,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь –
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин.
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, как я говорю, господин твой –
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится – всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги”.
Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
“Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь, и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди

С паствы – тогда и желанную вечерю здесь мы устроим".
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
"Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие".
Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Эвмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил
Первую нимфам, и Эрмию, Майину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: "Да будет
Столь же, Эвмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков".
Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает
Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно".
С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Мезавлий, который, в то время как в Трое
Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласья царицы, без спроса с Лаэртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.

После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
Хлеб со стола был проворным Мезавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
"Слушай, Эвмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать – вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: она и умнейшего громко
Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить.
О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!
Были Атрид Менелай с Одиссем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашенью;
К твердовысоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумнохолодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;
Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться".
Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был завсегда и на умный свет, и на храброе дело.
Шепотом на ухо мне отвечал он: "Молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахеян, товарищей наших, здесь спящих, подслушать".
Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
"Братья, – сказал, – мне приснился божественный сон; мы далеко,
Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил".

Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фаос Андремонид;
Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.
О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы
Мне – из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?"

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;
Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно: он его до износа
С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердцем желанную землю ты будешь отправлен".
Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;
Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглися кругом. Но Эвмей, разлучиться
С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой
Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемака с возлюбленным сыном
Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Пизистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
"Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Эвримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твое там похитить добро; ты довольно
Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда
Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,
Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому брегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;

Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,
Главному там над свиными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился".
Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемак Пизистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: "Пробудися,
Несторов сын Пизистрат; и корней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам".
Несторов сын благородный ответствовал так Телемаку:
"Сын Одиссеев, хотя и спешишь ты отъездом, но в путь нам
Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно".
Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего видя, поспешно
Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
Сын Одиссеев, подобный богам Телемак благородный:
"Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует".
Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
"Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
Я гостелюбца, который безмерною ласкою безмерно
Людям скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.
Но подожди, Телемак, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, –
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:

Иль дорогой меднолитный тревожник, иль чашу, иль крепких
Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный". Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Должно прямым мне скорей возвратиться путем – без надзора
Дом и богатства мои, отправляяся в путь, я оставил;
Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое".
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэтов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапендом;
Вшед в благовонный чертог кладовой, где хранинись богатства,
Выбрал Атрид там двуярусный кубок, потом Мегапенду
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаку навстречу
Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: "Благородный
Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Иры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь".
С сими словами вручил Телемаку двуярусный кубок
Сын благородный Атреев; кратеру работы Ифеста
Подал, пришедши, ему Мегапенд, Менелаев могучий
Сын, сребролитную. Светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: "Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный".

Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Пизистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на н него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэтов;
Кубки златые наполнил вином Мегапенд многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Пизистрат привязали
К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
"Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражалися в Трое, ахейцы".
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
"Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О! когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!"
Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня
С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
Несторов сын, Пизистрат благородный, сказал Менелаю:
"Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменье это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?"
Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Пизистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
"Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился

Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома: и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит".
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Если то Иры супруг, громоносный Кронион, позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться".
Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники , снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Пизистрату, к нему обратяся:
"Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних
Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться
Там, чтоб отец твой меня в изъявленье любви не принудил
В доме промедлить своем, – возвратиться безмерно спешу я".
Так он сказал; Пизистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемака.
После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
"Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,
Верно, один не воротится, так он упорствовать будет".
Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратяся, сказал Телемак благородный:
"Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой".
То повеление было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.

Тою порой Телемак приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался ;
Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;
Был он потом принужден убеждать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жéстоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эринний.
Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
В Пилос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою
Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.
В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.
Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарая; но он в Гиперезию жить, раздраженный
Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаку, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившися, бросил крылатое слово:
"Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?"
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Я из Итаки; отцом же моим Одиссей богоравный

Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая".
Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
"Странствую также и я – знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;
Гибель и мстящую Керу от них опасаяся встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой".
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят".
Так он сказал и, копье медноострое взяв у пришельца,
Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,
Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносоленой
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
Круно и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.
Острые тут острова Телемак в отдаленье увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствовав голод обильнороскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
Сердце Эвмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
"Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб сбирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;
В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там

Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
Людям успех, красоту и великую славу дарует;
Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить, и разрезывать мясо,
Словом, ко всем, что обязанность низких на службе у знатных".
С гневом на то отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город сбираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:
Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец – такие
Служат рабы им; и много на гладкоблестящих столах там
Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься
Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон, и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердцем желанную землю отправлен".
Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртов: "Да будешь,
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок
Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.
Здесь я охотно дождусь Телемака, а ты расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было –
Если еще Гелиосовым блеском они веселятся;
Или уж нет их и оба они уж в Аидовом доме?"
Сыну Лаэртову так отвечал свинопас богоравный:
"Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;
Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых

Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Ктименой,
Самою младшею между другими, воспитан; я с нею
Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,
Также для ног получил и сандалии; после царица
В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро, однако, успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться".
    Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Чудно! Так в детстве еще ты, Эвмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?"
    "Друг, – отвечал свинопас богоравный, людей повелитель, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладкодушистым вином утешась;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.
Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
Память минувших печалей веселым о них разговором
В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
    Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,

Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.
Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктезий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался – любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своих поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.
   Дом указав своего господина, она отвечала:
"Я уроженица меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибас знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы, схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену".
   Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
"Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством".
   Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
"Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялися в отчизну меня отвезти без обиды".
   Так отвечала рабыня; и те поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
К ним обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
"Будем теперь осторожны; молчите; из вас никоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.
Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадется, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смышленый; со мною гулять из дворца он вседневно

Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка".
Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.
Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
(Были в то время они на совете в собраньи народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размысля.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и нощно мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою
Курицей – рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел".
Выслушав повесть, Эвмею сказал Одиссей богоравный:
"Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та – без приюта брожу меж людей земнородных".
Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у брега,
Снасти убрав, Телемаковы спутники мачту спустили,
Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув

Якорный камень, канатом корабль утвердили у брега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
"В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю".
Феоклимен богоравный тогда вопросил Телемака:
"Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
Жителю горносуровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?
"Феоклимен, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Эвримах благородный, Полибия умного сын; на него же
Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено – брак иль погибель?"
Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртовым внуком и судном его быстроходным.
Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемака,
За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
"Знай, Телемак, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственней вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится".
Феоклимену ответствовал сын Одиссеев разумный:
"Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться". Потом он сказал, обратяся к Пирею:
"Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам".

Выслушав, так отвечал Телемаку Пирей копьевержец:
“Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит”.
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемак благородный.
Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаку
Бросились дружно навстречу Эвмеевы злые собаки;
Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Эвмею:
"Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу".
Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светлопурпурным вином. К своему господину навстречу
Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать
Лет по разлуке – единственный, поздно рожденный им, долго
Жданный в печали, – с такой свинопас Телемака любовью,
Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
"Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемак, возвратился? Тебя я,
В Пилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доныне
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
Видеть, как в доме твоем без стыда женихи бунтовали".
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
"Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Эвмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
В спальной стоит одиноко, покрытое злой паутиной?"
Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
"Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа

Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали".
Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемак, через гладкий порог перешедши.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемак же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: "Не трудися,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко
Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин".
Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Эвмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
Гостем поставил усердный Эвмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусномедвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемак богоравный: "Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он".
Так отвечал Телемаку Эвмей, свинопас богоравный:
"Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было:
Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет".
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
"Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердцем желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей

Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.
В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число там велико".
Царь Одиссей хитроумный ответствовал так Телемаку:
"Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно, –
Милым я сердцем жестоко досадую, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:
Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою, и отважность –
Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) –
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда
Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть
Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделениям гнусным в обителях царских,
Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля".
"Добрый наш гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркезий;
Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно
Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных

Скрыто. Теперь побеги ты, Эвмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают".
Так Телемаку сказал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
"Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
Бедный старик! он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
В поле никто не встречает, но, охая тяжко и плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, – кожа да кости".
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
"Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданною старца".
Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Эвмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младою, прекрасною, с станом
Стройновысоким, во всех рукодельях искусною девой;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаку ж
Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
"Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаку;
Оба, условяся, как женихам приготовить их гибель,
Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно".
Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;

Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
  В хижину снова вступил Одиссей; Телемак, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
В страхе к отцу обратяся, он бросил крылатое слово:
"Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
Здесь с экатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй".
  Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
"Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая".
  Кончив, с любовию сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза – удержать он ее был не в силах.
Но – что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, –
Снова, ему возражая, сказал Телемак богоравный:
"Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопрятно одетый; теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам".
  Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Нет, Телемак, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным".
  Так он ответствовав, сел; Телемак в несказанном волненье
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемак, обратясь к Одиссею:

“Как же, отец, на каком корабле ты, какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты”.
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;
Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть иль другим помощники нужны?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак благородный:
“Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий –
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.
Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медон и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?”
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак богоравный:
“Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь
Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны”.
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Оба они не останутся долго от нас в отдаленье

В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.
Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Эвмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери
Или хотя бы в меня чем швырнули – ты будь равнодушен.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно
Все: предназначенный день их погибели близок; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: "В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо".
Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападенье начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если ты вправду мой сын и от крови моей происходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Эвмей свинопас, ни служитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое –
Ты лишь да я – наблюдать за рабынями нашими будем;
Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести".
Так, возражая отцу, отвечал Телемак многославный:
"Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно,
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всех их,

Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса".
  Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемака носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к брегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратяся,
В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне отсутственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемаком был послан.
К дому царя многославного оба пришли напоследок.
  Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
"Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица".
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемак повелел рассказать, прошептал осторожно.
Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
  Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
Так говорить им тогда Эвримах, сын Полибиев, начал:
"Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемак, от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться".
  Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к брегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратяся
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: "Не трудитесь
Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно, их бог надоумил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели".
  Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,

Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Эвпейтов надменный, сказал им:
"Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
По морю плавали взад и вперед до восхода денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
Демон, тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде – пока он народа не созвал на помощь –
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем, –
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратяся,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней".
Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Низов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный:
"Нет! Посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю:
Царского сына убийство есть страшно безбожное дело;
Прежде богов вопросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь".

Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместилися гладких.
Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемака:
Все благородный глашатай Медон ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
"Злой козноде́й, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший – так здесь в Итаке
Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешеный! Что побуждает тебя Телемаку готовить
Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.
Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, устрашенный
Гневом народа, которым гоним был за то, что приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебе и другим в осторожность".
Тут Эвримах, сын, Полибиев, так отвечал Пенелопе:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемака.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль скажу перед всеми, и верно
Сбудется слово мое, – обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
Вот почему и всех боле людей я люблю Телемака.
Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно".
Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратяся, там в светлых покоях
Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Эвмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Эвмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
Встретив его на пороге, сказал Телемак: "Наконец ты,
Честный Эвмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?"
Так, отвечая, сказал Телемаку Эвмей благородный:
"Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился – первый он все объявил Пенелопе;
Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;
Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно".
Так он сказал. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Эвмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемак благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
"В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Эвмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже.
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно; тело насквозь проницает
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко".
Так отвечал Одиссей. Телемак благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Эвриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
Слез облилася, увидя его, Эвриклея: и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой

Сходная; сына она обняла и с любовию нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
Горько, ему целовать и крылатое бросила слово:
"Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал".
Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести экатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;
В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля".
Так говорил он, и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести экатомбу,
Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.
Тою порой Телемак из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего видя.
Все вкруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Галифердом
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемак без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
"В дом мой пошли, Телемак благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида".
Так, отвечая Пирею, сказал Телемак богоравный:
"Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера –
Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты".

Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
"Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей, – ты, я вижу, не хочешь,
Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?"
"Милая мать, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный, так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
Многих троян погубившую, волею богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои слова отвечал Менелай златовласый:
"О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –

Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном, –
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсы, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря".
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги – в отечество милое нас проводил он".
   Кончил рассказ Телемак: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: "Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаку".
   Феоклимену разумная так отвечала царица:
"Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться".
   Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.
Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медон; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
"Юноши, – он им сказал, – вы играли довольно; войдите
В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:

Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее".
Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
В город идти с Одиссеем Эвмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратяся к Лаэртову сыну:
"Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой, – сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет".
  Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить". Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
Дал ему в руки Эвмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
  Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им – сын Долионов Мелантий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
"Подлинно здесь негодяй негодяя ведет, – говорил он, –
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,

Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;
Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея – скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол". И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Эвмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
"Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя".
Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал свинопасу:
"Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемака
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья".
Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Эвримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Эвмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалося и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнул:
"Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощенный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота

С крепким замком – в них ворваться насильно никто не помыслит.
Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной".
Так отвечал Одиссею Эвмей, свинопас богоравный:
"Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
Или в тебя не швырнул чем, – я так говорю в осторожность".
Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
"Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покуда останусь здесь; я довольно
В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Один лишь не может нечем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключающий смертным
Людям: ему в угожденье и крепкоребристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам".
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Эвмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
"Странное дело, Эвмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди".
Так, отвечая, сказал ты, Эвмей свинопас, Одиссею:
"Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;

Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в Троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил, – ее быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевс истребляет".
    Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Меры.
    Прежде других Телемак богоравный Эвмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.
Эту скамью пододвинув к столу Телемакову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
    Вслед за Эвмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по снуру обтесавши).
Тут свинопасу Эвмею сказал Телемак, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: "Отнеси ты
Это, Эвмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья – стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично".
    Так он сказал, и Эвмей, повинуясь, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
"Это прислал Телемак; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья – стыдливым
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично".
    Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаку,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!
    Так он сказал и, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями

Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул –
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вкруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.
С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Мелантий, сказал им:
"Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Эвмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он".
Так он сказал. Антиной на Эвмея с досадою крикнул:
"Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы – чужого еще ты привел к нам обжору".
Так, возражая, Эвмей свинопас отвечал Антиною:
"Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом, –
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;
Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемаком, моим господином".
Кротко Эвмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Полно, Эвмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно".
Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
"Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих, – но будет ли Дий тем доволен?
Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник".

Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Эвпейтов:
“Что ты сказал, Телемак необузданный, гордоречивый?
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он, –
Верно, сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал”.
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
“Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом!
Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион – была, без сомненья, святая
Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Язона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имев на пути злоключений”.
Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Эвпейтов:
“Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойди от стола моего; на средине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попалось

Под руку каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
Прочь". От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
"Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;
В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждаяся, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен".
Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
"Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда".
Тут он скамейкой швырнул – и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: "Обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бед приключающий людям желудок.
Если же боги и мщенье Эриннии живут и для бедных –
Смерть, Антиной, а не брак вожделенный ты встретишь, обидчик".
Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
"Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами
Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол".
Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодуя,
Так говорили иные из юношей дерзконадменных:
"Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
Боги нередко, облекшися в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду".
Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемак сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
"О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!"
Ей Эвринома, разумная ключница, так отвечала:

“Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой денницы из них ни один бы не встретил”.
Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
“Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;
Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою, –
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил”.
Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях
Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
“Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слыхал ли
Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много видавшим”.
Так Пенелопе ответствовал ты, спинопас богоравный:
“Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое серце твое он своим бы рассказом утешил.
Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
Скудно мирским подаяньем питаясь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращаяся в дом свой с великим богатством”.
Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
“Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
С сыном своим он отмстит им за все”. Так царица сказала.
В это мгновенье чихнул Телемак, и так сильно, что в целом

Доме как гром раздалось; засмеявшись, Эвмею, поспешно
Крикнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
"Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнул Телемак; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.
Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь".
Кончила. Ей повинуясь, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
"Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утешишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь сбирать от людей – там подаст, кто захочет".
Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Эвмею:
"Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой –
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо – то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил".
Так он сказал; и Эвмей, повинуясь, пошел к Пенелопе;
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
"Он не с тобою, Эвмей? Для чего же прийти не хотел он,
Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете".
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
"Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, боясь,
Просит тебя терпеливо дождаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь".
Выслушав, умная так отвечала Эвмею царица:
"Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных неможно

Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконноразвратных".
Так отвечала Эвмею она. Свинопас богоравный,
Все передав ей, пошел к женихам; с Телемаком в столовой
Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шепотом в ухо ему, чтоб его не слыхали другие:
"Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!"
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньею.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать".
Так отвечал Телемак. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

ПЕСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством;
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденье), но в городе вся молодежь величала
Ирок его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
"Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой".
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
"Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.
Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына".
Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
"Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье,
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее".
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То приметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратяся, воскликнул: "Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случалось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:

С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их".
Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
"Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим сбирать здесь столовые крохи вперед не дозволим".
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
"В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.
Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет".
Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемак богоравный:
"Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.
Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
Будут теперь заодно Антиной, Эвримах и другие".
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртов
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиловатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
"Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!"
Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
"Лучше тебе, хвастуну, умереть иль совсем не родиться
Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,

Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.
Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье".
Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом, он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками,
Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртов,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил
Слово: "Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда". Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
"Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболе теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан".
Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлеба
Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
"Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье
Боги!" Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:

Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.
Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю".
    Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемакова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
    Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
Так, улыбнуться уста приневолив, она Эвриноме,
Ключнице старой, сказала: "Хочу я – чего не входило
Прежде мне в ум – женихам ненавистным моим показаться;
Также хочу и совет там подать Телемаку, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их".
    Ей Эвринома, усердная ключница, так отвечала:
"То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.
Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.
Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги

Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа".
Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
"Нет, никогда, Эвринома, для них, ненавистных, не буду
Я омываться и щек натирать благовонным елеем.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно".
Так говорила царица. Поспешно пошла Эвринома
Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
Умная мысль родилася тут в сердце Афины Паллады:
Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
"Как же я сладко заснула в моем сокрушенье! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеян славнейший".
Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:
"Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском
Был ты умней и приличие всякое более ведал.
Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;

Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
Всякий – постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты".
Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
"Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководца
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством
Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.
Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!
Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан.
Так про себя говорили они, от других в отдаленьи.
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Эвримах благородный:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Если б могли все ахейцы Язийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралося
В доме твоем пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым".
Так говорил Эвримах. Пенелопа ему отвечала:
"Нет, Эвримах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
"Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахеян
Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают, в стрелянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне
Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой

Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь". На прощанье
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились".
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков.
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Эвпейтов надменный:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа".
Так говорил Антиной; согласилися все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Эвримаху.
Серьги – из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая – подал проворный слуга Эвридаму;
Был молодому Пизандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившиеся к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью.
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: «Подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои

Вышей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и вóлну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился".
Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланто,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Эвримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
"Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приютней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос – берегися, однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый".
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
"Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части, болтунью, тебя искрошить он прикажет".
Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзкообидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Эвримах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
"Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плеши его, на которой нет волоса боле".
Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
"Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;

Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаясь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Если б с тобой, Эвримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травою, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работящих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Эвримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился –
Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась".
   Он замолчал. Эвримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
"Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:
Дерзок в присутствии знатных господ, и не робок душой ты;
Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд – берегися, однако".
   Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома:
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
"Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незваный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;
Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?"
   К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:

“Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет уйти; принуждать никого я не буду”.
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Низов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
“Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлися;
Странника ж здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаку: он гость Телемакова дома”.
Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Все разошлися; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемак; и сказал он, к нему обратяся: "Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынесть отсюда.
Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: "В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и копоти смрадной покрылись.
Также и высшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится –
Само собой прилипает к руке роковое железо".
Так он сказал. Телемак, повинуясь родителя воле,
Кликнул старушку, усердную няню свою Эвриклею;
"Няня, – сказал он, – смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверх не отнес я отцовых оружий;
Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доныне ребенок бессмысленный был, но теперь я
Знаю, что должно отнесть их туда, где не может их портить
Копоть". Сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
"Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?"
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Этот старик; не трудяся, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен".
Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она. Одиссей с Телемаком тогда принялися
Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
Длинными копья наверх выносить; и Афина Паллада
Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.
Тем изумленный, сказал Телемак Одиссею: "Родитель,
В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,

Все потолка перекладины, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их, –
Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно".
Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: "Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;
Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила".
Так он сказал. Телемак из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
Где по ночам миротворному сну предавался обычно,
В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье денницы.
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягкоширокой покрыт был овчиной.
Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней
Свет. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
"Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме служанки
Делают. Вон! говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! уйди, иль швырну я в тебя головнею".
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
"Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.
В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион – так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;

Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться – надежда не вовсе пропала;
Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссеев, младой Телемак, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел".
Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
"Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?"
Тут, обратясь к Эвриноме, сказала она: "Эвринома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы".
Так говорила она. Эвринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
Так, обратяся к нему, начала говорить Пенелопа:
"Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать?
Где родился?"
Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
"О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:
Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.
Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят".
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
"Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся

В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна,
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечносветлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
Мной – Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
Тонкоширокую ткань и, собрав женихов, им сказала:
"Юноши, ныне мои женихи – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова".
Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели –
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; сын огорчается, видя, как дом наш
Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса".
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных
Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;

Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Гноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,
Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Маллеи застигнутый бурей,
В устье Амизия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Элифийской, богами спасенный.
К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплыл
Царь в кораблях крутоносых в Троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и сопутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:
В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они". Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает
Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром, –
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее, –
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.
Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытяся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
"Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним сопутники были?"

Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
“Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталося в памяти, вам расскажу я:
В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же – заметь ты – не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили
Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами
Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле:
Звали его Эврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен”.
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
“Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела, –
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона”.
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я
В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате

Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних брегов недалекой.
Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков – все погибли в волнах святотатцы.
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало
Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке –
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много –
Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствии долгом, в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих, и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой".
Ему отвечая, сказала царица:
"Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан

Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной денницы.
Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемаком
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;
Кто здесь и сам без любви, и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен –
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают".
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постеле.
Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжкой
Я, ожидая пришествия златопрестольной денницы;
Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере, к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю".
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
"Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких, из дальних
Стран приходило – умней же тебя никого не случалось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;

Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнию трудной: в несчастии люди стареются скоро".
Так говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
"Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему экатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен". Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
"Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слыхал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь".
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Эвриклея; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением – Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Эвриклея. Она тут сказала:

"Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил". То приняв предложенье, сказал он
Зятю и дочери: "Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираяся, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: *сердитый.*
Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком".
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладколаскательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшноогромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода – так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опадших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длинноострое поднял, готовый

Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.
Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
"Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!"
Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратяся глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: "Ни слова! Меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
Лет. Но – уж если твои для узнания тайны открылись
Очи – молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе, слушай – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится".
Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
"Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело:
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постояннней, чем камень, целей, чем железо;

Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных".
Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
"Нет, Эвриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное".
Так говорил Одиссей. И поспешно пошла Евриклея
Теплой воды принесла, поелику вся прежняя на пол
Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища скрыл он.
Умная так, обратяся к нему, Пенелопа сказала:
"Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.
Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
Ночью ж, когда все утихнет и все вкруг меня, погрузившись
Сладостно в сон отдыхают беспечно, одна я, тревогой
Мучась, в бессоннице тяжкой сижу на постели и плачу;
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилоса милого сына Цетосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать, –
С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достояньем,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снилося мне, что с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же

В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
"Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси – твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель".
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу".
Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
"Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель – погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы".
Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
"Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон – сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться".
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкий

Лук, тетивою натянет его и сквозь кольца прострелит”.
Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
“Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
Там на постеле, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь”.
Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх – не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Эвриклея одела.
Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать, –
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, ощенившись,
Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
"Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих, – и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло".
Так усмирял он себя, обращаяся к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.
Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсюду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
"Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?
Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть".
Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
"Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко

(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я –
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом".
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
"Ты, маловерный! надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных, –
Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало
Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, – при них же
Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.
Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро".
С сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель
Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
Села бессонная в горьких слезах на постеле; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно
Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
"О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася в край тот,
Где начинает свой путь Океан, круговратно бегущий!
Были ж Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у них; сиротами остались
В доме семейном они; Афродита богиня питала
Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;
Ира дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила; Афина их всех научила искусствам.
Но когда на высокий Олимп вознеслась Китерея
Там умолять, чтоб супружества счастие дал непорочным
Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
Благо и зло земнородным по воле своей посылает, –
Гнусные Гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эриннии, чудовищам в рабство. О, если б
Так и меня олимпийские боги с земли во мгновенье
Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,

В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаемся – мы все забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;
Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сон – и проснулась".
Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.
Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
"Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,
Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй".
Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звезднобестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): "Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая, – да нынешним кончатся все здесь пиры их!"
Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
Тут Одиссеева дома рабыни сошлися из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;
Так он ступил на порог и сказал, обратясь к Эвриклее:
"Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль

Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит".
Так говорил Телемак. Эвриклея ему отвечала:
"Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.
Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постеле, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в сенях; я покрыла его одеялом".
Так Эвриклея сказала. Тогда Телемак из палаты
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собранья ахеян, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
"Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь
Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестропурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий".
Так Эвриклея сказала. Ее повинуяся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Эвмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.
Сам же Эвмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
"Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаковы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?"
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Добрый Эвмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!"
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Мелантий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно
В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было

Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаяся, дерзкий Мелантий:
“Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее:
Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды”.
Кончил. Ему Одиссей ничего не ответствовал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филотий;
Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филотий оставил в сенях многозвучных;
Сам же, приближась к Эвмею, спросил у него дружелюбно:
“Кто чужеземец, тобою недавно, Эвмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают”.
Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
“Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
Ты удручен – но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
По́том прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты
Здесь в стороне Кефаленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
Доме; богов наказанье не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы

Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу – но верится все мне еще, что воротится в дом свой
Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он".
Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филотий:
"Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь".
Тут и Эвмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Так говорили о многом они, от других в отдаленьи.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
"Замысел наш умертвить Телемака, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире".
Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филотий
Хлебы разнес; а Мелантий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемак поместиться; подвинув
К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,
Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
"Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшася; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора".

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул:
"Как ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь упокоили – стал он теперь говорун нестерпимый".
Кончил; но слово его Телемак без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Там им приказано сыном его, Телемаком разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзкообидным поступкам, дабы разгоралось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктезиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил
Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратяся, сказал им Ктезипп многобуйный:
"Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик – и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаковых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих".
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктезиппа, сказал Телемак раздраженный:
"Будь благодарен Зевесу, Ктезипп, что удар не коснулся
Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя – погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов, – я с целой толпою один не управлюсь;

Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был беззаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вожделеньям в священных обителях царских".
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
"Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаку и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
Было доныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);
Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемак благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет".
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее поневоле
Я и помыслить не смею – то Зевсу не будет угодно".
Так говорил Телемак. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжкой заныло тоскою.
Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
"Вы, злополучные, горе вам! горе! невидимы стали
Головы ваши во мгле и не видимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
Кровь; привиденьями, в бездну Эрева бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень и под ней вся земля покрывается мраком".
Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Эвримах, сын Полибиев, начал:

“Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате”.
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Эвримаху:
“Нет, Эвримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих”.
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемака дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:
“Друг Телемак, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемак многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги”.
Так говорили они; Телемак, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.
В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.
Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
Муж для незванных гостей, беззаконных ругателей правды.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрелянию в цель их и тем приготовить им гибель.
Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Эврита сыном. Они же
Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Орхилока разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
Триста быков круторогих разбойничье судно украло.
Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней, и двенадцать
Добрых жеребых кобыл, и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Иераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он, –
В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Иракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Эвритов лук он ему подарил; умирая, великий
Эврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Иракл беспощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Эврита славного сыну,

Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
Бык круторогий – так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
"Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться".
С сими словами велела она свинопасу Эвмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;
Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филотий.

К ним обратяся обоим, сказал Антиной, негодуя:
“Вы, деревенщина, грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш, и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал – и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным”.
Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первою жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемак богоравный:
“Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!
Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты –
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
Черной земли матерой, – но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея”.
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уравняв, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемак у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условью кивнул головой; отложивши

Труд, обратился к отцу и сказал Телемак богоравный:
"Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнее; пусть каждый
Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг".
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
"С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают".
Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Эйнопов,
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
"Нет! Не по силам мне лук Одиссеев: другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея: но каждый,
Лук испытав Одиссеев и силу над ним утомивши,
С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней".
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
"Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней
Сладить с ним". Кончил. Потом, козовода Мелантия кликнув,

“Слушай, Мелантий, – сказал, – здесь огонь ты разложишь; к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может”.
Так он сказал. И Мелантий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них никоторый
Лука не мог и немного погнуть – несказанно был туг он:
Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Эвримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшися, из дома вместе
Вышли Эвмей свинопас и коровник Филотий; за ними
Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласковосладкую речь обратил к ним:
“Верные слуги, Эвмей и Филотий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце”.
Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филотий:
“Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден”.
Тут и Эвмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
“Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
Дам и построю вам домы вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемаком.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе”.

Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: "Отрите
Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтоб снова – один за другим, а не вместе – вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
Ты же, Филотий, возьми ворота на свое попеченье.
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку".

Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
После явились один за другим свинопас и Филотий.

Лук Одиссеев держал Эвримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
"Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:
Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, –
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятой, и в разных других областях кефалленских.
Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье –
Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
Лука его, – то стыдом нас покроем и в позднем потомстве".

Но Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул, ему возражая:
"Нет, Эвримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен, народ Аполлонов великий сего дня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;
Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.
Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Мелантий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,

Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно".
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Тут для умытия рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
"Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Вот вам – тебе, Эвримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие, – добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бесссмертных предав остальное;
Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен".
Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
"Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякий, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им
Некогда Эвритион, многославный кентавр, обезумлен.
В дом Пиритоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пиритоевом доме.
Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы
Силой его утащили на двор и нещадною медью
Уши и нос обрубили они у него; и рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.
Злая зажглась оттого у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;
Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми".
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
"Нет, Антиной, непохвально б весьма и неправедно было,

Если б гостей Телемаковых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердце – ни вздумать того, ни на деле исполнить неможно".
Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
"О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он, – это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
"Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он". Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый".
Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
"Нет, Эвримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев – увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
После и в сердцем желанную землю его я отправлю".
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею – никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острову, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унесть их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства.
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель".
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
"Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу".
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемак, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
"С луком сюда! Ты, Эвмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежалися разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много".
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Эвмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,
Кликнув усердную няню его Эвриклею, сказал ей:
"Слушай, тебе повелел Телемак, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь".
Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филотий, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;
Был там в сенях корабельной пеньковый канат; им связал он
Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Роги и не было ль что без него в них попорчено червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
"Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?"
"Но, – отвечали другие насмешливо первым, – удастся
Опыт уж верно ему! и всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком".
Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных

Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобвыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает –
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все – тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были – но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил, – быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаку, воскликнул стрелец богоравный:
"Видишь, что гость твой тебе, Телемак, не нанес посрамленья.
В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить".
Так он сказал и бровями повел. Телемак богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копье и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
"Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет".
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалился на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вкруг по стенам обнаженным, искали оружья –
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью.
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
"Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятной Итаке,
Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван".
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
"А! вы, собаки! вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа

Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной погибели все наконец вы попали".
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Эвримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
"Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершалось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемака,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стóят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем".
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
"Нет, Эвримах, – и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, –
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.
Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, –
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят".
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Эвримах, обратясь к женихам устрашенным, воскликнул:
"Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы".
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,

Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемак, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемак же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение сбоку напавши,
Кто из ахеян его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
"Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
Сам же надену и латы; Эвмею с Филотием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет".
    Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися:
Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок". Так он сказал; Телемак все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Эвмей и Филотий
Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
    Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истощилися стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.
    Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.

Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: "Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы".
Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал Агелаю:
"Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном".
Так Агелаю сказав, злоковарный Мелантий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.
К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
"Верно, какая из наших рабынь, Телемак, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Мелантий?"
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Горе! Мое небреженье причиной всему; я виновник
Этой беды – заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Эвмей, побеги ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь: служанка ль какая
Или Мелантий? Я сам на него подозренье имею".
Так говорили о многом они, собеседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Мелантий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Эвмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
"О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоем поведенье?"
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"С сыном моим Телемаком я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филотий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;

В страшных мученьях пускай там висит ни живой он, ни мертвый".
То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филотий; подкравшися, стали
Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Мелантий ступил на порог (нес прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые
Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
"Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Мелантий;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь".
Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
К первым туда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
"Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник".
Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: "Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думая в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;
После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь

Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены".
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афину.
Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
"Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный".
Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою сизою ласточкой села.
Тою порой Агелаем, Дамастора сыном отважным,
Димоптолем, Эврином и Пизандр, сын Поликторов бодрый,
С Амфимедоном и умным Политосом яростно были
В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
"Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить Одиссея".
Так он сказал, и, ему повинуясь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина;
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратяся к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
"Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесши".
Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димоптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемак – Эвриада, Филотий – Пизандра,
Старый Эвмей свинопас поразил Элатона: и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.

Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемака поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.
Тронул плечо над щитом у Эвмея Ктезипп длинноострой
Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилося в землю.
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
Эвридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемаком, Полиб – свинопасом;
Метко нацелив копьем медноострым, Филотий Ктезиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
"Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных; предайся
В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу".
Так говорил криворогих быков сторожитель Филотий.
Тою порою умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Эйвенор, был убит Телемаком:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогтистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц, – и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью их залит
Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
"Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
В доме твоем ни одной из рабынь, в нем живущих, ни словом
Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков

Тщился – напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;
Страшною участью все неизбежно постигнуты ныне.
Я же, их жертвогадатель, ни в чем не повинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?”
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
“Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
Дию, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
Прижил, – за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избегнешь”. Сказал. И, могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвленья
Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
Крикнул он – в крике неконченном с плеч голова покатилась.
Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,
Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
“Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно”.
Так он сказав, возбудил Телемакову силу святую.
Громко отцу закричал Телемак, находившийся близко:
“Стой! не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медону глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медон? Не убили ль его свинопас иль Филотий?
Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?”
Так говорил Телемак; и дошло до Медона благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,

Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаку и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
“Здесь я, душа Телемак; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно”.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
“Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты, и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же останусь в доме и все здесь устрою, что нужно”.
Так он сказал; и Медон с песнопевцем, из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
Очи водил вкруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.
К сыну сперва обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
“Должен теперь, Телемак, ты сюда пригласить Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке”.
Так говорил Одиссей. Телемак, повинуяся, отпер
Двери, позвал Эвриклею и так ей сказал: “Эвриклея,
Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам”.
Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
Вышла она; и старушку повел Телемак к Одиссею.
Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
По́том и кровью покрытый; подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада –
Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью, –
В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;

Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
“Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли:
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними”.
Так он сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
“Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведеньем развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали”.
Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
“Нет, не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтоб рабыни –
Те, на которых ты мне донесла, – здесь немедля явились”.
Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Эвриклея
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
Он же, позвав Телемака с Филотием, с старым Эвмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
“Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведеньем развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказанье
Примут они за союз непозволенный свой с женихами”.
Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.
Вынесши трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемак, свинопас и Филотий
В зале просторной весь пол, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.

Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней
Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одиссеев сказал им:
"Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись".
Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей – летя на ночлег свой – попавшие (в тесных
Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козовод был Мелантий;
Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекли ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
Руки и ноги свои, обагренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
Тут Одиссей, обратясь к Эвриклее, сказал ей: "Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок".
Так повелел Одиссей. Эвриклея ему отвечала:
"То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично".
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
"Прежде всего мне огня для куренья подай, Эвриклея".
Волю его исполняя, пошла Эвриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Эвриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок сбирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшися к спящей, старушка сказала: "Проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаку".
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
"Друг Эвриклея, знать, боги твой ум помутили! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобресть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Нет, Эвриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила, –
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея".
Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
"Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались, –
Он Одиссей; Телемак о его уж давно возвращенье
Знал – но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил".
Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
"Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Эвриклея,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой

Сладил? Они всей толпою всегда собиралися в доме".
Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:
"Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившися в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемак из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.
Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.
По́том и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботяся дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье".
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
"Друг Эвриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну –
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.
Правда была им чужда; никого из людей земнородных –
Знатный ли, низкий ли к ним приходил – уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он".
Ей Эвриклея разумная так, возражая, сказала:
"Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;
Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.
Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно".
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
"Трудно тебе, Эвриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть

Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их".
С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль, приближась,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемак напоследок воскликнул с досадой:
"Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двацать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственней камня".
Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
"Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнесть не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем".
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
"Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?
Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Близких друзей и родных за убитого мстить остается –
Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать".
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
"Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

“Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
Струны и пение в доме, соседи и всякий идущий
Мимо по улице думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
За город на поле наше, в наш сад плодовитый; там можем
Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев”.
Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец боговавный,
Цитру настроив глубокую, в них пробудил вожделенье
Сладостных песней и стройно-живой хороводныя пляски.
Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалася пением звучным рабов и служанок;
Всякий, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: “Решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! мужа, избранного сердцем, дождаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела”.
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Эвринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
“Ты, непонятная! боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Эвриклея: постель приготовь одному мне;
Лягу один я – когда в ней такое железное сердце”.
Но Одиссею разумная так отвечала царица:
“Ты, непонятный! не думай, чтоб я величалась, гордилась
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню

Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему Эвриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом".
Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
"Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалася тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилася маслина с темной
Сенью, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень".
Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
"О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покоряся,
В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахеяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.

Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати – о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве:
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу".
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посидона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
Рук белонежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
"О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тирезия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и сопутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены".
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
"Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;
Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди". Одиссей отвечал ей:
"Ты, неотступная! странно твое для меня нетерпенье.
Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезий сказал мне: "Покинув

Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
"Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?" –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый". Вот то, что в Аиде сказал мне Тирезий".
Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
"Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся".
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой Эвринома с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Эвриклея;
Факел пылающий в руки взяла Эвринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемак, свинопас и Филотий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.
Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежновеселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.
Он рассказал: как вначале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;

Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к брегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и сопутников меднообутых
Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тирезия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказанье за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных сопутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К брегу Огигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
“Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодовитый и поле

Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся".
  Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филотием, с верным Эвмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, –
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.
Первая им повстречалася тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: "Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал: им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае Троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.
Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Меру, которой никто не избег из рожденных.
О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты".
Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
"Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало

Много тобой умерщвленных троян вокруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы билися все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозою.
Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахеян, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахеян;
Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратяся к товарищам, так им сказал он:
"Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть".
Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;
Музы – все девять – сменяяся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Ифестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Ифеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахеян любим был.
Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копьеносных аргивян у светлошироких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным

Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахеян.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжалися к бою, –
Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной".
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий Аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: "Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посидон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
Прежде, чем был убежден Одиссей, городов сокрушитель".
Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
"Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
"Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова".
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели, –
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
В дом он сначала пришел к свинопасу Эвмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемак, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,
В город вошли многославный; сперва Телемак, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Эвмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швырянье, и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемаком вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.
Нам вопреки, Телемак богоравный на то согласился.

Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных,
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
Страшное тут началося убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам".
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
"Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных".
Так говорили о многом они, собеседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаку и к прочим, сказал им:
"Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем".
Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемаком вступили они; Одиссей же направил

Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник сбирать для заграды садовой;
С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворнообидною речью подвергнуть.
    Так рассудив, подошел Одисей богоравный к Лаэрту,
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
"Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные – все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоем нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Аида сошел он?
Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж

Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
Аркезиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью – много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
Были они молодые, красивые, сам он их выбрал".
Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
"Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя отдарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалося лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,
Сын Одиссей – злополучный! быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?
Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?"
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;
Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Эперит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали

Птицы, взлетевшие справа: я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждой сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце".
Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его, – он сражен был родителя скорбью.
Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
"Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды".
Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
"Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, –
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье".
Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
"Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнассе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса".
Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
"Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефалленским".
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.

Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
Я уж туда Телемака с Филотием, с старым Эвмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный".
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемак там с Филотием, с старым Эвмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
"О родитель! конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!"
Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
"Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
Был я таков, как в то время, когда с кефалленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов – сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился".
Так говорили они, собеседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
"Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленье
Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы".
Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
"Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя – а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,

Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?"
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
"Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно".
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
Все взволновалися жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В домы семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.
На площадь стали потом все печально сбираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Эвпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
"Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефалленян знатнейших.
Братья, молю вас – пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, –
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!"
Так говорил он, печальный, и всех сostраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медон, в Одиссеевом доме
Ночь ту проведшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медон им сказал: "Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились".

Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Галиферд, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратяся к согражданам, так им сказал он:
"Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей". Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.
Те ж, негодуя на речь Галифердову, вслед за Эвпейтом
Бросились шумнонеистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившися в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собралися великой толпою.
Их предводитель Эвпейт, обезумленный горем великим,
Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: "Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?"
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
"Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный – имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится".
Кончив, велел он идти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытяся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
"Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?"
Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросил: "Идут! поспешите! Оружие в руки! их много!"

Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли – седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекшися в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
"Друг Телемак, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею".
Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
"Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею".
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
"Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!"
Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
"Бодрый Аркезиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу".
Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланитный Эвпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Эвпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемаком
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
"Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!"
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаяся, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовою стрелою Крониона вдруг раздвоилось
Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:

“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион”.
Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

ДОПОЛНЕНИЕ

ГОМЕРОВА ОДИССЕЯ

Его Императорскому Высочеству
Государю
Великому Князю
КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ
свой труд
с глубочайшим почтением
посвящает
В. Жуковский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отрывок письма

Вы спросите, как мне пришло в голову приняться за Одиссею, не зная греческого языка, и из мечтателя романтика сделаться трезвым классиком? Вот вам простой ответ: перешедши на старости в спокойное пристанище семейной жизни, я захотел повеселить душу *первобытною поэзиею*, которая так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремит ни в какую туманную даль. Старость – второе ребячество; под старость любишь рассказы; поэтому и мне захотелось присоседиться к простодушнейшему из всех рассказчиков, и не имея в запасе собственных басен, повторить по-русски его греческие стародавние басни. Одним словом, цель моя была: потешить самого себя на просторе поэтическою болтовнею; это мне и удалось: XII песен Одиссеи кончены; были бы кончены и все XXIV, но в последние два года всякого рода тревоги помешали мне приняться за продолжение труда моего. Пока моя главная цель достигнута, муза Гомерова озолотила много часов моей устарелой жизни; но то, что меня самого так сладостно, так беззаботно утешало, будет ли утехою и для читателей соотечественников, с которыми хочу поделиться своими сокровищами, занятыми у Гомера? Не знаю. Если это случится – то меня будет радовать мысль, что на Руси останется твердый памятник поэтической моей жизни. Быть верным представителем Гомера... но как же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языком его по-русски? Это я должен вам объяснить. Мне помогла немецкая совестливая, трудолюбивая ученость. В Дюссельдорфе (где я прожил три года) я нашел профессора Грасгофа, великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера.

Он взял на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко, он переписал мне в оригинале всю Одиссею; под каждым греческим словом поставил немецкое слово, и под каждым немецким грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл Одиссеи и имел перед глазами весь порядок слов; в этом хаотически-верном переводе, недоступном читателю, были, так сказать, собраны передо мною все материалы здания; недоставало только красоты, стройности и гармонии. И вот в чем состоит собственно труд мой: мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиономии оригинала. В этом отношении и перевод мой может назваться произведением оригинальным. На вопрос: имел ли я успех? сам не могу быть себе судьею, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера – спросите у него, доволен ли он своим гиперборейским представителем, и сообщите мне его мнение. Я старался переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку (от чего верность рабская становится рабскою изменою), следовал за каждым словом и в особенности старался сохранить *их место в стихе* тем словам, которые на этом месте производят особенное поэтическое действие. Повторю здесь то, что сказал о труде моем в другом месте: "Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, *не первобытном*, а уже поэте-художнике, встречаешь с естественным его вдохновением и работу искусства. В Гомере этого искусства нет; он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и небесах, и лепечущий об этом звонким ребяческим голосом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, светлая река без волн, отражающая чисто и верно и небо, и берега, и все, что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл, отражающий, как будто не существует: око его не чувствует. Переводя Гомера (и в особенности Одиссею), недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждого стиха отдельно; ибо у него, т.е. у Гомера, нет отдельно разительных стихов, а есть поток их, который надобно схватить *весь* во всей его полноте и светлости: надобно сохранять каждому стиху его физиономию, но так, чтобы его отдельность сливалась с стройностию целого и в ней исчезала. И в выборе слов надлежит наблюдать особенного рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; все, имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное – здесь не у места: оно есть, так сказать, анахронизм; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть потому, что все его употребляли, заимствуясь у праотца поэзии; надобно этому обветшалому, изношенному языку возвратить его первоначальную свежесть и новость и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Одним словом, переводя Гомера, надобно отказаться от всякого щегольства, от всякой украшенности, от всякого покушения на эффект, от всякого кокетства; надобно производить действие неощутительно целым, простотою, неразительностию, неприметностию выражений, стройностию широких, обильных периодов, иногда прерываемых, как будто без намерения, отдельными стихами, мало блестящими, так, чтобы каждый стих в периоде и каждое слово в стихе составляли одну общую гармонию, не нарушая ее никаким отдельным, разительным, часто диким зву-

ком. Это работа весьма трудная; для нее нет ясных правил; должно руководствоваться одним чутьем; и для меня эта работа была тем труднее, что я в этом отношении не мог согласоваться с оригиналом, ибо его не знаю, а мог только его угадывать. Но зато какое очарование в этой работе, в этом подслушивании первых вздохов Анадиомены, рождающейся из пены моря (ибо она есть символ Гомеровой поэзии) – в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким и прелестным, в этой живописности без излишества, в этой незатейливости и непорочности выражения, в этой болтовне, часто чересчур изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, все проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, созидающей произвольно грустные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором все имело жизнь, пластически могучую в *настоящем*; но и все было ничтожно, ибо душа не имела за границею мира никакого *будущего* и улетала с земли безжизненным призраком; и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих, всеоживляющих утешений". Вот вам моя поэтическая исповедь. Прибавлю: я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки; пользовался, где мог, возвышенностию церковно-славянского диалекта, но строго держался языка русского, присвоенного общим употреблением; и по возможности соглашал его формы с формами оригинала (которые все материяльно для меня сохранены в переводе подстрочном), соглашал так, чтобы Гомеровский стих был ощутителен в стихе русском, не принуждая его кривляться по-гречески.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ ПОДГОТОВИТЕЛЯ

Понятия "Гомер", "гомеровский эпос" являются исключительно рабочими терминами, когда речь идет об "Илиаде" и "Одиссее" вместе взятых. Никакого отношения к проблемам авторства "Одиссеи" они не имеют.

Все даты, не снабженные пометкой "до н.э.", относятся к летосчислению до нашей эры, кроме совершенно очевидных случаев, когда приводятся даты, относящиеся к средним векам или к новому времени.

Обе гомеровские поэмы были разделены александрийскими грамматиками каждая на 24 "книги" (по числу букв греческого алфавита). Каждой книге было дано краткое условное заглавие ("Книга 1: Собрание богов. Увещевание Афины Телемаху"; "Книга 2: Народное собрание на Итаке. Отъезд Телемаха"; "Книга 3: В Пилосе" и т.д.). Жуковский по обычаю своего времени вместо "книга" пишет "песнь", а вместо античных заглавий дает в оглавлении краткий обзор содержания с росписью по дням действия. Мы сохраняем оглавление Жуковского, но в статьях и Примечаниях пишем "книга" и приводим античные заглавия.

Книги "Илиады" обозначаются римскими цифрами, книги "Одиссеи" – арабскими. Соответственно, сокращения Ил. и Од. могут опускаться, когда принадлежность к той или другой поэме ясна из контекста. Так же, как правило, опускаются в связном тексте сокращения "кн." и "ст.". Отсылки к номерам стихов даются по переводу, в котором возможны отступления от оригинала на один-два стиха в ту или иную сторону (кн. 1 в переводе на 4 стиха короче оригинала).

Стихи, повторяющиеся только в двух книгах (кроме однострочных), снабжаются в примечаниях знаком равенства и, поскольку в переводе повторение не всегда полностью соблюдается, отсылки к ним даются по нумерации оригинала при обеих книгах. Если же стихи повторяются более, чем в двух книгах, то на все повторения указывается лишь при первом случае, а в дальнейшем даются отсылки к более раннему примечанию (напр., 2.405 сл. = 3.29 сл. = 5.192 сл. = 7.37 сл.; но 3.29 сл. = 2.405 сл. с отсылкой к этим стихам). При повторении в пределах одной книги на него указывается, как правило, при втором случае, т.е. 228 сл. = 160 сл., а не наоборот.

Имя главного героя Троянской войны, существующее в русской транслитерации (в том числе и в переводах самого Жуковского) в двух вариантах (Ахилл и Ахиллес), употребляется далее в обеих формах без какого-либо различия. О других именах см. ниже заметку "О транслитерации имен собственных и названий".

Имена и названия, вошедшие в Указатель, в примечаниях не комментируются. При именах, включенных в Словарь мифологических сюжетов, дается отсылка: см. СМС.

При работе над материалами, вошедшими в Приложение, неоценимую помощь всякого рода справками и присылкой ксерокопий оказали мне мои российские и за-

рубежные друзья и коллеги: доценты МГЛУ Е.И. Светилова и Н.Р. Шопина, А.И. Муравьева, др. М. Хойс (Бельгия), профессора А. Бернабе (Испания), Э. Дегани и Д. дель Корно (Италия), Я.М. Бремер и С. Радт (Нидерланды), К. Депретто (Франция), Ю. Вернер, В. Люппе и Э.Г. Шмидт (ФРГ). Пользуюсь случаем, чтобы принести им всем мою самую искреннюю благодарность.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – "Вестник древней истории"
Ил. – "Илиада"
кн. – книга
Метам. – "Метаморфозы" Овидия
Нем. – Немейские оды Пиндара
Од. – "Одиссея"
Ол. – Олимпийские оды Пиндара
сл. – один стих, следующий за обозначенным
СМС – Словарь мифологических сюжетов
ст. – стих
Теог. – "Теогония" Гесиода
ТиД. – "Труды и дни" Гесиода
фр. – фрагмент
Эн. – "Энеида" Вергилия
Эп. – Эпитома, часть сочинения Аполлодора, сохранившаяся в выдержках

В.Н. Ярхо

"ОДИССЕЯ" – ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

В глазах современного читателя "Одиссея" является прямым продолжением "Илиады". Обе поэмы с незапамятных времен слывут произведениями одного и того же полулегендарного Гомера. В "Илиаде" описываются события, которые происходили на десятом году Троянской войны с участием самых выдающихся греческих вождей. При этом попутно становятся известными обстоятельства первых девяти лет этого грандиозного предприятия. В "Одиссее" повествуется о возвращении на родину после десяти лет скитаний одного из этих знаменитых героев, причем по ходу действия поэмы становится известно о том, что произошло в промежутке между окончанием "Илиады" и началом "Одиссеи": о гибели в бою Ахилла, о споре за его оружие и о подвигах его сына Неоптолема, прибывшего под Трою и вошедшего в нее вместе с другими вождями в чреве деревянного коня; о смерти верховного предводителя греческой рати под Троей Агамемнона, павшего жертвой предательства своей супруги, и о благополучном возвращении, хоть и после долгих странствий, его брата Менелая, ради которого, собственно, и началась Троянская война. О деревянном коне поет в "Одиссее" Демодок. Сам Одиссей, явившись в облике нищего в хижину Евмея и в собственный дворец, в своих вымышленных рассказах выдает себя за рядового участника Троянской войны, что позволяет ему с наибольшей достоверностью изобразить свое мнимое прошлое.

Конечно, "Одиссея" сообщает далеко не обо всех событиях, имевших место после смерти Гектора, которой оканчивалась "Илиада". Гибели Ахилла предшествовали его сражения с царицей амазонок Пенфесилеей и вождем эфиопов Мемноном; прибытию под Трою Неоптолема – посольство за ним на остров Скирос, где он рос у своего деда; строительству деревянного коня – разведка, на которую отправился в Трою сам Одиссей; наконец, возвращению греков – страшная ночь захвата Трои, когда рекой лилась кровь побежденных и далеко не все победители смогли удержаться от жестокости и ненужного насилия. Обо всем этом, однако, не было нужды рассказывать в "Одиссее": все названные и многие другие эпизоды из истории последнего года Троянской войны издавна входили в репертуар профессиональных сказителей, были широко известны их аудитории и несколько позже "Одиссеи" оформились в так называемых киклических поэмах, заполнявших промежуток в содержании между "Илиадой" и "Одиссеей"[1]. Поскольку же до нас киклические поэмы не дошли, то для нынешнего

[1] Объединяющее эти поэмы название "киклические" происходит от слова κύκλος – "круг": по своему содержанию они составляли определенный круг мифов. Так, предыстории Троянской войны до начала повествования в "Илиаде" была посвящена поэма "Киприи", к последнему же стиху "Илиады" примыкала "Эфиопида", в которой действие доводилось до самоубийства Аякса. За ней следовала "Малая Илиада", отчасти повторявшая предыдущую поэму (спор за оружие), а затем переходившая к событиям, которые развернулись после этого, вплоть до сооружения деревянного коня и введения его в Трою. Возможно, что уже здесь изображалось буйство вторгшихся в город ахейцев, – более обстоятельно этот сюжет раз-

читателя оба гомеровских эпоса составляют как бы некое единое целое, своеобразную энциклопедию, которая охватывает 20-летнюю историю Троянской войны от ее начала до возвращения последнего уцелевшего из ее героев.

Видимая общность содержания между двумя поэмами подкрепляется также их формальным сходством. Обе они – крупные художественные произведения (в "Илиаде" – 15693 стиха, в "Одиссее" – 12083), хорошо организованные вокруг личности главного героя: там – Ахилла, здесь – Одиссея; обе написаны традиционным размером героического эпоса – гексаметром; в обеих используются восходящие к фольклору приемы эпического повествования – повторения, сравнения, отступления, постоянные эпитеты. Все это, казалось бы, подкрепляет веру в единого автора обеих поэм и в более или менее сходные условия их возникновения. Между тем по своему содержанию и по своим фольклорным источникам "Одиссея" представляет собой произведение, весьма существенно отличающееся от "Илиады".

1

"Илиада" – образец героического эпоса в самом непосредственном значении слова.

Характернейшим признаком этого жанра является концентрация действия вокруг какого-нибудь военного события из прошлого, которое в глазах последующих поколений приобрело некое общенародное значение. При этом истинный масштаб самого события постепенно теряется из виду. Так обстоит дело с нашим "Словом о полку Игореве": достаточно скромный по историческим меркам поход новгород-северского князя Игоря против половцев, благодаря его эпическому осмыслению, оказался фактом общенационального значения, а само "Слово" прозвучало как призыв к объединению всей Руси против иноземного ига. Так же точно французская "Песнь о Роланде", возникшая из одного лишь эпизода времен Карла Великого – истребления басками в Ронсевальском ущелье его арьергарда, стала общенациональным эпосом, в котором получили выражение высшие нормы феодальной доблести и истинно рыцарского поведения.

"Илиада", значительно превосходя названные произведения объемом, возникла как результат такого же художественного осмысления народом своего прошлого.

Древние греки до самого конца античности не теряли веры в реальность Троянской войны, хотя со временем начали по-разному толковать и ее причину, и ход событий в ней, и роль отдельных ее участников. Конечно, не раз возникали сомнения в том, так ли уж стоило всем грекам ввязываться в тяжелейшую войну ради одной легкомысленной красавицы Елены, а мифы, составляющие содержание обеих поэм, стали со временем толковаться аллегорически и подвергаться рационалистической

рабатывался в поэме "Разорение Илиона" (от введения в город коня до отплытия ахейцев из-под Трои). О судьбе ахейских героев (кроме Одиссея) после взятия Трои повествовалось в поэме "Возвращения", о конце жизни Одиссея – в "Телегонии". Имена авторов этих поэм появляются в источниках не раньше 4 в. и чаще всего ни о чем нам не говорят. Некоторые из них ("Киприи", "Малую Илиаду") приписывали то самому Гомеру, то называли еще несколько имен; более или менее однозначно автором "Эфиопиды" и "Разорения Илиона" считали некоего Арктина, "Возвращений" – Агия из Трезена, "Телегонии" – Евгаммона из Кирены. Создание этих поэм датируется от 7 до середины 6 в. Еще три поэмы объединялись вокруг истории царского дома в Фивах: "Эдиподия", "Фиваида" и "Эпигоны".

критике. Однако еще в 5 в. до н.э. не только "отец истории" Геродот, но и его младший современник, гораздо более критически настроенный Фукидид верили в то, что война за Трою (Илион) имела место то ли за 800, то ли за 400 лет до них. Геродот называл даже точную дату, которая в переводе на современное летосчисление совпадает с десятилетием между 1194 и 1184 гг. Столь же достоверными представлялись предания о существовании в это время могущественных, хоть и небольших по нынешним размерам, царств на территории самой Греции, в том числе Микен, Аргоса, Пилоса, Фив.

Археологические открытия, сделанные за последние сто с лишним лет, отчасти подтвердили эту картину, отчасти внесли в нее известные коррективы. Так, выяснилось, что не только в конце 12 в., к которому Геродот приурочивал Троянскую войну, но уже за несколько столетий до этого на всей территории материковой Греции существовала высокоразвитая культура, названная по имени двух ее крупнейших центров крито-микенской. В ее орбиту, кроме уже вышеупомянутых земель, входили также Аттика на юго-восточной окраине Средней Греции и Фессалия, расположенная на ее северо-востоке, у подножья Олимпа. Не слишком значительные археологические остатки от этой эпохи обнаружены на острове Итаке и соседней с ним Кефаллении. Расцвет крито-микенской культуры приходится на 16–12 вв., и найденные при раскопках диадемы, ожерелья, кубки, оружие вполне соответствуют тому уровню мастерства и количеству драгоценных металлов, которые дали основание Гомеру называть Микены "златообильными".

Ясно, что столь богатые и могущественные государства не могли замыкаться в своих границах, а должны были искать средства для распространения своей власти, и к тому же в направлении, которое подсказывало их географическое положение. Наиболее важным было для них продвижение в сторону проливов, ведущих из Эгейского моря в Черное. Ключ же от них держал в своих руках Илион – город, расположенный у самого входа в Геллеспонт (нынешние Дарданеллы). Поэтому для внешней политики ахейских государств (так они назывались по племенному союзу ахейцев, проникших в Грецию на рубеже III–II тысячелетий) не было ничего естественнее, чем направить свои завоевательные устремления в северо-восточный угол Эгейского моря.

Современные историки сомневаются в том, что в микенские времена была возможна 10-летняя война далеко за пределами родины, в которой объединились бы все греческие государства. Скорее всего, в основе мифа о Троянской войне лежит какой-нибудь скромный поход (или несколько военных экспедиций) ахейцев на побережье Малой Азии, отложившийся в памяти многих поколений как грандиозное военное предприятие. В него затем, уже по законам эпической циклизации, оказались вовлеченными все сколько-нибудь значительные цари и вожди, относимые мифологической хронологией к одному и тому же поколению. (Мы уже видели, что в основе всякого героического эпоса лежит, как правило, весьма ограниченный по своему значению эпизод.) Главную роль в войне играли, судя по перечню воинских контингентов в кн. II "Илиады", Микены и Пилос. Первые выставили флот в 100 кораблей, второй – в 90, и нет оснований сомневаться в том, что эти числа отражают реальную расстановку сил в микенской Греции в 13–12 вв., почему микенский царь Агамемнон и является в "Илиаде" верховным предводителем всего греческого ополчения.

Другая примечательная черта эпического повествования – его сложение в течение нескольких столетий и объединение откликов на реальные события, отстоявшие достаточно далеко друг от друга. Хорошим примером здесь может служить немецкая "Песнь о Нибелунгах". Содержание ее второй части составляет сватовство короля гуннов Этцеля (т.е. Аттилы) к овдовевшей бургундской королеве Кримхильде, которая рассчитывает использовать этот брак, чтобы отомстить бургундам за коварное убийство ее первого мужа Зигфрида. И действительно, приглашенные к Этцелю через 13 лет бургунды становятся жертвами поголовной резни, – в ней, правда, погибают и почти все гунны и их союзники. В уничтожении бургундского войска справедливо видят произошедший в 437 г. н.э. разгром гуннами королевства бургундов. В описании же торжеств по случаю свадьбы Этцеля и Кримхильды без всяких натяжек находят близкое сходство с пышной церемонией, имевшей место по случаю бракосочетания австрийского герцога Леопольда VI с внучкой византийского императора, – однако это событие происходило в 1203 г., как раз тогда, когда создавалась "Песнь о Нибелунгах".

Подобное совмещение исторических реалий, принадлежащих различным временным слоям, давно установлено и в "Илиаде". Историки и археологи с достаточной точностью определяют, что описываемые в поэме сражения на колесницах, бронзовое оружие, огромный щит в виде башни, закрывающий все тело, и многие другие предметы принадлежат микенской эпохе, в то время как кремация трупов, кожаные щиты с бронзовой облицовкой, железные ножи и наконечники стрел относятся к более позднему, так называемому геометрическому периоду (9–8 вв.). В последние десятилетия появился новый археологический материал, в какой-то степени восполняющий лакуну между микенским временем и 9 веком. При раскопках у деревни Лефканди на Евбее был обнаружен золотой клад 10 в., мало чем уступающий микенским. Там же открыто женское погребение первой половины 10 в., где была найдена бронзовая амфора с остатками пепла, завернутыми в кусок материи, – поразительная параллель к похоронному обряду, запечатленному в "Илиаде" (XXIII. 91 сл., 237–244; XXIV. 791–796). В Мессении, владениях гомеровского Нестора, раскопан фундамент большого здания, существовавшего в 10–9 вв.; по-видимому, это был дом местного правителя, где представители знати собирались для совместных пиршеств, как это происходит в "Одиссее" во дворце Алкиноя. Найденные там кости от крупного рогатого скота показывают, что люди, оставившие здесь свой след, были такими же скотоводами, как персонажи гомеровского эпоса. Как видно, на отдаленные воспоминания о "златообильных" Микенах накладывались более близкие к авторам ассоциации. Наконец, несколько деталей в "Илиаде" захватывают и последующее время, вплоть до 7 в.[2] В не меньшей степени совмещение различных хронологических пластов становится очевидным при описании в поэме Трои.

Когда осенью 1871 г. немецкий миллионер и археолог-энтузиаст Генрих Шлиман взялся, по совету американского консула в Дарданеллах Ф. Калверта, за раскопки хол-

---

[2] См.: *Lorimer H.L.* Homer and the Monuments. L., 1950; *Webster T.B.L.* From Mycenae to Homer. Oxf., 1958; *Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959. О взаимоотношении "Илиады" с реалиями микенского времени и последующих периодов см. также в коллективном труде под общей редакцией Г.С. Кирка: The Iliad. A Commentary. Parts I–VI. Cambridge, 1985–1993 (и более поздние переиздания отдельных томов).

ма вышиной примерно в 20 метров у турецкой деревни Гиссарлык[3], он был уверен, что объект всех его устремлений, гомеровская Троя, лежит в самом последнем слое из многовековых напластований, под которыми она была погребена не одну тысячу лет. В результате он добрался до скального основания, где, как потом выяснилось, в IV тысячелетии действительно находилась самая ранняя Троя, не оставившая, впрочем, сколько-нибудь примечательных следов. Ей на смену пришло новое городище, которое просуществовало от 400 до 600 лет. Археологи обозначают его как Трою II и выделяют в ней не меньше восьми последовательных горизонтов. В абсолютной датировке Трои II исследователи несколько расходятся, принимая за нижнюю границу промежуток между 2800 и 2600 г., а за верхнюю – между 2300–2200. Как бы там ни было, ясно, что Троя II погибла от пожара примерно за тысячу лет до разорения "гомеровской" Трои. (К слову сказать, именно в наиболее поздних пластах Трои II были найдены сокровища, известные с легкой руки Шлимана как "клад Приама"[4].) Последовавшие после смерти Шлимана, а затем в 30-е годы нашего века новые раскопки и классификация накопившегося материала позволили установить на территории Трои, начиная от IV тысячелетия до времени Римской империи, девять археологических слоев, а внутри них свыше сорока более узких горизонтов. О том, какой из этих слоев считать "гомеровской" Троей, среди исследователей опять же нет полного согласия. Одни предлагают в качестве кандидата на эту роль Трою VI (ее датируют с некоторым расхождением между 1800/1700 и 1300/1250 гг.), другие – Трою VII А (между 1300/1250 и 1250/1180). Для сложения эпической традиции это разногласие едва ли имеет существенное значение. Просуществовавшая несколько столетий Троя VI, известная в древнем мире своими мощными крепостными стенами, имела, наверное, больше шансов сохраниться в памяти потомков, чем ее недолговечная преемница. С другой стороны, обе Трои подверглись разорению (а Троя VII А была еще и сожжена), и вполне возможно, что в сознании последующих поколений эти события легко могли объединиться в одно, а к изображению "гомеровской" Трои присоединились еще воспоминания об отдаленных временах Трои II, которая, с не меньшим правом, чем Микены, тоже могла быть названа златообильной.

В течение 12 в. ахейские государства приходят в упадок, причины которого так же до сих пор не получили в современной науке удовлетворительного объяснения, как и вопрос о реальности Троянской войны. Вероятнее всего, тут слилось несколько обстоятельств: собственные хозяйственные трудности, в возникновении которых не последнюю роль могла сыграть агрессивная внешняя политика ахейских владык, не имевшая достаточной экономической поддержки; какие-то, ближе нам неизвестные природные катаклизмы (землетрясения?); может быть, нападения извне, – как бы то ни было, с конца 12 в. начинается запустение микенских центров. Правда, упадок в период так называемых темных веков (12–9 вв.) был не столь значительным, как это представлялось еще несколько десятилетий тому назад, однако отток населения из микенских центров несомненно имел место, и направлялся он, в основном, на острова и восточное побережье Эгейского моря. Сюда принесли ахейцы из Пелопоннеса воспоминания о своем могуществе и военных подвигах прошлого, которые

[3] Собственно, благодаря содействию Калверта, владевшего в Гиссарлыке участком земли, Шлиман начал раскопки нелегально, не дожидаясь решения турецких властей, еще в 1870 г. Однако первая официальная кампания датируется временем от 11 октября 1871 г. по 17 июля 1873 г.

[4] См. его обстоятельнейшую характеристику в кн.: *Antonova I., Tolstikov V., Treister M.* The Gold of Troy. L., 1996.

из века в век обрастали новыми подробностями и персонажами, пока не облеклись в сказания о десятилетней Троянской войне, потребовавшей от ахейских царей напряжения всех сил. На территории Фессалии, где дольше всего сохранялись традиции микенской культуры, к образам вождей из Пелопоннеса присоединилась фигура местного героя Ахилла, ставшего в конце концов главным персонажем будущей "Илиады". Из Эолии, которая охватывала Фессалию и противолежащие острова Эгейского моря, эпос постепенно переместился южнее, в прибрежные города Малой Азии и близкие к ним острова, в область, объединенную понятием Иония. Здесь и произошло в середине 8 в. окончательное оформление "Илиады" (в том виде, в каком она была известна десяткам поколений в античности и дошла до нас) на сложившемся в течение многих столетий искусственном языке эпоса, который не соответствовал ни одному из существовавших в то время греческих говоров. Основу его составил ионийский диалект (с использованием как многочисленных грамматических архаизмов, так и нововведений, уже закрепившихся в живой речи) с сохранением некоторых черт из "ахейского", т.е. микенского, и более позднего эолийского диалектов. Останавливаться на подробностях этого процесса и на месте, которое занимает каждая из составных частей в гомеровском поэтическом наддиалекте, здесь нет возможности. С одной стороны, это слишком специальный вопрос, с другой, – нас ждет вторая "гомеровская" поэма – "Одиссея".

2

Возвращаясь в мир "Одиссеи", мы оказываемся среди совсем других сюжетов. Содержание ее складывается из трех фольклорных мотивов, представленных, наверное, в народном творчестве всех народов мира. Однако в руках автора нашей поэмы эти мотивы претерпели очень значительную трансформацию.

Вся вторая половина "Одиссеи" представляет собой, в сущности, сильно расширенный вариант мотива, известного в фольклористике под несколько парадоксальным названием "муж на свадьбе у своей жены". Смысл его состоит в том, что муж (или претендент на руку девушки) должен по какой-то причине покинуть ее на достаточно длительный срок, взяв с нее обещание дожидаться его возвращения (обычно – до семи лет) и обменявшись с ней тайными знаками на предмет узнавания после слишком длительного отсутствия. Отлучка его и в самом деле затягивается, и его жену (или возлюбленную) вынуждают выйти замуж за другого. Между тем она сохраняет верность своему прежнему избраннику и только для виду соглашается на новый брак, чтобы во время свадьбы принять яд или пронзить себе грудь кинжалом. Как раз в ту минуту, когда новобрачная поневоле готова поднести к губам чашу со смертельным напитком, один из гостей на свадьбе дает ей узнать себя как вернувшегося мужа. Средством для этого служит либо только им обоим известная песня, либо две половины кольца, разломанного супругами при расставании, либо еще какая-нибудь примета. Само собой разумеется, что предполагаемая новая свадьба становится невозможной и разлученные некогда супруги соединяются вновь.

Сюжет этот известен в народном творчестве едва ли не во всех странах света, от Канады и Исландии до Ямайки и Японии. Для русского читателя достаточно двух примеров.

В "турецкой сказке" Лермонтова "Ашик-Кериб" бедный певец и дочь богатого турка Магуль-Мегери полюбили друг друга, но Ашик-Керибу приходится отпра-

виться в долгие странствия, чтобы разбогатеть. Возлюбленная соглашается ждать его семь лет, однако Ашик-Кериб, обласканный на чужбине шахом, забывает о сроке, и Магуль-Мегери посылает на его розыски купца, вручив ему золотое блюдо, принадлежащее Ашик-Керибу. Преодолевая неимоверные трудности, Ашик-Кериб с помощью святого Георгия успевает в родной город к самому моменту бракосочетания своей возлюбленной с неким Куршуд-беком, давно добивающимся ее руки. Узнав Ашик-Кериба по голосу, Магуль-Мегери отбрасывает заготовленные кинжал и чашу с ядом и бросается на шею своему суженому. При этом для читателей "Одиссеи" не лишено интереса, что на вопрос гостей, как его зовут, Ашик-Кериб отвечает: "Шинды-герурсез" (*скоро узнаете*) – так-де отвечала его мать соседям, приходившим узнать, кого она родит.

Тот же сюжет о неожиданном возвращении мужа находим во множестве версий в русских былинах. Здесь киевскому князю Владимиру и его супруге Евпраксии приходит в голову в отсутствие Добрыни Никитича выдать его мнимую вдову замуж за Алешу Поповича, который вообще не пользуется в былинах особым уважением. Разумеется, Добрыня возвращается в самый день и час свадьбы и, по одному варианту, с такой силой бросает Алешу об пол, что тот испускает дух. По другому варианту, история завершается достаточно комически: Добрыня с позором изгоняет неудачливого претендента на руку его жены безо всякого кровопролития. Вытащив Алешу из-за свадебного стола, вернувшийся муж таскает неудачливого жениха за волосы по всей горнице.

Да тут ли Алешенька Попович тот
Да ходит по гридни окоракою,
А сам ходит, приговариват:
"Да всяк-то на сем свете женится,
Да не всякому женитьба удавается".

Конечно, от забывчивости Ашик-Кериба и посрамления Алеши Поповича далеко до неустанного стремления Одиссея увидеть землю своей родной Итаки и его расправы с женихами, но множество точек соприкосновения с фольклорным сюжетом о возвращении мужа прослеживается в "Одиссее" с полной очевидностью.

Так, уходя на войну, Одиссей допускал возможность своей гибели и разрешил Пенелопе вступить в новый брак, если он не вернется к тому времени, когда у сына вырастет борода (13. 327; 18. 257–270). Сватовство женихов начинается только тогда, когда прошло примерно семь лет после окончания Троянской войны (2. 89, 106), а Пенелопа всячески оттягивает свое решение и обманывает женихов, делая вид, что она хочет до замужества соткать погребальный саван своему свекру. Как мы знаем, за ночь она успевает распустить ровно столько ткани, сколько сделала за день, и эта работа могла бы вообще не иметь конца, если бы одна служанка не предала свою госпожу (2. 93–110). Одиссей появляется у себя дома в облике нищего – это не просто маскировка, придуманная Афиной, а отзвук фольклорного мотива, по которому муж возвращается в грязной одежде и обросший волосами. Реликтом опознавательного знака, известного только двоим, можно признать тайну супружеского ложа Одиссея, которую имеет в виду Пенелопа, желая испытать "чужестранца" (23. 182–204). Таким же реликтом, хотя и другого фольклорного мотива – спора за невесту, является состязание в стрельбе из лука, в котором может участвовать любое число претендентов, а не один, как в сюжете о муже, подоспевшем на новую

свадьбу своей мнимой вдовы. Присутствует в поэме и сама свадьба, – правда, притворная, имитируя которую Одиссей хочет оттянуть время, чтобы молва об истреблении женихов не распространилась сразу же по городу. Однако люди, слышащие музыку во дворце, уверены, что Пенелопа выбрала себе, наконец, мужа и в доме идет свадебный пир (23. 130–151)[5]. В то же время все названные здесь составные части мотива о возвращении мужа представлены в "Одиссее" гораздо богаче и разнообразнее, чем в любом фольклорном памятнике.

Один день свадьбы, в который в обычных версиях вернувшийся муж или возлюбленный открывается своей желанной и всем собравшимся, заменен целой вереницей событий. Они начинаются, как мы уже знаем, за три с лишним года до его возвращения, и более сотни женихов, а не какой-нибудь один претендент, бесчинствуют в доме Одиссея, вынуждая его верную жену к ненавистному браку. Сам Одиссей прибывает в свой дом, уже заранее предупрежденный об ожидающих его трудностях, и отнюдь не сразу раскрывает свое инкогнито, а сначала в течение двух дней на деле убеждается в безнравственном поведении женихов. Попутно своими рассказами он возбуждает в Пенелопе надежду на скорое свидание с супругом, и автор уже заранее готовит их встречу. Сначала Пенелопа говорит Евриклее, что Одиссей, перенеся множество испытаний, может быть, стал похож на пришедшего в их дом старого нищего; затем та и сама изумляется сходству странника с ее пропавшим без вести господином (19. 357–382) и, приступая к омовению его ног, убеждается в справедливости своего предчувствия, но вынуждена хранить тайну (19. 467–490). Между тем Одиссей подбирает себе помощников в мести, одновременно готовясь парализовать возможное сопротивление женихов (19. 1–34). Наконец, обе линии сливаются в сцене состязания в стрельбе из лука. Пенелопе эта мысль внушена Афиной, Одиссей использует попавшее ему в руки оружие по собственному разумению, но в решающей схватке и он не мог бы обойтись без помощи Паллады, – божественная подмога, как и полагается в сказке, приходит в самый нужный момент. Соответственно и расправа с женихами приобретает в "Одиссее" такие масштабы, каких не знает ни одна фольклорная версия. Напомним, что и Пенелопа не бросается сразу же на шею Одиссею, как это полагается истомленной долгим ожиданием Магуль-Мегери у Лермонтова, а, опасаясь стать жертвой обмана, признает в Одиссее своего супруга только на основании очень веского доказательства (23. 177–210).

К заимствованному из фольклора мотиву воссоединения супругов присоединяется в "Одиссее" не менее древний сюжет сражения отца с сыном, отражающий очень раннюю стадию родственных связей. Обычно эта борьба кончается трагически, так как сын, выросший в отсутствие отца, не узнает его, когда тот является ему в качестве опасного соперника в сражении, и смертельно его ранит (гораздо реже отцу удается одержать победу на неузнанным сыном). Мотив этот восходит, скорее всего, к эпохе древнейших родовых отношений с присущим им так называемым матрилокальным браком. Супруг из другого племени остается только очень недолго с молодой женой, а затем возвращается к себе, не забыв дать жене наставление: когда достигнет возмужания сын, который непременно должен родиться, отправить его на розыски отца. Выросший юный герой, пустившись в дорогу, либо сбивается с пути, либо случайно становится участником войны против того племени или горо-

---

[5] Ср.: *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 59–72.

да, где царствует его отец, и вступает с ним в сражение, которое приводит к трагическому исходу. Различные варианты этого сюжета известны опять же в очень широком географическом ареале. Напомним здесь хотя бы о поединке между Хильдебрандтом и Хадубрандтом в германском эпосе, Кухулином и Конлахом – в ирландском, Рустемом и Сохрабом – в иранском (русскому читателю он давно известен по переводу Жуковского). В корпусе русских былин существует не менее 80-ти пересказов сражения, произошедшего между Ильей Муромцем и его сыном, прижитым в чужих краях (чаще всего его зовут Сокольничком)

В древнегреческих мифах также было несколько вариантов этого мотива. Наиболее известен из них, конечно, миф об Эдипе. Когда фиванскому царю Лаию было предсказано, что он умрет от руки собственного сына, новорожденного младенца бросили на горе Киферон в надежде, что он станет добычей хищных зверей. Мальчик, однако, выжил и, возмужав, во время своих странствий в дорожной ссоре убил случайно повстречавшегося, совершенно незнакомого ему Лаия. В сказании об Эдипе сын Лаия рожден, правда, не на чужбине, а от законной жены, но в остальном в нем присутствуют все моменты, необходимые для сюжета "бой отца с сыном". Другой миф вполне отвечает требованию о происхождении сына от матрилокального брака. У афинского царя Эгея долгое время не было детей, и на вопрос, обращенный по этому поводу к дельфийскому оракулу, он получил настолько непонятный ответ, что счел нужным посоветоваться со своим давним другом, царем небольшого города Трезена. Тот же, воспользовавшись присутствием в доме афинского царя, уложил его спать со своей незамужней дочерью. Расставаясь с трезенской царевной, которая неожиданно стала его женой, Эгей наказал ей, когда вырастет сын, нареченный Тесеем (рождение в таких ситуациях именно сына никогда в мифах не ставится под сомнение), послать его в Афины для знакомства с неизвестным ему отцом. Тесей, уже прославив себя по дороге в Афины победами над всякими злодеями, тем не менее не назвал по прибытии своего имени, и находившаяся в то время при Эгее волшебница Медея, опасаясь за судьбу своих детей, подговорила царя устранить нежелательного гостя. В кубок Тесея был подмешан яд, и только случайность спасла юного героя от гибели, а престарелого Эгея наградила сыном. В этом варианте сказания, как мы видим, смягчен конец: противостояние отца и сына завершается благополучно.

Зато среди греческих мифов есть один, который удовлетворяет всем элементам мотива о бое отца с сыном, и героем этого мифа как раз является сам Одиссей. От его союза с Цирцеей родится сын, прозванный Телегоном ("далеко рожденным"). По достижении им возмужалости мать отправляет его на поиски отца. Оказавшись на незнакомой ему Итаке, Телегон по неведению нападает на стада Одиссея, который выходит на защиту своего имущества и получает от сына смертельный удар копьем, причем наконечником ему служит твердый шип аканфа, – стало быть, эта версия мифа возникла в те незапамятные времена, когда для изготовления оружия еще не употребляли металлы[6].

---

[6] Неясным остается происхождение истории, переданной Парфением ("О любовных страстях", гл. 3. См.: ВДИ. 1992. № 1. С. 258 сл.), о встрече Одиссея с его сыном Евриалом, рожденным ему эпирской царевной Евиппой. Посланный матерью на Итаку для знакомства с отцом, Евриал не застает отлучившегося куда-то Одиссея, а Пенелопа, поняв, с кем имеет дело, убеждает вернувшегося мужа убить пришельца. Сохранившаяся в рукописи Парфения отсылка к трагедии Софокла "Евриал" мало что проясняет, так как от этой трагедии ничего не дошло. Рассказ же Парфения кончается все той же историей о смерти самого Одиссея от копья Телегона.

Изложенный миф составлял содержание поэмы "Телегония", оформившейся, по-видимому, только в 6 в., примерно на полтора столетия позже "Одиссеи". В ней же самой битва отца с сыном как сюжетный мотив находит отражение в столь измененной форме, что его нелегко сразу распознать. Когда Телемах отправляется на розыски отца, который ушел в поход вскоре после рождения сына, он с ним не встречается, но от его бывших соратников получает уверения, что возвращение Одиссея не за горами. Вскоре после этого герой и вправду оказывается на Итаке и при первой же встрече с Телемахом дает ему узнать себя, чем сразу исключается возникновение между ними какого бы то ни было конфликта. (О месте Телемахии в структуре поэмы см. вступительную заметку в примечании к кн. 1–4).

Последний, третий, фольклорный мотив, использованный в "Одиссее", – это повествование о дальних странах и всяческих чудесах, облеченное в поэме в форму обширного рассказа ее героя о приключениях, выпавших на его долю при возвращении из-под Трои. Обычно эту часть "Одиссеи" сопоставляют с древнеегипетским "Рассказом потерпевшего кораблекрушение", записанным на так называемом Голенищевском папирусе (ныне – в собрании Эрмитажа)[7]. Этот папирус начала II тысячелетия свидетельствует о том, что в восточном Средиземноморье с древнейших времен существовал "моряцкий фольклор", типологически родственный рассказам Одиссея в 9–12 книгах. Возможно, что ближневосточная фольклорная традиция вообще непосредственно повлияла на все представления о дальних странах и неведомых народах, которые нашли отражение в "Одиссее". Но и независимо от этого надо признать, что рассказы о великанах, колдуньях и всякого рода превращениях составляют издавна сказочный репертуар самых различных и отдаленных друг от друга народов. В "Одиссее" же мы отметим необычное совмещение совершенно фантастических образов с более или менее реальными сведениями о географии тогдашнего Средиземноморья.

Вполне надежно осведомлен автор о бассейне Эгейского моря, который с юга ограничивается островом Крит, с востока – Ионией (Малой Азией), а с запада – материковой Грецией; крайняя южная точка которой – Малейский мыс. Столкновение с киконами и их соплеменниками он локализует достаточно точно на фракийском побережье, вблизи города Исмара. Однако после бури, настигшей флот Одиссея у Малейского мыса (9. 80 сл.), начинается область чистой фантастики. Где-то далеко на западе, среди необозримых просторов мирового Океана, затерялся сказочный остров Огигия (чтобы добраться от него до Греции на хорошо оборудованном плоту, Одиссею требуется целых 17 дней), а на востоке – остров Эя, где владычествуют обольстительные волшебницы Калипсо и Цирцея. Другие земли и острова населены не менее сказочными существами – свирепыми людоедами (Полифем и лестригоны) и гостеприимными лотофагами, чья пища дарует забвение, а также искусными мореходами-феаками, чьи корабли не нуждаются в руле и в кормчем. В открытом море путникам грозят то сталкивающиеся скалы Планкты, то губительный водоворот Харибда, то хищное чудовище Скилла. Если до сих пор находятся люди, стремящиеся найти все эти чудеса на карте современного Средиземноморья и составить маршрут странствий Одиссея вдоль берегов Малой Азии или Италии, то заня-

---

[7] См.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 33–38; Сказки и повести Древнего Египта. Л., 1979. С. 30–36.

тие это можно признать столь же плодотворным, как поиски той земли, где Иван-царевич поймал Жар-птицу или хранится смерть Кощея...[8]

Сказочным характером отличаются не только странствия Одиссея, но во многом и его положение на Итаке, где роль доброй волшебницы по отношению к нему играет Афина. Собственно говоря, в качестве покровительницы нашего героя она выступает с самого начала поэмы, когда просит Зевса вернуть его на родину (1. 43–61), до последних стихов поэмы, когда она прекращает гражданскую распрю на Итаке (24. 529–548). Здесь же мы имеем в виду именно чудодейственное вмешательство Афины, являющейся герою в самый нужный момент в различных обликах и оказывающей ему необходимую помощь. Впрочем, иногда богиня делает это, вовсе не показываясь ему на глаза. Так, она несколько раз проявляет заботу о его внешности, возвышая Одиссея ростом, завивая его кудри и всячески его украшая (6. 229–237; 8. 18–20; 16. 172–177; 23. 156–162); когда нужно, Афина придает ему облик старого нищего (13. 429–437). Иногда при этом она пользуется жезлом, очень напоминающим волшебную палочку в сказках. Если героя надо скрыть от посторонних взоров, Афина окружает его мраком (7. 14–17; 23. 371 сл.), который в нужную минуту рассеивается (7. 139–143). Точно так же она является ему в облике юной девы, или молодого пастуха, или старца, чтобы указать дорогу и дать необходимое наставление или просто подбодрить (7. 19 сл.; 8. 193–200; 13. 219–225). При выносе оружия из пиршественного зала невидимая отцу и сыну Афина светит им золотой лампадой (19. 33–43), а при сражении с женихами дважды отклоняет от Одиссея брошенные в него копья (22. 256, 273). Упомянем здесь и еще один пример чудодейственной помощи. На этот раз морская богиня Левкофея снабжает Одиссея волшебным покрывалом, которое не даст ему утонуть в волнах бушующего моря, и велит при этом по миновании надобности бросить покрывало в море, при этом не оборачиваясь (5. 333–350), – типичный сказочный запрет.

Сочетание трех, названных выше мотивов, вместе с элементами волшебства придают "Одиссее" совершенно иной характер по сравнению с "Илиадой", которую, как уже говорилось, с полным правом считают образцом героического эпоса. В "Одиссее" героическое прошлое присутствует только в воспоминаниях, которые к тому же тесно объединены с многочисленными элементами фольклорной новеллы и волшебной сказки.

К этому следует добавить, что и сам Одиссей – фигура отнюдь не однозначная по отношению к кругу сказаний о Троянской войне.

Имя Одиссея не получает удовлетворительного объяснения из древнегреческого языка. Скорее всего, он был местным героем еще из догреческого прошлого и особенно почитался в западных областях Средней Греции и в северном Пелопоннесе (см. примеч. к 11. 122). Существовали сказания о смерти Одиссея в Этолии и Эпире; там был известен его культ и культовые центры, которые посещали люди, желавшие испросить совета у божества. С Феспротией, лежащей в Эпире, был связан миф, согласно которому Одиссей по возвращении женился на местной царице Каллидике. На самой Итаке во время раскопок в 30-е годы нашего столетия был обнаружен посвященный нимфам грот с алтарем и приношениями; самое древнее из них относится к позднему бронзовому веку (12 в.) Во времена Аристотеля к дому Одиссея регулярно возлагали искупительные жертвы, а от 2–1 вв. сохранился обломок

---

[8] О соотношении "Одиссеи" с фольклором и сказкой см. подробнее: *Page D.* Folktales in Homers's Odyssey. Cambridge (Mass.), 1972; *Hölscher U.* Die Odyssee. Epos zwischen Märchen und Roman. München, 1988.

посвятительной терракотовой маски с надписью: "Дар Одиссею". Вполне возможно, что культ Одиссея в этом святилище восходит еще к микенскому времени. Одна из самых знаменитых, сделанных здесь в 30-е годы 20 в. находок – двенадцать бронзовых треножников прекрасной работы, относящихся к 9 или 8 в. (еще один был найден здесь местным жителем уже в 1873 г.). Воспоминание об этих великолепных вещах каким-то образом должно было дойти до автора "Одиссеи", – иначе трудно было бы объяснить, почему в числе подарков, преподнесенных Одиссею феаками (13. 13), фигурируют именно тринадцать больших бронзовых треножников. Важно и то, что недалеко от грота нимф, на склоне одного из возвышающихся над ним холмов, были раскопаны остатки двух зданий (одно из них – весьма внушительных размеров), относимых к 12 в. и также находящихся в связи с историей местной царской династии микенского времени.

Еще дальше на запад ведут античные литературные источники, из которых следует, что Одиссей умер не в Этолии или в Эпире, а в Этрурии, где он хотел основать город Кортону; похоронен же он был якобы на тирренской (этрусской) горе Перге. Согласно античной традиции, по имени древнейшего италийского царя Латина, сына Одиссея от Цирцеи, названа область Латий (Лаций) с Римом в центре. Уже известного нам другого сына Одиссея от Цирцеи – Телегона – римляне считали основателем Пренесты и Тускула, двух древних городов вблизи от Рима, и предком тускуланского рода Мамилиев. Все это указывает на очевидную связь образа Одиссея с западным регионом Средиземноморья, – сюда с Итаки в микенские времена нашему герою было намного легче добраться, чем в расположенную на побережье Малой Азии легендарную для ахейцев Трою.

Из древнейших доступных нам античных литературных источников мы получаем доказательство того, что Одиссей с самого начала не рассчитывал на брак с Еленой и потому не обязан был присоединиться к походу на Трою. Согласно Гесиоду (ок. 700 г.), Одиссей, хоть и присутствовал в Лакедемоне, не послал отцу Елены Тиндарею полагающихся в таких случаях даров, так как заранее знал, что победителем среди женихов окажется Менелай. Сам он расценивал свои шансы весьма трезво и предпочел посвататься к Пенелопе, двоюродной сестре Елены, которую он – не без помощи Тиндарея – и получил в жены. Когда Агамемнон и Менелай стали собирать войско с целью отомстить троянцам за похищение Елены, Одиссей прилагал всяческие усилия, чтобы уклониться от участия в походе (см. примеч. к 24. 116–119). Судя по всему, отказавшись от мысли вступить в спор за Елену, Одиссей не считал себя также обязанным способствовать ее возвращению, – поведение, не вполне отвечающее кодексу героической доблести, как он сформулирован в "Илиаде" (XII. 310–328). В "Одиссее" герой вспоминает, как под Троей он отличался в стрельбе из лука (8. 215–220), – в "Илиаде" он совершенно не пользуется этим оружием. Не является ли искусство Одиссея-лучника остатком дотроянского прошлого этого образа? Под Трою Одиссей привел от подвластных ему народов всего-навсего 12 кораблей (Ил. II. 631–637) – примерно одну сотую часть общегреческого ополчения! Отсюда следует, что либо он первоначально не занимал достаточно заметного места[9] в круге троянских сказаний, либо вошел в него сравнительно поздно.

---

[9] В этой связи высказывалось предположение, что кн. X "Илаиды", наиболее поздняя в поэме, введена не без желания прославить подвиги Одиссея, для которых не было места в древнейших частях "Илиады".

Когда же это произошло, он принес с собой и свои постоянные эпитеты ("многоумный", "многохитрый", "очень изобретательный"), характеризующие его, впрочем, с той стороны, которая остается менее всего востребованной в "Илиаде": здесь Одиссей не проявляет ни особой хитрости, ни особой изобретательности. Ясно, что все эти свойства принадлежат Одиссею как центральному персонажу рассмотренных выше сюжетов. Другое дело – "Одиссея", где не только во много раз возрастает частота употребления всех перечисленных определений[10], но они и в самом деле соответствуют его поведению. В этой поэме Одиссею часто приходится действовать совсем иначе, чем это могли бы позволить себе герои "Илиады", и эти его свойства, отражающие длительную стадию долитературного существования образа, получают полный простор для проявления в новых, по сравнению с "Илиадой", социальных условиях.

3

Новые социальные условия, в которых оказывается Одиссей и его окружение, определяются как содержанием "Одиссеи", так и спецификой общественного развития во второй половине 8 в., которой героический эпос старался не замечать.

Прежде всего, казалось бы, что в "Одиссее", где все действие сконцентрировано вокруг дома и семьи, оно должно быть пространственно ограничено более узкими территориальными рамками, чем в "Илиаде", где на площади между крепостными стенами Трои и стоянкой ахейских кораблей происходят сражения с участием не одного десятка воинов. В собственном смысле слова, во второй половине поэмы так оно и есть: не считая пути, проделанного Одиссеем от хижины Евмея до своего дома и потом – от дома до усадьбы Лаэрта, место его деятельности замкнуто пиршественным залом и примыкающим к нему двором. Однако в его вымышленных повествованиях о своем прошлом, в рассказах Менелая, в воспоминаниях Евмея географический горизонт необыкновенно расширяется. Вместо поля битвы под Троей и близких к ней городов мы попадаем, не считая Итаки, во Фракию и на Крит, в Египет и в Финикию, на Кипр и в Ливию. Этот интерес к заморским странам отражает время так называемой Великой колонизации, начавшейся в 8 в.: города, в которых возникал избыток населения, выводили поселенцев в другие земли, где те либо мирно уживались с местными жителями, либо вступали в довольно напряженные отношения с ними самими или с их соседями. Примером таких столкновений может служить в "Одиссее" нападение на Исмар (9. 39–63), а еще несколько десятилетий спустя – постоянные схватки переселенцев с острова Парос с фракийцами за серебряные рудники на острове Фасос. Свидетельством этому служат фрагменты стихов Архилоха, чей жизненный путь, кстати говоря, очень напоминает вымышленную историю Одиссея о его приключении в Египте (14. 240–284).

Многочисленные греческие колонии стали возникать примерно с середины 8 в. в Сицилии и на юге Италии (к концу 7 в. они распространятся до Неаполя на западе Апеннинского полуострова и вдоль почти всего его южного побережья, так что эти области получат название Великой Греции). Тогда же началось продвижение в сто-

[10] πολύμητις в Ил. 18 раз, в Од. 68; πολυμήχανος соответственно 7 и 15 раз; ποικιλομήτης – 1 и 6. В "Одиссее" к ним прибавляются πολύφρων "очень разумный" – 5 раз, и πολύτροπος "знающий много способов" – 3 раза.

рону берегов Черного моря из Милета, расположенного в Ионии. Процесс этот, естественно, вел к расширению торговых связей, и свое место в нем заняла и маленькая Итака, оказавшаяся полезной в системе тогдашних морских путей: здесь встречались купцы и искатели приключений, направлявшиеся из Малой Азии и Центральной Греции в Италию и нынешнюю южную Францию. Археологические исследования 30-х годов обнаружили на Итаке изделия из Коринфа, Халкиды, с Кикладских островов, с одной стороны, из Италии, – с другой. Не удивительно, что именно Одиссей, выходец с Итаки, больше всех греческих вождей проникнут духом любознательности, который заставляет его, несмотря на все предостережения спутников, дожидаться появления Полифема, идти на разведку к Цирцее, слушать опасное для смертных пение Сирен.

Другая важная примета нового времени – забыты могущественные царства микенской эпохи. Слово ἄναξ ("владыка"), которое в глиняных табличках, заполненных так называемым линейным письмом Б[11], прилагалось к властителям самого высокого ранга, теперь может обозначать просто "господин", "хозяин". Так, например, обстоит дело, когда Евмей или Евриклея говорят об Одиссее, или первый из них – о Телемахе (16. 14; 17. 186), который еще отнюдь не является царем. Из 35 случаев, когда ἄναξ и производный от него глагол ἀνάσσομαι ("владеть") относятся к Одиссею, только 18 раз имеется в виду его царская власть. Другая группа понятий – βασιλεύσ "царь" и βασιλεύω "царствовать" – применительно к трем самым знаменитым царям в поэме – Одиссею, Алкиною и Менелаю – представлена очень скупо, соответственно 3, 7 и 2 раза. К тому же эпический басилевс вовсе не является синонимом единоличного властителя. Из Гесиода (*ТиД*, 38, 202, 248, 261, 263) мы знаем, что басилевсы это вообще верхушка знати; так же обстоит дело в "Одиссее" у феаков (см. 8. 390 и примеч.); один раз говорится о многих басилевсах также на Итаке (1. 394).

Микенские же владыки давно ушли в прошлое вместе со своими дворцами, многими сотнями рабов и высокоорганизованным дворцовым хозяйством (например, ювелиров, кузнецов и прочих ремесленников, а также женщин и детей; в микенских табличках из Пилоса насчитывалось 347 женщин, 240 девочек и 159 мальчиков, занятых в дворце). В доме Одиссея насчитывается всего 50 рабынь (22. 421, если это еще не преувеличение ради круглого числа), причем часть из них занята прядением и тканьем вместе с госпожой, а остальные – хозяйственными работами (20. 105–110; 22. 482–484; сходная картина – во дворце Алкиноя, 8. 102–106). По-видимому, еще несколько десятков рабов пасут стада (среди пастухов есть, впрочем и наемные батраки; см.: 14. 13–20, 97–104, 410–413), – для их "учета" нет необходимости в столь хорошо поставленной бухгалтерии, как это имело место в микенских дворцах. О рабах, занятых в сфере производства, гомеровский эпос ничего не знает.

Сам же институт рабства представлен в "Одиссее" как бы на полпути между его патриархальным характером и классической формой. Уже сложилось представление, что раб нерадив и делает все только по принуждению (17. 320–323). Захват пленников для продажи их в рабство является вполне узаконенной сферой деятельности целой социальной прослойки, какой являются пираты. Вместе с тем попавший

---

[11] См.: *Лурье С.Я.* Язык и культура микенской Греции. М., 1956; *Ленцман Я.А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963; *Нерознак В.П., Молчанов А.А., Шарыпкин С.Я.* Памятники древнейшей греческой письменности: введение в микенологию. М., 1988.

таким путем в дом Одиссея старший свинопас Евмей живет в отдельном доме, который он для себя построил, не спросясь ни Пенелопы, ни Лаэрта, имеет под началом несколько господских рабов и даже прикупил себе еще одного в собственность. Бывало, что Пенелопа приглашала его к своей трапезе. Как и коровник Филойтий, и старая нянька Евриклея, вскормившая и самого Одиссея и Телемаха, Евмей неподдельно тоскует по своему пропавшему без вести господину и готов во всем помочь ему при возвращении. В свою очередь, Одиссей обещает обоим пастухам, в случае победы над женихами, женить их и выделить хорошее приданое (14. 6–10, 450–456; 15. 374–379; 21. 214–216). Но той же Евриклее Одиссей грозит страшной карой, если она раньше времени откроет его инкогнито, и у автора не вызывают осуждения ни мучительная казнь козовода Меланфия, предавшего своего хозяина, ни расправа с рабынями, услаждавшими женихов (22. 173–177, 474–477). Кроме вольнонаемных пастухов "Одиссея" знает также поденщиков-фетов (4. 644; 11. 489; 15. 330; 18. 357), что, несомненно, является признаком достаточно далеко зашедшей социальной дифференциации.

Возвращаясь во дворцы Одиссея и Нестора, мы сразу заметим, как мало они похожи на те укрепленные цитадели, которые открылись при раскопках Микен или Тиринфа ахейских времен. Телемах, прибыв в Спарту, дивится красоте дворца Менелая (4. 71–75), но для автора "Одиссеи" это скорее отзвуки далекого прошлого, – собственный дом Одиссея выглядит значительно скромнее. В отличие от дворцов микенской эпохи он расположен не на возвышенности, а среди других домов, и обнесен только стенами с воротами. Внутри стен находится большой двор с крытыми галлереями (здесь обычно ночуют гости), рабочие помещения, стойла для скота, приводимого на убой, еще кое-какие хозяйственные постройки. В самом доме, кроме большего зала с очагом (мегарона) есть еще спальня Одиссея и Пенелопы; ее рабочая комната; вероятно, спальня Телемаха, а также комнаты, в которых ночуют служанки; особое помещение для драгоценной утвари (вместе с ней на стене висит лук Одиссея) и чулан, где хранится оружие. Не намного богаче, видимо, и дворец Нестора; и здесь гостя кладут ночевать не в доме, а в галлерее во дворе, и приехавший в Спарту вместе с Телемахом сын Нестора так же не может придти в себя от изумления при виде дворца Менелая, как и его спутник.

Меняется в "Одиссее" по сравнению с "Илиадой" и характер общественных отношений среди свободных членов общины.

Хотя в настоящее время ясно, что "гомеровского общества" как некоего социального организма никогда не существовало, все же взаимоотношения между вождями и массой воинов в "Илиаде" могут быть охарактеризованы как военная демократия: Ахиллес созывает народное собрание, чтобы при участии всего ополчения решить вопрос о том, стоит ли продолжать осаду Трои (I. 54–67); Агамемнон обращается ко всему войску, желая его испытать, с провокационным предложением отплыть по домам, и еще неизвестно, к чему бы привела его инициатива, если бы не энергичные действия Одиссея, который, где с помощью речей, а где – ударами скипетра, сумел предотвратить массовое бегство и вождей и рядовых ратников (II. 109–210).

В "Одиссее" складывается другая картина. На острове феаков общественный строй представляет собой что-то среднее между патриархальным царством и олигархией: правят там 13 царей-старейшин (басилевсов), среди которых Алкиной яв-

ляется только старшим по положению; имеется совет, состоящий из тех же "царей" 6. 54; 7. 136, 186–188; см. примеч. к 8. 390). Народное собрание, хоть и собирается, но значительной роли, судя по всему, не играет (8. 4–24), – во всяком случае, предложение Алкиноя старейшинам одарить Одиссея подарками, а затем компенсировать это поборами с народа (13. 10–15) в народном собрании не обсуждается. На самой Итаке народное собрание не созывалось с тех пор, как царь отправился на войну, а когда Телемах решил, наконец, обратиться к согражданам за помощью против бесчинств женихов, один из них своей властью распустил собравшихся, даже не пытаясь оправдать ни себя, ни своих товарищей (2. 243–257). К тому же в поэме, наряду с образом идеального царя, который правит своими подданными, соблюдая справедливость и тем обеспечивая своей стране изобилие (19. 109–114)[12], появляются рассуждения о том, что нет смысла быть хорошим царем, каким был Одиссей, а именно – приветливым и ласковым, истинным отцом для подвластных народов, – ведь женихи все равно безобразничают у него в доме, а народ не может их остановить. Так уж лучше царю всегда притеснять людей и творить беззакония (2. 230–234 = 5. 8–12). Что такие цари существуют в действительности, видно из слов Пенелопы, опять же противопоставляющей им Одиссея (4. 689–692).

Еще меньше согласуется с идеалами благородства поведение знатных женихов Пенелопы. В их характеристике, напротив, существенное место занимает такая нравственная категория, как ὕβρις "дерзость", "надменность", "склонность к насилию"(1. 364; 4. 321 и еще множество мест во второй половине поэмы, вплоть почти до самого ее окончания: 24. 352): они не только разоряют дом Одиссея, но и не боятся за это кары от богов (2. 64–67; 20. 215; 22. 39 сл.). Вместе с тем, автор "Одиссеи" вводит еще одну этическую категорию, незнакомую героическому эпосу: глас народа. В "Илиаде" Гектор не напрасно упрекает троянцев в робости (III. 56. сл.): никто из них не решается привлечь к ответственности Париса, виновника стольких бедствий. В "Одиссее" о необходимости считаться с "мнением народным" говорят и Нестор, и Одиссей, и Пенелопа, и даже женихи (3. 214 сл.; 14. 239; 16. 75, 375–382; 21. 255, 323). Кстати, однажды народ на Итаке уже хотел выразить свое мнение наиболее радикальным способом, а именно – прикончить отца Антиноя за нарушение союзнического договора с соседями, и только вмешательство Одиссея спасло виновника от расправы (16. 424–430).

Особого внимания заслуживают в "Одиссее" новые черты в изображении богов.

В "Илиаде" боги принимают самое непосредственное участие в действии. Они вселяют отвагу в своих любимцев и выручают их в трудную минуту, а нередко и сами вступают в сражение друг с другом, не скрывая своего сочувствия одной из сторон: Гера, Афина, Посидон – ахейцам, Аполлон и Афродита – троянцам. Если их симпатии и антипатии не всегда достаточно обоснованы, то все же ясно, что Гера и Афина желают гибели Трои, помня о суде Париса, который предпочел им Афродиту (ср.: IV, 20–39; XXIV. 25–30). Побудительным мотивом в их действиях служит такая архаическая категория, как гнев богов, преследующих тех, кто провинился чемнибудь лично перед ними: в не столь далеком прошлом Артемида наслала на Калидон вепря за пренебрежение жертвами в ее честь (IX. 529–539), Аполлон обрушивает на ахейцев мор в наказание за оскорбление его жреца, и при том, – по просьбе последнего (I. 9–11), и число этих примеров легко умножить.

---

[12] Ср. близкий ход мысли у Гесиода, *ТиД*, 225–237.

При этом, однако, боги в "Илиаде" меньше всего призваны наблюдать за сохранением справедливости на земле и карать за ее нарушение, потому что им самим это свойство малознакомо. Правда, Зевс пытается спасти от смерти Гектора, помня о его благочестии, но и ему приходиться смириться с решением судьбы, предсказывающей победу Ахилла (XII. 167–176, 208–213).

В "Одиссее" вмешательство богов в ход событий (не считая роли Афины как волшебной покровительницы Одиссея) носит гораздо более скромный характер и вызывается все тем же гневом бога, непосредственно оскорбленного смертным. Так, хотя у Одиссея и не было другого способа избавить от жалкой смерти себя и своих товарищей, кроме ослепления Полифема, Посидон преследует его во исполнение молитвы своего сына (9. 526–535), но понимает, что окончательное решение судьбы Одиссея ему не принадлежит (13. 131–133). Тот же Посидон превращает в скалу корабль феаков, доставивший Одиссея на родину, но при этом считает нужным согласовать этот шаг с Зевсом, который, по-видимому, старается смягчить его гнев (13. 147–158). И Гелиос, оскорбленный покушением спутников Одиссея на его стадо, не предпринимает никаких действий, а обращается с просьбой об отмщении к Зевсу (12. 376–384). В отличие от ситуации в "Илиаде", олимпийские боги избегают в "Одиссее" прямого конфликта между собой: Афина просит Зевса о возвращении Одиссея, пользуясь отсутствием Посидона в совете богов (1. 22, 72–77), и в дальнейшем помогает своему любимцу только после того, как Посидон от него отступился (5. 375–381; 13. 341–343). Также по совету Зевса Афина прекращает междоусобицу на Итаке (24. 472–486). Одним словом, Зевс в "Одиссее" пользуется среди богов несравненно большим моральным авторитетом, чем в "Илиаде", где он опирается исключительно на свою силу (VIII. 1–27).

Еще важнее, что теперь люди видят в богах защитников справедливости: Одиссей и его близкие уверены, что только с помощью богов удалось прекратить бесчинства женихов (22. 413–417; 23. 63 сл.; 24. 351 сл., 445–449). С другой стороны, и Зевс в "Одиссее" совершенно иначе относится к поведению смертных, чем это было в "Илиаде".

В своей "программной речи" Зевс прямо обращает внимание на собственную ответственность людей при принятии решения. Вина спутников Одиссея, посягнувших на священных коров Гелиоса, усугубляется тем, что они заранее знали о грозящей им каре и сознательно пошли на нарушение запрета (12. 271–276, 297–304, 320–323, 340–351): жизненный путь человека ставится в зависимость от его поведения, в отличие опять же от "Илиады", где судьба Ахилла или Гектора предопределена заранее. Вина итакийцев подчеркивается уже во вступлении к поэме: они погибли от своего безрассудства. Точно так же был предупрежден о последствиях своих действий Эгисф, который тоже пренебрег божественным предостережением. Из этого Зевс в совете богов и делает заключение, что люди сами собственным безрассудством навлекают на себя гибель (1. 32–43). Женихов Пенелопы Зевс здесь не упоминает, но ясно, что они также (и как мы видели, не без содействия богов) расплачиваются смертью за свою безрассудную дерзость[13].

---

[13] Ключевое слово для поведения женихов ἀτάσθαλος "безрассудный" (3. 207; 17. 588 и т.д.), в переводе обычно не переданное; их поведение, как и спутников Одиссея – ἀτασθαλία "безрассудство" (см. 12. 300; 22. 416 и примеч.).

Таким образом, условия существования персонажей "Одиссеи" значительно изменились по сравнению с теми, в которых действовали ахейские вожди под Троей, – и не только в силу различий в сюжете. Могло ли при этом остаться неизменным представление автора о нравственных качествах и внутреннем мире его героев?

4

Различия между двумя поэмами в изображении нравственного облика и внутреннего мира человека прежде всего определяются различием в ситуациях, в которые он поставлен в каждой из них.

В "Илиаде" социальное положение ее героев и их отношение к жизненным ценностям не отличается особым разнообразием. Все они – "рожденные Зевсом", "питомцы Зевса" и возводят свое происхождение если не к самому верховному Олимпийцу, то во всяком случае к кому-нибудь из богов или знаменитых царей прошлого. Показательна в этом смысле встреча Диомеда с Главком, где противники в самом разгаре боя не отказывают себе в удовольствии достаточно подробно изложить каждый свою родословную (Ил. VI. 119–236). Признак особого расположения Зевса к воюющим под Троей – как-раз данная им возможность от юности до старости сражаться в жестоких войнах (XIV. 85–87; исключения не составляет даже проживший уже два поколения Нестор), чтобы оправдать свое благородное происхождение и добыть себе бессмертную славу в потомстве (XII. 310–328). Конечно, доблесть не должна быть безрассудной: если враги превосходят числом или на их стороне сражается какой-нибудь бог, то для героя не зазорно позвать на помощь или понемногу отступать, не оборачиваясь к противнику спиной. В остальном же в высокоразвитом сословном чувстве и состоит превосходство царей над рядовыми воинами. Общество делится на две части – "лучших" (ἐσθλοί, ἄριστοι) и "худых" (κακοι), причем первые не испытывают никакой ответственности перед вторыми: ни Агамемнон, который своей строптивностью побудил Ахилла отказаться от участия в боях, ни сам Ахилл, который, уклоняясь от сражений, стал причиной гибели многих соратников. Героя можно только молить о жалости и снисхождении.

В "Одиссее" мы, с одной стороны, найдем и характерное для героической морали отношение к славе (напр., 24. 194–202, 432–435), и уверенность в неподсудности вождя его подданным. Попав в пещеру Полифема, Одиссей сначала не слушается разумного совета товарищей убраться оттуда подобру-поздорову и, таким образом, становится виновником гибели шестерых своих спутников. Выбравшись из пещеры, он делает одну глупость за другой: сначала дразнит Циклопа, так что последний швыряет в корабль кусок скалы и чуть не топит его; затем называет свое имя и этим навлекает на себя и, соответственно, на своих спутников гнев Посидона. Однако товарищам остается только уговаривать его "ласковыми словами" (9. 493).

Вместе с тем, появляются в "Одиссее" и новые молитвы.

Прежде всего существенным образом смещаются нравственные ориентиры. Ее герой никогда не торопится назвать свое истинное имя и происхождение – даже у феаков, с чьей помощью он рассчитывает вернуться на родину; даже перед явившейся ему на Итаке Афиной, которая, впрочем, отдает должное его осторожности. Разнообразие жизненных задач, возникающих перед Одиссеем, выявляет каждый раз только одно из свойств его характера: в одних случаях – предусмотрительность, в других – силу, в третьих – то и другое. Встреча с Циклопом требует от него и хит-

рости и отваги. Он готов подвергнуть себя крайней опасности, чтобы выручить товарищей, плененных Цирцеей, но с мечом в руках бросается на Еврилоха, обвинившего его в гибели спутников в пещере Полифема (10. 261–274, 435–442). Перед той же Цирцеей Одиссей сначала обнажает меч (на этот счет, впрочем, он имел заранее указание от Гермеса), а затем делит с ней ложе, заручившись, правда, ее клятвой вернуть человеческий облик его спутникам (10. 321–347). Получив от Левкофеи спасительное покрывало, он не сразу полагается на эту волшебную помощь, а еще какое-то время держится за останки разбитого бурей плота (5. 361–364). С Алкиноем, Аретой, Навсикаей наш герой должен быть почтителен, выступая в качестве просителя, но обидевшему его Евриалу он способен дать достаточно энергичную отповедь (8. 164–185). Главное его оружие против женихов – скрытность, но в драке с Иром он позволяет себе показать не пропавшую в нем силу.

Однако самым примечательным качеством Одиссея является, пожалуй, его способность выдержать многочисленные испытания. Определение "многострадальный" (πολύτλας), несколько раз сопровождающее его имя в "Илиаде" (VIII. 97; IX. 676; X. 248; XXIII. 729, 778), является там не больше, чем постоянным эпитетом, вошедшим в героический эпос вместе с его носителем из более ранних форм сказания. Свое полное обоснование эта характеристика получает только в "Одиссее", где на долю главного персонажа выпадает столько трудностей, что их едва ли бы вынес менее стойкий герой: бури на море и опасности на суше, общение с призраками умерших и неволя у Калипсо, брань и унижения со стороны женихов и их прихлебателей – прилагательное πολύτλας, впервые появившись в кн. 5. 171, встречается затем еще 36 раз. Многочисленные страдания приучили Одиссея уважать чужое горе: он воздает все необходимые погребальные почести Ельпенору, а расправившись с женихами, не велит торжествовать над их трупами (Од. 22. 411) – в отличие от морального кода героев "Илиады", где их славе служит не только победа над врагом, но и возможность опозорить убитого, бросив его тело на растерзание собакам и хищным птицам (ср. XXII. 338–354).

Затем, трудно представить себе, чтобы прямодушный Ахилл, будучи героем "Илиады", позволил кому-нибудь приравнять его к нищему, – в "Одиссее" он, оказавшись в расцвете сил на том свете, готов лучше примириться на земле с долей батрака, чем господствовать среди мертвых (11. 489–491). Что касается перевоплощения в нищего, то Одиссей и в самом деле совершает этот маскарад дважды: в первый раз, еще находясь под Троей, чтобы проникнуть в город неузнанным, и к тому же для полного сходства с рабом исполосовав тело бичом (Од. 4. 242–24); во второй раз, – с помощью Афины, чтобы разведать обстановку в собственном доме. При этом он настолько входит в роль, что отказывается от постели, предложенный ему Пенелопой, и укладывается на ночлег на полу в сенях, как то положено бездомному бродяге (19. 335–340; 20. 1–4). Здесь, пожалуй, впервые в греческой литературе Одиссей выступает как откровенный прагматик, для которого цель оправдывает средства (таким он будет выведен позднее в "Филоктете" Софокла).

Впрочем, наиболее тяжелый удар по идеалу человека, соединяющего в себе физическое совершенство и силу разума (что подразумевается в эпическом герое), наносит в одном из своих рассуждений сам Одиссей, возражая в собрании феаков уже упомянутому Евриалу. Не всем людям боги дают все свои дары – и осанку, и разум, и искусство речи, – говорит здесь Одиссей; – и невзрачный на вид человек может

быть наделен таким даром речи, что сограждане почитают его, как бога. И, напротив, красота, в которой Евриал подобен богу, не соединяется в нем с разумом (Од. 8. 167–177). Не столь важно, что, провозглашая хвалу красноречию, Одиссей, конечно, имеет в виду себя самого, – интереснее другое. В "Илиаде" тоже разные цари не в одинаковой мере обладают совокупностью высоких природных свойств: Ахилл превышает всех храбростью, но уступает Одиссею в рассудительности, Нестор выделяется даром речи и т.д., Агамемнон может даже быть заносчив и несправедлив, – все равно, он – первый среди данайцев. Совершенно невероятно, чтобы кто-нибудь из вождей при его умственной доблести отличался невзрачной внешностью, – в истинном аристократе физические и нравственные качества непременно совпадают, а "ругатель" Ферсит, вечный враг Ахилла и Одиссея, нападающий в своей речи в народном собрании на Агамемнона, и на вид безобразен (Ил. II. 216–243). Не случайно и в "Одиссее", несмотря на приведенное выше рассуждение ее героя, всякий раз, как Одиссею предстоит добиться внимания окружающих, Афина возвышает его стан и озаряет его лик красотой: убогого урода никто и слушать не станет.

Разнообразие качеств, которыми обладает Одиссей, разумеется, выделяет его среди других действующих лиц поэмы, но и не затеняет их со всеми присущими им свойствами характера.

Достаточно только назвать имя Пенелопы, чтобы перед современным читателем возник идеальный образ супружеский верности, которую жена Одиссея подтверждает словом и делом. Стоит обратить внимание и на известный психологический нюанс, которым автор подготавливает Пенелопу (а вместе с ней и слушателя) к узнаванию ее пропавшего мужа: появившийся в ее доме нищий кажется ей очень похожим на Одиссея и возбуждает печальные думы о нем (19. 358–360, 379–382; 20. 204–207).

Менее значительные персонажи часто объединены попарно, и в зависимости от их отношения к Одиссею, – либо по сходству, либо по контрасту. Так, сохраняющие ему верность Евмей и Филойтий, дополняя друг друга, противопоставлены наглым Меланфию и его дочери Меланфо. Дерзость последней, в свою очередь, еще ярче выявляется на фоне преданности к своим господам, которой отличается Евриклея. Среди женихов стараются превзойти друг друга в высокомерии и разнузданности Антиной и Евримах; первому из них противостоит Амфином, возражающий против убийства Телемаха (17. 394–405) и сочувствующий Одиссею-нищему. Он мог бы даже уберечься от расправы, если бы послушался его совета (18. 125–150).

Две очаровательницы встречаются на пути Одиссея – Калипсо и Цирцея, но первая старается навеки удержать его у себя, вторая по прошествии года не сопротивляется его отъезду. Дважды попадает Одиссей к диким великанам, не ведающим законов гостеприимства, – к циклопам и лестригонам, и встреча с ними кончается оба раза достаточно печально. Дважды попадает он и к персонажам, искренне желающим ему помочь, – владыке ветров Эолу и царю феаков Алкиною, и не вина первого из них, что спутники Одиссея, развязав мех с ветрами, свели на нет его благодеяние. Зато второй не только отправляет скитальца на родину, но и проявляет такую душевную чуткость, на которую едва ли способны воинственные герои "Илиады": заметив волнение Одиссея при исполнении Демодоком сказания о взятии Трои, он прерывает его песнь, чтобы не тревожить гостя (8. 532–543). Деликатностью отличаются и обе представительницы женского пола в доме Алкиноя – Арета,

оказывающая Одиссею всяческое покровительство, и Навсикая, которая стесняется объяснить отцу, чтó побудило ее заняться стиркой белья (6. 25–35, 66 сл.).

Особого рассмотрения требует вопрос об изображении в "Одиссее" внутреннего мира человека.

Прежде всего обратим внимание на привлечение внешней симптоматики для передачи сильного аффекта. При известии об отъезде Телемаха в Лакедемон у Пенелопы задрожали колени, глаза наполнились слезами, пресекся голос (4. 703–705). Подходя вместе с Евмеем к своему дому, Одиссей от волнения хватается за его руку; при виде пса Аргуса, столько лет дожидавшегося хозяина, Одиссей смахивает с глаз слезу (17. 263, 304). Дрожь в членах при сильном испуге охватывает в различных ситуациях Одиссея, Ира, женихов, служанок, ахейцев (5. 297; 11. 527; 18. 88, 341; 22. 68, 147; 24. 49), при сильном волнении – Пенелопу и Лаэрта (23. 205; 24. 345)[14]. У Евриклеи, узнавшей Одиссея, слезы застилают глаза, пресекается голос (19. 472); самого Одиссея, окруженного верными ему служанками, охватывает "сладостное желание плача и стона" (22. 500 сл.); у него же от жалости к старому отцу, дыхание бросается в ноздри (23. 318 сл.). Коровника Филойтия обдало пóтом, и глаза его наполнились слезами, когда он подумал, что Одиссей может влачить такую же жалкую жизнь, как встретившийся ему нищий (20. 204 сл.). Проснувшись на Итаке и не узнав ее в густом тумане, Одиссей в отчаянье ударяет себя по бедрам (13. 198 сл.). Увидев вернувшегося Телемаха, Евмей роняет из рук сосуды, в которых он смешивал вино с водой (16. 13 сл.). При встрече Одиссея с сыном у обоих возникает "страстное желание плача" (16. 215). К этому можно прибавить определение, которое несколько раз получает слово "ужас", – "бледный" (напр., 12. 243). Это словосочетание передает не столько внутреннее состояние человека, охваченного ужасом, сколько внешнее проявление чувств – бледность, покрывшая его лицо (как в 21. 412: "цвет лица изменился").

При всем впечатлении, какое производит такая яркая симптоматика, гораздо интереснее выяснить, как видит автор самый "механизм" внутренней деятельности, и здесь нас поначалу ожидает некоторое разочарование: нередко душевный порыв или некая мысль, возникшая у смертного, приписываются в гомеровском эпосе воздействию со стороны бога – либо называемого по имени, либо точнее не определяемого (по-гречески δαίμων).

Именно какое-то божество приказало Елене выкликáть поименно ахейцев, укрывшихся в деревянном коне (4. 274–279), или "вдунуло" отвагу в спутников Одиссея, как это в другой раз сделает Афина с Лаэртом (24. 520). Впрочем, чаще, чем на человека "в целом", бог оказывает воздействие на его душевные органы, – здесь мы встречаемся с весьма специфическим изображением внутреннего мира человека.

Дело в том, что гомеровскому эпосу чуждо представление о душе как некой совокупности эмоциональных проявлений. Гомеровская "душа" (ψυχή) – не более чем

[14] Заметим, что в двух последних случаях традиционная формула сопровождает изображение совершенно индивидуальных ощущений людей, близких Одиссею: Пенелопа узнает мужа после его рассказа об устройстве их супружеского ложа, Лаэрт – сына, после того как тот перечислил подаренные ему в детстве деревья. Несомненная психологическая наблюдательность автора все еще нуждается в привычном обрамлении.

живое дыхание, которое делает человека существом одушевленным и покидает его в момент смерти, отлетая через рот или рану. Попав в Аид, душа теряет ощущения, свойственные живому человеку, пока не напьется крови жертвенного животного (на этом основана процедура встреч с душами в кн. 11).

Управляют же человеком две субстанции. Первая из них это θυμός – понятие, которому ближе всего соответствует в русском языке слово "дух". При этом "дух" воспринимается как некое самостоятельное существо, нечто другое в самом человеке. Так, "дух" велит, побуждает, приказывает что-нибудь (4. 140; 5. 89; 17. 554 сл. и т.д.), человек может ему уступать (5. 126), но может его обуздывать или сдерживать (11. 105; 20. 266). Гомеровские герои могут обращаться к своему "духу" с речью, о чем еще будет разговор дальше. Иногда берет на себя функции "духа", но чаще выступает носителем интеллектуальной деятельности человека другой "орган" – φρένες, в котором заложена способность понимания, размышления, – иными словами, разум, рассудок.

Нередко "дух" и рассудок вместе служат полем проявления мыслительных способностей человека. Можно знать что-либо, обдумывать, размышлять "в рассудке и в духе" (1. 290; 4. 117; 15. 211). Сомнение в том, как поступить, вводится словами: "Пока он так размышлял в своем рассудке и духе" (4. 120; 5. 365 и т.п.). И "дух" и рассудок открыты воздействию извне. Тиресий обещает "вложить в рассудок" Одиссея содержание своего пророчества (11. 146, ср. 454). Сам Одиссей предлагает Телемаху "вложить в рассудок" его наставление (16. 281–299).

Значительно чаще, однако, "влагают" в рассудок или в "дух" отвагу и мужество боги (Афина – Телемаху и Навсикае: 1. 89, 320 сл.; 3. 76 сл.; 6. 139 сл.). Те же боги могут "вложить в разум" персонажу удачную мысль: ухватиться за ближайший утес, вынести из зала оружие, показаться женихам и т.д. (5. 427; 16. 282; 18. 158). Но они же могут "изъять", "повредить" разум. По мнению Евмея, кто-то из богов или смертных (вмешательство в этот процесс смертного – беспрецедентный случай!) повредил разум Телемаха, побудив его отправиться в Пилос (14. 178). Та же мысль – в словах Пенелопы: боги могут сделать даже очень разумного человека неразумным и наделить благоразумием неразумного (23. 11–13). Не означает ли это вмешательство богов во внутренний мир человека, что гомеровские герои – не более чем марионетки, которых дергают за ниточки некие высшие существа?

Разумеется, всякий непредубежденный читатель, очарованный той полнотой жизни, которая характеризует образы "Одиссеи", с негодованием отвергнет такое предположение, отчего, однако, проблема божественного участия в поведении гомеровского человека не прекратит своего существования. В ученом мире она получила название "божественного аппарата", к помощи которого автор якобы прибегает всякий раз, когда нужно изобразить необычное эмоциональное состояние человека. По поводу этого "божественного аппарата" за десятилетия сломано много копий, и здесь нет необходимости вникать во все детали полемики. Наиболее вероятным его объяснением является отсутствие у эпического автора интереса к психологическому состоянию его героев – внутренний мир человека не стал еще предметом эстетического исследования. Для поэта важны непосредственные побудительные мотивы, подтолкнувшие героя к тому или иному действию, и "божественный аппарат" избавляет его от необходимости вникать в глубины человеческой души. К этому следует добавить, что далеко не всегда человек действует под влиянием божест-

ва[15], – лучше всего это видно из того, как описывается в поэме столь важный для ее героев процесс размышления. Относящиеся к нему эпизоды могут быть разбиты на три группы.

В первой из них раздумье направлено на поиски средства для достижения уже четко определенной цели. Простейший случай – как выбраться из пещеры Циклопа после его ослепления (9. 420–424). Более сложный – как вообще спастись от этого людоеда (9. 299–318), – здесь процесс размышления охватывает два дня, одна мысль сменяется другой. Конечный же результат оба раза выражается одинаково: "Вот какая мысль показалась мне в душе наилучшей". При этом указываются и обстоятельства, содействовавшие появлению этой "наилучшей мысли": присутствие в пещере баранов, под которым можно из нее выбраться; ствол дерева, который можно использовать, чтобы ослепить Полифема.

В другой группе пассажей речь идет о выборе решения из двух противоположных возможностей. Для введения альтернативы служит формула: "Размышляя... либо... либо". Оказавшись перед Навсикаей, Одиссей колеблется, обнять ли ему ее колени или просить о помощи издали; ему "показалось более выгодным" молить словами издали, чтобы не разгневать девушку своим прикосновением (6. 141–147). Перед дракой с Иром Одиссей размышляет, убить ли его одним ударом или только опрокинуть на землю; "более выгодным показалось" дать Иру легкий толчок, чтобы женихи не заподозрили чего-нибудь неладного (18. 90–94). Как видим, все эти раздумья (так же, как у Фемия в 22. 333–339) кончаются в пользу "выгоды", даже если соображения выгоды не могут иметь никакого значения. Так, например, Одиссею показалось "более выгодным" испытать отца словами, чем сразу ему открыться (24. 235–240).

К перечисленным примерам следует добавить несколько случаев, в которых характеризуется душевное состояние Пенелопы. Примечательно, что только один раз она приходит к определенному решению (23. 85–89). В остальных ситуациях колебания Пенелопы не находят разрешения: остаться ли ей с сыном и охранять дом Одиссея или выбрать себе нового мужа? (16. 73–77; 19. 524–529). Удастся ли Телемаху вернуться невредимым или его погубят женихи? (4. 789 сл.), – поэта уже интересует не столько результат размышления, сколько самый его процесс, он явно хочет найти какие-то еще неизвестные пути к пониманию душевного мира человека. Показательны в этом смысле сцены, в которых проявляется способность героя совладать с собой (10. 49–54; 17. 233–238), – остановимся на самой примечательной из них – разговоре Одиссея со своим сердцем в начале кн. 20.

Лежа вечером в сенях накануне задуманной им расправы, Одиссей видит служанок, убегающих на свидание с женихами. Дух его возмутился, и им овладело сомнение, умертвить ли тотчас всех рабынь или дать им в последний раз потешиться с любовниками. Ясно, что "выгоднее" для Одиссея не выдать себя, но его волнение перед решающим днем настолько велико, что он не в состоянии обратиться к соображениям выгоды. Сердце у него в груди рычит, как собака, защищающая своих щенков, и тогда Одиссей ударяет себя в грудь и велит сердцу стерпеть. И оно его послу-

---

[15] Показательны в этом отношении несколько случаев, когда возникает вопрос, сам ли персонаж (или его "дух") принял решение, или его надоумил кто-нибудь из богов (4. 712 сл., 7. 263; 9. 399). Афина говорит Телемаху, что одно он сообразит сам, другое ему "вложит в рассудок" бог (3. 36 сл.).

шалось (6–24). Хоть здесь мы и видим традиционное представление о "сердце" как о чем-то отличном от самого человека, важно, что он справляется с ним сам, без всякой помощи божества.

Третью группу эпизодов, содержащих размышление героя, составляют в обеих поэмах внутренние монологи. В "Илиаде" их четыре, и все они произносятся героями, попавшими в затруднительное положение на поле боя. Все они кончаются одинаково ("Однако, что это у меня задумался над этим мой дух?") – возвращением к однозначной этической норме: благородный должен выстоять, но не следует сопротивляться очевидной воле божества. В "Одиссее" насчитывается 10 внутренних монологов, причем 6 из них приходятся на кн. 5, а 4 в ней принадлежат Одиссею, попавшему в сильнейшую бурю. Все они начинаются с вводной фразы: "Сказал в огорчении своему великому духу". Во всех речь идет не о следовании какой-либо этической норме, а о выборе решения в совершенно определенной ситуации. Поступить ли по совету Левкофеи или остаться на плоту? Как мы уже знаем, для начала он выбирает вторую возможность (5. 354–365). Пристать ли к каменистому берегу или плыть вдоль него? Здесь ответ – единственный раз во всех сценах размышления – подсказывает ему Афина (407–425). Остаться на берегу или спрятаться в лесной чаще? Ясно, что по соображениям выгоды Одиссей выбирает второй вариант (464–475). Еще в одном случае (299–312) размышление не содержит альтернативы и потому не требует ответа.

Мы видим, что, за одним единственным исключением, не может возникнуть ни малейших сомнений в полной самостоятельности человека, подобно тому, как мы можем наблюдать ее еще в десятках других случаев в поведении героев "Одиссеи". Скудные остатки "божественного аппарата" в поэме свидетельствуют о том, что и в изображении внутреннего мира "Одиссея" удаляется от эпических стереотипов.

Читатель, вероятно, заметил, что во второй половине этого параграфа почти не было столь привычного ему сопоставления "Одиссеи" с "Илиадой". Это не случайно. Если мы захотим проверить, как в "Илиаде" используется внешняя симптоматика аффекта, как изображается деятельность "духа" или рассудка, как оформляется процесс размышления, то найдем между обеими поэмами гораздо больше сходства, чем различий. Этому есть два объяснения. Во-первых, как мы уже говорили, эпос требует от автора достаточно сдержанного отношения к раскрытию психологического облика его героев. Во-вторых, в изображении внутреннего мира человека очень значительную роль играют так называемые формульные стихи и словосочетания, которые являются непременной составной частью эпического стиля, также в большой мере общего для обеих поэм.

5[16]

Понятие эпического стиля включает в себя сумму художественных приемов, унаследованных зрелым эпосом от стадии его фольклорного бытования и присущих, вообще говоря, устному творчеству всех народов мира. Однако в гомеровских поэмах в большей степени, чем в русских былинах с их свободным стихом, все художественные приемы связаны с размером, которым написаны поэмы, – шестистопным дактилем (гексаметром).

---

[16] Ссылки на стихи из кн. 1 даются в этом параграфе по оригиналу. Перевод отдельных примеров может не совпадать с переводом Жуковского.

Одним из самых распространенных свойств эпического стиля является употребление постоянных ("украшающих") эпитетов. Нам уже приходилось говорить о наиболее частом определении Одиссея – "многострадальный". По частоте употребления не уступает ему и постоянный эпитет Телемаха "рассудительный". И вот, сочетание πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς "многострадальный божественный Одиссей" всегда занимает в стихе его вторую половину, а сочетание Τηλέμαχος πεπνύμενος "Телемах рассудительный" заполняет целиком 2, 3 и 4 стопы. Постоянный эпитет Менелая – "русый" (у Жуковского: "златовласый"), и это прилагательное вместе с его именем также имеет свое фиксированное место: со второй половины 4-й стопы до конца стиха. Больше того: в двух случаях "русый" относится к Радаманфу (4. 564; 7. 323) – все равно, вместе с этим именем оно занимает в стихе ту же позицию. Посидон назван не один раз κυανοχαίτης. Жуковский переводит как "лазурнокудрявый", собственно: "с волосами цвета вороненой стали", – этому эпитету бога всегда отводятся 5-я и 6-я стопы гексаметра. Знатные женщины, а иногда и служанки названы "белорукими" (точнее: "белолокотными", см. 6. 101 и примеч.), и опять же эпитет λευκώλενος занимает всегда конец 3-й и всю 4-ю стопу.

Перечисление это можно продолжать до бесконечности; у одного лишь Одиссея наберется до десятка таких украшающих эпитетов – не столь частых, как "многострадальный", но все же характеризующих его достаточно выразительно. Здесь следует еще обратить внимание на то, что постоянные эпитеты сопровождают персонаж независимо от того, в каком положении он в данный момент находится. Так, ахейцы в "Илиаде" часто определяются как "прекраснопоножные" (εὐκνήμιδες) и эпитет этот несколько раз сохраняется за ними в "Одиссее" (2. 72; 3. 149 и т.д.), но прилагается также к спутникам Одиссея и юношам с Итаки, плывущим на корабле с Телемахом. Вполне понятно, что первые из них в бою надевают поножи (9. 60), но когда они ждут возвращения Одиссея на берегу Козьего острова или направляются на разведку, пристав к острову Цирцеи, поножи им совершенно не нужны. Точно так же доспехи не только излишни, но будут мешать при гребле спутникам Телемаха, – все равно, и те, и другие названы "прекраснопоножными" (2. 402; 9. 550; 10. 203). Другой пример – эпитет τανύπεπλος "носящая длинную одежду". Он прилагается, в частности, к Елене в 15. 171, где эпитет вполне к месту; однако тот же эпитет сопровождает Елену, когда она отправляется в постель и как раз должна снять свою длинную одежду (см. 4. 305 и примеч.). Постоянный эпитет для неба – "звездное", которым оно обозначается и тогда, когда Полифем воздевает к нему руки среди бела дня (9. 526) или Гелиос любуется на своих коров (12. 380), хотя совершенно ясно, что при появлении солнца звезды исчезают с небосвода. Постоянный эпитет для площади, где происходят народные собрания, – "многогласная", и так она называется даже тогда, когда собравшиеся оцепенели в молчании при виде вещих птиц, посланных Зевсом (2. 150). Постоянный эпитет может вовсе противоречить нравственному облику его носителя, – см. 1. 129[17]. Любопытно также отметить, что определение, редко встречающееся в "Илиаде" и,

---

[17] В русских былинах эта прикрепленность постоянного эпитета к определенному персонажу может производить на современного читателя комическое впечатление, когда, например, не только князь Владимир начинает свое письмо к Калину-царю с приветствия: "Ай же ты, собака да и Калин-царь!", но точно так же величают Калина его подчиненные, и сам он предлагает Илье Муромцу служить "собаке царю Калину". При исполнении былины слушатели, надо думать, таких чувств не испытывали: кто Калина не назови, он все равно собака.

следовательно, не претендующее там на роль постоянного эпитета, может приобрести такое свойство в "Одиссее". Например, прилагательное περίφρων "очень разумная" ("многоумная" в переводе Жуковского) употребляется в "Илиаде" всего один раз (V. 412) и не несет никакой смысловой нагрузки, в "Одиссее" же оно становится постоянным определением Пенелопы (1. 326 = 11. 146, в конце стиха, и в дальнейшем около 50 раз), характеризуя ее рассудительность и верность.

Точно так же, как украшающие эпитеты вместе с именами собственными, постоянное место в стихе могут занимать одинаковые полустишия. В начале стиха: "Все же другие тогда..." (1. 11; 2. 82 и т.д.) – дальше может следовать: "избегли погибели верной" или "неподвижно-безмолвно сидели". В конце стиха: "... совоокая дева Афина" (1. 44, 80; 3. 25, 229 и т.д.); "... Нестор, конник геренский" (2. 102, 210, 253); "... по хребту широкому моря" (3. 142; 4. 313; 5. 17 и т.д.).

Стих может быть составлен из двух половин, встречающихся порознь в других сочетаниях. Так, Телемах рассказывает Пенелопе, как Менелай реагировал на известие о бесчинстве женихов: "*С речью ко мне обратившись*, слова он такие промолвил" (17. 123). Первая половина стиха повторяется дважды в рассказах Одиссея: "С речью ко мне обратившись, сказал прорицатель надежный" (11. 99) или: "... сказала Цирцея богиня" (12. 36). Вторая половина тоже принадлежит Одиссею "Так говорил я, в ответ *слова он такие промолвил*" (11. 487: встреча с Ахиллом в подземном царстве). Едва ли не чаще формула охватывает целый стих. Прямая речь вводится словами: "Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово" (1. 122; 2. 269 и т.д., всего в обеих поэмах с небольшими вариантами 125 раз). "За руку взявши его и назвавши по имени, молвил" (2. 302; 8. 291 и т.д.). "Так поклялася она и клятву свою совершила" или "Все поклялися они и клятву свою совершили" (2. 378; 10. 346 и т.д.). Все приведенные стихи встречаются также достаточно часто в "Илиаде". Наряду с этим есть формулы, повторяемые в "Одиссее" гораздо чаще, чем в "Илиаде": "Встала из ночи златая, с перстами пурпурными Эос" (2. 1 и примеч.): в "Илиаде" всего 2 раза в "Одиссее" – 20, нередко в сопровождении следующего стиха, в котором варьируется только имя человека, поднявшегося с постели: Телемаха (2. 2), Нестора (3. 405), Менелая (4. 307), Алкиноя (8. 2).

Отметим особо формульные стихи, засвидетельствованные только в "Одиссее". "Новая мысль пробудилась в уме совоокой Афины" (2. 382, 393; 4. 795 и т.д.). "Ей (им) отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев" (1. 230, 306; 2. 371 и т.д.). "Солнце тем временем село, и все потемнели дороги" (2. 388; 3. 487; 11. 12 и т.д.[18]). Формула может расширяться, охватывая два стиха: "Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге, // Ели прекрасное мясо и сладким вином угощались" (19. 183 сл.; 12. 29 сл. и т.д.).

Если бы мы захотели привести здесь все примеры формул (преимущественно однострочных), статья наша превратилась бы в бесконечный перечень цитат и отсылок к соответствующим стихам. Внимательный читатель заметит их сам. Остановимся лучше на еще более крупных комплексах, рисующих в одинаковых словах повторяющиеся ситуации. Сюда, например, относятся: группа вопросов, обращенных к незнакомцу с просьбой сообщить его имя и происхождение (3. 71–74 = 9. 252–255; 1. 170–173 = 14. 187–190); ужин и приготовление ко сну (9. 556–560 и примеч.); приготовление к угощению (1. 136–140 и примеч. к 134–138).

---

[18] Первая половина этого стиха повторяется также в 6. 321; 7. 289; 8. 417. Другие примеры однострочных формул: 1. 221 = 3. 25 = 229; 3. 342 = 395 = 8. 184 = 18. 427 и т.д.; 3. 477 = 6. 247 = 15. 220 и т.д.

К формульным комплексам примыкают по своему назначению повторения речей, звучащих совершенно или почти одинаково, хотя и произносимых при различных обстоятельствах. (1) Телемах предлагает матери удалиться в свои покои, так как ей не подобает вмешиваться в мужские дела (1. 356–359 = 21. 350–353). В первом случае, однако, он дает это наставление в достаточно мирной обстановке, когда речь заходит об исполняемой Фемием песни; во втором – перед тем как Одиссей возьмет лук и начнет истребление женихов. Вся же разница в тексте состоит в том, что в кн. 1 Телемах называет мужским делом μῦθος (т.е. содержание песни), в кн. 21 – τόξον (т.е. состязание в стрельбе из лука). (2) Тот же Телемах повторяет в народном собрании наказ, полученный накануне от Афины в облике Ментеса (2. 215–223 = 1. 281–283 + 287–292). Чуть раньше он воспроизводит перед собравшимися то, что раньше говорил женихам (2. 139–145 = 1. 374–380). В одних и тех же словах Телемах просит сначала Нестора, а потом Менелая сообщить ему, что они знают об Одиссее (3. 92–101 = 4. 322–331). (3) По возвращении на Итаку он повторяет перед матерью то, что узнал от Менелая (17. 124–137 = 4. 333–346). (4) Почти совпадает выдуманная Одиссеем история, которую он рассказывает сначала Евмею, а потом Пенелопе (14. 323–334 = 19. 288–299). (5) Одиссей повторяет перед Пенелопой прорицание, полученное им в Аиде от Тиресия (23. 268–284 = 11. 121–137). (6) Тень убитого Амфимедона повторяет в Аиде жалобу на хитрость Пенелопы, которую раньше высказывал в народном собрании Антиной (24. 128–146 = 2. 93–110). В тех же словах, впрочем, рассказывает эту историю сама Пенелопа (19. 139–156 = 2. 94–110). (7) Она же повторяет перед Одиссеем слова, сказанные в народном собрании Телемахом (17. 534–538 = 2. 55–59).

Как видим, временнóе расстояние между двумя совершенно (или почти) одинаковыми речами составляет иногда всего лишь один-два дня (примеры 2 и 4), иногда достигает 30–39 дней – примеры 1, 3 и 6) и один раз – семи лет (пример 5). При этом чаще всего одинаковые речи вложены в уста одного и того же персонажа (примеры 1–5). В другой раз тень убитого Амфимедона повторяет, чуть не 40 дней спустя, речь Антиноя, которую он мог слышать в народном собрании, но и Пенелопа, явно этой речи не слышавшая, воспроизводит ее почти слова в слово (пример 6; тот же случай – пример 7). Ясно, что нельзя ставить вопрос о правдоподобии этих ситуаций: даже на следующий день человек (если он не профессиональный актер, выучивший роль) едва ли способен повторить слово в слово свою собственную или чужую речь, произнесенную им или услышанную накануне. Что уж говорить об интервале в месяц или в целые семь лет, равно как об одинаковых речах, произнесенных разными людьми! Мы имеем здесь дело с техническим приемом, удобным для сказителя: с одной стороны, он может передохнуть, повторяя однажды сказанное, с другой, – напомнить слушателям уже услышанное и, может быть, отчасти забытое.

То же самое можно сказать о формульных стихах и комплексах: сказитель с еще большей легкостью переносил их из одной поэмы в другую, полумеханически повторяя когда-то заученные "общие места". В "Одиссее" легко указать целые отрезки текста, составленные целиком или большей частью из стихов, повторяющихся в других местах поэмы. Такую мозаику представляют собой, например, 9. 85–90; 12. 145–152; 14. 301–309, 325–335; 17. 163–169. Всего в обеих поэмах повторяется 9253 стиха, т.е. примерно одна треть их объема. Перечислить здесь все формульные и повторяющиеся стихи – задача немыслимая. Однако в примечаниях читатель найдет указания на все случаи тождества, начиная от групп в два стиха, помня при этом, что в переводе тождество оригинала не всегда передается в полной мере.

Разобранные элементы эпического стиля, кроме их значения для поэтической и исполнительской техники, обладают еще очень важной смысловой функцией: они характеризуют мир поэмы, несмотря на все перипетии в судьбе ее героя, как нечто устойчивое, постоянное, возвращающееся в свою колею даже после всех перемен и треволнений. Это впечатление должно еще больше усиливаться от свойственного автору стремления к детализации.

Речь идет здесь не о подробном описании, положим, дворца и сада Алкиноя (7. 84–132) или Козьего острова (9. 116–141), – первое своим спокойствием создает контраст бурным дням, которые провел в море Одиссей, второму будет противопоставлена дикость циклопов, не умеющих использовать окружающую их благодатную природу. Мы имеем здесь в виду такие случаи, когда длительное отступление от хода действия, по-видимому, противоречит необходимому ускорению темпа повествования. Так, например, еще неизвестно, понадобится ли Одиссею вино, подаренное ему в Исмаре, а слушателю уже предлагается рассказ о его свойствах (9. 196–212). Накануне решающего состязания в стрельбе из лука подробнейшим образом описывается этот лук (21. 11–41). При омовении ног странника слушатель ожидает мгновенной реакции Евриклеи на обнаруженный ею шрам на его ноге, – вместо этого следует история происхождения самого шрама (19. 393–446), причем самостоятельное значение этого отрезка текста подчеркивается так называемой рамочной композицией, как бы вычленяющей его из повествования. Наконец, при попытке Пенелопы "испытать" вернувшегося супруга, Одиссей, не торопясь, вспоминает, как он устроил их брачное ложе, чтобы его нельзя было вынести из спальни (23. 184–204). Как видно, слушателей "Одиссеи" происхождение каждой вещи (вина, лука, кровати) и происшествие, случившееся задолго до начала действия поэмы, интересовали ничуть не меньше, чем те события, которые в ней происходят.

Остановимся, наконец, на таком распространенном приеме фольклорной повествовательной техники, как сравнения, и позволим себе для начала привести один пример из "Илиады" – картину сражения, которое греки ведут с троянцами за тело убитого Патрокла (XVII. 735–759). Из эпизода объемом в 25 стихов мы выделим здесь только те, которые описывают самую битву:

735 Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их...
740 Так и коней колесничных, и воинов меднодоспешных
Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
746 С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы...
752 Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
758 Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.

(*Перевод Н.И. Гнедича*)

По четырехкратному "так" и "таким" читатель уже догадался, что между выписанными стихами содержатся сравнения, и дело обстоит именно таким образом: наступление и отступление сражающихся сравнивается то с пожаром, обрушившимся на город; то с мулами, тянущими тяжелый груз; то с холмом, отражающим наводнение; то со стаей птиц, спасающихся от ястреба.

Ничего подобного мы не найдем в "Одиссее", гораздо более бедной сравнениями. В "Илиаде" их 342, в том числе 218 – достаточно развернутых. В "Одиссее" 129 сравнений, из которых 53 можно считать относительно подробными, как, например, 8. 523–530 (участь вдовы погибшего воина) или 22. 299–306 (коровы, преследуемые слепнями; соколы, нападающие на стаю птиц). Редко, однако, сравнение превышает 5–7 стихов и почти никогда не достигает выразительности сравнений в "Илиаде".

Обычно говорят, что это различие обусловлено различием в жизненном материале: в "Илиаде", где идут сплошные бои, сравнения заимствуются из области природы и домашнего быта, а в "Одиссее" и без того хватает красочных пейзажей (к упомянутым выше саду Алкиноя и Козьему острову прибавим еще остров Калипсо, 5. 63–74, или виды Итаки, 13. 345–351; 17. 205–211) и картин разбушевавшейся стихии, а действие ее протекает в домах с их повседневным бытовым распорядком. Однако как раз в кн. 5, где Одиссей оказывается в открытом море, следуют одно за другим пять сравнений (328–331, 368–370, 394–397, 432 сл., 489–491), и ничто не мешало поэту насытить ими и характеристику дерзких женихов, и проявление верности преданных рабов своему господину, и встречу Одиссея с Лаэртом. Относительная бедность "Одиссеи" сравнениями объясняется, вероятно, кроме разницы в предмете повествования, еще двумя причинами. Во-первых, в кн. 9–12 речь ведется от лица героя, да и во второй половине поэмы хватает рассказов от первого лица, в которых сравнения выглядели бы инородными вставками. Во-вторых, создателю "Одиссеи" сравнения, очевидно, не казались столь привлекательными, как поэту "Илиады". В отличие от постоянных эпитетов, формульных стихов, повторений они представляли такую область, где гораздо большую роль могла играть авторская воля, – ее-то мы и почувствуем, обратившись к другим художественным приемам, использованным в "Одиссее"[19].

[19] К приемам эпического стиля относят иногда так называемый закон хронологической несовместимости, постулированный для гомеровского эпоса еще на рубеже 19–20 вв. известным русским филологом Ф.Ф. Зелинским. Суть его сводится к тому, что события, происходящие одновременно, излагаются в эпосе как последовательные во времени, и этому дается обоснование, связанное с процессом усвоения текста: слушатели поэм не могли, в отличие от современного читателя, перелистать в обратном порядке страницы, чтобы вспомнить о происходившем в одно и то же время в другом месте. Последующее исследование вопроса показало известную спорность выводов Зелинского. Применительно к "Одиссее" речь о "хронологической несовместимости" идет обычно в двух случаях. (1) Во время первого совета богов Афина предлагает Зевсу послать Гермеса на Огигию, чтобы Калипсо отпустила Одиссея (1. 81–83); Гермес, однако, отправляется туда лишь в начале кн. 5, после решения, принятого на втором совете богов (29–31), т.е. только после того, как сама Афина успевает посетить Телемаха на Итаке и сопроводить его в Пилос, откуда он посещает также Спарту (кн. 1–4). (2) Находясь в Спарте, Телемах решительно отвергает просьбу Менелая погостить у него (4. 587 сл., 593–599), а между тем проводит там около месяца, так что Афине приходится напомнить ему о необходимости скорейшего возвращения домой (15. 10–19). С точки зрения закона хронологической несовместимости, действие в одном месте как бы замирает, пока оно происходит в другом (пока Одиссей добирается до Итаки, Телемах бездействует в Спарте).

Против этого, однако, могут быть выдвинуты достаточно основательные соображения. В первом случае предложение Афины сначала остается без последствий; только в кн. 5 Зевс принимает решение послать Гермеса к Калипсо, после чего тот немедленно отправляется в путь. Во втором случае и в самом деле неоправданная задержка Телемаха в Спарте объясняется соображениями сюжетосложения. Для подготовки расправы с женихами и ее осуществления требуются совместные усилия Одиссея и Телемаха, которые могут объединить их не раньше, чем Одиссей достигнет Итаки, на что у него уходит около месяца (с 7-го по 35-й день). На все это время автор и задерживает Телемаха в Спарте.

При всем том нельзя, конечно, отрицать, что для автора поэмы, рассчитанной на устное восприятие, удобнее каждый раз сосредоточить внимание слушателей на действиях, происходящих последовательно во времени (см. примеч. к 2. 292; 13. 412; 15. 1; 17. 515).

6

Чтобы оценить в “Одиссее” значение авторской воли, надо посмотреть, как поэт распоряжается доставшимся ему строительным материалом.

Давно замечено, что при всей эпической неторопливости повествования действие в обеих поэмах сжато до последнего возможного предела. Вся “Илиада” укладывается в 50 дней, “Одиссея” – в 41[20]. При этом примерно четыре пятых этого срока оказываются в “Илиаде” “пустыми”: 9 дней бушует мор в ахейском лагере, после чего Ахилл собирает все войско на сходку, и разражается его ссора с Агамемноном, составляющая завязку конфликта. Потом еще 12 дней Фетида дожидается, пока боги вернутся на Олимп, – все это составляет содержание кн I. В свою очередь, в кн. XXIV Ахилл 12 дней позорит убитого Гектора, конец чему кладет выкуп Приамом тела сына. Наступает развязка (Ахилл утолил свой гнев), но и после нее троянцы еще 9 дней готовят погребение Гектора. Между двумя крайними книгами остается всего 8 дней, насыщенных множеством событий: поединки Менелая с Парисом и Аякса с Гектором, подвиги Диомеда и свидание Гектора с Андромахой, посольство к Ахиллу и битва за корабли, выход в бой Патрокла, его подвиги и гибель, отречение Ахилла от гнева и его единоборство с Гектором, гибель Гектора и поездка Приама в ахейский лагерь, погребальные игры в честь Патрокла и бесконечные бои с участием Агамемнона, Менелая, Одиссея, Нестора и десятков других вождей.

В “Одиссее” “пустыми” остаются 4 дня, когда герой строит плот, затем 17 дней его благополучного плавания и еще 3 дня, пока он борется с бурей, т.е. дни с 8 по 31, – 24 дня, которые все вмещаются менее чем в 270 стихов в пределах кн. 5. Симметричное обрамление 8 центральных дней в “Илиаде” автор “Одиссеи” заменяет все более убыстряющимся темпом во второй половине поэмы и однолинейному развитию действия в хронологической последовательности противопоставляет более сложную структуру из трех блоков, причем каждый следующий из них по объему больше предыдущего.

Первый блок – кн. 1–4: Телемах разыскивает отца (2222 стиха). Второй блок – кн. 5 – кн. 13.185: Одиссей покидает остров Калипсо, после новых испытаний достигает острова феаков и рассказывает о своих прошлых скитаниях (ок. 4000 стихов с учетом возможных изъятий, о которых см. в Примечаниях вступительную заметку к кн. 5–12). Третий блок – кн. 13.187 – кн. 24: Одиссей на Итаке (свыше 5700 стихов, при том, что стихов, подлинность которых может быть поставлена под сомнение, – не больше сотни)[21]. Таким образом, вся “Одиссея” отчетливо делится на две примерно равные половины.

По содержанию первую половину можно считать предысторией, вторую, где изображается расправа с женихами, – завершением основного конфликта. На первую половину поэмы приходится 33 дня, из которых в последнем действие сменяется ретардацией, и, хотя рассказ о странствиях Одиссея занимает всего лишь один вечер, он охватывает события трех лет, и в сознании слушателя невольно фиксируется замедление темпа повествования.

---

[20] Те исследователи, которые пытаются ограничить действие “Одиссеи” 40 днями, либо насильно помещают явление Афины Телемаху в пределы 35-го дня (см. примеч. к 15.1), либо считают концом поэмы 23.296, что тоже едва ли правильно (см. примеч.).

[21] Более подробную характеристику каждого из трех блоков и их соотношения между собой читатель найдет в Примечаниях, в преамбулах к кн. 1–4, 5–12, 13–24.

Во второй половине время действия сжато до 8 дней, причем на два из них отводится почти 7 книг. В течение одного лишь 39-го дня Одиссей попадает под видом нищего в свой дом, собирает милостыню, становится жертвой насмешек со стороны женихов, вступает в кулачный бой с Иром, находит случай поведать Пенелопе вымышленную историю своей жизни, переживает омовение ног, которое чуть не раскрыло его тайну, и, наконец, погружается в сон с мыслью о предстоящей мести (кн. 17–19 + 20.1–57). Напряжение подчеркивается и сокращением следующих друг за другом отрезков текста, на которые распадается описание вечера этого первого дня: беседа Одиссея с Пенелопой (19.51–308); омовение ног (309–507); вторая беседа Одиссея с Пенелопой (508–604); Одиссей принимает окончательное решение (20.1–57). Друг за другом идут отрезки в 258, 199, 97 и 57 стихов, соотношение между которыми может быть выражено как 5:4:2:1. В следующий, 40-й день, вмещаются подготовка к празднику в честь Аполлона, новые бесчинства женихов, их напрасные попытки натянуть лук Одиссея, его вмешательство в ожидаемое состязание, расправа с женихами и признание вернувшегося супруга Пенелопой (кн. 20.147–23.342). Всего на события двух дней отводится 3309 стихов – более одной четверти всей поэмы.

Ускорение темпа действия во второй половине по сравнению с первой сопровождается интенсификацией мотива, который, собственно, составляет основу содержания "Одиссеи", – возвращение ее героя и расправа с женихами.

Мотив этот заявлен сразу же в первых четырех книгах. Уже во вступлении сообщается, что наступил год, в который Одиссею суждено вернуться домой (1.17); вскоре Афина в образе Ментеса предсказывает его возвращение (1.199–201) и советует Телемаху подумать, каким образом женихи могут быть наказаны за их многолетнее бесчинство (1.290–292). Затем Зевс в ответ на мольбу Телемаха посылает во время народного собрания знамение – двух орлов, чье появление прорицатель Галиферс толкует как предзнаменование скорого возвращения Одиссея и гибели женихов (2. 146–176). Ментор предупреждает их о грядущей опасности (2. 237 сл.), и в образе того же Ментора Афина предсказывает женихам кару (2. 281–284). На возвращение Одиссея надеются Нестор (3. 216 сл.) и Менелай, убежденный в том, что женихов постигнет страшная месть (4. 333–346; ср. редкое в эпосе мнение самого автора: 4. 772 сл.). Наконец, Зевс как бы подводит итог всему сказанному: Афина давно назначила женихам погибнуть (5. 22–24). Напомним, что Одиссей задолго до возвращения тоже знает, какая ему предстоит тяжелая борьба с насильниками. Ее предвозвестила ему в царстве мертвых тень прорицателя Тиресия за много лет до того, как Одиссей вспоминает об этом, находясь в стране феаков (11. 115–120), – до его возвращения неузнанным в собственный дом остается каких-нибудь пять дней. Так давнее прорицание органически включается в вереницу предзнаменований, с помощью которых поэт подготавливает совершение мести.

Во второй половине поэмы расправа с женихами приближается с неотвратимой настойчивостью. Едва ступив на землю Итаки, Одиссей получает подтверждение пророчества Тиресия от Афины (13. 393 сл., 427 сл.), которая обещает ему свою помощь (16. 167–171, 260–269; ср. 17. 360–364). Сам Одиссей, находясь в гостях у Евмея, уже готовит в мыслях беду женихам и настаивает на том, что хозяин Евмея вернется в самом близком будущем (14. 110, 151–164). Между тем Елена перед отъездом Телемаха из Спарты толкует новое знамение, посланное Зевсом, как безошибочное указание на

предстоящую вскоре расправу с женихами (15. 160–178). Подтверждение этому прорицатель Феоклимен видит в новом божественном предзнаменовании, которое сулит благоприятный жребий Одиссею и гибель женихам (15. 525–534; 17. 151–161). Одиссей, оказавшись, наконец в своем доме, с одной стороны, не может удержаться от предостережений женихам (17. 465–476; 18. 143–159, 384–386), с другой, – внушает своим домашним надежду на близкое возвращение хозяина дома (19. 269–308, 535–558, 583–587; 20. 229–234; ср. 19. 84; 20. 115–117). Одновременно с этим Одиссей вместе с Телемахом уже принимают меры, чтобы обезоружить женихов (19. 1–52).

Предчувствие гибели обидчиков, которое все возрастает у слушателя, достигает своей кульминации в последнем прорицании Феоклимена: когда женихи, охваченные в исступлении диким смехом, разрывают зубами сырое мясо, Феоклимен видит в пророческом экстазе стены палаты и потолочные балки, обрызганные кровью, а многочисленные тени убитых – нисходящими в область Аида (20. 345–370). После такого предсказания голос непосредственного участника событий показался бы достаточно слабым, и автор, вопреки нормам эпического повествования, сам выступает в роли пророка, – см. завершение кн. 20. 392–394, или предсказание гибели Антиноя (21. 98–100; ср. 481) и, наконец, авторский комментарий к первому выстрелу Одиссея (22. 31–33), за которым сразу начинается поголовное истребление женихов.

К сказанному надо прибавить еще один прием, рассчитанный на то, чтобы усилить интерес слушателей к происходящему во второй половине поэмы. В то время как все (кроме Телемаха), убеждены, что Одиссей погиб и никогда не вернется[22], на самом деле они говорят это в его присутствии, и слушатель каждый раз ожидает, что Одиссей не выдержит испытания и откроет свое инкогнито. В конце концов так и происходит при его встрече с Лаэртом, но к этому времени всякая необходимость в маскировке для Одиссея уже отпала. Своей вершины эта "трагическая ирония" достигает в пожелании женихов, чтобы боги свершили все, о чем их молит "нищий" (17. 12–114).

С композиционной точки зрения важно, что повествование, составляющее кульминацию поэмы, развертывается в рамках симметричной структуры: кн. 22 + 23. 1–343, легко объединяющиеся по содержанию в одну рапсодию, делятся на три части: 22. 1–329 – убийство женихов; 22. 330–501 – события, происходящие после убийства; 23. 1–343 – соединение супругов. Таким образом, две почти равновеликие крайние части (329 и 344 стиха) обрамляют среднюю (172 стиха). Добавим к этому, что первая часть в свою очередь тоже дает симметричное членение на три отрезка: два крайних по 125 стихов каждый окружают средний (79 стихов).

Кульминация "Одиссеи" – наиболее значительный, но не единственный случай симметричной организации материала вокруг сюжетообразующего центра.

Встреча Одиссея с Навсикаей, открывающая перед ним возможность возвращения на родину, построена аналогичным образом. Одиссей выбирается из кустов и предстает перед девушкой (6. 141–211); его омовение и угощение (212–250); сборы Навсикаи в обратный путь и наставления Одиссею (251–321). Соотношение трех отрезков: 71–39–71 стих. Наоборот, встреча с Полифемом играет роковую роль в судьбе Одиссея ибо, хоть ему и удается избежать гибели, он навлекает на себя месть Посидона, которая становится причиной многих его бед. Вот как строится этот эпизод:

---

[22] См. высказывания Евмея (14. 68, 133–138, 166 сл.; 17. 318 сл.), Пенелопы (19. 257 сл., 313; 23. 67 сл.), женихов (20. 333; 21. 88), Лаэрта (24. 290–296).

ослепление Полифема (9. 336–414); Одиссей со спутниками выбирается из пещеры (415–470); Одиссей дразнит Полифема и тем побуждает его обратиться с просьбой об отмщении к Посидону (471–546). Соотношение трех отрезков: 79–56–76 стихов[23].

Если симметричная структура концентрирует внимание слушателей на наиболее значительных по содержанию отрезках текста, то рамочная композиция придает обычно некоему эпизоду или описанию самостоятельное значение. Уже известный нам и наиболее яркий пример – история шрама на ноге Одиссея. Однако прием этот встречается не один раз и в других частях поэмы. (1) Евриклея занимает особое место в доме Одиссея (1. 424–439; лексическое оформление: "факел неся"). (2) Краткое описание Олимпа (6. 41–47; лексическое оформление: "туда удалилась" Афина). (3) Наставление Афины Одиссею (7. 15–42; "мраком его окружила"). (4) Рассказ Одиссея с целью получить теплый хитон (14. 468–503; "о для чего я не молод!"). (5) Одиссей с Телемахом выносят из зала оружие (19. 1 сл. – 51 сл.; Одиссей "смерть замышлял женихам")[24].

Композиция "Одиссея" в целом и дополняющие ее приемы, развитие главного сюжетообразующего мотива и целого ряда других (о чем подробнее – в примечаниях) свидетельствуют о такой целенаправленной и продуманной организации материала, которая, казалось бы, не допускает даже мысли об участии в создании поэмы нескольких авторов. Так, собственно, думали и в древности. В частности, Аристотель признавал гомеровские поэмы образцовыми произведениями с точки зрения объединения каждой из них вокруг одного центрального события[25]. Самое большее, на что могли пойти александрийские филологи уже в 3 в. до н.э., это заподозрить, что "Илиада" и "Одиссея" написаны разными поэтами. Таких людей называли хоризонтами ("разделителями"), но и против них был найден довод: "Илиаду" Гомер написал-де в молодости, когда людям свойственно увлекаться бранными делами, а "Одиссею" – в старости, когда человека больше привлекают покой и домашний уют. На этом спор об авторе обеих поэм античные филологи считали законченным, – если бы они знали, сколько копий будет сломано вокруг этой проблемы 2000 лет спустя, когда история и содержание гомеровского эпоса станут предметом столь знаменитого и столь же далекого от окончательного решения гомеровского вопроса![26]

---

[23] Во всех трех случаях композиционная структура может быть обозначена как АбА. Обратное соотношение – аБа – можно проследить в кн. 4. 307–624: беседа Менелая с Телемахом (307–346); рассказ Менелая (347–586); вторая беседа Менелая с Телемахом (587–624). Соотношение трех отрезков: 40–240–38. То же самое – в кн. 24: Одиссей видит Лаэрта (226–240); обмен речами (241–314); отчаянье Лаэрта и признание Одиссея (315–326). Соотношение трех отрезков: 15–81–15. См. также примеч. к 24. 24–102.

[24] См. также 4. 125–132, 220–233; 18. 321–326.

[25] Аристотель. Поэтика. VIII. 1451 а 22–29.

[26] Литература по гомеровскому вопросу необозрима и каждый год увеличивается еще на несколько десятков названий, поскольку автор любой работы, посвященной Гомеру, от монографии в 30 листов до скромной журнальной статьи, должен так или иначе определиться по отношению к истории создания поэм и составу текста. Поэтому назовем здесь только важнейшие труды, имеющие итоговый характер. На русском языке: вступительные статьи И.М. Тронского к "Илиаде" и "Одиссее" в изд.: Academia, М.; Л., 1935 (отражают состояние вопроса примерно за предшествующее столетие); *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1960; *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. Из зарубежных работ итоговой для 1-й половины 20 в. является кн.: *Wace A.J.B. and Stubbings F.H.* (eds.). A Companion to Homer. L., 1962; то же в значительно более краткой форме – обзор в кн.: Fifty Years of Classical Scholarship. Oxf., 1954. P. 1–31 (с добавлением к заглавию: and twelve years – 1968, p. 1–49). См. также всесторонний охват вопроса: *Lesky A.* Homeros. Pauly-Wissowa Real Enzyklopädie. Supplementband XI. 1967 (есть отдельная брошюра); положение в литературе с 1930-х годов до начала 1970-х охарактери-

7

В 1995 г. гомеровский вопрос мог отпраздновать свой достаточно солидный юбилей: в 1795 г. в Германии увидело свет "Введение к Гомеру" (оно было написано полатыни и называлось "Prolegomena ad Homerum"[27]), принадлежавшее перу Фридриха Августа Вольфа и положившее начало усиленному изучению гомеровского эпоса в его взаимоотношения со всеми проявлениями материальной и духовной культуры древней Греции. Следует заметить, что Вольф был отнюдь не первым, кто усомнился в однократности творческого акта, последствием которого стало появление "Илиады". ("Одиссея" вошла в круг исследований гомероведов несколько позже, в 40–60-х годах 19 в., и на нее были перенесены критические методы, выработанные применительно к первой поэме.) Сходную мысль в середине 17 в. высказал Франсуа Эделен, аббат д'Оббиньяк; его диссертация по поводу "Илиады" была написана в 1664 г., но увидела свет только полвека спустя, в 1715 г. Почти одновременно с этим оценку "Илиаде" как совокупности отдельных песен, получивших форму эпической поэмы примерно через 500 лет после Гомера, дал английский филолог Р. Бентли, чей архив оказался со временем в руках у Вольфа. Наконец, его учитель, один из самых видных немецких античников 18 в. Х.Г. Гейне, преподававший в Геттингенском университете, в своих лекциях высказывал предположение, что песни Гомера долгое время существовали только в исполнении рапсодов; собраны же они были сравнительно поздно и кем – толком неизвестно. Другими словами, Вольф опирался уже на некоторую академическую традицию, которой он старался придать научное обоснование.

Вместе с тем выступление Вольфа вписывается в общекультурный фон в Европе в последние десятилетия 18–начало 19 в., отмеченный пробуждением интереса к устному народному творчеству. В Шотландии Дж. Макферсон в 1765 г. выпустил собрание якобы открытых им поэм древнего барда Оссиана, жившего в 3 в. н.э. На самом деле Макферсон (кстати говоря, сам переводивший "Илиаду") приписал Оссиану свои собственные сочинения, в которых он использовал некоторые сюжеты и имена героев из кельтского эпоса, и подозрения в мистификации возникли еще при жизни ее автора. Иначе обстояло дело в Германии, где Г.И. Гердер издал в 1778–1779 гг. сборник народных песен, включив в него подлинные образцы устной поэзии чуть ли не со всего мира. Ёще раз каких-нибудь 4–5 лет после этого вышло первое полное издание "Песни о Нибелунгах", привлекшее внимание к вопросам возникновения и бытования героического эпоса. В России в 1800 г. было впервые опубликовано найденное незадолго до того "Слово о полку Игореве", а вскоре появились два издания сборника старинных былин, известного под именем записавшего их Кирши Данилова. Выход в свет в это же время исследования Вольфа вряд ли можно считать случайным совпадением.

Свои сомнения относительно единого автора "Илиады" Вольф аргументировал, главным образом, отсутствием в эпоху Гомера письменности, без которой, по его

зовано в кн.: *Heubeck A.* Die homerische Frage. Darmstadt, 1974; см. также его последующий обзор в журнале: Gymnasium. 1982. B. 89. S. 385–446, а также: *Holoca J.P.* Homer Studies 1978–1983 // The Classical World. 1990. Vol. 83. N 5; Vol. 84. N 2. Наконец, в полном смысле итоговыми для гомеровского вопроса являются две коллективные монографии: Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick. Stuttgart; Leipzig, 1991 (см. рец.: Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 222–229) и: A New Companion to Homer / Ed. by I. Morris and B. Powell. Leiden, N.-Y.; Köln, 1997.

[27] Сравнительно недавно вышел перевод на английский: *Wolf F.A.* Prolegomena in Homer 1795 / Translat. and edit. by A. Grafton, G.W. Most, and J. Tzetzel. Princeton, 1985.

мнению, не было возможности создать и запомнить столь большую поэму. Доводы Вольфа были со временем опровергнуты и открытием алфавитного письма, существовавшего в Греции во всяком случае в середине 8 в., и наблюдениями современных фольклористов над способностью исполнений героического эпоса запоминать наизусть многие тысячи стихов подряд. Сейчас, когда наукой столько сделано, чтобы показать несомненное художественное единство и целостность обеих поэм, их композиционное совершенство и законченность, можно только удивляться тому, какой живой отклик встретила позиция Вольфа. Но нельзя отрицать, что его скептицизм развеял веру в наивного слепого сказителя Гомера, творившего свои песни каждый раз в порядке импровизации (взгляд, которого до сих пор придерживаются некоторые исследователи), и стимулировал усиленное изучение гомеровского эпоса. В ходе этого процесса гомероведы разбились в 19 в. на два больших лагеря: аналитиков, выделявших в поэмах отдельные сюжетные и разновременные хронологические пласты и относивших их объединение в некое целое к достаточно позднему времени (6 в. до н.э.), и унитариев, которые настаивали на единстве первоначального замысла обеих поэм, оформившихся во второй половине 8 в. до н.э.

На протяжении 20 в. позиции обоих направлений в известном смысле сблизились, хотя и до сих пор с обеих сторон нет недостатка в защитниках крайних решений. Если же подходить к вопросу непредвзято, то любому неоунитарию приходится считаться с использованием в обеих поэмах более ранних вариантов и наличием более поздних дополнений, и ни один здравомыслящий сторонник неоанализа не в состоянии отрицать очевидную продуманность композиционного решения в каждой из них. По словам одного из самых видных представителей этого направления, "неоаналитик прежде всего – унитарий": речь идет теперь не о расщеплении дошедшего до нас текста на отдельные стихи и вставки, а о выявлении более ранних источников. В предлагаемых ниже примечаниях сделана попытка оценить в каждом конкретном случае мнение обеих сторон и дать им взвешенную оценку.

Дополнительный момент в гомеровский вопрос внесли сторонники теории "устной поэзии" (так как наиболее активной ее разработкой занимались англо-американские ученые, она так и обозначается как теория oral poetry). Исходя из несомненной повторяемости отдельных словосочетаний и стандартных ситуаций (см. выше, § 5), представители этого направления много сделали для того, чтобы вполне оценить значение формул как важнейшей составляющей эпического стиля. В то же время сторонники теории "устной поэзии" нередко склонны находить фольклорные формулы там, где их вовсе нет, – и при том, не только в поэмах Гомера, но и чуть ли не во всей литературе классического периода, включая сюда и афинскую трагедию 5 в. до н.э. и даже диалоги Платона.

В настоящее время историю создания "Одиссеи" можно представить себе примерно в следующем виде.

Автором "Одиссеи" был ионийский рапсод[28], в чьем распоряжении находился не-

[28] Слово рапсод происходит от глагола ῥάπτω "сшивать" и существительного ᾠδή "песнь": рапсод – "сшивающий песни". В этом значении оно употреблялось начиная с 5 в. применительно к исполнителям уже сочиненных произведений, и в первую очередь, как раз гомеровских поэм. Эти рапсоды, однако, уже не пели в сопровождении кифары (см. примеч. к 8.67), а декламировали текст, жестикулируя посохом. В 7–6 вв. рапсод являлся одновременно как исполнителем чужих произведений, так и сочинителем своих собственных. Известно, например, что Гесиод был сначала рапсодом, что позволило

кий более ранний источник, а именно, поэма, в которой западногреческий Одиссей, герой сказания о скитаниях и возвращении мужа, уже успел стать участником Троянской войны и испытать всяческие бедствия по ее окончании. В качестве автора такой поэмы часто предлагают все того же Гомера, – ни подтвердить, ни опровергнуть это предложение нет, разумеется, никакой возможности, кроме апелляции к древним, считавшим Гомера создателем обеих сохранившихся и еще многих других поэм. Вероятно, в постулируемой пра-"Одиссее" узнавание ее героя по рубцу на ноге вело непосредственно к соединению супругов и выработке ими совместного плана истребления женихов, – в этом случае получает объяснение столь смущающий аналитиков выход Пенелопы к претендентам на ее руку в кн. 18. 158–303 (см. примеч). Однако последний автор "Одиссеи" искусно замедлил развязку, поместив между омовением ног и признанием Одиссея Пенелопой еще одну их беседу (19. 508–604) и новый материал, занявший кн. 20–21, чтобы завершить возвращение мужа волнующей встречей супругов, для соединения которых недостаточно такой примитивной приметы, как шрам на ноге. Тому же автору пришла в голову счастливая идея начать поэму с обширной экспозиции (см. в Примечаниях вступительную заметку к кн. 1–4), где он не менее искусно завязал все линии, объединенные потом в непрерывно развивающемся действии во второй половине поэмы.

Создание "Одиссеи" происходило в русле единой для всего древнегреческого героического эпоса художественной традиции (включая сюда свойственный ему искусственный поэтический язык, см. конец § 1), в которой была выдержана (разве что с большей строгостью) "Илиада". (В наши дни для решения вопроса об авторстве гомеровских поэм обратились даже к авторитету электронных машин, и с их помощью получили подтверждение, что обе поэмы созданы в рамках общего для них эпического стиля. Это, впрочем, было известно и 200 лет тому назад и ничуть не помешало существованию гомеровского, вопроса.) Однако "Одиссея", несомненно испытавшая влияние "Илиады", отличалась от нее уже рассмотренной выше концентрацией действия: очевидно, что "Одиссея" с ее тремя как бы опирающимися друг на друга блоками и длительным возвращением в прошлое главного героя построена более сложно.

Есть между двумя поэмами и еще одно, очень существенное различие. В "Илиаде" подвиги всех остальных героев становятся возможны только потому, что Ахилл устраняется от боев и этим освобождает место для Диомеда и Аякса, Агамемнона и Менелая. Как только Ахилл отрекается от гнева и вступает в сражение, остальным больше делать нечего. Конечно, это великолепная находка для построения сюжета, но слушателя она надолго отдаляет от главного героя. В "Одиссее" ее герой, не исключая и первых четырех книг, все время в центре внимания, к нему сходятся все нити повествования, и все прочие персонажи играют, в сущности, только служебную роль. Напомним также еще раз и о других отличиях "Одиссеи" от ее предшественницы: в изображении исторической обстановки и общественных отно-

---

ему усвоить язык и стиль эпоса. Сохранился отрывок, в котором он вспоминал, как однажды вместе с Гомером выступал на острове Делос и воспевал Аполлона, "сшивая песнь", – ясно, что речь шла не об исполнении чужой песни, а о выступлении в порядке состязания со своей собственной. Так и автор "Одиссеи" "сшивал" свою поэму отнюдь не механически, а создавая ее заново. В этом случае "сшивающий песнь" правильнее было бы перевести как "складывающий песнь".

шений, роли богов и места в этом мире человека с его новым представлением о нравственных ценностях[29]. Наконец, автор "Одиссеи" всячески избегает в своей поэме того, о чем уже было сказано в "Илиаде", как бы желая таким способом отступить от нее на некую дистанцию.

В заключение остаются два немаловажных вопроса: когда произошло оформление той "Одиссеи", которую мы знаем, и какое место в этом процессе занимала письменность, известная в Греции во всяком случае не позже середины 8 в.?

Решение первого из этих вопросов в значительной мере зависит от датировки "Илиады". Во второй половине нашего столетия среди подавляющего большинства исследователей возобладало мнение, что "Илиада" была создана в середине либо в третьей четверти 8 в.[30] и что "Одиссея" отделена от своей предшественницы примерно одним поколением. Тогда ее следует датировать последней четвертью – концом того же столетия или самым началом следующего. С этим согласуется и появление сцен, изображающих Одиссея и его спутников в пещере Полифема, на памятниках изобразительного искусства в материковой Греции около 680–660 гг. При тогдашних возможностях культурного общения 20–30 лет – не слишком большой срок, чтобы поэма, созданная в Ионии, успела дойти оттуда до Греции и получила отражение в местной вазописи.

Что касается значения письменности для создания "Одиссеи", то и здесь существует достаточный разброс мнений, и подчас в одном и том же коллективном труде можно встретить две прямо противоположные точки зрения. Защитники теории "устной поэзии" полагают, что поэмы формировались в самом процессе их многолетнего исполнения и были записаны никак не раньше 6 в. Сторонники письменной фиксации текста поэмы одновременно с ее сочинением указывают, напротив, на сложность построения, на большие повторяющиеся отрезки, как, например, рассказ Телемаха о посещении Менелая (17. 124–141 и примеч.) и особенно история обмана, к которому прибегла Пенелопа (2. 93–110 и примеч.), – их невозможно было бы передавать из уст в уста с такой точностью без предварительной записи. В этом случае "письменную" "Одиссею" надо отнести к концу 8 в. С другой стороны, применение письма в практике древнегреческих поэтов на основании дошедших свидетельств можно надежно постулировать едва ли раньше середины 7 в., и при том только для небольших произведений. К тому же сомнительно, чтобы на рубеже 8–7 вв. кто-нибудь мог позволить себе закупить такое количество производимого в Египте и потому достаточно дорогого папируса, которое потребовалось бы для записи сплошного текста всей поэмы. (В позднейшее время папирусный свиток вмещал в среднем около 1000 стихов, – значит, для записи "Одиссеи" нужно было не ме-

---

[29] К аргументам в пользу позднего оформления "Одиссеи" добавляют также более частое употребление в ней существительных с отвлеченным значением, образованных посредством суффиксов -συνη, -σις, -ειη. В "Илиаде" они встречаются 58 раз, или один случай на 270 стихов; в "Одиссее" – 81 раз, или один случай на 149 стихов.

[30] Совсем недавно эта дата была поставлена под сомнение очень крупным специалистом по древнегреческому эпосу, который выдвинул целый ряд аргументов в пользу того, что "Илиада" была создана между 660 и 650 гг. (*West M.L.* The Date of the Iliad // Museum Helveticum. 1995. Vol. 52. P. 203–219). Мало вероятно, впрочем, чтобы доводы Уэста были приняты ученым миром, ибо в этом случае не только "Одиссея" окажется современницей или даже предшественницей "Илиады", но под вопрос будут поставлены все веками сложившиеся представления о ходе историко-литературного процесса в Греции в 7–6 вв.

нее 12 свитков.) По этой же причине приходится отвергнуть предположение, что автор продиктовал свое сочинение кому-нибудь более искушенному в искусстве письма, чем он сам. Скорее всего, поэмы были записаны кем-то уже в середине 7 в. или позже, когда употребление папируса вполне вошло в культурную жизнь греков.

В то же время нельзя отрицать, что ту продуманность композиции и перекрестных связей между отдельными частями текста, на которую еще не раз будет обращаться внимание читателя в примечаниях, почти невозможно было бы обеспечить без каких-то предварительных набросков или заметок. Способность к такого рода творческой работе и надо допустить у автора "Одиссеи"; остальное было делом его собственной памяти, точно так же, как уже законченную поэму оставалось доверить памяти рапсодов. В частности, значительную роль в распространении в тогдашнем мире "Одиссеи" могли сыграть так и называвшие себя гомеридами рапсоды с острова Хиос[31], – там, может быть, уже в 7 в. и, во всяком случае, с начала 6 в. существовала широко известная гильдия странствующих сказителей. (Ведь и Гомера часто называли "певцом с острова Хиос".) Само собой разумеется, многократное на протяжении десятилетий исполнение гомеровских поэм не давало гарантии сохранения авторского текста. И записан он был, как мы полагаем, не сразу, и рапсоды едва ли считали себя обязанными всегда его придерживаться, не говоря уже о том, что никто не мог им пользоваться при непосредственном исполнении: представить себе рапсода, читающего "Одиссею" вслух по папирусному свитку, можно с таким же успехом, как актера, убивающего Дездемону с текстом роли в руках. Нельзя исключать также элементов импровизации, вполне объяснимых при устной декламации. Таким образом, в поэме могли появляться пропуски, вкрадываться искажения и вставки (ими можно объяснить некоторые эпизоды, вызывающие подозрение у современных гомероведов; см., например, вступительное примеч. к кн. 11, а также к 23. 310–343 и 24. 1–204), и все больше выявлялась опасность искажения авторского замысла. Впервые задача сохранения подлинного гомеровского текста встала, по-видимому, в Афинах в середине 6 в.

В трактате Цицерона "Об ораторе", III. 13. 37, говорится, что правивший в то время в Афинах Писистрат расположил стихи Гомера, ранее перемешанные, в таком виде, в каком они были известны во времена самого Цицерона. По другим сведениям, упорядочение текста обеих поэм произошло при сыне Писистрата Гиппархе, т.е. около 20-х годов того же 6 в., – разница в 20–30 лет не имеет здесь никакого значения.

Сторонники аналитической критики хотели найти в этом сообщении подтверждение их точки зрения, согласно которой только при Писистрате и были созданы в их окончательном виде "Илиада" и "Одиссея". В настоящее время мало кто придерживается этого мнения, и в словаях Цицерона находят указание на то, что при Писистрате было признано необходимым иметь надежный текст обеих поэм для исполнения их расподами на празднике Великих Панафиней и не допускать от него отклонений. Нынешние историки спорят о том, каков был характер так называемой тирании Писистрата, какую роль она сыграла в процессе выдвижения Афин на роль

---

[31] Пиндар говорит о гомеридах как о "певцах сшитых песен" (II Немейская ода, 1–5), что заставляет видеть в них скорее исполнителей, чем сочинителей, хотя элементы импровизации и в первом случае могли иметь место.

"школы Эллады". Не вникая в суть этих споров, можно утверждать, что если бы Писистрат (или его приемник) не сделал больше ничего для культурного развития в Древней Греции, он все равно заслужил бы у человечества вечную благодарность за то, что помог сохранить на века те великие творения, которые дошли до нас под именем Гомера.

8

Великие творения прошлого живут по меньшей мере дважды: первый раз, когда они создаются в конкретных исторических условиях для вполне определенного круга слушателей, зрителей, читателей; второй раз – в последующие века, когда исчезло и социальное окружение их создателя, и актуальные нравственные проблемы, вызвавшие к жизни его творчество. Для поэм Гомера, как мы увидим, приходится постулировать еще третий "жизненный срок".

Первая жизнь "Илиады" и "Одиссеи" укладывается примерно в два поколения: уже в середине 7 в. в поэзии Архилоха и Тиртея подвергается критическому переосмыслению идеал аристократической доблести, составляющий содержание героических образов "Илиады". Затем, на протяжении всей античности, история Троянской войны вместе с породившими ее причинами и последовавшими за ней событиями становится источником для произведений всех жанров: лирики и трагедии, ораторского монолога и сатирического памфлета, – это второй жизненный срок гомеровского эпоса. Здесь мы сталкиваемся, однако, с достаточно парадоксальной картиной: произведений на сюжеты, разработанные непосредственно в гомеровских поэмах, было создано несравненно меньше, чем тех, в основе которых лежали киклические поэмы.

С Эсхилом в этом отношении дело обстояло, можно считать, относительно благополучно. Была у него трилогия "Ахиллеида", завязку которой составляло "отступничество" Ахилла, а развязку – выкуп тела Гектора; сюжет был подсказан второй половиной "Илиады". Дошло от нее немного, но все же достаточно, чтобы понять, как в ней оценивалось поведение главного героя. Гораздо меньше можно извлечь из остатков тетралогии, посвященной скитаниям и возвращению Одиссея. В нее входили трагедии "Пенелопа", "Вызыватели душ" (сюжет кн. 11 "Одиссеи"), "Собиратели костей" (издевательства женихов под Одиссеем и его месть) и замыкавшая весь комплекс сатировская драма о пребывании Одиссея у Цирцеи. Другая драма сатиров на мотив, заимствованный из "Одиссеи", завершала трилогию "Орестея" – это была история о встрече Менелая в Египте с Протеем.

У Софокла, отказавшегося от составления драматических трилогий со связным содержанием, было свыше 40 драм на темы троянского цикла мифов, начиная от похищения Елены и кончая смертью Одиссея от руки Телегона. Из них всего лишь в одной содержание заимствовалось из кн. XXIV "Илиады" и еще в двух – из "Одиссеи" ("Навсикая" и "Омовение ног"); зато сюжеты из "Киприй" получили отражение не менее, чем в 16 драмах, из "Эфиопиды" и "Малой Илиады" – в 14-ти. Примерно такую же картину находим в сохранившихся произведениях Еврипида. Из дошедших до нас его 18 трагедий в 10-ти используются мифы троянского цикла, но только в одной из них – скорее всего, не подлинном "Ресе" – собственно гомеровский сюжет (по кн. X "Илиады"). Гораздо больше повезло Полифему – и до Еврипида и после него (см. СМС), но опять же в драме сатиров, а один из самых пленительных ев-

рипидовских образов в трагедии – Ифигения, приносимая в жертву в Авлиде, – обязан своим происхождением мотиву, который в "Илиаде" старательно обходился, равно как и в "Одиссее", – вся проблематика, связанная с местью Ореста (см. СМС: Агамемнон).

Причину такой скудости заимствований из Гомера объяснил в свое время Аристотель, который отмечал, что из "Илиады" и "Одиссеи", благодаря предельной концентрации в них действия, можно сделать всего лишь по одной трагедии (Аристотель имел здесь в виду, конечно, и связные трилогии по образцу эсхиловских), в то время как из киклических поэм, с их свободным присоединением эпизода к эпизоду, может получиться гораздо больше самостоятельных драм[32]. Художественное достоинство гомеровских поэм оказалось, таким образом, препятствием для их использования в качестве источника новых произведений.

В дальнейшем отношение к Гомеру не было однозначным. С одной стороны, его не только высоко ценили за поэтическое мастерство (только Гомера называли Поэтом, не объясняя, кто имеется в виду), но и считали учителем жизни и кладезем всяческой премудрости. С другой, – многие эпизоды и сюжетные линии, в которых находили отступление от жизненной правды, пытались объяснять аллегорически. Особым вниманием здесь пользовалась "Илиада". Ее и больше читали (количество папирусных экземпляров с текстами из обеих поэм дает для "Илиады" и "Одиссеи" соотношение примерно 3:1[33]), и чаще с ней полемизировали, а то и пародировали, и всю историю Троянской войны иногда перетолковывали так, что от гомеровского эпоса оставались одни имена. Напротив, "Одиссея" с ее полуфантастическим колоритом и приключениями главного героя никакого осуждения не вызывала, и ее отклики находят в таком своеобразном порождении древнегреческой литературы, как любовно-авантюрный роман (например, "Эфиопика" Гелиодора, относимая к 3 или 4 в. н.э.).

Третий жизненный срок гомеровского эпоса начинается на исходе 15 в. и продолжается до наших дней, при том, что и здесь ориентиры нередко меняются. Почти до конца 18 в. Гомер не удовлетворяет вкусам классицизма и Просвещения, и "Илиаде" предпочитают вергилиевскую "Энеиду"[34]. Только на рубеже 18–19 вв., с пробуждением интереса к народному творчеству, гомеровские поэмы занимают подобающее им место в системе эстетических ценностей. Не случайно как раз в эти десятилетия появляются переводы Гомера: в Германии – Фосса (1781 и 1793), в России – Гнедича (1813–1829), в Италии – Монти (1825), которые стали событием в культурной жизни этих стран и сохраняют поныне свое значение. Можно было бы назвать еще десятки произведений художников и композиторов, драматургов и прозаиков, обращавшихся к сюжетам из "Одиссеи", если хотя бы одно из них достигло того уровня переосмысления их первоисточника, на котором в нашем веке находятся, например, трилогия О'Нила "Траур к лицу Электре", тетралогия "Атриды" Гауптмана и пьесы французских авторов, вдохновленные мифом о судьбе Агамемно-

[32] Аристотель. Поэтика. XXIII. 1459 a 30 – b 7.

[33] В школьной практике это соотношение было еще выше в пользу "Илиады", являвшейся основой основ всякого образования. Среди папирусных отрывков, содержащих школьные упражнения с употреблением стихов из гомеровских поэм, "Илиада" представлена 33 экземплярами, а "Одиссея" – 6-ю; из так называемых Homerica к "Илиаде" относится около 30 экземпляров, к "Одиссее" – всего лишь 1.

[34] Ср. слово Вольтера: "Говорят, Гомер создал Вергилия; если так, то это, без сомнения, его самое лучшее произведение".

на и его детей. Конечно, "Возвращение Одиссея" Монтеверди вместе с его другими лучшими сочинениями сыграло значительную роль в утверждении жанра европейской оперы, как и "Путешествие Телемака" Фенелона – в судьбе европейского назидательного романа; в понимание гомеровской "Одиссеи" они едва ли внесли что-нибудь новое. Оставим уж вовсе в стороне такие крайние случаи, как "Дневник Пенелопы" Костаса Варналиса (1946) или драму современного немецкого драматурга Стефана Шютца "Возвращение Одиссея" (1972), в которых разбитная, мягко говоря, бабенка Пенелопа весьма существенно отличается от верной жены Одиссея. Этот пример показывает только, как опасно судить о произведениях далекого прошлого по современным адаптациям.

Более плодотворно будет прислушаться к мнению двух людей с достаточным художественным вкусом и опытом. Первый из них – Бетховен. По свидетельству его биографа Шиндлера, великий композитор всю жизнь не разлучался с "Одиссеей", и пометки на самой книге и выписки из нее указывают на желание Бетховена положить ее на музыку. Он любил эту поэму за богатство содержания, за многообразие характеров, за картины мирной жизни, за описание стран и народов, и все это – "в идеальном блеске красоты".

Другой отзыв принадлежит Льву Толстому, и он тем более показателен, что высказан в то время, когда автор очень критически относился ко всякому художественному творчеству: «Как ни далек от нас Гомер, мы без малейшего усилия переносимся в ту жизнь, которую он описывает. А переносимся мы, главное, потому, что, какие бы чуждые нам события ни описывал Гомер, он верит в то, что говорит, и потому никогда не преувеличивает, и чувство меры никогда не оставляет его. От этого-то и происходит то, что, не говоря уже об удивительно ясных, живых и прекрасных характерах... вся "Илиада" и особенно "Одиссея" так естественна и близка нам, как будто мы сами жили и живем среди богов и героев»[35].

Пусть читатель сам решит, можно ли прибавить что-нибудь к этой оценке.

---

[35] *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 20 т. М., 1964. Т. 15. С. 324.

В.Н. Ярхо

В.А. ЖУКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК "ОДИССЕИ"

Оценка принципов поэтического перевода, примененных Жуковским при работе над "Одиссеей", – задача отнюдь не новая. Первые отклики на этот перевод появились сразу же после его выхода в свет в России в 1849 г.[1] Затем уже в нашем веке к этому вопросу в разное время и в различных по назначению работах обращались филологи, достаточно убедительно выявившие и достижения Жуковского, и те качества русской "Одиссеи", которые отличают ее от оригинала[2]. Естественно, что наиболее примечательные высказывания самого Жуковского и его критиков, наиболее яркие примеры, иллюстрирующие плюсы и минусы его перевода, давно известны, и настоящая статья не претендует на какие-либо открытия в этой области. Может быть, нам только удастся более подробно развить однажды высказанные мысли или пополнить уже сделанные наблюдения. Сначала, однако, надо посмотреть, в какой форме русский читатель успел познакомиться с "Одиссеей" к середине прошлого века.

1[3]

Длительные историко-культурные связи с Византией способствовали тому, что имя Гомера (в византийском произношении – Омира) было издавна знакомо на Руси, и в конце 16 в. его самого изображали в росписи кремлевских соборов в Москве, а в некоторых новгородских монастырях помещали даже в нижнем ряду иконостаса. В Гомере видели "еллинского мудреца" и знали из него – главным образом, по византийским хроникам и их переделкам – содержание "Илиады".

С "Одиссеей" в России раньше всего познакомились, очевидно, по роману Фенелона "Приключения Телемака", широко распространенному в кругах дворянства (Стародум в "Недоросли" хвалил Софью за то, что она читает "Фенелона, автора Телемака", ибо "кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет"). Перевод романа Фенелона, выполненный А.Ф. Хрущевым в 1734 г., вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1747 г. ("Похождение Телемаково, сына Улиссова. Ч. I–II"); за ним последовало переложение в дактило-хореических гексаметрах В.К. Тредиаковского: "Тилемахида, или Странствования Тилемаха сына Одиссеева" (СПб., 1766). Хотя назидательный роман Фенелона, полный реминисценций из Вет-

---

[1] См.: *Ордынский Б.И.* – в "Отечественных записках" (1849. Т. 45. Отд. V. С. 1–36) и в "Современнике" (1850. Т. 20. № 3, 4. С. 1–16, 27–44); *Дестунис Г.* – в Журнале Министерства народного просвещения (1850. Ч. 57. Отд. II. С. 59–99).

[2] См.: *Шестаков С.П.* В.А. Жуковский как переводчик Гомера (Чтения в Общ-ве любителей русской словесности при Казанском университете). Казань, 1902; *Толстой И.И.* "Одиссея" в переводе Жуковского // Гомер. Одиссея. М.; Л., 1935. С. XXXIII–XXXIX; *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964; *Савельева О.М.* Из античной поэзии // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. М., 1985. Т. 1. С. 523–531.

[3] В этом параграфе широко использован материал первых глав упомянутой выше книги А.Н. Егунова.

хого и Нового завета, Гомера, Геродота и особенно Вергилия, несмотря на его заглавие в 1-м издании (1699 г.)[4], имел отдаленное отношение к содержанию "Одиссеи", все же наблюдательный читатель мог узнать из очень кратких упоминаний об испытаниях, выпавших на долю ее главного героя у Полифема и лестригонов, между Скиллой и Харибдой, о пребывании у Цирцеи и в плену у нимфы Калипсо, о его свидании у входа в подземное царство с тенями умерших, наконец, о путешествии самого Телемаха в Пилос и Спарту.

Что касается собственно гомеровских поэм, то первый их перевод на русский язык был сделан прозой с латинского языка в конце 50-х – начале 60-х годов 18 в. неким Кириаком Кондратовичем, сыном солдата, павшего под Полтавой. Перевод остался в рукописи, и неизвестно, оказал ли он какое-нибудь влияние на последующих переводчиков.

В 1779 г. князю Потемкину был преподнесен перевод "Одиссеи", выполненный хоть и по-прежнему прозой, но непосредственно с древнегреческого Петром Екимовым, который до этого снискал себе известность как переводчик "Илиады" (1776–1778). Первое печатное издание прозаического перевода "Одиссеи" вышло в 1788 г. без имени переводчика, которым обычно считают будущего члена Российской академии Петра Соколова (1766–1835). Однако исследовавший этот вопрос А.Н. Егунов обратил внимание на то, что в 1788 г. Соколову было всего 22 года, а в экзаменационной ведомости академической гимназии за 1785 г. отмечено, что он "по-гречески читает и несколько слов знает". Едва ли этого было достаточно, чтобы за три года овладеть греческим в такой степени, которая позволила бы взяться за перевод "Одиссеи". Поэтому Егунов предположил, что опубликованный в 1788 г. перевод, близкий по стилю к уже упомянутому переводу "Илиады" Екимова, и есть тот самый, который он преподнес "светлейшему". Оба перевода полны славянизмов, и Гнедич, вероятно, испытал их влияние, обратившись к "Илиаде". Эта поэма и до него привлекала внимание: несомненный интерес для истории русского переводческого искусства представляет перевод "Илиады", выполненный Ермилом Костровым александрийским стихом с парной рифмой (1787).

Из "Одиссеи" с конца 18 в. до 1815 г. появились в переводах только отрывки: "Улисс у Алкиноя" (8. 499–586) – А.Ф. Мерзлякова и вся кн. 6 – Н. Кошанского. Первый пользовался 5- и 6-стопным амфибрахием, напоминающим по своему звучанию гекзаметр со слабым начальным слогом, и труд его скорее может быть назван вольным подражанием, чем переводом. Второй вернулся к александрийскому стиху, но не слишком стеснял себя ни точностью, ни объемом: из 331 стиха оригинала у него получилось 394, что вполне понятно, поскольку александрийский стих на 5 слогов короче гекзаметра.

В 1815 г. вышло 2-е издание прозаического перевода "Одиссеи", снова анонимное, но на этот раз, по всей видимости, подготовленное П. Соколовым. Он постарался освободить его от множества славянизмов, которыми увлекался Екимов, придал именам собственным форму, соответствующую оригиналу (в частности, вместо латинизированного Улисса появился Одиссей), но греческого Соколов по-прежнему не знал и сверял перевод то ли с латинским, то ли с французским текстом "Одиссеи", не пытаясь устранить пропуски и небрежности 1-го издания.

---

[4] "Продолжение четвертой книги Одиссеи Гомера, или Приключения Телемака, сына Улисса".

Новый прозаический перевод (с параллельным греческим текстом) обеих поэм Гомера предложил в 20-х годах 19 в. И.И. Мартынов ("Илиада" – 1823–1825, "Одиссея" – 1826–1828) в его известной серии "Греческие классики", ч. XI–XII. Мартынов имел отдаленное представление об эпическом стиле и, в частности, исключал из текста определения, "без коих в переводе можно, а часто и должно обойтись", и не придерживался никакой системы в передаче постоянных эпитетов, хотя иногда находил удачные новообразования ("златоуздые кони", "медноланитный шлем") и снабдил перевод примечаниями по части стиля и употребления сложных слов. Перевод Мартынова, сделанный под сильным влиянием очень популярного на рубеже 18–19 вв. прозаического французского перевода Битобе (1785) получил у современников отрицательную оценку, которая удерживалась за ним на протяжении нескольких десятилетий.

Переводы отдельных частей из "Одиссеи", опубликованные после Мартынова (1831 – Масальского из кн. 2. 155–255; 1840 – Джунковского, кн. 1 целиком) заслуживают упоминания только потому, что в них уже был использован – на пути, проложенном Гнедичем, – гексаметр, употребление которого вызвало, впрочем, решительное сопротивление у литераторов, требовавших передачи простонародности и даже "вульгарности" языка Гомера. (Заметим, что предпринятые тогда же и чуть позже попытки "воссоздать" "Илиаду" языком и стилем русских былин с заменой Атрида на Атреевича воспринимаются сейчас, как кошмарный сон.)

Таков был фон, на котором Жуковский принялся в начале 40-х годов за "Одиссею". Правда, перед ним была уже совершенно законченная "Илиада" в переводе Гнедича, у которого можно было бы многому поучиться, был немецкий перевод Фосса, но Жуковский не ставил себе целью вступать с ними в соревнование и в своей "Одиссее" пошел совсем иным путем.

2

Интерес к античности, характерный для всех русских поэтов по меньшей мере с середины 18 в., пробудился в Жуковском достаточно рано и нашел отражение как в его собственном творчестве, так и – главным образом – в его переводах.

Первым произведением в этом ряду надо, по-видимому, считать переложение рифмованными ямбическими четверостишиями знаменитого отрывка из Сапфо, до сих пор не получившего однозначного толкования ("Тот мне кажется равным богу...", фр. 31), – "Сафина ода" (1806). В том же году последовал перевод басни Лафонтена "Сокол и Филомела", которая представляет собой несколько причудливый гибрид басни Гесиода о соколе и ястребе (ТиД, 202–212) с известным мифом о превращении в соловья афинянки Прокны (см. примеч. к 19. 518). Затем, в 1809 г. по мотивам Горация (Оды. II. 3) было написано стихотворение "К Делию" и тогда же переведена баллада "Кассандра" Шиллера, использовавшего эллинистический миф об убийстве Ахилла, завлеченного троянцами под предлогом его бракосочетания с Поликсеной, дочерью царя Приама (см. вступительную заметку к СМС). Из менее известного немецкого поэта Маттиссона (1761–1831) Жуковский в 1812 г. перевел стихотворение "Элизиум", в основу которого положен рассказ о пребывании души в царстве мертвых, и героиней его является, соответственно, Психея (Душа). Затем Жуковский возвратился к Шиллеру, переведя одну из самых известных его баллад "Ивиковы журавли" (1813) и стихотворение "Явление богов" (1815), в котором дей-

ствуют Зевс, Аполлон, Бахус, Эрот и Стикс. В промежутке между этими переводами появилась собственная баллада Жуковского "Ахилл" (1814), написанная 4-стопным хореем по мотивам кн. XXIV "Илиады" (Приам у Ахилла), но с прибавлением обширных рассуждений Ахилла об ожидающей его скорой смерти, о гибели Патрокла и посмертной славе, – все это излагалось с сугубо меланхолическим настроением[5].

Завершает античную тему в первые два десятилетия творчества Жуковского обращение к римским авторам – Овидию (перевод одного эпизода из "Метаморфоз" – кн. XI. 410–748 – под названием "Цеикс и Гальциона", 1819) и Вергилию ("Разрушение Трои" – кн. II "Энеиды", 1822). Переводы эти показательны в том отношении, что выполнены гексаметром, т.е. размером подлинника, что, как мы видели, в те времена было вовсе не обязательным правилом.

После семилетнего перерыва Жуковский опубликовал в журнале "Северные цветы" за 1829 г. в переводе с немецкого примерно 600 стихов из "Илиады", объединив отрывки из кн. VI и XVII–XX (от гибели Патрокла до выхода в бой Ахилла) с собственными стихами. Получилась небольшая поэма с Ахиллом в качестве главного героя, но открывающаяся прощанием Гектора – его будущей жертвы – с Андромахой. К этому же году относится переведенное из Гердера четверостишие "Гомер" ("Вечен Гомеров венец"). Годом раньше вышло в свет "Торжество победителей" (1828), где присутствуют все главные герои, уцелевшие к концу Троянской войны и размышляющие о бренности земного. Затем последовали еще три перевода из Шиллера: "Жалоба Цереры" (она уже знает, что ее дочь похищена Аидом), знаменитый "Поликратов перстень" (оба в 1831 г.) и "Элевзинский праздник" (1833) с участием Аполлона, Афины, Посидона и все той же Цереры, открывающей людям секрет земледелия[6].

Третье, и самое результативное обращение Жуковского к античным авторам охватывает последнее десятилетие его жизни. В 1841 г. он уволился от государственной службы и поселился в Германии, где в два приема (с января 1842 до конца 1844 и с октября 1848 по апрель 1849 г.) перевел "Одиссею", которой был очень увлечен, и чем дальше, тем больше: над первой половиной поэмы он работал почти три года, вторая заняла у него всего лишь 8 месяцев. По его собственному признанию, в последние месяцы он иногда переводил по 50, 60, 100 стихов в день. Может быть, под конец работа пошла быстрее и потому, что вторую половину поэмы с ее картинами домашнего быта Жуковский считал более привлекательной? В том же 1849 г. перевод вышел из печати в Германии и в России[7].

Из этой короткой справки читатель легко может сделать вывод, что источником вдохновения в отношении античных мотивов служили для Жуковского обычно чужие

---

[5] Заметим в порядке контраста, что в том же году Жуковский написал "Плач о Пиндаре", представлявший сатиру на Д.И. Хвостова (1757–1835). Здесь он не без основания заметил о Пиндаре, "что одами его пленялся, // Не понимая их, весь свет"...

[6] Интересный анализ переводческих принципов Жуковского, ярко проявившихся в его "Торжестве победителей" и "Элевзинском празднике" и впоследствии нашедших отражение также в "Одиссее", см. в кн.: *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 92–98. Для полноты же сведений об интересе Жуковского к античным мотивам упомянем отрывок "Война мышей и лягушек" (1831), написанный, может быть, по совету Пушкина, чтобы отразить литературные распри того времени, и перевод двустишия, посвященного Фидию, из Палатинской антологии. XVI. 81 (1836, "Ты ли всходил на Олимп, Зевс ли явился тебе?").

[7] Стихотворения В.А. Жуковского. Издание 5-е. Том осьмой. Одиссея. I–XII песни. СПб., 1849.

произведения. Однако заключение это нуждается в существенной поправке, ибо каждое переводимое им стихотворение по справедливости становилось его собственным. Как верно писал один из современников Жуковского вскоре после его смерти, "образы, ему не принадлежавшие, делались его образами не только потому, что он их себе усваивал, а и потому, что в его творческом даровании они получали новую способность жить и действовать в мире, **для которого не предназначались,** и потому что ни одною своею чертою они не изобличали своего *нездешнего* происхождения"[8]. Слова эти, сказанные около полутора столетий назад, вполне применимы и к "Одиссее" в переводе Жуковского, объясняя как его достижения, так и слабые стороны.

3

В наше время считается аксиомой, что, приступая к переводу иноязычного автора, переводчик должен одинаково хорошо знать два языка: тот, с которого он переводит, и свой родной. Наряду с этим он обязан проникнуть в историко-культурную обстановку того времени, когда появилось переводимое произведение, и чем больше оно удалено от нас, тем более необходимой становится эта работа. Принимаясь же за античного автора, переводчику приходится делать множество справок филологического и исторического характера, изучать бытовые реалии и семейные отношения, типы вооружения воинов и обычаи мореходов, какие были приняты за две–три тысячи лет до наших дней. Нет необходимости добавлять, что качество перевода будет зависеть от уровня художественного дарования переводчика.

Из всех этих непременных предпосылок для удачного перевода Жуковский обладал только одной, хотя и самой важной: он был прекрасным русским поэтом и виртуозно владел стихотворной техникой. В остальном он значительно уступал тому же Гнедичу, проделавшему для своей "Илиады" огромную предварительную работу, которую вполне можно назвать историко-археологической. С Жуковским дело обстояло иначе. Древнегреческого языка он не знал, и в попытке овладеть им на старости лет не пошел дальше первого урока. Никаких исторических или филологических изысканий он не производил, а делал перевод с немецкого подстрочника, изготовленного для него Карлом Грасгофом (1799–1874), профессором древнегреческого языка в Дюссельдорфе. Жуковский считал его "великим эллинистом", хотя в немецком словаре специалистов по классической филологии указаны всего 4 его небольшие работы, относившиеся к типу так называемых Gymnasialprogrammen – гимназических пособий по какой-нибудь частной теме. Грасгоф предпочитал гомеровские реалии ("Корабль у Гомера", "Домашняя утварь у Гомера и Гесиода"), причем из перевода Жуковского не видно, чтобы он уделил особое внимание первой из них, а вторая вышла вовсе после его смерти. Университета в Дюссельдорфе не было, так что едва ли Грасгоф принимал какое-нибудь участие и в разгоревшихся в те времена спорах по "гомеровскому вопросу". Скорее всего, он был преподавателем классической гимназии, хорошо знавшим греческий язык, и к тому же невероятно трудолюбивым и добросовестным. Выполненный им по заказу Жуковского подстрочник, хранящийся в санкт-петербургской Публичной библиотеке, является в своем роде уникальным.

---

[8] *Никитенко А.В.* Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности. СПб., 1853. С. 9 (курсив автора, подчеркнуто мною. – *В.Я.*).

В отличие от обычных подстрочников, цель которых – передать содержание оригинала, Грасгоф дал, в сущности, смысловое и грамматическое описание каждой его фразы. Первый ряд в строке занимает у него гомеровский стих, ниже подписан перевод каждого слова на немецкий и указано его грамматическое значение в греческом тексте. В каждом стихе отмечены также слоги, на которые в оригинале падает метрическое ударение. Получив в свои руки наряду с переводом Фосса такое подробное пособие, Жуковский, по его словам, "угадывал истинный смысл греческого оригинала" и, надо признать, во многом его угадал, хотя, возможно, и не всегда сам отдавал себе в этом отчет.

В своем отношении к "Одиссее" Жуковский исходил из того восприятия Гомера, которое было характерно для сентиментально-романтического направления в литературе последней четверти 18 в. "В Гомере, – писал он, – нет работы искусства: он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и в небесах, и лепечущий об этом звонким, ребяческим голосом на груди у своей кормилицы природы"[9]. Читатель, ознакомившийся с предыдущей статьей, едва ли согласится с такой оценкой, да и сам Жуковский на практике чаще ее опровергал, чем подкреплял.

Начнем с главного материала гомеровского эпоса – его искусственного, выработавшегося в процессе многовекового развития языка, который представляет собой истинную амальгаму разновременных фонетических и морфологических явлений из различных диалектов ("ахейского", эолийского, ионийского), при том, что архаизмы соседствуют со словами обычной и даже обиходной речи, свободно используются грамматические дублеты (типа русских "с тобой" и "с тобою") и применяется целый ряд других приемов. (О таком средстве эпической техники, как сложные определения и постоянные эпитеты, читатель уже знает из предыдущей статьи, § 5.) Необыкновенной изощренностью отличается ритмический строй обеих поэм. Принятый в них, послушный воле автора дактилический гексаметр позволяет ему передавать самые тонкие смысловые нюансы. Чтобы изобразить в рассказе замедленность действия, в любой стопе, кроме пятой, два кратких слога могут заменяться одним долгим (получается так называемый спондей, который в русском стихосложении передается хореем); допускаются удлинение или сокращение гласных. Поскольку все эти приемы трудно оценить без привлечения языка оригинала, попробуем объяснить некоторые из них на примерах из русской поэзии.

Когда во вступлении к "Медному всаднику" Пушкин сначала пишет: "Здесь будет **город** заложен", а через каких-нибудь 7 стихов: "Прошло сто лет, и юный **град**...", то различие между разговорной интонацией, в которую облечено размышление Петра, и авторским отношением к красоте выросшего Петербурга ощущается читателем как употребление стилистических красок единого поэтического языка и не вызывает у него никакого сопротивления. Затем, в русском языке существует известная разница между формой "воскресен**ие**" как возврат к жизни и "воскресе**нье**" как день недели, но это сравнительно редкий случай стилистической дифференциации грамматических форм, которую никоим образом нельзя установить, например, в "Домике в Коломне", где в строфе I употребляется выражение "...с тройным созву**чием**", а в строфе III рифмуются "уве**чья**", "наре**чья**" и "готов сбере**чь я**". Ясно, что в последнем случае выбор формы слова диктуется соображениями метра,

[9] *Жуковский В.А.* Сочинения. 7-е изд. СПб., 1878. Т. VI. С. 369.

как это было с грамматическими дублетами и у Гомера[10]. Наконец, в гексаметре у русских поэтов встречается замена дактиля хореем, чаще всего – в переводах или подражаниях древним (опять же у Пушкина: "Чи́стый ло́снится пол"...).

Возвращаясь после этого небольшого отступления к "Одиссее" Жуковского, спросим себя, в какой мере можно соотнести его переводческие принципы с особенностями языка Гомера. Начнем с его самого крупного достижения – необыкновенно легкого и гибкого гексаметра, с очень скупым употреблением замедляющих течений стиха хореев, и то лишь в начальной стопе (на все 12 с небольшим тысяч строк приходится немногим более сотни таких стихов). Гексаметром Жуковский пользовался и раньше – в частности, в уже упомянутых переводах из Овидия и Вергилия, но никогда этот размер не звучал у него так свободно, как в "Одиссее". Вот немного статистики. В первом 21 стихе эпизода из Овидия – 7 хореев, во всей кн. 1 "Одиссеи" – 3. Вместе с тем, в переведенной примерно за 20 лет до того кн. II из "Энеиды" Жуковский уже использовал накопление хореев в том же стихе, где в оригинале – 3 спондея: "Ка́к поги́бла Тро́я, ка́к Приа́мово ца́рство // Греки низринули..." (ст. 4). В "Одиссее" наиболее замечательный пример в этом отношении – пять стихов из кн. II. 594–598, независимо от того, признаем ли мы их творчеством автора "Одиссеи" или позднейшей вставкой (см. в Примечаниях вступительную заметку к кн. 11). Здесь в оригинале на 4 первых гексаметра приходится 6 спондеев, изображающих, с каким усилием катит Сизиф в гору камень; заключает описание пятая, сплошь дактилическая стопа: камень быстро катится вниз. Точно так же в переводе: 6 хореев в первых четырех стихах и заключительный стих из одних дактилей[11].

Другим замечательным свойством перевода Жуковского является обилие и богатство сложных прилагательных, примеры чего читатель найдет в первых же стихах поэмы: "многоопытный", "богоподобный", "хитроумный" Одиссей, "светоносный" бог Гелиос, "длинноогромные" столбы, поддерживающие небесный свод, "коварно-ласкательные слова", которыми Калипсо пытается удержать у себя Одиссея. А потом встретятся "бесплодносоленая бездна" и "широкотуманная зыбь" моря, "звонкопространные сени" и "громкозвучнокопытные кони" и еще десятки, если не сотни, других сложных определений, которые могут не всегда совпадать с оригина-

---

[10] Может быть, еще более наглядный пример такого, обусловленного размером, употребления грамматических дублетов дал сам Жуковский в первом же четверостишии принесшего ему общероссийскую славу перевода из "Сельского кладбища" Томаса Грея:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

[11] С точки зрения построения стиха Жуковскому могут быть предъявлены две претензии. Во-первых, у Гомера прямая речь никогда не начинается с середины стиха, не кончается на ней и не прерывается указанием на говорящего. В переводе это правило иногда нарушается. Например: «Зевсу сказала: "Отец наш, Кронион, верховный владыка"» (1. 45; всего таких стихов около 60); или: "...То ведать // Должен я" (9. 280 сл.; всего свыше 30 случаев); или: "Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев" (1. 209 = 226 = 302; всего таких стихов свыше 20). В сумме с такого рода нарушениями выходит около 110 строк, т.е. менее одного процента от общего числа стихов в 12083. Во-вторых, встречается незначительное количество ошибок в размере: 20 раз не хватает 6-й стопы (напр., 8. 403; 9. 175; 12. 331), около 30 раз добавлена лишняя, 7-я (напр., 5. 171; 8. 290; 13. 275). Всего выходит около 50 случаев, т.е. и вовсе менее половины процента.

лом ("медноокованные копья" там, где в оригинале просто "медные"; "звонкоприятный голос" Калипсо, где эпитет добавлен переводчиком, равно как определение "сладостно-убийственный" в применении к голосу Сирен, отсутствующее в оригинале, но по существу верное), но в своей совокупности создают то обилие материальных, световых, цветовых и всяких прочих качественных характеристик, которыми отличается гомеровский эпос.

Вместе с тем следует заметить, что одно и то же сложное определение Жуковский часто без необходимости переводит по-разному. Так, самый употребительный постоянный эпитет Одиссея πολύτλας "многострадальный" передается восемью способами, из которых наиболее частый ("богоравный", 9 раз) не имеет никакого отношения к "многострадальности". Далее в убывающем порядке следуют еще семь: "хитроумный", "в испытаниях твердый", "постоянный в бедах", "твердый в бедах", "многославный страдалец", "непреклонный в напастях", "многохитростный" (последние 4 – по одному разу). Двенадцать раз эпитет вообще опущен. Аналогичная картина – с определением πολύμητις: оно переводится то как "благородный" (8. 165), то как "богоравный" (11. 354; 13. 311), то как "хитромысленный" (9. 1), то как "многоумный" (21. 274) – ближе всего к оригиналу последний перевод, и им можно было бы везде воспользоваться без всякого ущерба для смысла (а в двух первых случаях – и для размера). Точно также вполне выдерживают замену в стихе определения "лучезарнокудрявая" и "светозарнокудрявая", служащие переводом одного и того же прилагательного εὐπλόκαμος применительно к Эос (5. 390 и 9. 76), или эпитеты "меднообутые" и "светлообутые" (εὐκνήμιδες) – при спутниках Телемаха. Старший коровник (βοῶν ἐπιβούκολος) Филойтий в одной и той же позиции в стихе назван "пастухов повелитель" (20. 235) и "простодушный коровник" (21. 199). Конечно, можно сказать, что к середине 19 в. еще не вполне сформировалось представление о поэтике древнегреческого эпоса, не говоря уже о теории oral poetry, и поэтому постоянные эпитеты могли производить впечатление ненужной тавтологии, которую переводчик считал себя вправе разнообразить по своему усмотрению. Может быть, в общем стиле перевода эти вариации мало что меняют, но по отношению к поэтической технике Гомера, где существенную роль играют постоянные эпитеты, сросшиеся с их носителями, такие вольности нельзя не признать некорректными[12].

Следующий вопрос – перевод повторяющихся стихов. Здесь мы сталкиваемся опять с двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, можно отметить случаи безупречного равенства, особенно в переводе типичных ситуаций или, например, 1. 261 сл. = 4. 345 сл. = 17. 136 сл.; 5. 178 сл. = 10. 343 сл.; 1. 356–360 = 21. 354–358;

[12] Один раз Жуковский оказался, впрочем, в положении plus roi que le roi même. Известно, что небо у Гомера всегда "звездное" (ἀστερόεις), независимо от времени дня или ночи. Однако один раз из этого правила сделано исключение: в кн. 11. 17 сл. говорится, что Гелиос всходит на звездное небо, а обращается к земле с неба (без определения!). По-видимому, автор понял, что при появлении солнца звезды исчезают с небосклона, а вновь появляются только после его исчезновения. Тем не менее Жуковский оба раза оставил эпитет в неприкосновенности! В то же время надо освободить переводчика от напраслины, которую возвел на него Егунов. В кн. 6. 101 Навсикая так же названа в оригинале "белорукой" (λευκώλενος), как и многие другие женщины (см. примеч. к ст. 101); так было и у Жуковского в первом издании 1848 г. Впоследствии в текст вкралась опечатка, которая пошла кочевать по всем переизданиям, в результате чего Навсикая стала "белокурой"; из этого Егунов сделал вывод, что Жуковский не решился применить к ней обычный эпитет, а переделал его, "хотя на цвет ее волос указания у Гомера нет". Действительно, нет, как не было и у Жуковского.

11. 6–10 = 12. 148–152. Если, однако, читатель сравнит перевод (10. 517–525 и 11. 25–33, буквально повторяющихся в оригинале, то он увидит такие совершенно необязательные замены, как "другое" на "второе", "всех вместе призвав их" на "мной призванных вместе", – Жуковский явно избегал тавтологии в оригинале, хотя и писал, что "надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет"[13].

Заметим попутно, что в других случаях Жуковский стремился соблюдать приемы "малой" поэтической техники, употребленные в "Одиссее". Так, он довольно близко к оригиналу передавал рамочное оформление отдельных отрезков текста, о котором речь шла в предыдущей статье (конец § 6). То же самое верно по отношению к некоторым особенностям синтаксической структуры оригинала. В 2. 115 сл. Антиной и в оригинале запутывается в собственной речи, и главное по смыслу предложение появляется только в ст. 123. Соответствует оригиналу анаколуф в 9. 431.

Одним из средств выразительности служат в "Одиссее" анафоры – и они не ускользнули от внимания переводчика: "*Многих* людей города... // *Много* и сердцем скорбел"... (1. 3 сл.); "*Поплыл* вперед, угадав... // *Поплыл* со всеми своими"... (3. 166 сл.); "*Или*...громаду пронзить... // *Или*...с утеса низвергнуть... // *Или* оставить..." (8. 507–509). То же самое следует сказать о передаче тавтологии оригинала там, где она не касается постоянных эпитетов ("...*негодяй негодяя* ведет... // ...*равного* с *равным* бессмертные сводят", 17. 217 сл., или: "...избегшие...избегнув...избег", 1. 11–19, в оригинале различные формы глагола φεύγω "избегать"), об игре слов ("готовит...приготовлено", 4. 770 сл.; "...невиновную мать обвиняешь...", 20. 135), об одинаковом окончании двух смежных стихов (19. 563 сл.) и даже об аллитерациях (см. 1. 47–49 и примеч.; вполне соответствует оригиналу аллитерация на "с" в 3. 26 и 64; в 17. 221 два φλ- переданы через два "пр-", внутренняя рифма на -ος в начале двух дактилей, 7. 122, – через сочетание "сад виноградный).

Если переводчику и не всегда удается воспроизвести перечисленные приемы именно в тех стихах, где они употреблены в оригинале, и он восполняет неизбежную утрату в другом месте, это вполне можно признать его правом (все подобные случаи отмечены в примечаниях).

Из той же области – перевод у Жуковского вереницы традиционных вопросов, которыми всякий раз хозяин встречает прибывшего в его дом незнакомца: кто он? кто его родители? откуда прибыл? Обычно таких вопросов бывает два–три, – в переводе число их может соответствовать оригиналу[14], может превышать его на один–два вопроса[15], но иногда разрастается вдвое и больше[16], что, впрочем, не лишает достоверности передачу этой стороны эпического этикета.

Возвращаясь к более существенным проблемам перевода, отметим весьма умеренное употребление в нем славянизмов, которые особенно сильно затрудняют современному читателю освоение "Илиады" Гнедича, но и в 19 в. едва ли легко преодолевались всеми.

---

[13] *Жуковский В.А.* Сочинения. Т. VI. С. 184.

[14] 4. 312–314; 7. 238 сл.; 24. 257.

[15] 1. 166–169 (см. примеч.); 10. 325; 19. 105.

[16] 1. 402–405 (6 вопросов против 3); 24. 298–301 (8 против 4), но и 4. 642–644 (6 против одного). Ср. 8. 573–578.

Славянизмы у Жуковского встречаются двух видов: грамматические и лексические.

Из грамматических славянизмов чаще всего употребляется родительный падеж прилагательных женского рода на *-ыя, -ия* ("златотронныя Артемиды", "для вечерния пищи") и только изредка – усеченные прилагательные и причастия типа "малолетен", "отсутственна"; затем, родительный падеж с предлогом *от* в значении genetivus auctoris ("от внимавших ему феакиян... вызванный к пенью вторично", 8. 190 сл.; "не чтим был от младших", 13. 142) и превосходная степень в значении сравнительной ("чтоб удобнее сладить с сильнейшим", 3. 250, т.е. с более сильным; "огромнейший первого камень", 9. 537). Для русской поэзии первых десятилетий 19 в. формы эти были вполне привычными и либо воспринимались как поэтическая вольность, либо придавали речи совершенно определенный стилистический колорит[17]. Встречаются они, хоть и не часто, и в позднем творчестве Пушкина ("И тайна брачныя постели", "И жало мудрыя змеи"; "Старинны были", "И, грабежом отягощенны, // Боясь погони, утомленны..."; "Исполнен труд, завещанный от бога..."). К превосходной степени вместо сравнительной читателей уже приучил в "Илиаде" Гнедич ("Речи, сладчайшие меда...", I. 249; "воин, тебя несравненно храбрейший", VII. 114).

Что касается славянизмов лексических, то в них, в свою очередь, целесообразно выделить три группы.

В первую войдут такие славянизмы ("брег, град, злато, младой"), которые даже современным читателем воспринимаются совершенно спокойно как один из возможных лексических вариантов, не нарушающий стилистического единообразия текста. Во вторую – те, которые и во времена Жуковского осознавались как заведомый архаизм ("пажить, паства, сонм, стезя, брашно, тризна, лики, вонми, купно, паче, понеже") и, соответственно, напоминали читателю, что речь идет о "делах давно минувших дней". Употребление такого рода славянизмов в сочетании с названными выше грамматическими явлениями можно с известной долей условности сравнить с наличием в "искусственном языке" гомеровского эпоса достаточного количества морфологических дублетов и архаизмов, хотя сам Жуковский, не знавший греческого, едва ли об этом догадывался. Предлагаемое нами сравнение можно подкрепить также примерами обиходной речи, очень выразительно переданной в переводе. От Лаэрта остались "кожа да кости" (16. 145); "...чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра" (17. 448); женихи, "всплеснувши руками, все помирали от смеху" (18. 99 сл.) – везде перевод отвечает словоупотреблению оригинала.

Не лишено интереса, что отмеченные выше приемы Жуковского-переводчика характеризуют не одну только "Одиссею". И родительный падеж на *-ыя*, и усеченные причастия, и славянизмы лексические мы встретим в его переводах с новых языков, где оригинал не дает для них, как правило, никакого повода. Так, в переводе из Попа: "Сердце мирныя весталки", "О лики хладные, слезами орошенны!". Из Томсона: "Слиянные в хвалу, слиянны в обожанье...", "витязь, почто". Из Шиллера: "Алчет небесныя пищи", "Сводом лавров осененна", "рамена, скудель, тризна, втуне". Из Байрона: "Глухой тюремныя стены", "вихорь, вотще, пря". Из Уланда: "При свете полныя луны", "булат, власяница, внемля". Тут Жуковский делает свои пере-

---

[17] См.: *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 1991. С. 246–263, 270–276 (статья "Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина").

воды скорее фактом русской поэзии, чем русского искусства перевода. В "Одиссее", однако, его собственные художественные средства до известного предела оказались родственны стилю оригинала, что и обеспечило его "Одиссее" такое значение в приобщении русской читающей публики к миру античности. Но – повторим – до известного предела!

4

Если бы Жуковский, сопрягая две стилистические стихии – архаизацию и просторечие, остановился в выборе лексических средств на уровне приведенных выше примеров, можно было бы считать, что ему удалось соблюсти то равновесие между возвышенным и обыденным, которое характерно для Гомера. К сожалению, он пошел несколько дальше. Если славянизмы двух первых групп не вызывали других ассоциаций, кроме чисто стилистических, то третья группа славянизмов переносила читателя не просто в старину, а именно в русскую былинно-сказочную ("спальник, крайчий, палаты, постав, вено, горница, браный стол, пуховая постель", "переходы палат и дворы и притворы") и они, естественно, несовместимы с картиной гомеровского общества, как несовместимы с ней и некоторые реалии из патриархального русского быта: "сан" (1. 274; 2. 197 и т.д.); "вельможи" (7. 189), которые садятся "по чину" (7. 98; 9. 8; ср. 15. 134), как это положено по закону местничества; слуги, которые "докладывают", что постель готова (7. 341), или "доносят" господину на неверных служанок, пока госпожа "почивает" (22. 429–431). На пиру сдвигают столы (1. 109), а один из женихов занимает свое место на краю стола (21. 145), в то время как из оригинала ясно, что перед каждым пирующим ставился отдельный стол. Женщины у Жуковского сидят за ткацким станком (5. 62; 7. 105; 10. 222; см. также примеч. к 4. 136), в то время как в оригинале они ходят вдоль него. Лесха превращается в шинок (см. 18. 329 и примеч.). Между тем, эта часть словаря Жуковского не является невольной стилистической аберрацией: он и в самом деле видел своих героев среди патриархального быта, где правит строгий, но добрый царь-батюшка, которому прислуживает быстрая на исполнение его приказов "дворня". Вот уж воистину Одиссей и Телемах, Пенелопа и Елена попали в мир, "для которого не предназначались" (см. примеч. 7)! Отсюда – значительно преувеличенное против оригинала употребление слова "царь" и производных от него.

Конечно, и Одиссей, и Менелай, и Алкиной – цари, и принадлежащий им дом – царский дом. Свойства царя обсуждаются не один раз (2. 230–234; 4. 689–692; 19. 109–114), высокая порода и впечатляющая внешность связываются с царским происхождением (4. 63; 17. 416; 20. 194; 24. 253), и все же, как мы помним, применительно к названным выше персонажам понятия "царь" и "царствовать" употребляются вообще скупо: 21 раз об Одиссее, 10 – об Алкиное, 5 – о Менелае.

В переводе картина несколько иная. Одиссей назван царем около 40 раз, причем чаще всего не в авторской речи, а в речи персонажей, где в оригинале сочетание "царь Одиссей" никогда не встречается. Менелай, на протяжении кн. 4 и 1-й половины кн. 15, – 26 раз (в оригинале его имя употребляется либо вовсе без определения, либо с одним из традиционных эпитетов: "славный, златовласый, вскормленный Зевсом"); к тому же он еще и "богоизбранный пастырь" (напр., 4. 156 = 15. 87), чего вовсе нет в оригинале, но что вполне отвечает представлению о царе "Божьей милостью". Алкиной назван царем сверх оригинала 28 раз; в оригинале в этих случаях

его имя стоит либо вовсе без определения, либо с эпитетом μεγαλήτωρ "великодушный". Вероятно, известную роль в выборе слова "царь" в сочетании с трехсложным именем собственным сыграло его удобство для стиха, особенно в начале гексаметра, но царским титулом в переводе чаще, чем в оригинале, наделяются и особы женского рода, где соображения размера для такого мастера стиха, каким был Жуковский, едва ли могли иметь определяющее значение. Итак, Пенелопа – царица: 12 раз в оригинале, 19 – в переводе плюс еще 2 раза – "государыня (в оригинале γύναι "жена", 19. 455, и τέκνον "дитя", говорит ей Евриклея, 23. 26); особенно пикантно обращение "царица" звучит в устах Одиссея (23. 183), уже расправившегося с женихами и признанного всеми его домашними. Арета – царица: 3 раза в оригинале, 13 – в переводе. Навсикая в переводе всегда "царевна", хотя в оригинале говорится либо "дева", либо употребляется местоимение (см. примеч. к 6. 99).

Вот еще несколько примеров. Телемах посещает *царственный* град Лакедемон и *царя* Менелая в его *царском* жилище; сам Менелай пирует в *царских* палатах, Телемах и Писистрат достигают *царского* дома, звать их бегут *царские* рабы, коней привязывают к яслям в *царевой* конюшне (4. 1–4, 15, 21, 38, 40) – так в переводе. В оригинале ни одного из выделенных слов нет. В оригинале: "Отвечая ей, златовласый Менелай сказал"; в переводе: "*Царь* Менелай отвечал благородной *царице* Елене". При виде быка, упавшего под ударом жертвенной секиры, "возопили дочери, невестки и почтенная супруга Нестора" (3. 450–452); в переводе: "и невестки *царевы* и с ними *царевны*". Филойтий, вспоминая Одиссея, восклицает: "О благодушный, великий мой *царь*!" (20. 209) – в оригинале: "безупречный Одиссей". "Прославленный дом" Алкиноя (8. 38) – "*царевы* палаты". Телемах, обуздывая женихов, напоминает им, что они безобразничают в его "красивом доме" (20. 319) – в переводе: "в *священных обителях царских*". Тот же Телемах, по Жуковскому, – "*власти державный наследник*" (22. 53); на самом деле, Евримах, пытаясь избежать гибели, говорит Одиссею, что Антиной хотел стать царем на Итаке, а "твоего сына убить из засады". Наконец, Евриклея, оправдываясь перед Пенелопой в том, что утаила от нее отъезд Телемаха, говорит: "Дочь моя, либо убей меня... либо оставь в доме" (4. 743 сл.). В переводе: "Свет наш царица, казнить ли меня... / Ты повелишь иль помилуешь..."...Как тут не вспомнить лексикон русской сказки: "Государыня, царица-матушка, не вели казнить, вели миловать"!

5

Другая стилистическая тенденция, явно несовместимая как с патриархально-царственным "благолепием", так и с оригиналом, – вульгаризмы. Число их невелико, и те же самые примеры переходят из одной работы в другую. "Марать понапрасну рук не хочу" (18. 12 сл.); "умничать вздумал – не хуже стряпухи старой лепечет" (18. 26 сл.); "моих кулаков отведать" (20. 181); "гнилой старичишка" (20. 379 – добавление переводчика); "деревенщина грубая" (21.85). Разумеется, в оригинале таких сильных выражений нет, но в оправдание переводчику можно сказать, что все эти выражения взяты из речи отрицательных персонажей – нахального Ира, наглого Меланфия, надменного Антиноя – и представляют собой попытку использовать лексические средства для изображения их характеров. С этой точки зрения показательна дифференциация в переводе слова ξεῖνος "иноземец". Если в устах Евмея или Амфинома оно звучит как нейтральное "чужеземец", "странник" и даже "бедный

скиталец" (14. 361; 18. 417, 420; 20. 191), то в речи женихов (и в первую очередь Антиноя) или дерзкой служанки Меланфо – только как "негодяй", "бродяга", "неотвязный, негодный бродяга" (17. 478; 18. 38; 19. 66 = 20. 78; 20. 377; 21. 288)[18]. В остальном надо все же признать, что ругательствами по адресу Одиссея Жуковский несколько злоупотребляет: сказано ли о нем в оригинале "нищий", "старик", "жалкий", "несчастный", или он вовсе никак не назван, в переводе Одиссей-нищий всегда "бродяга", "побродяга", "наглец" (см. 17. 449, 460; 18. 81, 389, 391, 400; 19. 68).

Другую группу вульгаризмов оправдать труднее. Если неблагозвучное слово "сволочь", употребленное Антиноем (17. 376), можно принять в его первоначальном значении "сброд" (ср. у Пушкина: "Из мелкой сволочи вербую рать"), то в устах Телемаха (20. 265) оно вовсе неуместно, как и выражения "жрать до упаду" (2. 57 = 17. 536, в оригинале: "пировать"; ср. 1. 373) или "ошалел" (21.369, добавлено переводчиком). С известной натяжкой можно согласиться, что Одиссей и Пенелопа обзывают множество женихов "шайкой" (16. 105; 18. 167; 19. 39; 23. 37) и он, не выходя из роли нищего, грозит Иру разбить ему в кровь "рыло" (18. 21), – в речи Афины (15. 12, 28) и тем более автора та же "шайка" "жрущих" женихов (20. 386; ср. 3. 315) или выражения вроде "в правую треснула руку" (18. 397), "треснулся об пол" (22. 94), "начали бегать они, ошалев" (22. 299, в оригинале: "бегали") "издох", "издыхали" (18. 91; 22. 118) отнюдь не отвечают оригиналу.

Как видим, и вопрос о вульгаризмах так же не решается вполне однозначно, как и об употреблении славянизмов.

6

Наряду с заметным колоритом патриархальной русификации в сочетании с некоторым злоупотреблением вульгаризмами в переводе "Одиссеи" присутствует еще одна черта, в высшей степени характерная для Жуковского-поэта, – налет сентиментальной идиллии.

Так, прислужницы Навсикаи являются в переводе не иначе как ее подругами (6. 84, 99 и т.д.). Одиссей-нищий и свинопас Евмей обращаются друг к другу: "Мой добрый хозяин", "Мой добрый Евмей", "Добрый мой гость"; Пенелопа начинает свои вопросы к Одиссею со слов: "Мой добрый старик" (14. 144, 167, 391; 15. 307, 341 сл., 486; 19. 105; в оригинале – либо только "старик", либо "чужеземец", либо вообще нет никакого обращения, и оно целиком добавлено переводчиком). Сам Одиссей провожает Телемаха в город напутствием: "Добрый путь, мой прекрасный" (17. 22, в оригинале: "однако иди", без всякого обращения). Теми же словами отвечает Евриклея на распоряжение Телемаха (19. 22, в оригинале "дитя"). Писистрат выходит навстречу Телемаху и "**ласково**" берет его за руки; Эйдофея приветствует Менелая "с ласковым видом"; Телемах предлагает Евмею задержать у себя чужеземца, "угощаемого с лаской" (3. 37; 4. 370; 16. 82, везде – добавления переводчика)[19]. Менелай **дружелюбно** треплет рукой щеки Телемаха, Калипсо и Афина – Одиссея (4. 610; 5. 181; 13. 285 сл.). Добавление наречия "дружелюбно" – еще один из приемов Жуковского (3. 374; 9. 124; 10. 312; 14. 45; 20. 326). Супруга Нестора –

[18] Такое же "характерологическое" усиление в переводе – в 17. 478: "или беги неоглядкой отсюда", – говорит Антиной Одиссею-нищему. В оригинале: "уходи в другое место".

[19] Ещё примеры добавленного переводчиком наречия "ласково": 2. 384; 8. 10; 13. 332; 14. 54; 17. 45; 21. 192.

"кроткая сердцем" (3. 452); долго хранится память о "товарище нежноприветном, кротком сердцем" (8. 584). В результате такого рода добавлений среди положительных героев поэмы возникает атмосфера доброты, ласки и участия, свойственная отчасти и оригиналу, но в ее внешних проявлениях привнесенная переводчиком[20].

Идиллический покров окутывает в переводе супружеские взаимоотношения. Одиссей желает Навсикае, чтобы боги дали ей мужа "по сердцу" (6. 181 – добавлено переводчиком, как и в 6. 285: "ей по душе"). Мужа и жену Жуковский считает "сердцем избранными" (13. 45; 15. 356; 19. 266; 23.150); верная своему долгу Пенелопа страдает от необходимости покинуть тот дом, где она "нашла счастье" (19. 581 = 21. 79). Между тем из поэмы ясно, что мужа девушке или вдове выбирали не по влечению ее сердца, а в зависимости от величины предложенного выкупа и сделанных подарков (6. 159; 11. 117 = 13. 378; 15. 367; 18. 276–279), и в оригинале "избранным сердцем" супругам соответствуют "законные" мужья и жены[21]. "Счастье нашла" – добавление переводчика: конечно, Пенелопе хорошо жилось с таким мужем, как Одиссей, вообще же "всякая ⟨жена⟩ скорбит, утратив даже другого ⟨т.е. менее достойного⟩ мужа" – таков точный перевод 19. 266. Соответственно, и Пенелопа предпочла бы умереть вместе с Одиссеем, чем "радовать мысли худшего мужа" (20. 82) – в переводе: "чем быть мне подругою мужа, противного сердцу". В самом же эпосе отношения между полами сводятся к тому, чтобы "насладиться любовью", идет ли речь о Калипсо или Пенелопе (5. 227; 23. 300), или "соединиться в любви на ложе" с Цирцеей (10. 235). Кстати говоря, сопротивление Одиссея стремлениям Калипсо в переводе несколько преувеличено: она ему явно не нравилась, но (судя по 5. 119 сл., 153 сл., 227) добивалась его любви не "напрасно", как добавлено в 1.15, и он не был вовсе "непокорным ее желаньям" (5. 155). "Верного сердца его обольстить не успела" (23. 337) – тоже гораздо сильнее оригинала, где сказано: "но никак не могла убедить в груди его дух".

Наслаждение любовью – только один из возможных способов испытать "сладость" жизни. Если в оригинале говорится, что Одиссей спал (уснул), то в переводе читаем: "*сладко*-целительный сон он вкусил безмятежно", "*сладко* на ложе своем отдыхал" (7. 344; 14. 523 – и определение и обстоятельства добавлены переводчиком)[22]. "...Выпили, сколько душа желала" (3. 342; 7. 184, 228); в переводе: "вином *насладились*". Знатные феаки "всегда пили и ели" в доме Алкиноя (7. 99) – "садились... питьем и едой *наслаждаться*". Имя дается человеку "в *сладостный* дар" (8. 554, добавление переводчика); бани – не горячие, а "сладострастные") (8. 249). В том случае, когда прилагательное "сладкий" уже содержится в оригинале, переводчик стремится еще усилить картину. В оригинале: "сладкий сон" – в переводе: "сон – усладитель печалей" (12. 310). В конце рассказа Одиссея Пенелопе им "овладел сладкий, расслабляющий члены (т.е. дающий им отдых от дневного напряжения) сон, освобождающий дух от забот". В переводе: "Сон прилетел, **чарователь тревог**, успокоитель сладкий" (23. 343). Заметим, что "сладостный" – едва ли не самый употреби-

---

[20] Впрочем, и обращаясь к женихам, Телемах "кротко" (2. 208, 309 – конечно, только в переводе) говорит каждому: "Друг" (см. 1. 385 и примеч.).

[21] Из этой же области – добавление в переводе "наших возлюбленных" жен в 4. 279 (в оригинале: "жен всех ахейцев").

[22] См. также: 5. 492; 9. 404; 10. 334; 12. 283; 14. 523 – везде добавления переводчика.

тельный эпитет в элегической поэзии первых десятилетий 19 в., в том числе, конечно, и у Жуковского, и, вероятно, именно эта преувеличенная "сладость" дала основание Л. Толстому говорить, что Жуковский и Фосс "поют каким-то медово-паточным, горловым, подлым и подлизывающимся голосом"[23], – обвинение, если и слишком резкое, но в чем-то не лишенное основания.

Перевод Жуковского вообще распространеннее оригинала именно за счет такого усиления. Поэтому "прекрасноустроенная" спальня Навсикаи становится "тайной девичьей спальней" (6. 15), а еда всегда – "роскошная" (4. 68; 8. 248; 15. 501), в том числе – и в хижине свинопаса: поужинав, Евмей и Одиссей, "насытились едой и питьем"; в переводе: "Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою" (15. 303). Нестору и его гостям пора подумать об отдыхе (κοίτοιο, 3. 334) – "о ложе покойном и сне миротворном". Киприда умащается, "когда идет к пленительному хору Харит" (18.194); в переводе: "В пламенно-быстрой и в *сладостно-томной* с Харитами пляске // Образ Киприды... сияет". "Намного лучше умереть, – говорит Леодей, – чем, оставаясь в живых, утратить то, ради чего мы всегда здесь собираемся, проводя в ожидании все дни" (21. 154–156). В переводе: "...что так сильно // Нас привлекало всеедневно сюда *чародейством надежды*".

Одно из таких "распространений" касается места рока в жизни гомеровского человека. Понятие это, вообще говоря, в гомеровском эпосе отсутствует. Люди знают, что от рождения каждому **выделена** определенная **доля**, как выделяют ее при разделе добычи или жертвенного угощения. В 19 в., наоборот, думали, что древние греки всегда чувствовали некий тяготеющий над ними рок, в соответствии с чем Жуковский находил в "Одиссее" "року подвластных людей" (3. 3; 12. 386) там, где в оригинале говорится просто о смертных, а "живущих на земле" называл "живущими под властью судьбины" (6. 153). См. также примеч. к 7. 198; 10. 68; 12. 49 сл.; 14. 235 сл.; 19. 260; 21. 148.

Удачное наблюдение над "трансформацией художественной системы оригинала" в 5. 151–154 содержится в упомянутой выше статье О.М. Савельевой. В этих стихах «о тоске Одиссея по родине сказано крайне скупо, почти строго: "Она нашла его сидящим на берегу, и глаза его не высыхали от слез, а сладостная жизнь утекала ⟨у него⟩, тоскующего по возвращении: ведь нимфа никогда не нравилась ему..." В переводе это оказывается значительно расцвеченным: "Он *одиноко* сидел на утесистом бреге, и очи // Были в слезах, утекала *медлительно капля за каплей* // Жизнь для него в *непрестанной* тоске по *отчизне*, и, *хладный // Сердцем* к богине..." Добавление "одиноко", "медлительно капля за каплей", усиление оригинала от "тоскующей по возвращении" до "в непрестанной тоске по отчизне", от "не нравилась нимфа" до "хладный сердцем к богине" сразу сообщают тексту отношение, вызванное отображаемой ситуацией у самого переводчика, обнаруживая в нем поэта, о котором чаще всего говорят, что он смотрел на мир "сквозь призму сердца"»[24]. Каким образом такое целеустремленное расширение оригинала в сторону "чувствительности" можно объяснить "младенческим лепетом" автора "Одиссеи", остается опять-таки загадкой.

Можно добавить, что персонажи "Одиссеи" вообще достаточно часто плачут, – в переводе они, как правило, "плачут навзрыд" (16. 22; 21. 82 сл.; 23. 206 сл.), "зали-

---

[23] *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Фету, январь 1871 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 61. С. 248.
[24] *Савельева О.М.* Указ. соч. С. 257 сл. См. также примеч. к 18. 188–194.

ваясь слезами" (16. 219), проливая "потоки слез" (17. 32 сл.). Достав лук Одиссея, Пенелопа "плакала очень громко" (21. 56 сл.); в переводе: "...зарыдала и долго, // Долго рыдала она..." После того как Одиссей открылся Телемаху, "так они лили слезы сострадания" (16. 219); в переводе: "Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали".

Число примеров можно увеличить, но и из вышеприведенных видно, что язык автора "Одиссеи" сдержаннее и строже, чем перевод Жуковского. Надо ли ставить ему в вину эту "чувствительность"? Как известно, древнегреческий эпос был рассчитан на публичное исполнение, и рапсод имел достаточно возможностей, чтобы наделить "объективное" описание своими субъективными эмоциями: в его распоряжении всегда были модуляции голоса, мимика, жесты. Переводчик, предлагающий читателю напечатанный текст, лишен всех этих способов воздействия на него, и их приходится компенсировать лексико-стилистическими средствами.

Сравним четыре пассажа из последних книг в буквальном и в поэтическом переводе.

19. 472: "Глаза у нее заполнились слезами и пресекся голос" –

Очи от слез ***затуманились****, ей не покорствовал голос.*

23. 231 сл.: "Так она сказала, у него же еще больше поднялось желание плача. Он плакал, держа ⟨в объятьях⟩ дорогую почитаемую супругу" –

Кончила. ***Скорбью великой*** *наполнилась грудь Одиссея.*
Плача, приникнул он к ***сердцу испытанной****, верной супруги.*

24. 234 сл.: "Проливал слезы" –

...дал волю слезам ***и, в молчанье... плакал.***

24. 336 сл.: "Я назову тебе деревья... которые ты мне некогда подарил, – ведь я просил их у тебя одно за другим (ἕκαστα), будучи мальчиком и следуя за тобой по саду" –

Если ж желаешь, могу я тебе перечесть *и деревья*
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши ***малюткою****, здесь за тобою* ***бежал по дорожке.***

Ясно, что перевод эмоциональнее оригинала именно за счет изобилия лексических средств, и причину этого легко понять: Жуковский слишком проникался теми образами, которые ему предстояло воспроизвести, чтобы не наложить на них печать собственной индивидуальности. Это так же верно по отношению к Гомеру, как и к Грею, и к Гете, и к Шиллеру, и ко всем другим поэтам, которых он перевел за полсотни лет[25]. Поэтому, как мы убедились, с точки зрения строго филологической к "Одиссее" Жуковского может быть предъявлен значительный счет, окончательный итог которому с излишней, впрочем, суровостью подвел А.Н. Егунов: «В целом "Одиссея" Жуковского принадлежит к вольным и "украшенным" переводам, в ней сильнейшим образом сказывается творческая личность поэта – посредника, заслонившего собой Гомера, и чтобы добраться до Гомера, читатель должен откинуть

---

[25] См. анализ переводов из названных (и других) поэтов в кн.: *Эткинд Е.* Указ. соч. С. 55–73, 79–98, 101–115, и, в том числе, констатацию. "Романтическая эстетика Жуковского оказалась в высокой степени плодотворной для искусства перевода" (с. 110).

все, что принадлежит Жуковскому: останется фабула "Одиссеи", последовательность рассказа, все ситуации, характеры (заметим, что это не так уж и мало. – *В.Я.*), но не словесное их воплощение»[26]. Возникает, однако, целый ряд вопросов. Как можно передать характеры, не прибегая к их "словесному воплощению"? Для того ли делается перевод, чтобы читатель "изучал" иноязычного автора, как это положено филологу-классику, которому доступен оригинал? Как читатель, не знающий древнегреческого, сумеет "откинуть все, что принадлежит Жуковскому"? И самый последний: если бы "Одиссея" не была пронизана собственным отношением поэта, если бы Жуковский счел своей задачей буквальную передачу оригинала, то удалось ли бы его переводу в течение полутора столетий привлекать к себе внимание читателей всех возрастов? Ровно через 100 лет после первого издания "Одиссеи" Жуковского появился перевод П. Шуйского (Свердловск, 1949), несомненно, более точный филологически. Кто сейчас помнит о его существовании? И уж вовсе излишне напоминать о том печальном опыте буквализма, который явил Брюсов переводом Вергилия или Г. Шенгели – Байрона.

Откликаясь на выход в свет перевода Жуковского, один из рецензентов писал: "Верность общечеловеческим, глубоко поэтическим началам "Одиссеи" именно и господствует в новом переводе... Неужели филология и антикварство заглушит в критиках эстетическое чувство! Перевод Жуковского назначен не для тех, кто изучает древность, а для тех, кто хочет послушать Гомера на родном языке. И он услышит его – услышит и насладится"[27]. Опасения Дестуниса по части "филологии и антикварства" оказались напрасными, надежда его оправдалась: лучшего перевода "Одиссеи", чем выполненный Жуковским (при всех его просчетах), у нас до сих пор нет, и никто не знает, когда он появится.

---

[26] *Егунов А.Н.* Указ. соч. С. 373.
[27] *Дестунис Г.* Указ. соч. С. 98.

А.С. Янушкевич

О ПОСВЯЩЕНИИ И ПРЕДИСЛОВИИ К ПЕРЕВОДУ "ОДИССЕИ" В.А. ЖУКОВСКОГО

В середине 1848 г. почти одновременно выходит в свет первая половина перевода "Одиссеи" В.А. Жуковского (песни 1–12) сразу в двух изданиях: сначала в составе "Новых стихотворений В. Жуковского" (Т. 2. СПб., 1849)[1], а затем в 8-м томе пятого издания "Стихотворений В. Жуковского" (СПб., 1849). Оба издания имели одинаковое посвящение: "Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу свой труд с глубочайшим почтением посвящает В. Жуковский".

Начиная с седьмого посмертного издания сочинений Жуковского под редакцией П.А. Ефремова (СПб., 1878) посвящение по неизвестным причинам было снято, а потому вопрос о посвящении к "Одиссее" Жуковского в литературоведении и критике практически не возникал. А.Н. Веселовский ограничился лишь указанием на то, что "Жуковский доставил его (первый том "Одиссеи") вел. кн. Константину Николаевичу, которому и посвятил свой труд"[2], и ссылкой на письма Жуковского об этом. Другие исследователи творческого наследия поэта по существу игнорировали этот факт.

А между тем это посвящение представляет определенный интерес как для творческой истории перевода "Одиссеи", так и шире – для духовной биографии позднего Жуковского.

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора Николая I, приблизился к Жуковскому в 1839 г. В этом году ему исполнилось 12 лет, и Жуковскому было предложено состоять при младших князьях – Константине, Николае и Михаиле Николаевичах. К этому времени поэт официально завершил свою миссию воспитателя при наследнике Александре Николаевиче, и такое предложение, исходящее от императора, свидетельствовало о доверии к нему. Однако Жуковский деликатно отклонил это предложение, желая посвятить остальные свои годы тем занятиям, "кои единственно мне свойственны, но давно мною оставлены". Между тем в архиве поэта (Онегинское собрание ИРЛИ) сохранился доклад Жуковского о воспитании великого князя Константина Николаевича с резолюцией императора Николая I: "Совершенно согласен"[3].

По всей вероятности, Жуковский не сразу решился на отказ от предложения императора и готовился к своей новой миссии. Одним из пунктов воспитательной программы Жуковского было поручение 12-летнему великому князю "для упражнения в правильном изложении мыслей ⟨...⟩ каждое воскресенье написать письмо к како-

---

[1] Первая половина "Одиссеи" была процензурована в Петербурге А.В. Никитенко еще 30 октября 1847 г. и печаталась в придворной типографии В. Гаспера в Карлсруэ. Она вышла из печати в 1848 г., хотя и имеет помету 1849 г., вероятно, по аналогии со следующей второй частью, вышедшей с опозданием из-за революционных событий 1848 г. лишь в 1849 г.

[2] *Веселовскиий А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и "сердечного воображения". СПб., 1904. С. 440.

[3] Рукописный отдел ИРЛИ (архив А.Ф. Онегина), № 264. См.: *Hofmann M.* Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. P., 1926. P. 70–71.

му-нибудь отсутствующему лицу. Когда очередь дошла до Жуковского, то его ответ понравился его высочеству и положил основу дальнейшей переписки, продолжавшейся до кончины поэта"[4]. Действительно, последнее письмо к великому князю написано 24 сентября (6 октября) 1851 г., за 7 месяцев до смерти поэта, а последнее известное письмо Константина Николаевича к Жуковскому датируется 11(23) октября 1851 г.

Переписка Жуковского с великим князем Константином Николаевичем, длившаяся почти 12 лет, – любопытный документ не только человеческих отношений (великий князь подписывал свои письма: "Ваш верный друг" или "Ваш сердечный друг Константин"; Жуковский в свою очередь признавался: "я вам душою с родни"), но и важный источник для осмысления просветительства Жуковского, его эстетической позиции 1840-х годов, материал для творческой истории перевода "Одиссеи". К сожалению, известны не все ответные письма великого князя. Так, до нас не дошли его размышления о переводе "Одиссеи", которые порадовали поэта. "Вы говорите мне о моей Одиссее не одни общие фразы; вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус, читателя" (6, 369), – писал Жуковский 24 августа 1849 г. Но и дошедшие до нас и опубликованные 18 писем поэта и 11 писем великого князя[5] проясняют причины посвящения перевода "Одиссеи" именно Константину Николаевичу.

Своеобразной стихией жизни великого князя Константина Николаевича с детства стало море. Император Николай I предназначал сына для службы во флоте, и уже в 1831 г. (т.е. в 4-летнем возрасте) он был назначен генерал-адмиралом, постепенно постигая все стороны жизни русского флота, атмосферу морских путешествий и тяготы корабельной службы. Его воспитание было поручено адмиралу Ф.П. Литке, который не только сумел внушить ему любовь к морскому делу, но и способствовал нравственному становлению его личности. Не случайно Жуковский так высоко ценил деятельность Литке на этом поприще, и их переписка – еще одно важное звено в сюжете о переводе "Одиссеи". Литке не только внимательно прочитал это творение Жуковского, но и сделал тонкие замечания по поводу "некоторых ошибок в экзаметрах"[6].

Вся дальнейшая карьера Константина Николаевича связана с флотом: с 1855 г. он управлял Морским ведомством на правах министра, привлекая к службе в этом министерстве интеллектуальные силы России. Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов украшали морское ведомство в это время, способствуя развитию русской литературной маринистики. Участие великого князя в либеральных реформах своего брата, императора Александра II, вызывало к нему симпатии русской интеллигенции. Наконец, нравственный облик Константина Николаевича, его филантропические деяния были общеизвестны. Как замечала А.Ф. Тютчева, дочь поэта Ф.И. Тютчева и фрейлина жены Александра II Марии Александровны, "об великом князе Константине рассказывают очень много хорошего, говорят, что он очень об-

---

[4] *Жуковский В.А.* Сочинения. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 342. В дальнейшем все ссылки на это издание даются непосредственно в тексте, с указанием тома и страницы. Курсив принадлежит Жуковскому.

[5] Впервые письма Жуковского были опубликованы П.А. Вяземским в "Русском архиве" за 1867 г. (стб. 1386–1439); перепечатаны П.А. Ефремовым (см. примеч. 4). Письма великого князя Константина Николаевича к Жуковскому впервые: Русский архив. 1895. Т. 3. № 10. С. 140–146.

[6] См. письмо Жуковского к Ф.П. Литке от 9(20) октября 1848 г. // Русский архив. 1887. Т. 2. № 6. С. 340.

разован, энергичен и исполнен патриотизма"[7]. Ей же принадлежит и своеобразная портретная характеристика 25-летнего великого князя: "Великий князь Константин самый величественный из них (великих князей. – *А.Я.*), но он, как и прочие, очень прост в обращении, тем не менее, несмотря на его невысокий рост, в его взгляде, в его осанке чувствуется владыка"[8].

Сочетание высоких душевных качеств, скитальческой жизни по морям, государственного ума великого князя определило в сознании Жуковского его параллель с героем гомеровского эпоса. "Между тем пока вы странствовали по морям, как северный Одиссей..." (6, 363); "Вам Одиссея принадлежит по праву: вы на своем русском корабле посетили все те места, которые за 3000 перед сим лет видел Одиссей. Что рассказал о нем Гомер за тысячу лет до Р.Х., то переводчик Гомера в XIX веке по Р.Х. посвящает русскому Одиссею; желаю, чтобы русское эхо греческой лиры было приятно для вашего слуха" (6, 365); "...вы окурены уже порохом и более видели земель в ваших странствиях, нежели мой Одиссей, представленный вам в русском костюме" (6, 379) – эти и другие фрагменты из писем Жуковского к Константину Николаевичу определяют естественность возникновения мысли о посвящении именно ему перевода "Одиссеи".

Путь к этой мысли отчетливо прослеживается в переписке поэта и "русского Одиссея". Еще 13 апреля 1841 г. великий князь сообщает Жуковскому: "Вчера же я начал *Одиссею*"[9]. Ничего еще не зная о работе своего наставника над переводом гомеровской поэмы (об этом Жуковский великому князю напишет лишь в конце 1842 г.: "Между тем стоустая молва не обманула вас: я *перевожу Одиссею*" – 6, 358), 14-летний отрок по совету Жуковского пытается постигнуть мир "Одиссеи", возможно, в немецком переводе. И далее, на протяжении всей переписки, Жуковский развивает свои принципы восприятия Гомера, эстетики его перевода, размышляет о соотношении новой и древней поэзии.

В письме от 28 октября (9 ноября) 1842 г. Жуковский наконец высказывает свое пожелание о посвящении перевода великому князю: "Очень рад, что вы любите Одиссею; я сам люблю ее более Илиады. В Илиаде более высоких, поэтических образов, в Одиссее вся жизнь давно минувшего во всей ее детской беззаботности и в неподдельном простодушии. Если Бог даст мне кончить начатый труд, то Одиссея моя будет посвящена вам" (6, 359). Это желание становится отчетливым решением, когда была закончена работа над первой частью перевода, первыми двенадцатью песнями, и 19 апреля (1 мая) 1848 г. Жуковский официально сообщает великому князю Константину Николаевичу: "Основываясь на вашем позволении посвятить вам мой перевод, я выставил в начале тома ваше имя; надеюсь, что вы мне за это пенять не будете" (6, 365)[10]. В мае 1848 г. это посвящение стало уже реальностью, появившись на титульном листе сразу двух изданий перевода первой части "Одиссеи".

В своей переписке с великим князем переводчик "Одиссеи" играл естественную для него роль воспитателя, своеобразного гомеровского Ментора. И в этом смысле

---

[7] *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник 1853–1854. М., 1990. С. 146.

[8] Там же. С. 109.

[9] Русский архив. 1895. Т. 3. № 10. С. 145.

[10] Как явствует из письма Жуковского к А.С. Стурдзе от 10 марта н.с. 1849 г., он дал великому князю Константину Николаевичу «давно обещание приняться за "Одиссею", и если удастся перевесть, ему посвятить ее» (*Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 664).

Константин Николаевич был для него одновременно и Телемахом. Уже в одном из первых писем великому князю от 10(22) декабря 1840 г. Жуковский подробно развивает свою теорию нравственного самоусовершенствования. "Никто не родился совершенным; но достигнуть возможного совершенства есть цель нашей жизни" (6, 344), – замечает он. И затем на примере жизни Демосфена раскрывает путь каждого человека к совершенству: "То, что сделал Демосфен для того, чтобы быть *оратором*, каждый из нас должен делать для того, чтобы быть *человеком* в настоящем значении этого слова" (6, 345). В последующей переписке, о чем бы ни рассуждал поэт, античный, гомеровский подтекст пронизывает его поучения. Достаточно прочитать пространное толкование "древней аллегории" о Геркулесовом выборе (письмо от 29 декабря 1840 г.), размышление о "светлых видениях первобытного мира" и "новейшей поэзии, конвульсивной, истерической, мутной и мутящей душу" (от 28 октября / 9 ноября 1842 г.), своеобразный трактат о Цареграде и Византии (от 21 октября / 2 ноября 1845 г.), эссе о соотношении "Илиады" и "Одиссеи", чтобы понять, сколь значим был для русского Ментора воспитательный потенциал античности вообще и гомеровского эпоса в частности.

Именно в этом контексте этико-эстетической и общественно-философской рефлексии Жуковского посвящение перевода "Одиссеи" великому князю Константину Николаевичу обретало органическую связь с идеей создания особого варианта перевода – "Одиссеи для юношества", "образовательной детской книги". Эту свою идею Жуковский изложил в письме от 12(24) сентября 1847 г. к С.С. Уварову, бывшему тогда министром просвещения, а впоследствии отрывок из этого письма сразу же вслед за посвящением поместил в первых изданиях "Одиссеи".

Но, безусловно, и роль русского Ментора, и переписка с великим князем, и, конечно же, посвящение подсказали эту оригинальную транскрипцию перевода. В письме к Константину Николаевичу от 24 августа 1849 г. Жуковский по существу зафиксировал эту связь. "Если вы, – писал он, – не зная, как и я, по-гречески, поняли из моей Одиссеи, что такое трехтысячелетний старик Гомер, если он, в моем с него снимке, представился вам простосердечным, вдохновенным сказочником, бродящим из города в город, из селения в село, поющим или рассказывающим, под звуки лиры, сказки о славных днях старины, просто, неукрашенно, болтливо, и если и у вас зашевелились волосы на голове от его непритворного вдохновения почти так же, как за 3000 лет они шевелились у старых и молодых на собраниях народных – то, конечно, работа моя удалась и в разговоре моем с поэтом, отделенном от меня почти 30-ю веками, *сердце сердцу весть подало*. Как должно переводить Гомера, о том я сказал в отрывке, помещенном вместо предисловия в начале Одиссеи" (6, 369).

Таким образом, история с посвящением перевода "Одиссеи" великому князю Константину Николаевичу многосюжетна и таит еще не разгаданные загадки (почему и по чьей воле еще при жизни великого князя было снято посвящение в посмертных изданиях?), но очевидно, что посвящение было далеко не случайно и эстетически значимо для Жуковского.

Предисловие к прижизненному изданию – "отрывок письма" – заслуживает особого разговора. Еще в разгар работы над первой частью перевода, в 1845 г., у Жуковского возникает идея создания двух "Одиссей": одной – для всех, другой – для юношества. В письме к И.В. Киреевскому, отрывки из которого были опубликованы в первом номере журнала "Москвитянин" за 1845 г., он подробно говорит об

"очищенном Гомере", которому "...намерен придать род пролога, представить в одной картине все, что было до начала странствия Одиссея. Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и героический мир греков; рассказ должен быть в прозе; но все, что непосредственно составляет целое с Одиссеею, то есть Троянская война, гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить один сжатый рассказ гекзаметрами, рассказ, слитый из разных отрывков Илиады, трагиков и Энеиды, и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли б однако некоторые песни Илиады, вполне переведенные. Таким образом Одиссея для детей была бы в одно время и живою историею древней Греции, и полною картиною ее мифологии, и самою образовательною детскою книгою" (6, 51–52)[11].

Рудименты этого грандиозного замысла сохранились в архиве поэта: подробные планы пролога к "Повести о войне Троянской", а также 97 гекзаметрических стихов первой главы – "Сбор войска в Авлиде"[12].

В июле 1845 г. в письме к П.А. Плетневу Жуковский развивает эти же мысли, собираясь издать собрание "сказок" "для детей взрослых, т.е. для народа" (6, 592). Наконец, в письме к С.С. Уварову от 12(24) сентября 1847 г. он вновь возвращается к замыслу, уже изложенному в письме к И.В. Киреевскому, нередко цитируя из него большие отрывки. Здесь же он говорит о сомнительности этого предприятия: "...но на это едва ли достанет сил и времени" (6, 186), хотя в письме к П.А. Плетневу от 20 декабря 1848 г. уже сообщал о проделанной работе и ее результатах: «Я даже и начал было "пролог" к "Одиссее" – сводную повесть о войне Троянской. Стихов 200 гекзаметрами написано[13]. В эту повесть вошло бы все лучшее, относящееся к войне Троянской и разным ее героям – все, заключающееся в Илиаде, в Энеиде и в трагиках, но от этого труда я отказался. Со временем напишу этот "пролог" в прозе к новому изданию Одиссеи» (6, 593).

Несмотря на то что к концу 1848 г. Жуковский, видимо, отказывается от замысла "Повести о войне Троянской", готовя к печати перевод первой части "Одиссеи" (цензурное разрешение от 30 октября 1847 г.), он решил все-таки поделиться с читателем идеей создания особой "Одиссеи для юношества". Выражением этого и явилось предпосланное первому изданию "Одиссеи" предисловие – "отрывок письма". Как уже давно известно, данное предисловие – отрывок из письма к С.С. Уварову от 12(24) сентября 1847 г.

Жуковский в этом предисловии, развивая свои мысли о переводческих принципах, связанных с воссозданием атмосферы "Одиссеи" Гомера, – то, что он сам называет "поэтической исповедью", – не говорит о концепции "очищенного Гомера". Но в специальном "Прибавлении" к первой части перевода он, еще раз пояснив характер

---

[11] В посмертных изданиях (см., напр.: Стихотворения В.А. Жуковского. 9-е изд. СПб., 1894. Т. 4. С. 1–8) "Вместо предисловия" составлено было из отрывка письма Жуковского к гр. Уварову, предпосланного прижизненному изданию "Одиссеи", и отрывка из цитируемого письма к И.В. Киреевскому. Посвящение великому князю Константину Николаевичу, как уже говорилось, отсутствовало.

[12] Об этом подробнее см.: *Лебедева О.Б., Янушкевич А.С.* Замысел "Повести о войне Троянской" // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск: Изд. Томского ун-та, 1984. Ч. 2. С. 532–546.

[13] Как уже было сказано выше, в архиве поэта обнаружено лишь 97 стихов "Повести о войне Троянской", которые и опубликованы нами (см. примеч. 12). Вопрос об остальных 100 стихах остается открытым.

издания "для юношества, с выпусками", приложил 11 отдельных листков для заклейки 29 мест в книге. Ко второй половине "Одиссеи" подобных поправок поэта не было – по мнению П.А. Ефремова, "вследствие тогдашних неурядиц в Карлсруэ, помешавших печатанию"[14].

Очевидно, что, не отказавшись еще от идеи "образовательной детской книги" – "Повести о войне Троянской", Жуковский в предисловии к первому изданию "Одиссеи" этот замысел не обнародовал и говорил лишь об "очищенной Одиссее". "Отрывок из письма", предпосланный этому изданию, не случайно обращен к С.С. Уварову. Бывший арзамасец, один из теоретиков русского гекзаметра в 1810-е годы, граф Уваров (1786–1855) в 1840-е годы был высокопоставленным чиновником, министром просвещения, и от него во многом зависела цензурная судьба "Одиссеи". Жуковский, живя в это время постоянно за границей, обращается к нему за помощью не просто как к бывшему приятелю, знатоку античности, но и как к официальному лицу: "Что же касается до издания очищенного, то оно, имея целию *образование* юношества (которого поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема), входит в область министра просвещения: желаю знать его мысли об этом предмете" (6, 186). Предисловие в этом смысле приобретало и тактический характер – для лучшего прохождения перевода через цензуру, хотя опасения Жуковского вряд ли имели основания.

Идея "очищенной Одиссеи", свидетельствующая о "чрезмерной щепетильности"[15] Жуковского, не получила поддержки Уварова. В письме Жуковскому от 10 ноября 1847 г. он писал: "Что же касается до *очищенного* издания "Одиссеи", то, по моему мнению, нет никакой нужды к оному приступать. Везде и всегда юношество читает Омера в *полных* изданиях, и нигде не замечено, чтобы это чтение производило соблазн малейший"[16]. Возможно, столь категоричное суждение министра просвещения об "Одиссее для юношества" послужило причиной отказа от уже начатой работы над прологом и "Повестью о войне Троянской".

Но предисловие к первому изданию "Одиссеи" должно было появиться и не только в тактических целях (пожалуй, только выбор адресата "отрывка из письма" мог служить этому). Для Жуковского с этим переводом слишком много было связано. В определенной степени это был его эстетический манифест, вероисповедание и завещание новой русской литературе. Как справедливо замечает исследователь, опираясь на текст этого письма-предисловия, "Жуковский вполне адекватно дал нам то, что он мог и должен был дать – романтическое видение Гомера как простоты по ту сторону сложности, наивности по ту сторону осуществившей и исчерпавшей себя изощренности"[17].

---

[14] Стихотворения В.А. Жуковского. 9-е изд. Т. 4. С. 481.

[15] См. примечание к письму к С.С. Уварову в кн.: *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 750.

[16] Там же.

[17] *Аверинцев С.С.* Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 253–254.

В.Н. Ярхо

О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И НАЗВАНИЙ

Читатель, ознакомившийся со статьями в Приложениях, наверное, уже заметил известное расхождение в транслитерации древнегреческих имен собственных в них и в переводе Жуковского. Так, в переводе читаем Эрмий, Эвбея, Радамант, в статьях – Гермес, Евбея, Радаманф. В еще большей мере с подобным явлением придется встретиться в примечаниях, и объясняется оно царящей в русском языке уже на протяжении двух веков прискорбной неразберихой в передаче античных имен. Этому есть две причины.

1. Имена, заимствованные из древнегреческого, проникали в Россию двумя путями: через Византию и – в латинизированной форме – через Западную Европу, при том что произносительные нормы в греческом в византийское время и в поздней латыни, откуда их заимствовали западноевропейские языки (из них в дальнейшем учитываются только немецкий и французский как главные источники заимствования античных имен в русском в 18–19 вв.), были различными.

2. В результате в русском в произношении древнегреческих имен часто возникали дублеты, которые в свою очередь порождали достаточно безразличное отношение переводчиков к передаче имен собственных.

Объясним это подробнее.

(1) В древнегреческом существовало придыхательное **т** (тэта), которое в Византии стало звучать как **ф** и в старой русской орфографии передавалось через упраздненную со временем фиту. В западноевропейских языках этот звук сохранился в графике в виде **th**, хотя и в немецком и во французском произносился как простое **t**. Отсюда такие разночтения, как Эгис**т** и Эгис**ф**, а у Жуковского Эйдо**ф**ея и Левко**т**ея, Закин**ф** и Эриман**т**.

(2) В древнегреческом не было звука, соответствующего русскому **ц**, и автор “Одиссеи” знал **К**ирку и **к**иклопов, а отнюдь не **Ц**ирцею и **ц**иклопов. В греческом произношение **к** так и сохранилось, а в латинском примерно к концу 4 в. н.э. **к** перед **е** и **i** стало произноситься как **ц** и в таком виде перешло в новые европейские языки.

(3) Придыхание над начальным гласным слова, типа немецкого **h**, обязательное в древнегреческом, на Руси не сохранилось, а в графике западноевропейских языков получило отражение в виде **h**, которое в русском передавали через **г**. Так возникли варианты **Г**омер и Омир, **Г**еракл и Иракл, Эрмий и Гермес.

(4) В древнегреческом интервокальное **s** звучало глухо, в западноевропейских языках оно озвончилось. Так появились дублеты Тесей и Тезей, Сисиф и Сизиф.

(5) Звук, обозначавшийся в древнегреческом буквой “эта” (η), в Византии произносился как русское **и**; в западноевропейских языках сохранилось написание и произношение через **е**. Так к нам попали Д**и**митрий и Д**е**метра, а к Жуковскому – Д**и**моптолем и Месс**е**на.

(6) К исторически объяснимой разноголосице в транслитерации имен собственных просоединяется отсутствие до сих пор каких-либо ее твердых правил. У нас

мирно соседствуют Калхас и Калхант, Пелопс и Пелоп – в одном случае исходят из формы именительного падежа, во втором – из основы косвенных падежей. В греческих именах с окончанием -ος его то сохраняют, то отбрасывают (ср. Кронос и Крон). Греческий дифтонг ευ- передают то через Ев-, то через Эв- (ср. Еврипид и Эврипид). Так и у Жуковского: Креон и Антифонт, Иолкос и Асоп, Евбея и Эвриал.

(7) Наконец, не слишком заботился о верности оригиналу в передаче имен собственных и сам Жуковский, видоизменяя их по своему усмотрению, чаще всего – по соображениям метра. Так появился у него Автоликон, чье имя должно звучать по-русски как Автолик; возникли две формы одного и того же имени (Эвридам и Эвридамант, Эхеней и Эхиной); Галий и Лаодамант превратились в Галионта и Лаодама,Ификл и Антикл стали Ификлес и Антиклес, для чего вообще нет никаких оснований, и т.п.

В целом отбор вариантов, предпочитаемых Жуковским, определялся довольно противоречивыми тенденциями. Вслед за Гнедичем он почти всегда писал не Евриклея, а Эвриклея и т.п.: буква э лишь недавно (в конце 18 в.) вошла в русскую азбуку и ощущалась как "красивая". Но, в отличие от Гнедича, вместо "ученого" произношения на западный лад – Геракл, Гефест, Гера – он предпочитал более привычные, архаически звучащие варианты Иракл, Ифест, Ира (однако же Гомер в заглавии не стал у него Омиром). В то же время Жуковский находился под сильным влиянием немецкого языка – не будем забывать, что он делал свой перевод в Германии и по немецкому подстрочнику: отсюда в менее известных именах у него Левкотея, Пиритой, Тирезий, Навзикая и даже Цетос, Полидейк и Эйвенор там, где современный читатель привык видеть Левкофею, Пирифоя, Тиресия, Навсикаю, Зефа (или Зета), Полидевка, Евенора. Однако самое частое и самое непривычное для современного читателя написание вторглось в его ономастику из французского языка – это Телемак вместо Телемаха. Это тоже объяснимо: у всех еще была в памяти (хотя бы понаслышке) осмеянная "Тилемахида" Тредиаковского, и это от нее отмежевывался Жуковский в выборе имени гомеровского героя.

Совершенно очевидно, что при существующей многовековой традиции нет никакой надежды на полную унификацию в транслитерации имен собственных: ни один читатель не согласится с переименованием обольстительной волшебницы Цирцеи в Кирку, и нельзя от острова Хиос оставить одно Хи. Положение тем более осложняется, когда речь идет о тексте (и тем более поэтическом), воспроизводимом в серии "Литературные памятники", поскольку издание в ней "Одиссеи" является таким памятником не только ее древнему автору, но и русскому переводчику. Поэтому в настоящем издании пришлось пойти на некий компромисс, а именно: в переводе сохраняется то написание имен собственных, которое было принято Жуковским, а в Приложениях дается более современная их транслитерация, и на расхождение между ними указывается во всех необходимых случаях либо в примечаниях, либо в СМС, либо в Указателе имен и названий.

Так, если у Жуковского всюду стоит имя "Ира", то в Указателе говорится "Ира – см. Гера", и все нужные сведения даются на имя Геры. Но если расхождение написаний не так велико, и оба варианта все равно стояли бы в алфавите рядом, то в Указателе говорится: "Эгист (Эгисф)..." или "Гебея (правильнее: Геба)...", где первое написание – принятое Жуковским, а второе – принятое современной наукой. Форма в скобках может указывать также на существование в русском языке двух, одинаково принятых написаний: "Ахиллес (Ахилл)..."

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Историю дошедшего до нас текста гомеровских поэм надо начинать с упомянутого выше, в статье «"Одиссея" – фольклорное наследие и творческая индивидуальность» (§ 7), сообщения Цицерона о мерах, принятых при Писистрате для его сохранения.

Разумеется, слова Цицерона не следует понимать в том смысле, что до вмешательства Писистрата при исполнении гомеровских поэм царил полный произвол. Речь может идти о нарушении последовательности в порядке различных частей, о более частом исполнении одних эпизодов в ущерб другим, в результате чего какие-то части поэм могли быть забыты или утеряны, и т.д.[1] В то же время ясно, что люди, которым была поручена работа по упорядочению текста, должны были опираться на уже имевшиеся письменные экземпляры, восходящие к подлинным "гомеровским" редакциям.

Текст, канонизированный при Писистрате, не явился, однако, окончательным. Он был, несомненно, обязательным для его исполнения на Панафинеях, в других же, менее торжественных, случаях рапсоды могли позволить себе и некоторые отклонения от него. Так, цитаты из гомеровских поэм, встречающиеся у авторов 5–4 вв. (Аристофана, Платона, Аристотеля), не всегда находят подтверждение в дошедшем до нас тексте – значит, либо у них были еще какие-то его источники, либо (что более вероятно) Гомера цитировали по памяти. В биографии Алкивиада, известного афинского политика последней четверти 5 в., содержится любопытный факт: у одного из школьных учителей, к которому он обратился за сочинениями Гомера, их вообще не оказалось, у другого они были, но с его собственными поправками. Даже если это свидетельство считать анекдотом, оно достаточно показательно. Поскольку Гомер был основой школьного преподавания, первый из учителей, по-видимому, помнил поэмы наизусть, что опять же не давало гарантии их точного воспроизведения. Другой учитель, как видно, не считал зазорным исправлять Гомера – достоверность такого текста становилась, конечно, сомнительной.

В какой мере могли помочь сохранению текста, не отягощенного всякими интерполяциями, два издания, предпринятые в 3 в., остается неизвестным. Арат из Сол (310–245 гг.), автор дошедшей до нас поэмы о звездном мире "Феномены", издал "Одиссею". Риан (3 в.), тоже известный эпический автор, – обе поэмы. И Арат, и Риан, будучи поэтами, должны были подходить к Гомеру с достаточным художественным вкусом, но представления о литературном вкусе в эллинистическое время достаточно серьезно отличались от вкусов тех, кто слушал сказителей в 8 в. Схолии (о них – ниже) упоминают предложения Риана по тексту 45 раз, из них 33 раза – к "Одиссее". Больше ничего об этих двух изданиях неизвестно.

Решающий вклад в сохранение гомеровского текста был сделан в 3–2 вв. александрийскими филологами. Обе поэмы Гомера издал сначала первый руководитель Александрий-

[1] Римский прозаик Клавдий Элиан (конец 2 – начало 3 в.), писавший по-гречески, в своем собрании всякого рода занятных историй "Пестрые рассказы" (XIII. 14), повторяя уже известное нам сообщение Цицерона, добавляет к нему перечень песней, исполнявшихся рапсодами под отдельными названиями. Из него видно, что в репертуаре рапсодов имелись определенные пропуски и последовательность содержания не имела при этом решающего значения.

ской библиотеки Зенодот (он возглавлял ее ок. 285–260 гг.), его примеру затем последовал Аристофан Византийский (ок. 257–180). Наконец, их дело завершил ученик Аристофана Аристарх Самофракийский (ок. 217 – ок. 145). В его распоряжении оказалось множество списков – как хранившихся в некоторых городах в качестве обязательных (по примеру афинского экземпляра времен Писистрата), так и принадлежавших в свое время достаточно авторитетным владельцам: Еврипиду-младшему, племяннику знаменитого афинского трагика, Антимаху (род. ок. 444), которого в древности причисляли к самым выдающимся эпическим поэтам, наконец, Аристотелю. Существует предположение, что это был тот самый список, который великий философ составил для своего воспитанника Александра Македонского. Как бы то ни было, надо думать, что все эти люди пользовались не самыми худшими изданиями, в которые они могли вносить и свои поправки.

Судя по замечаниям Аристарха, сохранившимся в схолиях, дошедшие до него экземпляры содержали не слишком много разночтений, но все равно нуждались в сличении, выверке, устранении позднейших вставок и т.п. Аристарх проделал эту работу с чувством большой ответственности. В частности, он не стал изымать из своего издания Гомера те стихи или целые группы стихов, которые ему или его предшественникам казались "неуместными": повторения однажды сказанного, чересчур подробные описания. Аристарх исключил из своего текста только те стихи, которые он счел безусловно подложными. В других случаях он обозначал подозрительные стихи специальными знаками на полях, так что все они дошли до нашего времени, и современные исследователи могут оценивать соображения Аристарха по-своему. Надо при этом помнить, что александрийские филологи были достаточно далеки от понимания стилистических законов эпоса и могли посчитать ненужным повторением те стихи, которые на самом деле вполне с этими законами согласуются. Например, в целом ряде случаев подвергался сомнению стих, содержащий распространенное обращение к герою ("О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей богоравный"), хотя он и отвечал нормам гомеровского этикета.

На основании одного позднеантичного свидетельства Аристарху или его сотрудникам приписывалось деление текста каждой поэмы на 24 книги – по числу букв древнегреческого алфавита. (Античная "книга" – это 500–1000 строк, помещавшихся на одном папирусном свитке. Жуковский переводит это слово как "Песнь"; но в комментариях мы сохраняем общепринятое в науке слово "книга".) В настоящее время это свидетельство понимают таким образом, что Аристарх только узаконил, введя его в свое издание, уже сложившееся в течение 4 в. деление, которое восходило, вероятно, к практике исполнения отдельных отрывков текста рапсодами. При этом Аристарх не избежал некоторого насилия над смыслом ради того, чтобы число книг совпало с количеством букв в алфавите. Например, кн. 6 и 7, содержащие соответственно 331 и 347 стихов, по содержанию вполне могли бы быть объединены в одну и при том все еще уступали бы по объему кн. 4, насчитывающей 847 стихов.

Аристарх дважды издал гомеровские поэмы, и его второе издание послужило основой если не для всех, то для подавляющего большинства последующих изданий. Это подтверждается многочисленными находками папирусных отрывков с текстом "Одиссеи", число которых, начиная с последних десятилетий прошлого века, постоянно возрастает: в 1922 г. их было известно 57, к концу 90-х годов их количество превысило две с половиной сотни. Не больше десятка опубликованных папирусов датируется 3 в. до н.э., т.е. предшествует изданию Аристарха (в них иногда можно обнаружить и исключенные им стихи); почти все остальные восходят непосредственно к нему, при том что наиболее поздние относятся к 7 в. н.э. По своей значимости для установления текста поэмы папирусы, естественно, не равноценны. Одни из них представляют собой школьные упражнения, другие – остатки солидных изданий, специально изготовленных для любителей словесности; в одном дошло несколько книг, в других – только обрывки от нескольких стихов; в одних подтверждается традиционное чтение, в других встречаются ненужные повторения или добавления – разбираться со всем этим приходится

современным текстологам. Так или иначе, в новейших изданиях "Одиссеи" учитывается свыше 155 папирусных текстов. Вообще же о популярности гомеровских поэм в древности свидетельствует тот факт, что число всех папирусов, включая "Илиаду", "Одиссею" и так называемые Homerica (словари, пересказы, схолии и т.п.), доходит до 1100 экземпляров и составляет около 20% всех опубликованных до сих пор литературных папирусов.

С подобных папирусных рукописей уже в последние века античности текст "Одиссеи" стали переносить на более надежный писчий материал – пергамен[2], в результате чего он дошел до нас во многих средневековых рукописях, изготовленных в Византии. Древнейшими среди них являются две из библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции (Laurentianus 32. 24 и 52), написанные на рубеже 10–11 вв.; еще около полутора десятков относятся к 13–14 вв., т.е. ко времени, когда после освобождения Константинополя от крестоносцев (1261 г.) снова оживился интерес к изданию античных авторов. Всего же в современных изданиях используется около 80 рукописей "Одиссеи".

В отличие от Византии, которая считала себя преемницей культурного наследия Древней Греции, Западная Европа в течение всех средних веков Гомера не знала. Если на него и встречаются ссылки, то имеется в виду так называемая Ilias Latina – составленное в 60-х годах н.э. достаточно скудное изложение "Илиады" на латинском языке объемом около 1070 гексаметров. "Одиссея" не удостоилась даже столь краткого изложения. В лучшем случае, можно было получить представление о ее содержании из пересказа у латинских мифографов – в первую очередь, Гигина (см. вступительную заметку к СМС и статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...»). Впервые интерес к Гомеру возникает только у деятелей Возрождения в Италии (благодаря латинскому переводу "Илиады" и "Одиссеи", сделанному Леонтием Пилатом, узнали полного Гомера, в частности, Боккаччо и Петрарка). Итальянский же гуманист Лоренцо Валла в 1442–1444 гг. перевел хорошей, хотя и суховатой, латинской прозой первые 16 книг "Илиады". Работу Валла продолжил его ученик Франческо Арретино, докончивший перевод "Илиады" и добавивший к нему всю "Одиссею". Их совместный труд появился в печати в 1474 г., познакомив Запад с Гомером, после чего прошло еще 14 лет до выхода его в свет – первым из древнегреческих авторов – на языке оригинала. Это издание осуществил в 1488 г. во Флоренции один из ученых греков, работавших в Италии, профессор в Падуе, Флоренции и позднее в Милане Деметрий Халкондил (или Халкокондил, 1424–1511). Затем в 1504 и 1507 гг. последовали издания, вышедшие у известного венецианского книгопечатника Альда Мануция. С тех пор каждая из гомеровских поэм бесчисленное количество раз издавалась и в оригинале, и в переводах во всем мире.

В настоящее время в научном обиходе чаще всего пользуются следующими изданиями "Одиссеи" (приводим их в порядке выхода в свет):

Homers Odyssee für den Schulgebrauch erklärt von K.F. Ameis und C. Hentze. Bearbeitet von P. Cauer. Несмотря на скромный подзаголовок, издание это, впервые вышедшее в 1856 г., сохраняет до сих пор свое значение благодаря аппарату, в котором указаны все повторяющиеся места текста, включая отдельные стихи и полустишия. К тому же, начиная с 1910 г., издание Амейза-Хентце стало выходить в переработке крупного специалиста по Гомеру Пауля Кауэра и в таком виде выдержало множество переизданий. В 1964 г. все его 4 тома были воспроизведены фотомеханическим способом в изд. Тойбнера, Штуттгарт.

Homeri carmina recensuit et selecta lectionis varietate instruxit A. Ludwich. Odyssea. Teil 1 (Lpz., 1889), Teil 2 (1901). Издатели "Одиссеи" до сих пор придерживаются классификации рукописей, произведенной Людвихом.

Homeri opera recognovit brevique adnotatione critica instruxit T.W. Allen. Vol. III–IV. Oxford, 1917–1919.

---

[2] Самый ранний дошедший до нас пергаменный кодекс датируется 3–4 в. н.э. и содержит большие остатки кн. 13–15 и 18–24.

Homer. The Odyssey. In two vol. with an English translation by A.T. Murray. L., 1919. Revised by G.E. Dimock. L., 1995.

Homère. Odyssée. Text établi et traduit par V. Bérard. Vol. I–III. P., 1924 (с прозаическим французским переводом). Много переизданий вплоть до 1987–1995 гг.

Homeri Odyssea. Recognovit P. von der Muehll. Basel. 1946; Stuttgart, 1962 и переиздания, последнее – 1993.

The Odyssey of Homer. Vol. 1–2... by W.B. Stanford. L., 1947–1948. 2nd ed. 1959 (с комментарием).

Omero. Odissea. A cura di A. Heubeck, St. West [et alii]. Vol. I–VI. Fondazione Lorenzo Valla. Roma, 1981–1986. Текст сопровождается переводом на итальянский язык, вступительными статьями и обстоятельнейшим комментарием. В 1991–1993 гг. все тома были выпущены 4–6-м изданием.

A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. I–III. Oxford, 1981–1985 (reprint. 1991–1992). Переработанный вариант комментария из предыдущего издания.

Odyssea. Recognovit H. van Thiel. Hildesheim. Olms. 1991.

При составлении настоящих примечаний были в той или иной мере использованы все названные издания, кроме последнего, известного мне только по библиографии (и, судя по ней, не самого надежного), а также примечания И.М. Тронского, которыми сопровождалось издание: Гомер. Одиссея. М.; Л., 1935. С. 437–524. Следует при этом иметь в виду, что в наших примечаниях только в редчайших случаях обращается внимание на разночтения в греческом тексте: Жуковский их, скорее всего, не знал, а если бы и знал, это едва ли как-нибудь отразилось в его переводе. Например, в кн. 1 начало ст. 356 (обращение Телемаха к Пенелопе) в традиционном тексте звучит: "Но, войдя в дом...", причем под словом οἶκος разумеется женская половина. Наряду с этим в античности было и несколько иное чтение: "Но ты, войдя внутрь..." У Жуковского начало стиха переведено: "Но удались", что с одинаковым успехом может соответствовать любому из двух вариантов. Вернемся, однако, к александрийским филологам.

Свою работу над текстом гомеровских поэм они сопровождали составлением всякого рода комментариев, лексикографических пособий и прочих вспомогательных материалов, в которых объясняли ставшие непонятными гомеровские слова и выражения, а также могли обосновывать свои сомнения в подлинности тех или иных стихов. В этих занятиях они также имели предшественников, ибо уже в 5 в. понадобились разъяснения гомеровской лексики. Так, работу о гомеровских словах написал Демокрит; занимались толкованием эпоса софисты. (Здесь мы имеем в виду только лексикографические штудии. Сочинения античных авторов, затрагивавших роль богов у Гомера или находивших в нем всякого рода аллегории, – особая тема, имеющая только отдаленное отношение к филологическому пониманию текста поэм.) Ни один из трактатов, посвященных александрийцами и тем более их предшественниками объяснению Гомера, до нас не дошел. Широко использовали работы александрийцев более поздние филологи, из которых самым известным был ученейший Дидим (2-я пол. 1 в. до н.э.). Но и комментарий, составленный с учетом его заметок и трудов еще трех филологов, скорее всего в 1 в. н.э., также не сохранился. Известно только, что и из этого свода дважды делались выдержки, пока обработанный таким образом материал не послужил основой для так называемых схолиев – комментариев, размещавшихся на полях средневековых рукописей или между стихами. Эти схолии и являются для нас источником сведений о филологической работе Аристарха и других античных ученых, занимавшихся Гомером. К сожалению, до сих пор нет серьезного научного издания схолиев к "Одиссее", которое могло бы заменить устаревшее издание В. Диндорфа (Оксфорд, 1855; репринт – 1961).

КНИГИ ПЕРВАЯ – ЧЕТВЕРТАЯ

Эти книги еще с середины прошлого века по примеру одного немецкого филолога принято объединять под общим названием Телемахии: сам Одиссей в них участия не принимает, а действие сосредоточено вокруг фигуры его сына Телемаха, которого Одиссей, уходя на Троянскую войну, оставил грудным ребенком. В то время, когда начинается действие "Одиссеи", Телемаху исполнилось 20 лет, и он оказался лицом к лицу с многочисленными женихами, бесчинствующими в доме Одиссея и требующими, чтобы Пенелопа выбрала себе нового мужа. На возвращение хозяина дома, с их точки зрения, потеряна всякая надежда. Не рассчитывая в одиночку справиться с обнаглевшими женихами, Телемах по совету Афины, явившейся к нему под видом старого друга Одиссея, отправляется в Пилос и Спарту в надежде навести справки об отце.

Аналитическая критика давно использовала Телемахию в качестве аргумента в свою пользу: автор поэмы о странствиях и возвращении Одиссея присоединил-де к ее основному содержанию некогда отдельно существовавшее произведение о путешествии Телемаха и этим обрек себя на непреодолимые противоречия. Так, зачем Телемаху отправляться на розыски Одиссея, если слушатели уже знают, что его возвращение предрешено богами? Не лучше ли было бы ему оставаться дома, чтобы охранять мать от посягательств женихов, на что, кстати, в самой Телемахии есть прямые указания (2. 361–370; 3. 313–316). С другой стороны, ничего не узнавшего Телемаха автор около месяца задерживает в Спарте, так что самой Афине приходится напоминать ему о необходимости скорейшего возвращения (15. 9–26). Чтобы обосновать самостоятельное существование Телемахии, приводятся также два собрания богов – в начале кн. 1 и в начале кн. 5. По мнению аналитиков, автор "Одиссеи", добавив к ней Телемахию, счел нужным снабдить поэму новым введением, но "забыл" исключить ранее имевшееся. Само собой разумеется, что с исключением из нынешней "Одиссеи" книг 1–4 выпадают и те части кн. 15 и 16, в которых повествуется о возвращении Телемаха на Итаку, и, чтобы встретиться с отцом, Телемах должен был бы по какой-то неизвестной причине просто придти из города к Евмею и застать там Одиссея.

Попробуем разобраться с этими доводами, помня, что мы имеем дело не с протокольной записью реально происходивших событий, а с художественным произведением, которое было рассчитано на слушателя и, соответственно, подчинялось своим законам.

Прежде всего, можно ли представить себе существование самостоятельной поэмы о путешествии Телемаха? Каков мог бы быть сюжет, положенный в ее основу? На этот вопрос возможен только один ответ: путешествие Телемаха в качестве содержания отдельного произведения имело бы смысл только в том случае, если бы в ходе его Телемах встречал не узнанного им отца и между ними возникал конфликт, приводящий к трагической развязке. Тогда это была бы поэма, аналогичная по содержанию "Телегонии". Между тем в первых книгах "Одиссеи" неоднократно подчеркивается сходство Телемаха с отцом (см. 1. 203 и примеч.), чем заранее отвергается возможность их роковой встречи. Затем, если о "Телегонии" есть достоверные античные свидетельства, то на существование подобной же "Телемахии" нет нигде ни малейшего намека, и причина этого совершенно ясна: сколько раз один и тот же Одиссей мог бы погибать от руки своих сыновей? Существование "Телегонии" исключало возможность существования "Телемахии".

Поставим теперь вопрос иначе: так ли уж лишена смысла Телемахия в составе "Одиссеи", если подходить к ней не с позиций формальной логики, а с точки зрения художественной концепции поэмы в целом?

По содержанию первые четыре книги делятся на две половины: положение на Итаке (кн. 1–2, всего 878 стихов) и пребывание Телемаха в Пилосе и Спарте, где он не получает надежных сведений об отце, но зато узнает, какая участь постигла после окончания войны Несто-

ра, Менелая и Агамемнона (кн. 3–4, всего 1344 стиха, т.е. по объему в полтора раза больше первых двух). Водораздел между двумя половинами проходит между последним стихом кн. 2-й (ст. 434: наступила ночь) и первым стихом кн. 3-й (рассвет).

Назначение кн. 1–2 совершенно очевидно: они создают экспозицию для возвращения Одиссея. Без них автору пришлось бы вводить всю необходимую информацию уже в момент, непосредственно предшествующий расправе с женихами, и тем самым ослабить напряжение действия, ведущее к развязке. При нынешней структуре поэмы еще задолго до появления Одиссея слушателю становится известно, с какой опасностью тому придется столкнуться и что представляют собой его противники. Поведение наиболее дерзких из женихов – Антиноя и Евримаха – предвещает их отношение к Одиссею в образе нищего в последней трети поэмы. Наряду с Телемахом в поле зрения слушателей оказываются и другие персонажи из окружения Одиссея: Пенелопа (о ее попытке отдалить необходимость выбора нового мужа впервые сообщается в кн. 2. 93–110, затем этот мотив повторяется в кн. 19. 139–156, опять же объединяя начало поэмы с приближающейся развязкой), верная няня Евриклея (в 2. 361–380 она помогает Телемаху собраться в путь и клятвенно обещает хранить тайну его отъезда, в 19. 471–498 она узнает Одиссея и клянется хранить в тайне его возвращение), а в кн. 4 также глашатай Медонт, которому еще предстоит сыграть свою роль в последних книгах (4. 677–715; 22. 357–380; 24. 442–450).

Что же касается ожидаемого возвращения Одиссея, то кн. 1–2 и в этом отношении достаточно изысканно предвосхищают вторую половину поэмы. В первой половине многие, и прежде всего сам Телемах, почти перестали надеяться на встречу с Одиссеем (1. 162–164, 350 сл., 392, 409 сл.; 2. 46; 3. 88–91, 241 сл.; 4. 292 сл. Ср. 2. 96 сл., 182 сл., 332 сл., 365 сл.). Во второй половине Телемах – единственный, кто знает, что Одиссей уже на Итаке, в то время как все остальные продолжают сомневаться в его возможном возвращении в присутствии самого Одиссея-нищего (см. выше статью «“Одиссея” – фольклорное наследие...», примеч. 22). Впервые сообщается в Телемахии и о том, что Одиссей вернется, потеряв всех спутников (2. 174); потом это повторяется во втором блоке (9. 534 сл. = 11. 114 сл.; 12.141) и в третьем (13. 340).

Книги 3–4 выполняют сразу несколько художественных задач. По содержанию они восходят к циклу поэм о возвращении героев из-под Трои и таким образом заполняют разрыв во времени между “Илиадой” и “Одиссеей”. Поэмы эти до нас не дошли, как не дошло и эпическое произведение, автором которого считался некий Агий Трезенский, – “Возвращения”. Из позднего пересказа, однако, известно, что там речь шла о доле, доставшейся при возвращении из-под Трои Агамемнону, Менелаю, Нестору, Диомеду, Аяксу Локрийскому. “Возвращения” датируют 7 в., и едва ли автор “Одиссеи” мог их использовать, но он, конечно, знал более ранние поэмы с таким же содержанием. В круг этих сказаний и включаются в кн. 3 и 4 скитания самого Одиссея: о нем с уважением говорят и Нестор и Менелай, причем оба уверены в его скором возвращении, а их воспоминания перекликаются с рассказами самого Одиссея-нищего о “подлинном” Одиссее в кн. 14. 321–333, 470–502, и особенно в кн. 19. 185–299. Такой же “скрепой” между Телемахией и следующим за ней блоком служит трехкратное возвращение – каждый раз с особой целью – к истории Троянского коня (4. 269–289; 8. 492–520; 11. 523–537). С третьим блоком кн. 4 связывают также краткие воспоминания о роли, которую сыграла в войне Елена (4. 271–279 – 17. 118 сл.; 23; 218–224).

В тех же “Возвращениях”, как мы уже говорили, шла речь о трагической судьбе Агамемнона, и мотив этот, впервые затронутый в самом начале кн. 1, затем проходит через всю поэму, составляя яркий контраст по отношению к самому Одиссею и окружающим его персонажам. Там доверчиво вернувшийся в свой дом Агамемнон становился жертвой своей коварной супруги Клитемнестры и ее любовника Эгисфа, которому со временем отомстил сын убитого Орест. Здесь Одиссея, с величайшей предосторожностью вступающего под родную кровлю,

ждет верная Пенелопа, всячески избегающая ненавистного ей сватовства, и месть совершается не руками неопытного юноши Телемаха, а самим грозным героем.

Отметим в кн. 3–4 также еще одно противопоставление: между тревожной неизвестностью об участи Одиссея и описанием беспорядка, творимого женихами на Итаке, с одной стороны, и обстановкой мирного налаженного быта, царящей в домах Нестора и Менелая, – с другой. Таким образом, две половины Телемахии служат введением к двух главным линиям в дальнейшем содержании поэмы. К кн. 1–2 примыкают все книги, содержащие описание событий на Итаке; к кн. 3–4 – вся средняя часть (кн. 5–12: скитания Одиссея, включая их последний этап перед возвращением на родину). В то же время обе половины Телемахии достаточно тесно скреплены между собой: отъезд Телемаха в конце кн. 2 вызывает к жизни заговор женихов. Впервые о нем сообщается в конце кн. 4. 669–672, 698–702, затем говорится в кн. 13. 425–428 и 14.180–182, пока, наконец, преступный замысел не терпит провала (15. 27–42; 16. 342–370). Как видим, заговор женихов вносит дополнительный и очень неблагоприятный штрих в их характеристику и в то же самое время снова связывает Телемахию со второй половиной поэмы.

При такой продуманности средств, объединяющих Телемахию с остальными книгами, не может быть и речи о том, что второе собрание богов осталось в начале кн. 5 по недосмотру автора. Причина этого повторения – в необходимости соединить со временем две линии повествования, касающиеся Телемаха и Одиссея. Телемах уже включен в действие, теперь пришла очередь Одиссея, и, соответственно, нужно новое собрание богов, аналогичное более раннему. После первого собрания Афина направлялась на остров Итаку, чтобы дать толчок событиям в кн. 1–4; после второго – Гермес направляется на остров Огигию, чтобы вывести из бездействия главного героя. Как видно, сочиняя кн. 1, автор уже держал в уме эту вторую задачу, поскольку о пребывании Одиссея у Калипсо упомянул в самом начале поэмы (1. 14), чтобы вернуться к нему в начале кн. 5 (ст. 14).

Что касается слишком длительного пребывания Телемаха в Спарте, то его возвращение на Итаку не имеет смысла раньше прибытия Одиссея, если только автор не хочет сделать его еще на целый месяц бессильным свидетелем бесчинств женихов. Так в путешествии Телемаха образуется промежуток, необходимый для почти одновременного с Одиссеем возвращения на родной остров, встречи отца с сыном и дальнейших совместных действий (см. ст. «“Одиссея” – фольклорное наследие...», примеч. 19).

Из сказанного, конечно, не следует, что в тексте Телемахии нет ни более поздних добавлений, взятых под подозрение еще древними комментаторами (все заслуживающие внимания случаи такого рода отмечены далее в примечаниях), ни каких-либо других противоречий или несогласованностей (см., напр., примеч. к 1. 265–292). Надо, однако, помнить, что “Одиссея” возникла на рубеже устного бытования и письменной фиксации героического эпоса, когда автор не перебирал варианты, не пользовался черновиками и не перерабатывал однажды сказанного. Подходить к нему с требованиями, закономерными для творческого процесса писателей 19–20 вв., было бы совершенно несправедливо.

КНИГА ПЕРВАЯ

Собрание богов. Увещевание Афины Телемаху

Ст. 1. *Муза, скажи мне...* – Обращение к Музе как вдохновительнице творца – традиционный прием древнегреческой поэзии, унаследованный от нее и в новое время. При этом в поэзии архаического и классического периодов (8–4 вв.) призыв к Музам носит, как правило, вполне искренний характер, отражая убеждение поэта в божественном происхождении его дара (см. ниже, 8. 487–492). Начиная с эпохи эллинизма (3 в.) обращение к Музе либо носит совершенно формальный характер (ср. насмешливую эпиграмму в Палатинской антологии,

11. 130)[3], либо снижается до бытового уровня (ср. у Каллимаха изображение Муз в прологе его "Причин"). В русской поэзии оба типа отношения к Музе находят отражение в двух, почти одновременных произведениях Пушкина. С одной стороны: "В те дни, когда в садах Лицея // Я безмятежно расцветал...// В те дни в таинственных долинах, // Весной, при кликах лебединых, // Близ вод, сиявших в тишине, // Являться Муза стала мне" ("Евгений Онегин", гл. VIII, строфа I). С другой: "Усядься, Муза; ручки в рукава, // Под лавку ножки! не вертись, резвушка!" ("Домик в Коломне", строфа IX).

В "Одиссее" Муза призывается обычно в единственном числе, в "Илиаде – во множественном (I. 604; II. 484). Девять Муз упоминаются только в последней книге "Одиссеи", 24. 60, и у Гесиода, *Теог.* 60, 75–79, где они названы по именам.

В переводе Жуковского порядок слов изменен против оригинала, в котором первое же слово обозначает содержание всей поэмы: "**Мужа** воспой..." (Ср. начало "Илиады": "**Гнев**, богиня, воспой..."). Перестановка в переводе Жуковского вызвана, вероятно, тем, что в оригинале "Одиссеи" употреблен глагол ἔννεπε с винительным падежом прямого дополнения; буквально: "Мужа назови мне, Муза..." Ср.: Гораций. Поэтика. 141 сл. *Многоопытный* – эпитет Одиссея, повторенный в оригинале в кн. 10. 330; там Жуковский заменил его на "многохитростный".

Ст. 2. *...святой...* – Это частое у Гомера определение Илиона (Трои), как и некоторых других городов, не имеет религиозного значения, а только придает поэтической речи торжественный характер. ... *им разрушен...* – Собственно, разрушение Илиона не являлось делом рук одного Одиссея; здесь, вероятно, имелось в виду, что Одиссей предложил соорудить деревянного коня, который помог грекам взять Трою, и возглавлял засевший там отряд. См. 7. 494, 502; 8. 3; 9. 504, 530; 14. 448; 16. 442; 18. 356; 22. 230, 283; 24. 119. Отсюда в большей части приведенных стихов эпитет Одиссея πτολίπορθος – "разрушитель городов" (в переводе обычно: "городов сокрушитель").

Ст. 3 сл. *Многих людей... Много ... скорбел...* – Анафора соответствует стилю оригинала.

Ст. 7. *Гибель они на себя навлекли святотатством...* – Ср. 10. 437, где в оригинале повторяется вторая половина стиха: "...от безрассудства погибли". Там, однако, речь идет о безрассудстве Одиссея, здесь – его спутников. См. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 4.

Ст. 8. *Съевши быков Гелиоса...* – См. 12. 319–400. *Быки* – многократная ошибка Жуковского, когда речь идет о стаде Гелиоса, состоявшего, естественно, из коров. Любопытно, что И.А. Крылов, взявшийся переводить не для печати "Одиссею", но остановившийся на ст. 27 кн. 1, так как, по его словам, не мог "сладить с гексаметром", тоже перевел здесь: "тучных волов... солнца".

Ст. 11. *Все уж другие...* – Соратники Одиссея, осаждавшие вместе с ним Трою. Впрочем, отнюдь не все *были дома*. См. СМС: Агамемнон.

Ст. 15 в оригинале равен 9. 15. Жуковский переводит в первом случае "напрасно желая", во втором – "убеждая". Правильнее всего – "сильно желая". *Напрасно* – добавление переводчика; фактически Одиссей все семь лет пребывания на острове Калипсо выполнял обязанности ее мужа. См. 5. 154 сл. и примеч.

Ст. 17. *Год, в который ему возвратиться назначили боги...* – Десятый год скитаний Одиссея, двадцатый – после отплытия под Трою. Ср. 2. 175. *Назначили* – собственно, "выпряли"; имеются в виду "прядильщицы" Мойры (7. 197 сл. – в переводе заменены латинским именем "Парки"), прядущие нить человеческой жизни.

---

[3] А круговые певцы самого обирают Гомера
И без стыда голосят: "Гнев, о богиня, воспой!"
(*Перевод М.Л. Гаспарова*)
Здесь: круговые певцы – авторы киклических поэм.

Ст. 20. *...Посидон лишь единый упорствовал гнать Одиссея...* – Так как он мстил Одиссею за ослепление своего сына Полифема. Ср. ниже, ст. 67–74; 9. 519–536.

Ст. 22–25. *...в отдаленной стране эфиопов Крайних людей...* – Точнее: "удаленных от людей", как будет сказано впоследствии о феаках (6. 204 сл.). Как видно, в представлении автора, эфиопы живут на краю света с обеих его сторон, на западе и востоке (ср. 5.282 и примеч.), хотя могут локализоваться и в Африке (4. 84), как их будут представлять себе в 5 в. По-видимому, для автора "Одиссеи" эфиопы – сказочный народ, местожительство которого не отличается достаточной определенностью. Их название Αἰθίοπες возводили, вероятно, к корням αἰθ- "жар" и οπ- "лик": люди "с обожженными (загорелыми) лицами". *Экатомба* – по первоначальному значению слова, – принесение в жертву сотни быков; затем – вообще богатое жертвоприношение.

Ст. 29 сл. *Эгист, Атрид, Орест* – см. СМС: Агамемнон. *Беспорочный* – т.е. "не заслуживающий упрека" – постоянный эпитет знатных людей. Здесь – в совершенно застывшем употреблении, так как Эгисф вполне заслужил и упреки и смерть. Так и Клитемнестра названа "божественной" (3. 265), и женихи вместе со своими предводителями – "богоравными" (14. 18; 21. 186, 277; в ст. 186 эпитет в переводе опущен).

Ст. 32. *...нас, богов, обвиняют!* – См. статью «"Одессея" – фольклорное наследие...», § 4.

Ст. 44. *Светлоокая* – здесь и далее в оригинале прилагательное γλαυκῶπις, переводимое обычно как "совоокая". Этот эпитет является, скорее всего, пережитком воспоминаний о женском дворцовом божестве микенского или даже более раннего времени, которое представляли себе в облике птицы (ср. превращения Афины в ласточку – 22.239, в орла – 3. 371 сл., в точнее не определяемую птицу – 1. 316). В свою очередь, "совиный лик" Афины – вероятно, остаток зооморфной стадии догреческой религии, когда Афина была совой, так же, как "волоокая" Гера – коровой. Возможно, что Афину сближали с совой и по серому цвету ее глаз (тем более, если сова являлась, как в Афинах, ее священной птицей) и что автор "Одиссеи" вообще не задумывался над происхождением этого эпитета или ассоциировал его с прилагательным γλαυκός "блестящий, сияющий, светлый".

Ст. 47–49. Аллитерация на "с" (сокрушает сердце...своею судьбой...Одиссей... страждет... с своими) может соответствовать аналогичному приему в оригинале (созвучия на δ, π).

Ст. 50. *Пупе...моря...* – Остров нимфы Калипсо представляется расположенным в центре моря, вдали от всяких берегов.

Ст. 58. *Смерти единой он молит.* – Так как не рассчитывает на возвращение домой. Так же и Пенелопа предпочитает смерть безнадежному ожиданию Одиссея (18. 202–205; 20. 61–65, 78–82).

Ст. 62 сл. = 5. 21 сл.

Ст. 67. *...обволнитель земли...* – В оригинале γαιήοχος, понимаемое обычно как "земледержец", постоянный эпитет Посидона (ср. 3.55).

Ст. 82. *... остров Огигский...* – Жуковский перевел здесь Ὠγυγίη как определение, едва ли подозревая, что грамматическая принадлежность этого слова в греческом и в самом деле неустойчива. В "Одиссее" оно всегда соединяется с существительным "остров" (6. 172; 7. 244) и может быть понято и как имя собственное, и как определение. У Гесиода оно употреблено как эпитет реки Стикс, протекающей в подземном царстве (*Теог.* 806), – в этом случае еще отчетливее прослеживается сходство острова Калипсо с потусторонним миром. Существует ли какая-нибудь связь между прилагательным "огигский" и Огигом, персонажем аттического и беотийского сказаний о потопе, остается загадочным.

Ст. 86 сл. = 5. 30 сл. с заменой формы глагола.

Ст. 88. *...густовласых ахеян...* – Собственно: "длинноволосые"; признак, отличающий знатных от несвободных.

Ст. 93. *Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава.* – Поскольку слушатель уже знает о предрешенном богами возвращении Одиссея, добавляется и другая мотивировка поездки Телемаха: чтобы заботой об отце он снискал себе добрую славу. См. 13.442 сл.

Ст. 94–99 уже Аристарх считал интерполяцией: ст. 94–96 не к месту повторяют ст. 44–46 из кн. 5, где описывается полет Гермеса, чьим атрибутом обычно являются *золотые подошвы* (сандалии). Огромное *копье*, для описания которого используются стихи из "Илиады" (V. 746 сл.; VIII. 390 сл.), Афина берет с собой, только отправляясь в бой, – ниже, в ст. 102, явившись в образе Ментеса, она держит в руках обычно копье с медным наконечником. Впрочем, не все современные исследователи разделяют мнение Аристарха, указывая, что использование не всегда к месту застывших формул является одним из признаков устной поэзии. *Амврозиальные* – принадлежащие бессмертным (ἄμβροτοι) богам. ... *громоносного бога рожденье* – дочь Зевса.

Ст. 101. ... *у порога...* – т.е. у входа во двор, расположенный перед домом. Здесь чужеземцу полагалось ожидать, пока кто-нибудь, заметив его, пригласит войти в зал.

Ст. 103. *Гостя ... Ментеса ...* – В облике Ментеса Афина появляется только в кн. 1; в кн. 2–4 она предстает в образе итакийца Ментора; гость – собственно, чужеземец, связанный с кем-либо из местных жителей узами гостеприимства. Ср. ниже, ст. 182 сл.

Ст. 107 сл. *Вместе с рабами...* – В оригинале речь идет о наемных прислужниках женихов. Тот же случай – в кн. 15. 330. ... *наливали Воду с вином...* – Собственно, смешивали вино с водой, так как греки употребляли вино, разведенное водой, обычно в пропорции 1:3, реже – 1:2.

Ст. 109. ... *их сдвигали...* – Точнее: "пододвигали" к каждому креслу отдельный столик, как это изображено в ст. 136. После окончания еды столы убирались.

Ст. 115. *Власть восприимет...* – Собственно: "царское достоинство" (τιμή – "почетная доля") со всеми сопровождающими его атрибутами.

Ст. 119. *Взял он за правую руку пришельца...* – Обычная форма приветствия пришедшего чужеземца.

Ст. 120. *Голос потом свой возвысил...* – Многократно повторяющийся формульный стих, вводящий прямую речь.

Ст. 121. *Радуйся* (χαῖρε) – обычное в греческом языке обращение при встрече и прощании. См. 15. 40, 59, 229.

Ст. 122. *Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей.* – Пришельца следует сначала угостить и только потом спрашивать о его имени, происхождении и цели приезда. Ср. 3. 69 сл.; 4. 60 сл.; 14. 45–47.

Ст. 130. ... *для ног ... скамейка...* – См. 4. 136; 10. 315; 19. 57 сл.

Ст. 134–138 = 4. 52–56 = 7.172–176 = 15.135–139 = 17. 91–95 (= 10. 368–372; вероятно, позднейшая интерполяция, см. примеч.) Формульные стихи, описывающие приготовление к угощению.

Ст. 145 отсутствует в одном папирусе 1 в. н.э. и в нескольких средневековых рукописях. По содержанию он лишний, так как об угощении вином уже сказано выше, ст. 140 сл.

Ст. 146 сл. = 8. 71 сл. = 14.453 сл. = 15. 142 сл. = 16. 54 сл.

Ст. 149–151. ... *цитру... Фемию подал... Петь принужденному...* – Фемий сопровождает свое пение переборами четырехструнной кифары (цитры); при этом подчеркивается, что он вынужденно участвует в пирах женихов. Ср. последствия этого в 22. 330–380. Имя Фемия – говорящее: "человек, который распространяет молву (φήμη)". В 22. 330 он назван сыном Терпия – "усладителя" (от глагола τέρπω "услаждать"), т.е., в конечном счете, певец Фемий, прославляя героев, *услаждает* слушателей. Говорящие имена вообще один из приемов автора "Одиссеи". Таковы, например, Антиной ("мыслящий вопреки", "враждебный") – один из самых наглых женихов Пенелопы, Полиб ("владелец многих стад"), принимавший в Египте Менелая (4. 126), Асфалион (от ἀσφαλής "надежный") – слуга Менелая (4. 216), возможно, Поликтор ("много приобретший", 17. 207). См. также 3. 36 и примеч.; 8. 111–115 и примеч.

Ст. 163. ... *от людей земнородных...* – В оригинале: "живущих на земле".

Ст. 166–169 = 14. 187–190. Впрочем, ст. 167–169 вместе с ответом на них, ст. 181 сл., Аристарх считал вставкой, проникшей из кн. 14: там вопросы, задаваемые Евмеем старому нищему, уместны; здесь, по отношению к знатному гостю, – не вполне вежливы.

Ст. 168 сл. = 16. 58 сл. = 223 сл.

Ст. 180. *...обменявшись блестящим железом...* – Гомеровский эпос представляет себе изображаемое им общество как еще не знающее денег и ведущее торговлю только путем обмена.

Ст. 187. *...старушкой служанкой...* – Жена Долиона, родом из Сицилии. См. 24. 211, 366.

Ст. 193 сл. ... *на волнообъятом Острове...* – Ср. выше, ст. 49. Афина, явившись в облике смертного, повторяет то, что известно ей как богине.

Ст. 203 сл. *Ты ... С ним... сходен.* – Ср. 3. 122–125; 4. 141–146.

Ст. 211. *Мать уверяет...* – Ср. отрывок из Менандра:

Никто отца не знает ведь наверное –
Все полагают либо верят на слово.
(*Перевод А. Парина*)

Вероятно, полушутливое "общее место".

Ст. 219. *Пенелопа* – см. СМС.

Ст. 224. *Порядочный* – В оригинале: "разумный".

Ст. 232–236: *Менее стал бы о нем я крушиться...* – Ср. 5. 306–311; 24. 30–34; мотив, подхваченный Эсхилом: Хоэфоры. 345–353.

Ст. 234–237 = 14. 368–371.

Ст. 235 сл. = 24. 32 сл.

Ст. 237. ... *Гарпии взяли его...* – т.е. он бесследно исчез. Ср. выше, ст. 230 сл.

Ст. 241–247 = 16. 122–128.

Ст. 242 сл. *Первые ... Первые* – Анафора, употребленная в переводе, близка к оригиналу. *Дулихий, Зам, Закинф, Итака.* – См. 9. 24–26 и примеч. к ст. 25.

Ст. 245 сл. *Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака Средств не имеет спастись...* – В оригинале несколько иначе: "Она же и не отказывается от ненавистного брака и не в силах положить этому конец", т.е. согласиться на новый брак ввиду столь длительного отсутствия мужа. Ср. 18. 269 сл., где неузнанный Одиссей не только допускает для Пенелопы возможность нового супружества, если муж не вернется, но советует именно так и поступить, когда вырастет сын. Таким образом, женихи не нарушают обычного права, но злоупотребляют им, расхищая достояние женщины, к которой они сватаются. См. ст. 271–274.

Ст. 257. *Яда ... искал он...* – Ядовитые стрелы больше в "Одиссее" нигде не упоминаются; вероятно, этот вид оружия считался недопустимым из нравственных соображений, – ср. ниже, ст. 259.

Ст. 261 сл. = 4. 345 сл. = 17.136 сл.

Ст. 265–292. Советы Афины Телемаху отличаются известной непоследовательностью, которая в глазах представителей аналитического направления служила доказательством позднего присоединения Телемахии к уже сформировавшейся "Одиссее". В самом деле, вторичный брак Пенелопы нельзя считать исключенным, если станет известно о гибели Одиссея (ст. 285–288, ср. выше примеч. к ст. 245 сл.), – но как можно подавать ей такой совет (ст. 271–274) до возвращения Телемаха из поездки? Затем, Афина предлагает Телемаху набраться терпения, если Одиссей жив (ст. 283 сл.), но последствия такого развития событий, как видно, не предусматриваются, коль скоро Телемах должен будет один обдумать план мести (ст. 289–292). Соображения эти, однако, легко отводятся, если признать оба подозрительных пассажа за позднейшую интерполяцию, внесенную сюда из следующей, второй книги (196 сл. = 1. 273 сл.; 2. 218 сл. = 1. 283 сл. с переменой лица), где они вполне на месте.

Ст. 269 сл. *Все объяви ты... После потребуй...* – Афина советует Телемаху таким официальным заявлением о требовании, предъявляемом к женихам, устранить возможную месть со стороны их родных.

Ст. 271–274. *Матери ... Ты предложи...* – Ср. 2. 113 сл., 195–197, где этот совет исходит от женихов.

Ст. 273 сл. = 2. 196 сл.

Ст. 276–288. – Ср. 2. 212–223, где Телемах почти буквально повторяет слова Афины.

Ст. 281. *Менелай* – см. СМС; *златовласый* (собственно: русый) – в обеих поэмах его постоянный эпитет.

Ст. 282. *Прибыл домой он последний...* – О причине этого см. 4. 351 сл. *Меднолатные* – частое определение ахеян в "Илиаде". Слушатели, конечно, представляли себе здесь бронзовые доспехи; современные археологи полагают, что первоначально имелись в виду плащи, украшенные металлическими накладками.

Ст. 287. *...холм гробовой здесь насыпь...* – Так называемый кенотаф, "пустую гробницу", которая воздвигалась умершему на чужбине. См. 9. 65 и примеч.

Ст. 291 сл. *Как бы тебе женихов ... погубить...* – Этот совет казался исследователям аналитического направления бессмысленным: если Пенелопа решится выйти замуж за одного из претендентов, то зачем губить остальных? Однако в случае смерти отца Телемах обязан был сам отомстить женихам за все оскорбления, нанесенные его дому, как это впоследствии делает Одиссей, отвергая мирные предложения женихов (22. 61–67).

Ст. 294. ... *отрок Орест...* – См. СМС: Агамемнон.

Ст. 296–298 = 3. 198–200.

Ст. 313. *К вам возвратятся...* – т.е. на обратном пути из Темесы, см. ст. 179.

Ст. 316. *Невидимо* – греческому ἀνοπαῖα (или ἀνόπαια), более нигде не встречающемуся, уже в древности давали разные толкования, сближая его либо с корнем оπ- "видеть" (тогда: "невидимой птицей"), либо с сочетанием ἄν'ὀπαῖα, от ὀπή "отверстие для дыма в крыше", (тогда: "взмыв вверх" или "ускользнув"), либо с названием породы орлов (ср. 3. 372).

Ст. 322 сл. ... *о печальном ахеян ... возврате...* – Имеются в виду раздоры между ахейцами, которые возбудила после взятия Трои Афина, и буря, поднявшаяся на море, когда греческий флот возвращался домой. См. ниже, 3. 130–164; 4. 495–518.

Ст. 327–331 = 18. 207–211 = 21. 63–66 (без первого стиха).

Ст. 340. *Эллада* – в гомеровском эпосе этим понятием обозначается либо царство Пелея в северной Фессалии (так обычно в "Илиаде"), либо в более широком смысле, как здесь, – вообще северная Греция. *Аргос* – здесь весь Пелопоннес.

Ст. 343–345. *Виновен... Зевес, посылающий... вдохновенье.* – В оригинале сказано: "Не певцы виновны, а, конечно, виновен Зевс, который дает вкушающим хлеб людям то, что желает дать каждому", т.е. речь идет не о вдохновении, которое посылает Зевс, а о доле, дарованной им людям, и певец поет о том, что случилось и чего нельзя изменить.

Ст. 348. *Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая...* – Неточный перевод. В оригинале речь идет о том, что люди больше всего прославляют ту песнь, которая является для них самой новой. Такова в данном случае для слушателей песнь о Троянской войне и ее последствиях по сравнению со сказаниями о далеком прошлом.

Ст. 352–355 = 21. 350–353 с заменой слова μῦθος (здесь в значении: речь в собрании) на τόξον (лук).

Ст. 356–360 = 21. 354–358. Также 1. 358–360 = 19. 602–604; ст. 359 сл. = 16. 450 сл. *Изумяся* – т.е. впервые поняв, что сын уже взрослый.

Ст. 361. *...в потемневшей палате...* – Точнее: "в тенистой", постоянный эпитет центрального зала (мегарона).

Ст. 369–376 почти дословно повторяются в речи Телемаха в народном собрании, 2. 139–145.

Ст. 376. ... *Без платы...* – т.е. без права родственников женихов предъявить счет мстителю за их возможное убийство. См. выше, ст. 269 сл. и примеч.

Ст. 377 сл. = 18. 410 сл. = 20. 268 сл.

Ст. 381–383. ... *когда ты... будешь... царем ...* – Характер царской власти на Итаке, видимо, был не очень ясен автору. Очевидно, помимо наследственных прав, нужны были и выдающиеся личные качества (ср. ниже, ст. 390 сл.), в которых Антиной готов отказать Телемаху. Поэтому вопрос о будущем царе (если не вернется Одиссей) остается во власти богов (ст. 395–398).

Ст. 385. *Друг...* – Здесь, как и в ст. 408, – добавление переводчика. В оригинале Телемах обращается к женихам просто по имени и вовсе не *кротко*. См. 2. 208, 309 – такое же смягчение оригинала.

Ст. 388. ...*царем быть не худо...* – истина, которая подвергается сомнению в трагедии 5 в. См.: Софокл. Царь Эдип, 582–589.

Ст. 391. *Много достойнейших власти...* – В оригинале речь идет о "царях" (басилевсах), бывших племенных вождях или родовых старейшинах, подчиняющихся одному главному басилевсу. Ср. такое же положение у феаков, 8. 390 сл. О царях во множественном числе в пределах одного полиса говорит и Гесиод, *ТиД*, 208, 248, 263.

Ст. 394. ... *над рабами ... добытыми в битвах.* – В оригинале речь идет о пленных, захваченных в результате пиратских набегов. Пиратство, особенно если его жертвой были чужеземцы, в "Одиссее" не осуждается. См. 3. 71–74 и примеч.

Ст. 417–419 = 18. 304–306.

Ст. 407. *Двадцать быков...* – Очень высокая плата за рабыню. В "Илиаде", XXIII. 705, цена искусной рабыни – 4 быка. Впрочем, Евриклея – благородного происхождения, так как названы имена отца и деда.

Ст. 428 сл. ...*себе не позволил Ложа коснуться...* – Что бывает в противоположных случаях, известно из истории Феникса в "Илиаде", IX, 447–457.

Ст. 433. ...*снявши сорочку...* – т.е. хитон, нижнюю одежду без рукавов, надеваемую под плащ (гиматий, хлену, хламиду; Жуковский обычно переводит "мантия"). См. 3. 467; 4. 50, 115; 19. 242 и примеч. На Телемахе был короткий хитон, так как он мог снять его, когда сел на постели.

Ст. 438. *Крепко... ремнем затянула...* – Чтобы запереть снаружи дверь, открывающуюся внутрь, пользовались ремнем, привязанным к задвижке и продетым через отверстие в двери.

КНИГА ВТОРАЯ

Народное собрание на Итаке. Отъезд Телемаха

Ст. 1–5 = 4. 306–310.

Ст. 1. Встала из *мрака...* – Часто повторяемая формула. См. 3. 404 = 8. 1 и т.д. ...*с перстами пурпурными...* – Собственно: "с розовеющими пальцами". Пурпурным греки называли густой красный цвет с фиолетовым оттенком. Здесь же имеется в виду феномен, особенно часто наблюдаемый в южных странах: перед восходом солнца на небе появляются расходящиеся из центра розовые полосы, которые напоминают растопыренные пальцы руки.

Ст. 3 сл. = 20. 125 сл.

Ст. 11–13. – Ср. 17. 62–64.

Ст. 12. *Образ его... озарила Афина...* – Первый в "Одиссее" пример действий божества, направленных на возвеличение внешнего облика человека. Ср. далее 6. 229–235; 8. 18–21; 16. 172–176; 23. 156–162. См. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 2.

Ст. 26. *Мы на совет не сходились...* – См. указанную статью, § 3. В оригинале, однако, упоминаются оба органа власти: народное собрание и совет старейшин. Ср. 3. 126 сл., где в переводе правильно названы и то, и другое.

Ст. 38. *Скипетр* – не только знак царского и жреческого достоинства, но и атрибут выступающего с речью в народном собрании. Ср. Ил. I. 234–246.

Ст. 42–44. – Ср. выше, 30–32.

Ст. 53. *Прямо в Икариев дом обратиться...* – См. 1. 245 сл. и примеч.; 271–274.

Ст. 53. *...наделенную щедро приданым...* – Оригинал допускает и другое толкование: "получив брачный выкуп". См. 6. 159 и примеч.

Ст. 55–59 = 17. 534–538.

Ст. 64. *... не тревожит вас совесть?* – В оригинале нет слова "совесть", вообще отсутствующего в языке эпоса, а употреблены два понятия, обозначающие чувство стыда. Первое из них (αἰδώς) предполагает осознание позорного поступка самим совершающим, второе (νέμεσις) – осуждение его со стороны других. Ср. ниже, ст. 136.

Ст. 70. *...друзья...* – Телемах обращается не к женихам, а к собравшимся гражданам.

Ст. 72. *...меднообутых...* – т.е. пользующихся медными поножами. Постоянный эпитет. Ср. ниже, ст. 402, где корабельщики плывут, конечно, налегке.

Ст. 76. *Силою взяли...* – Преувеличение переводчика. В оригинале: "съели". *... сохранилась надежда...* – В оригинале: "право на возмещение". Ср. 22. 55 и особенно 23. 357 сл.

Ст. 89. *Три совершилося года...* – В определении продолжительности домогательства женихов автор не вполне последователен. В ст. 89 в оригинале сказано: "Вот уже третий год, скоро пойдет четвертый". В ст. 106: "когда же наступил четвертый год". В любом случае надо признать, что женихи стали свататься к Пенелопе не раньше седьмого года по окончании Троянской войны, когда на возвращение Одиссея и в самом деле оставалось мало надежды.

Ст. 91 сл. = 13. 380 сл.

Ст. 93–110 = 24. 128–146; начиная со ст. 94 = 19. 139–156, где ст. 153 не находит соответствия в кн. 2. Этот же стих повторяется в 24. 143 и оба раза, скорее всего, является вставкой, отсутствующей в большинстве рукописей. Разумеется, грамматические формы глагола в кн. 19 соответствуют первому лицу рассказчицы, т.е. Пенелопы. Некоторые исследователи отмечают известную нелогичность замысла Пенелопы: кто мог бы помешать ей ткать саван для Лаэрта и при новом муже? Поэтому высказывается предположение, что в первоначальном фольклорном варианте речь шла о том, что Пенелопа должна успеть соткать подвенечное платье, и только в контексте "Одиссеи", где важно было подчеркнуть преклонный возраст Лаэрта и его бессилие, место платья Пенелопы занял саван для свекра.

Ст. 120. *Древней* – добавление переводчика. Для современников Одиссея *Алкмена*, мать Геракла (11. 266–268), – вовсе не такой древний персонаж. *Тиро*. – См. 11. 235–259. *Микена* – дочь бога реки Инаха, протекающей по территории Арголиды. Почему Антиной считает названных им героинь примером особых умственных качеств, сказать трудно.

Ст. 132 сл. *...трудно... мне расплатиться...* – Сын имел право возвратить овдовевшую мать ее отцу только с обоюдного согласия. В противном случае он должен был заплатить ему пеню за бесчестие, нанесенное женщине.

Ст. 135. *Демон* (δαίμων) – как всегда в эпосе, точнее не обозначаемое божество. *Эриннии* – см. СМС.

Ст. 146 сл. *...Зевес ... двух орлов ниспослал...* – Важное знамение, особенно, если учесть, как редко в "Одиссее" Зевс вмешивается в события. Ср. 20. 102–104; 21. 413; 24. 539 сл.

Ст. 154. *Вправо умчались они...* – т.е. вправо по отношению к прорицателю Галиферсу (ст. 157). Божественное знамение (удар грома, полет птиц) справа от говорящего считалось добрым знаком.

Ст. 160 сл. – формульное двустишие, вводящее прямую речь. См. ст. 228 сл.; 24. 453.

Ст. 191 отсутствует в лучших рукописях и внесен сюда по образцу Ил. I. 562.

Ст. 192. ... *навлечешь на себя наказанье...* – Точнее: "наложим на тебя пеню" – женихи присваивают себе право, которым располагало только народное собрание или совет старейшин.

Ст. 196 сл. = 1. 273 сл. Ср. 2. 113 сл. По-видимому, автор мыслит Икария проживающим на Итаке или где-нибудь поблизости.

Ст. 201. ... *говорун поседелый...* – Переводчиком усилено значение оригинала, где сказано только "старче". Таково же добавление в ст. 253 – ироническая характеристика "мудрец".

Ст. 215–223 = 1. 277–279 + 283–288 с естественной заменой императива в речи Афины на первое лицо в речи Телемаха.

Ст. 226. *Вверил ему Одиссей ... дом...* – Неожиданное утверждение, не находящее поддержки в контексте поэмы.

Ст. 228 сл. = 160 сл.

Ст. 230–234 = 5. 8–12.

Ст. 241. *Малой толпы женихов...* – Малой лишь по сравнению со всем полноправным населением Итаки. На самом деле их было 108, из одной только Итаки – 12. См. ниже, ст. 245, 250, и 16. 245–253.

Ст. 244 сл. ...*сладить... на пиршестве трудно.* – Неверный перевод. В оригинале: "сразиться за пиршество", т.е. изгнать женихов из дома Одиссея, где они пируют.

Ст. 261 сл. *Руки ... умыв...* – Об омовении перед молитвой или совершением ритуала см. 3. 440–445; 4. 750–752; 12. 336 сл. ... *возгласил он к Афине: "Ты..."* – Что накануне Телемаха посетила Афина, знает только поэт. Ст. 262 звучит в оригинале следующим образом: "Услышь меня, божество, которое вчера посетило наш дом". См. 3. 378 и примеч.

Ст. 273 сл. ... *когда ж не прямой ты Сын Одиссеев...* – Странное предположение в свете неоднократных указаний на сходство Телемаха с Одиссеем (см. 1. 203 и примеч.). Вероятно, шутливое допущение в духе высказывания в кн. 1. 211 (см. примеч.)

Ст. 292. *Тою порой...* – Добавление Жуковского, вполне естественное с точки зрения современного читателя. Между тем в оригинале нет никакого указания на время, так как автору удобнее изображать события, происходящие одновременно, как последовательные (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», примеч. 19). Так и здесь: по совету Афины Телемах возвращается к женихам, проводит некоторое время среди них, а затем отдает распоряжение Евриклее о подготовке его в дорогу (ст. 297–381). Только после этого намерение Афины вводится формулой: "Умная мысль родилася тут в сердце..." (ст. 382), после чего богиня в образе Телемаха приступает к исполнению своего плана. ... *я гребцов наберу...* – Речь идет о спутниках Телемаха, которые вызовутся добровольно сопровождать его, поскольку народное собрание, распущенное Леокритом (выше, ст. 257), так и не выделило ему просимого корабля с экипажем (ср. ст. 320). Обещание Антиноя (ниже, ст. 306–308) не следует принимать всерьез.

Ст. 303. ...*злой говорун...* – Вольный перевод. Смысл оригинала: "с необузданным нравом", "невыносимый в гневе".

Ст. 314. ... *советников слушая умных...* – В оригинале: "слушая речь других". Имеется в виду совет Афины-Ментеса?

Ст. 316. *Парки* – см. примеч. к 1.17. Здесь в оригинале – керы, женские крылатые божества смерти.

Ст. 325–330. *Нас Телемак погубить... замыслил...* – Опасения женихов носят иронический характер. Из 4. 663–668 ясно, что они не ждали от Телемаха столь решительных действий. В переводе этот иронический подтекст передан наречием *насмешливо* (ст. 331), в оригинале отсутствующим.

Ст. 334 сл. ... *тогда нам придется Все разделить меж собой...* – Никакого права на имущество Телемаха женихи, разумеется, не имеют, и высказанное ими предположение можно рассматривать как еще одно свидетельство их необузданного своеволия (ср. ниже, ст. 367 сл.).

Ст. 340. *Куфы* – в оригинале: “пифосы”, сосуды высотой до 2 м. Содержимое черпалось через отверстие сверху. Обнаружены при раскопках дворцов микенского времени.

Ст. 359 сл. – Ср. выше, ст. 214 сл.

Ст. 373. ... *мать ... ни о чем не узнает...* – Пенелопе не полагалось спускаться в зал, где пируют мужчины (ср. 1. 352–355). Поэтому кратковременное отсутствие Телемаха могло быть ею не замечено.

Ст. 374 = 4. 588. Ср. 19. 192. ...*одиннадцать дней иль двенадцать...* – Поговорочное выражение, обозначающее срок больше десяти дней. На самом деле, по хронологии “Одиссеи”, Телемах возвращается домой спустя 35 дней после отплытия.

Ст. 375 сл. = 4. 748 сл.

Ст. 378. ... *клятву свою совершила...* – Точнее: “закончила”, т.е. сначала клятвенно призвала богов, а затем сформулировала содержание клятвы.

Ст. 386. *Ноэмон* и *Фроний* – говорящие имена (“мыслящий” и “разумный”), противопоставляющие их носителей необузданным женихам.

Ст. 389. *Запасы* – т.е. корабельная снасть: мачта, паруса, канаты и т.п. См. ниже, ст. 422–426.

Ст. 393, повторяющий только что употребленный формульный ст. 382, отсутствует в папирусе 4 в.н.э. и является позднейшей интерполяцией.

Ст. 402. ... *светлообутые...* – В оригинале то же определение εὐκνήμιδες, что и в ст. 72 (см. примеч.).

Ст. 405 сл. = 3. 29 сл. = 5. 192 сл. = 7.37 сл.

Ст. 407, отсутствующий в двух папирусах и нескольких рукописях, скорее всего, – интерполяция по образцу 4. 428, 8. 50 и т.п.

Ст. 408. *Спутников густокудрявых...* – В оригинале то же определение, что и в 1. 88. См. примеч.

Ст. 409. ... *Телемакова сила святая...* – Частая в поэме формула, вводящая прямую речь Телемаха (16. 476; 18. 160 и т.д.); *сила святая* – описательная характеристика, равная просто имени персонажа. Ср. об Алкиное: 7. 167; 8. 2, 4 и т.д.

Ст. 421. ...*повеял Зефир...* – Таким образом, автор представляет себе путь Телемаха в Пилос, как идущий с запада прямо на восток. В действительности он должен был пролегать с северо-северо-запада на юго-юго-восток.

Ст. 422–426 почти целиком совпадают с распоряжением Телемаха в кн. 15. 287–291.

Ст. 429, отсутствующий в ряде рукописей, некоторые античные грамматики считали интерполяцией, введенной по образцу Ил. I. 483, но его можно, вероятно, рассматривать и как сознательное заимствование из более ранней поэмы.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В Пилосе

Ст. 1 сл. *Гелиос с моря прекрасного встал...* – Собственно: “оставив прекрасную гавань”, где он отдыхал ночью. ... *на медном Своде небес...* – Греки представляли себе небо как медную или железную полусферу.

Ст. 3. *Року подвластных...* – Добавление переводчика. В оригинале сказано: “смертных людей”. См. также примеч. к 19. 260 и 21. 148.

Ст. 4–6. ... *до Нелеева града... Пилоса.* – Нелей – сын Тиро от *Посидона* (см. 11. 254–258), которому *народ приносил жертву*. Посидона почитали повсюду в Пелопоннесе и особенно в Пилосе, где его культ восходил к микенским временам. В одной из самых знаменитых табличек с линейным письмом Б, найденной в Пилосе и содержащей перечень 12 богов с полагающимися им жертвоприношениями, Посидон назван третьим, значительно опережая Зевса и

Геру. При исполнении ритуала, которое застает Телемах, Посидон как водное и хтоническое божество получает в жертву животных с черной шерстью, в данном случае – *быков. Лазурнокудрявый* (собственно: "с волосами цвета морской волны") – постоянный эпитет Посидона, как и не переведенное Жуковским в этом стихе его определение "землеколебатель".

Местоположение гомеровского Пилоса оспаривалось уже в древности. В Ил. XI. 670–685 он явно предполагается севернее того места, где в историческое время находился город с тем же названием. Страбон помещал его в Трифилии, недалеко от Элиды. Между тем в 1939 г. в результате раскопок были открыты остатки микенского дворца в 17 км севернее исторического Пилоса, расположенного на западном побережье Мессении. Здесь же было найдено большое количество табличек с линейным письмом Б, в которых часто встречается название этого города. Поэтому нет оснований сомневаться, что, по крайней мере, в "Одиссее" Несторов Пилос находится далеко от города под тем же названием, известным позднее. То обстоятельство, что Телемах за одну ночь преодолевает на корабле слишком большое расстояние, не следует принимать всерьез: и хронометрическая достоверность в данном случае не слишком заботила автора, и его сведения о западном Пелопоннесе не отличались точностью.

Ст. 7. ... *девять скамей...* – Правильнее: "мест для сидения" в несколько рядов. Как представить себе скамью, на которой уместилось бы 500 человек? Число 9 соответствует количеству городов, находившихся под властью Нестора (Ил. XI. 591–594), и числу кораблей, прибывших с ним под Трою (9 контингентов по 10 кораблей, всего 90, – см. там же, ст. 602). Как видно, Телемах застал в Пилосе очень пышное жертвоприношение с участием представителей от всех городов.

Ст. 9. *Сладкой...* – Здесь и далее добавление переводчика.

Ст. 14. ... *застенчивым быть...* – Точнее: "стыдиться людей". См. 2. 64 и примеч. Тот же случай – ниже, ст. 24, где переведено: *прилично ли...*

Ст. 19 сл. почти равен ст. 327 сл., где те же слова применяются к Менелаю. Впрочем, ст. 19 отсутствует во многих рукописях и является, возможно, интерполяцией по образцу ст. 327.

Ст. 26 сл. *Многое ... Многое.* – Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 29 сл. = 2. 405; см. примеч.

Ст. 36, 39. *Пизистрат* – говорящее имя, характеризующее свойства его отца ("убеждающий войско" Нестор), как Телемах ("далеко разящий" Одиссей), Астианакт в "Илиаде" ("царь города" Гектор). В "Илиаде" Писистрат не упоминается, и исследователи, придерживающиеся мнения о составлении обеих поэм в Афинах в 6 в., при тиране Писистрате, видят в появлении этого имени в "Одиссее" афинскую интерполяцию. Ничто, однако, не мешает допустить обратное соотношение: поскольку род афинского правителя возводил свое происхождение к сыну Нестора (Геродот. V. 65. 3–4), то историческому лицу могло быть дано имя по его мифическому предку. *Фразимед* – опять говорящее имя ("отважно мыслящий"). В отличие от Писистрата, он упоминается уже в Ил. IX. 81; XVII. 378, 705. Поэтому "*младой*" – едва ли удачное добавление переводчика: младшим сыном Нестора был Писистрат, ровесник Телемаха (ст. 50).

Ст. 40. ... *утробы отведать им дав...* – т.е. оказав особый почет как гостям.

Ст. 52–56. – См. 1. 134–138 и примеч.

Ст. 63. ...*двуярусный кубок...* – постоянный эпитет. Собственно: "с двумя ручками": за одну держит подающий, за другую берет принимающий. При раскопках в Микенах были найдены образцы таких золотых кубков, о которых Жуковский еще не мог знать. Отсюда его перевод (как у Гнедича: "двудонный").

Ст. 65 сл. = 20. 279 сл.

Ст. 68. ...*герой Геренейский...* – В оригинале: "геренейский конник", постоянное приложение к имени Нестора (ср. 102, 417, 474). Геренейский, по объяснению древних, – от названия города Герена, или Герения, в Мессении, где Нестор либо воспитывался, либо был спря-

тан Нелеем в то время, как Геракл разорил Пилос и убил всех остальных сыновей Нелея (Ил. XI. 688–692).

Ст. 70. ... *понеже уж пищею вы насладились...* – См. 1. 122 и примеч.

Ст. 71–74 = 9. 252–255. *Добычники вольные* (ст. 73) – пираты. Из этих стихов Фукидид, I. 5, делал вывод, что в гомеровское время пиратство не встречало осуждения, – разумеется, кроме тех случаев, когда о пиратах говорит пострадавший. Ср. ниже, 14. 85–88. Заметим, что и нападение Одиссея со спутниками на Исмар (9. 39–42), и поведение вымышленного им рассказчика, набравшего толпу "добытчиков" (17. 425), являлись типичной пиратской акцией.

Ст. 78, повторяющий мотивировку из кн. 1. 93, здесь едва ли уместен; в двух папирусах и в большинстве рукописей он отсутствует.

Ст. 81. *...под склоном... Нейона...* – Перевод основан на толковании малопонятного определения ὑπονήιος. Возможно, из него же возникло имя собственное Нейон в кн. 1. 181. В других случаях горный хребет на Итаке назван Нерит (9. 21; 13. 351 – в переводе ошибочно "Нерион").

Ст. 87. ... *в стороне отдаленной погибли...* – Добавление переводчика, наводящее на мысль, что речь идет о гибели героев под Троей. В оригинале иначе: "Обо всех остальных, сколько бы их ни воевало против Трои, мы знаем, где каждый погиб злой гибелью, его же гибель..."

Ст. 92–101 = 4.322–331. При этом ст. 98–101 некоторые исследователи считают интерполяцией, внесенной из кн. 4. 328–331: там Телемах имел основание напомнить Менелаю, что Одиссей был ему полезен, приняв участие в Троянской войне. В то же время о каких-либо услугах, оказанных Одиссеем Нестору, ничего не известно.

Ст. 93. *Участь отца...* – Смягченный перевод. В оригинале: "злую гибель", как в ст. 87 – об остальных героях. Телемах готов услышать самое худшее.

Ст. 105. ... *предводимые бодрым Пелидом...* – См. СМС: Ахилл. ... *бодрым...* – Добавление переводчика.

Ст. 109–111. *Аякс* – см. СМС. *Патрокл, Антилох* – ср. 11. 468; 24. 16. О смерти Антилоха (см. 4. 187), павшего от руки вождя эфиопов Мемнона, повествовала киклическая поэма "Эфиопида".

Ст. 114. *...земнородных...* – Здесь и далее в оригинале: "смертных", частое определение людей в "Одиссее".

Ст. 118 сл. ... *вымышляя Многие хитрости...* – Конечно, при участии Одиссея, см. ниже, ст. 122.

Ст. 130 сл. = 13. 316 сл., при том что ст. 131, совпадающий со ст. 317, скорее всего внесен оттуда в кн. 3, где он не слишком на месте, так как далее следует подробный рассказ о бедствиях, постигших ахейцев. В книге же 13 ст. 317 является попутным кратким упоминанием.

Ст. 132. *Бедственный путь...* – Намек на богохульство Аякса Оилеида. См. 4. 502–504 и СМС.

Ст. 138 сл. ... *Не в обычное время, когда уж садилось Солнце...* – Обычное время для народных собраний – утро. К тому же в данном случае ахейцы находились к вечеру в состоянии, мало пригодном для принятия разумного решения.

Ст. 143. *Агамемнон* – см. СМС.

Ст. 153. ... *одни...* – Как видно из дальнейшего, это были, не считая самого Нестора (ст. 157), также *Одиссей* (ст. 162). Диомед, сын *Тидея* (ст. 167, 180) и *Менелай* (ст. 168). ... *на прекрасное море...* – В оригинале: "божественное" – бескрайнее море с его непредсказуемыми капризами вызывает почтение как нечто, обладающее сверхъестественной силой.

Ст. 154. ... *Дев* (в оригинале: "жен") *глубокоопоясанных...* – Эпитет βαθύζωνος, как и сходный с ним βαθύκολπος, употребляется в эпосе только применительно к троянским женщинам. Объясняют его различно. По мнению одних, троянки подпоясывали платье не под грудью (как это делали в классическую эпоху греческие женщины), а ниже, чтобы оно облегало

фигуру. По мнению других, поверх пояса оставляли достаточно ткани для образования глубокого напуска, в котором можно было что-нибудь спрятать ("за пазухой"). Ср.15. 469, где говорится, как финикийская рабыня вынесла таким способом похищенные ею драгоценные кубки (в переводе: "под платьем"). Второе объяснение кажется более вероятным.

Ст. 162–164. *Часть за царем Одиссеем ... устремилась в обратный Путь...* – Сам Одиссей нигде в своих рассказах об этом возвращении не упоминает. Может быть, Нестор хочет лишний раз подчеркнуть рассудительность Одиссея, не пожелавшего раздоров в войске? *... покориться...* – Перевод сильнее оригинала, где сказано: "оказать услугу", "сделать любезность". Ахейские вожди под Троей достаточно ревниво берегли свою независимость, – без этого не было бы ни "гнева Ахилла", ни самой "Илиады".

Ст. 169. *Многовесельные* – собственно: "обоюдозакругленные", т.е. имеющие с обеих сторон форму свода; частое определение кораблей.

Ст. 166 сл. *Поплыл... Поплыл.* – Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 169–180. *... какую избрать нам дорогу...* – В плавании по Эгейскому морю греки предпочитали держаться многочисленных островов. Поэтому и здесь надежнее было обогнуть остров Хиос с севера (на Псиру) или с юга (*ниже Хиоса*). Однако, повинуясь знаменью, данному Зевсом (в чем оно состояло, неизвестно), возвращающиеся решились плыть открытым морем (*разрезавши... по самой середине*) от острова *Лесбос* на запад и благополучно добрались до мыса *Гереста* на южной оконечности острова *Евбеи*. Для слушателей "Одиссеи" это было еще одним доказательством того, что смертным следует полагаться на волю богов.

Ст. 188. *... Ахиллеса великого сыном...* – Неоптолемом. См. СМС.

Ст. 190. *Филоктет* – см. СМС.

Ст. 193. *... и в дальнюю землю...* – т.е. Итака, находясь на западной окраине Греции, была меньше связана с основными центрами микенского мира.

Ст. 195–198. – См. 1. 29 сл. и примеч.

Ст. 198–200 = 1. 296–298. Впрочем, Аристофан и Аристарх считал ст. 199 сл. интерполяцией: в кн. 1 Афина-Ментес призывает Телемаха к твердости духа, узнав о бесчинствах женихов; в кн. 3 об этом еще не было речи.

Ст. 214 сл. = 16. 95 сл.

Ст. 217. *...ахеян...* – Здесь, разумеется, речь идет только о жителях Итаки.

Ст. 224. *Самая память о браке бы пропала.* – Точнее: "позабыли бы и думать", "пропала бы и мысль" о браке.

Ст. 242. *... смерть ... приготовили боги.* – В оригинале горькая игра слов: ἀθάνατοι θάνατον "предназначили ему смерть бессмертные".

Ст. 248. *Как умерщвлен был...* – В оригинале другой оттенок. Телемах спрашивает не о том, каким образом был убит Агамемнон, а **как получилось**, что его убили.

Ст. 255. *Подлинно так все случилось...* – Перевод основан на устаревшем чтении. Сейчас принимается другое чтение, согласно которому смысл этого стиха следующий: "Ты и сам представляешь себе, что случилось бы, если б..."

Ст. 260, 263. *Град Аргос* – в оригинале в первом случае в словах *за градом* (без указания на Аргос) имеются в виду Микены, столица царства Агамемнона (ст. 305); во втором случае – внутренняя часть области Аргос, т.е. Арголида.

Ст. 260 сл. *... жены Наши...* – Разумеется, не из владений Нестора, а вообще "жены ахейцев".

Ст. 265. *Клитемнестра* – см. СМС: Агамемнон. *Божественная* – см. 1. 29 и примеч.

Ст. 273 сл. *Множество... Множеством...* – Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 280. *Тихой своею стрелой умертвил...* – Скоропостижную смерть греки приписывали стрелам Аполлона (обычно поражавшего мужчин) и Артемиды (обычно поражавшей женщин). См.: 7. 65; 11. 172, 198, 324; 15. 410 сл., 478; 17. 251 сл., 494; 18. 202; 20. 62, 80.

Ст. 291–300. *Вдруг корабли разлучив...* – Как видно из дальнейшего описания, буря отбросила бóльшую часть кораблей Менелая (*половину* – недосмотр переводчика) сначала к се-

веро-западному берегу *Крита*, потом заставила их обогнуть остров с запада и погнала вдоль южного берега до залива у *Феста*, где они и разбились. Оставшиеся пять кораблей отнесло к *Египту*. *Там* – не у *Ярдана*, как можно понять из перевода, а недалеко от *Гортины* (в оригинале ст. 293 сказано: "есть некая крутая скала, обрывающаяся в море" – без наречия "там").

Ст. 303. ... *в Аргосе...* – Добавление переводчика. На самом деле: "в Микене".

Ст. 305. *Целые семь лет...* – В двух поздних рукописях и в ряде изданий меняют местами ст. 350 и 304, так что причастие κτείνας "убив" ставится в зависимости от глагола ἤνασσε "властвовал", "царствовал", а не от ἐμήσατο "совершил" (собственно, "замыслил", "уготовил").

Ст. 314–316 = 15. 11–13.

Ст. 318. ... *Недавно... прибыл...* – Недавно – по сравнению с другими благополучно вернувшимися участниками войны. На самом деле, к моменту поездки Телемаха, после возвращения Менелая прошло уже три года.

Ст. 321 сл. ... *в год долететь к нам не может Быстрая птица...* – Сильное преувеличение: путь от Египта до Крита занимал 5 дней. Ср. 14. 257.

Ст. 327 сл. = 19 сл.

Ст. 332. *Должно отрезать теперь языки...* – т.е. совершить заключительный акт жертвоприношения, сопровождаемый возлиянием богам (ст. 331, 341).

Ст. 338–340 + 342 = 21. 270–273.

Ст. 340 сл. *В чашах его разнесли... сотворили они возлиянье...* – Точнее: "уделили всем, начав возлияние кубками", т.е. из каждого кубка, прежде чем передать его собравшимся, отливали несколько капель на землю. Ср. 18. 418 сл.

Ст. 360 сл. *Самому ж мне на черный корабль возвратиться Должно...* – Вполне правдоподобный предлог для удаления Афины, целесообразность которого, однако, сразу же опровергается ее превращением в морского орла (ст. 372).

Ст. 368. *Долг* – в значении "выкуп", "возмещение" за нанесенный когда-то ущерб.

Ст. 378. *Был не иной кто, как Диева славная...* – Только здесь Телемах убеждается, что его покровительницей была Афина. Ср. 2. 261 сл. и примеч.

Ст. 390. ... *кубок наполнил до края...* – В оригинале: "для пришедших старец смешал в кратере..." зачерпнув из которого он и совершает возлияние Афине, а за ним все остальные – из своих кубков (ст. 394 сл.).

Ст. 391. ...*чрез одиннадцать лет...* – Перевод по чтению ἑνδεκάτωι. Схолии предлагают ἐν δεκάτωι "на десятый год", что более вероятно, чем точный расчет в 11 лет.

Ст. 395 сл. = 7. 228 сл.

Ст. 396–399. *Каждый...* – В оригинале: "одни", т.е. женатые сыновья Нестора, жившие в одном с ним дворце (см. ст. 412 сл.). Телемаху же Нестор указал место *в звонкопространном покое*, точнее, в сенях – примыкавшей к дому крытой галлерее, где обычно ночуют гости. Верно переведено в кн. 4. 302; 7. 336, 345.

Ст. 406 сл. ...*на обтесанных... Камнях...* – т.е. на мраморной скамье с внешней стороны мегарона.

Ст. 412. *Пестун ахеян*, – т.е. их советчик, к которому обращались в нужную минуту, помня о его долголетии и опыте.

Ст. 413. ... *юный...* – См. ст. 39 и примеч.

Ст. 419. *Паче других преклонить я желаю на милость Афину...* – Нестор выполняет обещание, данное им выше, ст. 382–384.

Ст. 420. ... *бывшую с нами...* – Во время вчерашнего жертвоприношения Посидону.

Ст. 435. ... *пришла и богиня Афина...* – Разумеется, невидимая.

Ст. 440. ... *в обложенной цветами...* – С цветочным орнаментом.

Ст. 452. *Кроткая сердцем...* – Добавление переводчика.

Ст. 453. *Те же...* – Другие сыновья Нестора, кроме Писистрата, на которого была возложена особая обязанность (см. сл. стих).

Ст. 454. ... *зарезал ее...* – т.е вскрыл шейные кровеносные сосуды, чтобы выпустить кровь.

Ст. 461 сл.= 12. 364 сл.

Ст. 464–466. *Тою порой...* – т.е. во время приготовления к пиру, а не предшествовавшего ему жертвоприношения. *Дева его и омыла...* – В эпосе мужчин омывают женщины, большей частью рабыни (4. 49; 8. 454; 17. 87; 19. 317–322; 23. 154; 24. 366), но эту обязанность может взять на себя и хозяйка дома (4. 252; 5. 264; 10. 361–364, 450) или ее дочь, как здесь. В историческое время этот обычай не существовал. О *Поликасте* в одном из фрагментов "Каталога женщин" Гесиода сообщается, что она родила от Телемаха сына Персеполя. Не ясно, избегает ли автор упоминания об этом или, наоборот, предполагает факт известным слушателям.

Ст. 486–494 = 15.184–192, т.е. описание остановки на обратном пути из Спарты повторяет ту же ситуацию на пути в Лакедемон. При этом автор, как видно, не отдавал себе отчета в том, что Мессению от Спарты отделяет горный хребет Тайгет, который не так легко преодолеть в повозке, запряженной парой коней.

Ст. 492 сл. = 15. 145 сл. Впрочем, ст. 493 отсутствует в двух папирусах и большинстве рукописей. Возможно, он введен сюда из кн. 15 как раз для того, чтобы еще больше сблизить два описания.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Лакедемоне

Ст. 5–9. *К сыну губителя ратей...* – т.е. к Неоптолему, сыну Ахилла. *Дочь – Эрмиона* (ст. 14) – см. СМС: Гермиона. *Град мирмидонский* – столица Ахилла. Автор не объясняет, какой именно город он имеет в виду.

Ст. 11 *...прижитого им с молодою рабыней...* – Такого рода связь, по-видимому, не вызывала осуждения в глазах автора, тем более что от законной жены не было наследников мужского пола (ст. 12–14). Ср. в противоположном случае поведение жены Аминтора в Ил. IX. 447–453.

Ст. 12. *Елена* – см. СМС.

Ст. 23. *Спальник...* – Здесь и в ст. 217 в оригинале: "слуга".

Ст. 27 *...из племени Дия.* – т.е. представители царских домов, так или иначе возводившие свое происхождение к Зевсу. Ср. ниже, ст. 44, 63 сл., 138, 156, где в оригинале употреблен обычный эпитет царей – "вскормленные Зевсом" (переведено каждый раз иначе).

Ст. 48–50 = 17. 87–89. *...в гладких купальнях...* – т.е. не в ванных комнатах, а в больших чанах для купанья. Ср. ниже, ст. 128.

Ст. 50. *Косматые мантии* – хлены. См. примеч. к 1. 433.

Ст. 52–58 = 1. 134–140.

Ст. 59. *...светлый... хозяин...* – Перевод может внушить подозрение, что речь идет о социальном статусе Менелая. В оригинале – его обычный эпитет "русый".

Ст. 67 сл. = 1. 146 сл.

Ст. 83 сл. *...посетил финикиян... гостил у сидонян...* – Поскольку Сидон – финикийский город, то либо автор недостаточно ясно представлял себе географию этой части Ближнего Востока, либо имел в виду под финикиянами их колонии на северном побережье Африки, západнее Ливии (см. примеч. к ст. 85 сл.).

Ст. 84. *К черным проник эфиопам...* – В то время как в 1. 22–24 эфиопы локализуются на крайнем западе и на столь же отдаленном востоке (их вождь Мемнон – сын богини зари Эос, 4. 167 сл.), здесь, судя по указанию на соседние народы (египтяне, ливийцы), автор представляет их себе живущими в Африке. Отсюда – определение *черные*, добавленное в переводе.

Ст. 85 сл. *В Ливии был...* – Интерес к этой стране отражает начавшуюся колонизацию греками Киренаики, на северном побережье Африки. *Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают...* – Преувеличение: беременность у овец продолжается 5 месяцев. В идеальных условиях окот мелкого рогатого скота возможен дважды в год.

Ст. 91. *...брат мой...* – Агамемнон.

Ст. 97 сл. *...лишь только б Были те мужи на свете...* – Переход не вполне логичный. В ст. 91–96 речь идет о гибели Агамемнона, и естественно предположить, то Менелай был готов отдать две трети своего имущества за спасение брата. Он, однако, переходит к воспоминанию об ахейцах, погибших под Троей. Вероятно, перестановка акцентов нужна здесь автору для того, чтобы легче было перейти к Одиссею (ниже, ст. 107).

Ст. 102 сл. *Горем... Горе...* – Анафора находит соответствие с оригинале.

Ст. 117, 120. *...рассудком и сердцем колеблясь...* – См. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 4.

Ст. 122. *...с копьем золотым...* – В оригинале: "с золотым веретеном", редкий эпитет по отношению к Артемиде. Уже в древности пытались толковать "веретено" в руках Артемиды как "стрелу", но ст. 131 показывает, что автору нужно буквальное значение слова ἠλακάτη.

Ст. 127. *...много сокровищ имея...* – В оригинале имеется в виду богатство не одного *Полиба*, а города Фив, и повторяется стих из Ил. IX. 382:

Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся

(*перевод Н.И. Гнедича*)

Фивы – столица Верхнего Египта; особое значение приобрели на рубеже 14–13 вв. и затем с 715 по 663 г. В более позднее время – главный город области Фиваида. Стало быть, Менелай проник достаточно далеко от устья Нила вверх по его течению.

Ст. 129. *Талант* – единица веса, равная в Афинах в историческое время примерно 26,2 кг. Вес таланта, преимущественно золотого, в эпосе неизвестен.

Ст. 131. *...с корзиной овальной...* – Едва ли верный перевод прилагательного ὑποκύκλος. Древние объясняли его как "с колесиками, приделанными снизу", т.е. корзину с шерстью можно было передвигать по полу на колесиках.

Ст. 135. *...пурпурного цвета.* – Собственно: "темно-фиолетового".

Ст. 136. *...на скамью протянувши.* – Из перевода создается впечатление, что Елена села, вытянув вперед ноги на отдельно стоявшую скамью. В оригинале сказано: "села в кресло, ⟨при котором⟩ внизу была скамеечка для ног". Ср. 1. 130 и примеч. В такой позе, естественно, гораздо удобнее прясть, чем положив ноги на скамью.

Ст. 143 сл. *Сходство, какое наш гость с Телемаком... имеет...* – Собственно говоря, Елена никогда не видела Телемаха и, скорее, могла бы заключить, что гость похож на Одиссея и поэтому должен быть его сыном.

Ст. 145. *...за меня, недостойную...* – Точнее: "с собачьим взором", как Елена безжалостно называет себя и в Ил. III. 180.

Ст. 156. *...богоизбранный...* – Перевод вносит представление о царе "милостью Божьей", чуждое древним грекам. В оригинале все то же определение, что и в ст. 44: "вскормленный Зевсом". См. примеч. к ст. 27.

Ст. 158–160. Эти стихи Аристарх подвергал сомнению, главным образом, с точки зрения языка. Но и по существу, зачем нужна эта характеристика Телемаху, которому Афина, наоборот, советовала быть смелее в отношениях с людьми (ср. 3. 14 и примеч.)? Из контекста эти стихи изымаются без всякого труда.

Ст. 163–167. Эти стихи тоже вызывали в античности сомнение в их подлинности. Во-первых, Телемах прибыл к Менелаю не за советом, а за сведениями об отце. Во-вторых, Менелай оставляет эти слова без ответа. В-третьих, гостю (а тем более сопровождающему его лицу) не полагалось сообщать о цели визита, пока его не спросит об этом хозяин – см. ст. 312–317.

Ст. 183. *...неумышленно...* – добавление переводчика. Менелай мог догадываться, к чему приведут его горестные воспоминания. Ср. выше, ст. 102.

Ст. 187 сл. *Антилох* – см. 3. 109 сл. и примеч. *Денницы возлюбленный сын* – Мемнон, сын богини зари Эос.

Ст. 198. *...отрезанный локон волос...* – Обычное приношение на могилу умершего. См. Эсхил. Хоэфоры, 1–9.

Ст. 200. *...его ты, конечно, видал...* – В оригинале сказано сильнее: "знал". В "Илиаде" Менелай нередко выведен в близких отношениях с Антилохом: V. 561–575; XV. 567–577; XVII. 679–701; XXIII. 401–445, 566–611 (здесь они, правда, повздорили, но затем верх взяла рассудительность Антилоха).

Ст. 220. *... подлить вознамерилась соку...* – В оригинале φάρμακον, "зелье", "средство", скорее всего, в виде порошка; ср. 10. 290, 317. В ст. 220 в оригинале сказано не *вознамерилась*, а "бросила зелье", которому дальше дается пространная характеристика. Речь идет, как видно, о каком-то бодрящем средстве, вывезенном из Египта.

Ст. 228. *Фоон* (точнее: Фон) – согласно Геродоту (II. 113–116) и Страбону (XVII. I. 16), местный правитель, охранявший Канобское устье Нила.

Ст. 231. *Каждый в народе там врач...* – Первое в греческой литературе упоминание о высокоразвитом среди египтян медицинском искусстве. Ср. Геродот. II. 84.

Ст. 239 сл. *...о бывалом... расскажу...* – В оригинале: "я расскажу подходящее" к случаю, т.е. нечто радостное, соответствующее настроению за трапезой.

Ст. 241. *Как Одиссей... подвизался...* – История о проникновении Одиссея в Трою с целью разведки излагалась в киклической поэме "Малая Илиада", но без всякого отношения к Елене. Здесь ее участие должно показать Телемаху существование между нею и Одиссеем давней дружеской связи.

Ст. 254 сл. *Тайны его... не открыть... Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким...* – Не следует понимать это таким образом, что Елена собиралась сообщить троянцам о пребывании в их городе узнанного ею Одиссея, как только он окажется в безопасности. Ей вовсе незачем было компрометировать себя перед троянцами, оказав услугу врагу и потом поведав об этом.

Ст. 256. *...о замысле хитром...* – т.е. о деревянном коне.

Ст. 262. *Вольно...* – Неудачное добавление Жуковского, противоречащее его собственному переводу *виной Афродиты* (ст. 261). В оригинале: "я оплакивала несчастье, которое принесла мне Афродита, когда увела меня сюда".

Ст. 274–279. Поведение Елены в этом случае трудно примирить с покровительством, которое она незадолго до того оказала Одиссею, и с ее собственными высказываниями выше, почему Менелай и объясняет его вмешательством некоего божества, враждебного ахейцам.

Ст. 279 считали интерполяцией уже античные филологи, называя это подражание голосам "очень смешным и невозможным": откуда Елена могла знать голоса жен "всех ахейцев" (так в оригинале), и как могли бы сами ахейские вожди поверить, что их жены оказались в Трое? Соответственно, *возлюбленных* и *знакомые слышались звуки* (ст. 281) – добавление Жуковского. В оригинале: "однако я, и сын Тидея, и божественный Одиссей, сидя внутри, услышали, как ты нас выкликала" (ст. 280 сл.).

Ст. 285–289 (в переводе от слов: *остальные ж*, конец ст. 284) отсутствовали в большинстве античных изданий и были исключены Аристархом. В пользу атетезы говорят следующие соображения: (1) по содержанию ст. 285–288 повторяют ст. 280–284; (2) ст. 285 сл. противоречат ст. 282 сл.; (3) некий Антикл (286; в переводе дана параллельная форма его имени *Антиклес*) нигде раньше в поэме назван не был, между тем как здесь – вопреки эпической технике – упоминается как лицо известное. Если даже имя Антикла встречалось, как сообщают схолии, в какой-то киклической поэме, автор "Одиссеи" должен был считаться с ходом собственного изложения.

Ст. 297–300 = 7. 336–339.

Ст. 300 ...*из столовой...* – Правильнее: “из зала”, где происходит всегда прием гостей, совместные трапезы и т.п.

Ст. 305. ...*покрытой одеждою длинной.* – Перевод может создать впечатление, что речь идет об одеяле, которым укрылась Елена. В оригинале прилагательное τανύπεπλος “длинноодежная”, постоянный эпитет знатных женщин, правильно переведенный в кн. 12. 375 (“длинноодежная дева”).

Ст. 306–310 = 2. 1–5.

Ст. 312–314. *Что побудило тебя?* – Вопрос может показаться несколько запоздалым, только если не учитывать специфики эпического этикета. См. выше примеч. к ст. 163–167.

Ст. 315. *Возлюбленный* – напрасная замена в переводе постоянного эпитета Телемаха “рассудительный”.

Ст. 322–331 = 3. 92–101. См. примеч.

Ст. 333–350 = 17. 124–141.

Ст. 336. *Птенцов* – т.е. детенышей.

Ст. 343. *Филомелид* – персонаж, более нигде (кроме повторяющегося ст. 17.134) не встречающийся. По объяснению византийских комментаторов, царь на острове Лесбос, принуждавший путников вступать с ним в состязание в борьбе.

Ст. 345 л. = 1. 261 сл.

Ст. 351 вводит рассказ о пребывании Менелая в Египте, присоединяя его, таким образом, к словам Нестора в кн. 3. 300–302.

Ст. 352. ...*обещанной я не свершил экатомбы...* – т.е. перед отплытием из-под Трои. Ср. 3. 141–145; 4. 472–480.

Ст. 353 вызывал подозрение уже у античных филологов, отчасти из-за неясности словесного выражения, отчасти потому, что нигде ничего не говорилось о каких-либо обетах, не исполненных Менелаем (в оригинале речь идет об указаниях богов).

Ст. 356 сл. *Он... на таком расстояньи, какое удобно В день... корабль пробегает.* – Сильное преувеличение (ср. 3. 322 и примеч.). Длина дамбы, соединившей впоследствии Фарос с материком, составляла 7 стадиев, т.е. около 1150 м.

Ст. 359. ...*суда, запасенные темной водою.* – Стих, непонятный в переводе. В оригинале: “корабли, черпающие черную воду”, т.е. поднимающуюся из глубины моря, куда не проникает дневной свет.

Ст. 365. ...*старца морского...* – Протея (ст. 385). *Идофея* – откуда Менелай знает ее имя и чем вызвана ее благосклонность, остается неясным. Впрочем, немотивированная помощь доброй волшебницы – обычный сказочный ход. Ср. ниже расположение Левкофеи к Одиссею, 5. 339–353.

Ст. 369. ...*Голод терзал их.* – Эпические герои питаются исключительно жареным мясом; только голод может заставить их употреблять в пищу рыбу. Ср. 12. 331 сл.

Ст. 370. *С ласковым видом...* – Добавление переводчика, предупреждающее рассказ о полезном совете, который Эйдофея дала Менелаю (ст. 383–424).

Ст. 389 сл. = 10. 539 сл.

Ст. 404. *Алозидна* – в оригинале это не имя морского божества, а определение ἁλοσύδνη “морская” (от ἅλς “море”, ἅλιος “морской”). Возможно, имеется в виду Амфитрита. В Ил. XX. 207 этот эпитет прилагается к Фетиде.

Ст. 412. ...*сочтя по пяти...* – т.е. по числу пальцев на руке. Ср. 16. 245, где названы числа 10 и 20, тоже кратные пяти.

Ст. 417. *Разные виды... принимать...* – Способность к перевоплощению – сказочный мотив; особенно часто ею наделяются водные божества. Ср. в греческой мифологии превращения речного бога Ахелоя во время борьбы с Гераклом. См.: Овидий. *Метам.* IX. 1–88.

Ст. 440. ...*Кожами сверху покрыв нас...* – Укрытие Одиссея и его спутников под тюлень-

ими шкурами – реликт распространенного фольклорного мотива, предполагающего маскировку человека под какое-нибудь животное: слона, медведя, барашка и даже черепаху.

Ст. 445 сл. *...ноздри амврозией... помазав: Был... запах чудовищ... уничтожен.* – В недавно обнаруженном папирусном отрывке из неизвестной ранее эпической поэмы "Меропида" Афина с той же целью окропляет амброзией шкуру, содранную ею с неуязвимого для людей великана Астера.

Ст. 455. *...Не забыл чародейства...* – Собственно: "коварного искусства". То же – в ст. 460.

Ст. 466 сл. = 373 сл.

Ст. 468–470 = 379–381.

Ст. 477. *...потоку Египту...* – т.е. река Нил, название которого у Гомера не встречается.

Ст. 483. *...продолжительнотрудным путем...* – См. ст. 357 и примеч.

Ст. 499–511. См. СМС: Аякс Оилеид. *Гирейская скала* – вероятно, недалеко от острова Миконоса, где впоследствии показывали могилу Аякса Оилеида. Тогда выходит, что буря отнесла его далеко на юг. Ст. 511, по свидетельству схолиастов, отсутствовал в античных рукописях и был внесен в текст, вероятно, после Аристарха.

Ст. 512–537. – См. СМС: Агамемнон.

Ст. 514. *...ввиду неприступных утесов Маллеи...* – Агамемнону незачем было плыть к Малее, т.е. к самой южной оконечности Пелопоннеса, чтобы попасть в Микены. Стало быть, либо надо допустить, что бурей его отнесло далеко к югу; либо, что автор не совсем отчетливо представлял себе местоположение Микен; либо, что в это описание вмещалась какая-то малоизвестная нам версия о встрече Агамемнона с Эгисфом (ст. 518).

Ст. 520. *...проводил он.* – Добавление переводчика.

Ст. 538–541. – Ср. 10. 496–499.

Ст. 553 был отвергнут еще в античности как ненужное добавление после ответа Протея в ст. 498 и вопроса в ст. 552. *Говоришь ты* (ст. 552) – добавление переводчика, впрочем, вполне допустимое, так как Менелай повторяет слова Протея: 552 = 498.

Ст. 557–560 = 5. 14–17 = 17. 143–146. В кн. 4 подготавливается таким образом переход к кн. 5.

Ст. 561. *...приготовили боги иное...* – Далее речь идет об Элисийской равнине (в переводе: *Елисейские поля*) – земле, находящейся далеко на Западе, за Океаном (ср. ст. 567), где, по Гесиоду, *ТиД*, 161–172, обитают, избегая смерти, любимцы богов.

Ст. 569. *Супруг Елены* и поэтому *зять Зевса* – Менелай.

Ст. 570–576 почти целиком повторяют ст. 425–431.

Ст. 582 сл. Одинаковое завершение стихов не имеет аналогии в оригинале.

Ст. 584 сл. *Холм гробовой... я насыпал...* – См. 1. 287 и примеч.

Ст. 585 сл. = 17. 148 сл.

Ст. 590. *Трех быстроногих коней...* – т.е. пару, составляющую упряжку, и одного пристяжного.

Ст. 597. *Так несказанно... пленяют...* – В оригинале: "ужасно услаждаюсь" – любопытное сочетание наречия с негативным значением и глагола – с позитивным. Ср. по-русски: "ужасно любит".

Ст. 599. *...желаешь, чтоб здесь я промедлил.* – Несмотря на свой отказ, Телемах пробудет в Спарте еще месяц (см. в Примеч. вступительную заметку к кн. 1–4).

Ст. 602 сл. *...владеешь землею Тучных равнин...* – По греческим масштабам, земля в долине Еврота, где расположена Спарта, или в Элиде (см. ст. 635), и впрямь широкая (εὐρύχορος) равнина, хотя в абсолютном измерении она не превышает в ширину 1,5 км.

Ст. 603. *Лотос* – здесь не дерево со сладкими плодами, как ниже, 9. 93 сл., а кормовое растение типа донника или клевера. *Галгант* – кипер, сыть.

Ст. 605. *...ни широких полей...* – В оригинале: "широких дорог (δρόμοι)".

Ст. 610. *...щеки ему потрепавши рукою...* – перевод, предполагающий некую фривольность в обращении (ср. 5. 181). В оригинале: "проведя рукой ⟨от головы до плеча⟩".

Ст. 613–619 = 15. 113–119 (см., однако, примеч.). В переводе Жуковский, не считая, по-видимому, полное повторение обязательным, заменил в ст. 114 будущее время на прошедшее ("выбрал тебе").

Ст. 615 сл. *...эта кратера вся из сребра, но края золотые...* – Так же характеризуется корзина для шерсти, которой пользуется Елена, см. выше, ст. 131 сл.

Ст. 617 сл. *Федим* – говорящее имя: "сияющий", "сверкающий". *Царь сидонян...* – См. выше, ст. 84.

Ст. 620 + 625–627 = 17. 166–169.

Ст. 622 сл. *Коз и овец приведя...* – Речь идет о совместной трапезе, пире в складчину. Может быть, автор слышал что-нибудь об известных в историческое время совместных трапезах (сисситиях) в Спарте. *Хлеб же прислали их жены*, на пирах не присутствующие.

Ст. 625. *Тою порой...* – Действие переносится на Итаку.

Ст. 628 сл. = 21. 186 сл.

Ст. 644. *Наемники* – феты, юридически свободные, но бедные люди, нанимавшиеся работать к богатым землевладельцам.

Ст. 647. *...произвольно...* – Точнее: "добровольно".

Ст. 661 сл. – В оригинале это самостоятельный период, который Аристарх исключал из текста, считая его не слишком уместным заимствованием из Ил. I. 103 сл.

Ст. 663 сл. почти = 16. 346 сл.

Ст. 681 *...женихами... благородными...* – Оценка дается по происхождению, не по моральным качествам. См. 2. 209, где употреблено то же самое прилагательное ἀγαθοί. В "Илиаде" оно характеризует царей и героев. Здесь, впрочем, в устах Пенелопы не исключен иронический подтекст.

Ст. 689–693. – Ср. образ идеального царя в кн. 2. 230–234.

Ст. 701 сл. = 5. 19 сл.

Ст. 722. *Слушайте, милые...* – Стоящее в оригинале обращение φίλαι характеризует не столько доброе отношение Пенелопы к своим рабыням, сколько их принадлежность ей, и ближе по значению к притяжательному местоимению "мои".

Ст. 729. *О вы, безумные...* – Точнее: "негодные!"

Ст. 743. *Свет наш, царица...* – В оригинале νύμφα φίλη. Словом νύμφη обозначали обычно молодую женщину, недавно вышедшую замуж. К Пенелопе оно здесь не очень подходит. Поскольку, однако, Евриклее, вынянчившей самого Одиссея, его жена годится в дочери, здесь вернее всего было бы перевести: "дитя мое!", "дочь моя!".

Ст. 748 сл. = 2. 375 сл.

Ст. 750 сл. = 17. 48 сл.

Ст. 756. *Аркесиад* – Лаэрт (см. 14. 183; 16. 118).

Ст. 759 сл. – Ср. 750 сл.

Ст. 762. *...непорочная...* – В оригинале: "неутомимая". Гнедич в "Илиаде" перевел "необорная". Эпитет ἀτρυτώνη сопровождает только имя Афины.

Ст. 768. – См. 1. 361 и примеч.

Ст. 771–773. *Приготовлено... было готово.* – Игра слов восходит к оригиналу.

Ст. 772 сл. = 13. 170 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 780–783 + 785 почти = 8. 51–55. Ст. 783, как и 8. 54, был отвергнут еще в древности, так как мачту поднимают и паруса натягивают, когда корабль уже вышел из гавани и дует попутный ветер.

Ст. 785. *...отведя на открытое взморье...* – В оригинале: "отведя корабль к крайней оконечности бухты", где женихи и ожидают наступления вечера, когда с суши подует попутный ветер. Днем в греческих морях во время мореходного сезона ветер дует со свежего моря

на раскаленную землю, и, чтобы выйти из гавани, надо браться за весла. Соответственно в оригинале сказано, что женихи "стали ужинать, сойдя с корабля".

Ст. 796. *Призрак* – т.е. образ, являющийся во сне.

Ст. 802. *...ремня у задвижки не тронув...* – В оригинале: "вдоль ремня задвижки" (см. 1. 438 и примеч.), т.е. соответствует русскому "через замочную скважину" (ср. ст. 838, переведенный правильно). *Бесплотный* – добавление переводчика.

Ст. 824. *Темный призрак...* – Точнее: "окутанный туманом", "плохо различимый".

Ст. 831. *Если ты вправду богиня* – Трудный для понимания стих. Пенелопа не может принять свою сестру за богиню, но может предполагать, что в ее облике явилось некое божество. Поэтому *вправду* в переводе – излишнее. *Слышала голос богини...* – несомненно, Афины (ст. 828 сл.).

Ст. 832. *...И его... участь.* – т.е. Одиссея.

Ст. 844. *...утесистый остров...* – См. 9. 25 и примеч.

КНИГИ ПЯТАЯ – ДВЕНАДЦАТАЯ

Эти восемь книг с необходимым прибавлением к ним ст. 1–186 из кн. 13-й составляют второй из трех крупных блоков, на которые делится "Одиссея". Его началом служит новое собрание богов в кн. 5. 1–42, концом – возвращение корабля феаков, доставившего Одиссея на Итаку[4]. В начале этого блока мы впервые знакомимся с Одиссеем, появление которого было достаточно хорошо подготовлено в кн. 3 и 4. Из двух наиболее часто применяемых к Одиссею определений, "многострадальный" и "многоумный" или "хитроумный", во втором блоке всестороннее подтверждение получает первое из них: некогда могучий герой, "разоритель городов", представлен в нем беспомощной игрушкой в руках богов и во власти стихий. Тем более впечатляющим станет во второй части поэмы обретение им своего героического статуса.

В начале второго комплекса Одиссей покидает остров Калипсо. Пребывание на нем означало полное выключение героя из реального мира, в котором только немногие не считают его безвозвратно погибшим. В конце этого комплекса Одиссей покидает остров феаков, тоже достаточно удаленный от реального мира, но с тем, чтобы в этот мир вернуться и занять в нем принадлежащее ему место.

Как и Телемахия, второй блок делится в свою очередь на две, неравные по объему половины; правда, различие между ними по величине не столь значительно, как там. Если исходить из числа стихов, составляющих традиционный текст, то в кн. 5–8 мы насчитаем 1757 стихов, в кн. 9–12 + 13. 1–186 – 2419, т.е. вторая часть больше первой примерно на одну треть. (Если изъять из подсчета стихи, которые, как в кн. 11, скорее всего, являются позднейшими вставками, то возникнет другое соотношение: в первой половине блока окажется около 1720 стихов, во второй – около 2250). Между двумя половинами нет столь заметной разделительной черты, как в первом блоке (ночь – рассвет). Скорее, наоборот, кн. 9 начинается со слов, прямо примыкающих к концу кн. 8: "Отвечая ему, сказал..." По содержанию, однако, обе половины второго блока прямо противоположны.

В кн. 5–8 действие движется в поступательном направлении к конечной цели – возвращению Одиссея на родину (решение богов, посещение Гермесом острова Огигии, строительство плота, обещание Алкиноя, снаряжение корабля феаков). Не лишено основания наблюдение над последовательностью событий в этих книгах, которая предвещает аналогичное развитие действия в 3-м блоке. Сравним: Одиссей пробуждается в незнакомой земле (6. 119–121 = 13.

---

[4] Граница между 12. 453 и 13. 1 проведена при разделении текста "Одиссеи" на книги без учета того обстоятельства, что по содержанию 13. 1–186 тесно примыкает к предыдущим стихам.

200–202); с просьбой о помощи он обращается к первой встреченной им девушке (6. 175–178) или к юному пастуху (13. 228–235); по их совету он ищет приюта во дворце Алкиноя (6. 295–303) или в доме Евмея (13. 404–411); следует описание дворца (7. 84–102) или хижины Евмея (14. 6–12). В дальнейшем в 3-м блоке события описываются значительно подробнее, но прообразом рассказа Одиссея у Евмея можно считать его же ответ на вопросы Ареты (7. 240–286), а метание диска у феаков (8. 185–199) сопоставить с дракой с Иром (18. 90–110).

В кн. 9–12 наступает ретардация: повествование возвращается к началу странствий Одиссея и завершается тем, с чего он начал свое пребывание во дворце Алкиноя (ср. 7. 244–266 и 12. 447–453). Этот прием Vorgeschichte, вложенной в уста героя, не только говорит сам по себе о достаточно изысканном мастерстве создателя поэмы, но и открывает перед ним новые возможности. Рассказ от первого лица позволяет изложить историю странствий Одиссея значительно подробнее, чем это мог сделать в небольшом отступлении сам эпический автор. В кн. 3. 162–164 Нестор сообщает, как Одиссей, собравшийся было отплыть из-под Трои вместе с ним и Менелаем, возвращается обратно. Одиссей свой рассказ перед феаками начинает с окончательного расставания с Троей (9. 37 сл.). Таким образом, воспоминания Одиссея заполняют промежуток во времени между действием "Илиады" и "Одиссеи", создавая преемственность в изложении сказания. Вместе с тем они вводят в поэму новый, фольклорный материал, который в 8 в., в эпоху Великой колонизации, являлся для слушателей более актуальным, чем в период оформления героического эпоса. Кн. 9–12 выполняют еще одну важную функцию: они объясняют, каким образом Одиссей в результате поочередно обрушившихся на него бедствий потерял все корабли и всех своих спутников и оказался один на один перед лицом новых испытаний.

В заключение следует предостеречь читателя от попыток искать на географической карте все те места (кроме земли киконов, см. 9. 39 и примеч.), которые пришлось посетить Одиссею во время его странствий. Такие попытки делались еще древними (см. 10. 25 сл., 81, 135 и примеч.; 12. 72, 262 и примеч.), не отстают от них и некоторые современные исследователи. Так, для одного лишь острова феаков было предложено не менее 15 идентификаций, включая Палестину и Киренаику (Ливию), Тунис и Шотландию, Западную Италию и Андалузию, не говоря уже о доброй полудюжине островов. Царство феаков искали в Сицилии, на Мальте, Крите, Кипре, Фере (Санторине) и даже на далеком северном Гельголанде. Ясно, что применительно к сказочной атмосфере кн. 9–12 все эти поиски имеют еще меньше шансов на успех.

КНИГА ПЯТАЯ

Грот Калипсо. Плот Одиссея

Ст. 3. *Боги... собрались на великий совет...* – См. вступительную заметку к кн. 1–4. Так как Гермес может отправиться к Калипсо только после того как будет окончен рассказ о пребывании Телемаха в Спарте, т.е. на шестой день после первого собрания богов, автору приходится возобновить эту картину в сознании слушателей.

Ст. 8–12 = 2. 230–234.

Ст. 11. *Если могли вы забыть Одиссея...* – Точнее: "судя по тому, что никто из народа не помнит божественного Одиссея". Перевод Жуковского, вполне соответствующий смыслу оригинала в кн. 2, здесь приводит к нелепице: Афина вовсе не упрекает богов в том, что они забыли Одиссея, а воспроизводит ситуацию, сложившуюся на Итаке.

Ст. 14. *Калипсо* – в этом образе соединяются два сказочных мотива. (1) Волшебница, долго удерживающая у себя героя, вдруг неожиданно для него (здесь это обосновывается волей Зевса) позволяет ее покинуть и оказывает ему необходимую помощь. (2) Настолько длитель-

ное исчезновение героя (имя Калипсо ассоциировалось у греков с глаголом καλύπτω "укрывать", "скрывать"), что его считают погибшим. С этой точки зрения не лишено смысла отождествление острова Огигии с подземным миром (см. примеч. к ст. 64). В сюжетном же плане длительное пребывание Одиссея вдали от дома необходимо для того, чтобы успел подрасти Телемах.

Ст. 14–17 = 4. 557–560 = 17. 143–146. В кн. 5 Афина повторяет слова Протея, как в кн. 17 их будет повторять Телемах.

Ст. 16 сл. = 141 сл.

Ст. 18. *...хотят умертвить Телемака...* – См. 4. 660–674, 768–786, 842–847.

Ст. 19 сл. = 4. 701 сл.

Ст. 21 сл. = 1. 63 сл.

Ст. 23 сл. = 24. 479 сл.

Ст. 29 сл. *Эрмий, наш вестник... Ныне лети объявить...* – Только здесь Зевс дает поручение Гермесу; см. примеч. к ст. 3.

Ст. 30 сл. = 1. 86 сл. с заменой формы глагола.

Ст. 32. *...без участия свыше...* – Не вполне точное предсказание, так как в самый критический момент Одиссею все-таки поможет морская богиня Левкофея (ниже, ст. 333–353), а потом – Афина (ст. 382–387).

Ст. 33–42. Эти слова предназначены не для передачи их Калипсо, а для успокоения Афины, почему Гермес и не повторяет их перед Калипсо. *В день двадцатый...* (ст. 34) – См. 6. 170.

Ст. 35 сл. = 19. 279 сл. с заменой времени глагола.

Ст. 36–38 = 23. 339–341 с заменой времени глагола.

Ст. 38–40 = 13. 136–138.

Ст. 44–46 = 1. 96–98. См. примеч. к ст. 99.

Ст. 47 сл. почти равен 24. 3 сл.

Ст. 51. *...рыболовом...* – В оригинале: "чайкой".

Ст. 55. Остров Калипсо, в изображении автора, находится далеко на западе, будучи отделен от материка огромным водным пространством (см. ниже, ст. 100–102, 174–176). Для его преодоления на плоту Одиссею потребуется 17 дней (см. ст. 278).

Ст. 57. *...светлокудрявой...* – Собственно: "с волосами, лежащими завитками" (εὐπλόκαμος), частый эпитет богинь и смертных женщин.

Ст. 60. *...и дерева жизни...* – В оригинале речь идет о дереве, которое в античности сближали с туей или пирамидальным кипарисом. Благодаря приятному запаху при сгорании оно использовалось для курений (ср. ст. 64).

Ст. 62. *...сидя... за узорной тканью.* – Ткацкий станок стоял у греков вертикально, и женщина передвигалась от одной его стороны к другой. В оригинале сказано: "расхаживая перед станком". Тот же случай – 7. 105; 10. 222; 13. 108. Правильно переведено у Гнедича: "ткальный стан обходя" (Ил. I. 31).

Ст. 64. *Тополи, ольхи... кипарисы...* – На острове Калипсо преобладают деревья и растения, связанные с культом мертвых: черный тополь, ольха (ср. ст. 239), кипарис, фиалка (ст. 72). *...лиющие дух...* – разогревшись на солнце, они издают приятный запах.

Ст. 72. *...и злаков...* – В оригинале: "сельдерея".

Ст. 74–76. *...изумился... изумлен... с изумленьем...* – Тавтология в переводе соответствует оригиналу.

Ст. 79. *Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги...* – Образ Калипсо далек от круга Олимпийских божеств. Поэтому автор, сводя ее с Гермесом, считает нужным мотивировать их знакомство.

Ст. 83 сл. = 157 сл. Однако ст. 157 отсутствует в части рукописей или приписан на полях, а ст. 84 еще в древности считали позднейшей вставкой. И в самом деле, δάκρυσι в 83 (=157) и δάκρυα в 84 (=158) создают ненужную тавтологию.

Ст. 86. *...с любопытством...* – Добавление переводчика.

Ст. 91. *Прежде, однако...* – Стих равен Ил. XVIII. 387, где его начало переведено точнее Гнедичем: "Но войди ты в чертог..." Поскольку в "Одиссее" Калипсо уже успела усадить Гермеса в кресло (ст. 85), то приглашение войти звучит странно. Поэтому ст. 91, отсутствующий во многих рукописях, не без основания считают интерполяцией.

Ст. 93. *...Амврозия, нектар* – бестелесная пища богов.

Ст. 99. *...не сам произвольно сюда прилетел я...* – В оригинале Гермес выражается более определенно ("Зевс повелел мне, не желавшему этого, отправиться сюда"), чтобы снять с себя ответственность за горе, которое он причиняет Калипсо. Ср. ст. 103. Деликатность Гермеса проявляется и в том, что он не называет Одиссея по имени.

Ст. 108. *...при отплытии... раздражили Афину...* – См. 3. 133–135 и примеч. В оригинале: "при возвращении", хотя и это не очень точно: богохульство Аякса имело место до отплытия из-под Трои.

Ст. 110 сл. = 133 сл., где эти слова более уместны в речи Калипсо. Поэтому ст. 110 сл. были заподозрены в неподлинности еще античными филологами. Современные исследователи подвергают их сомнению по другой причине: при нынешенм составе текста получается, что скитания Одиссея являются таким же результатом гнева Афины, как и богохульство Аякса.

Ст. 112. *Требуют боги...* – В оригинале: "он (т.е. Зевс) требует".

Ст. 113 сл. *...ему не судьба... Воля судьбы...* – В оригинале употреблены оба слова, обозначающие долю смертного: αἶσα и μοῖρα, чтобы усилить требование, предъявляемое к Калипсо.

Ст. 114 сл. = 41 сл. с различием в 1-й стопе.

Ст. 118. *...ревнивые...* – Собственно: "жестокие" (σχέτλιοι).

Ст. 112 сл. *Гнали... Гнали...* – Анафоре перевода нет соответствия в оригинале.

Ст. 123. Внезапная смерть мужчины от стрелы *Артемиды* (а не Аполлона) – редкий случай. Ср. 3. 280 и примеч.

Ст. 127. *На поле, три раза вспаханном...* – Культовый брак Деметры и Ясиона означал засев полей, который у греков производился после третьей вспашки.

Ст. 131–133 = 7. 249–251.

Ст. 136. *...дать и бессмертье... и младость.* – Очевидно, позволив ему вкушать некар и амброзию.

Ст. 137 сл. = 103 сл.

Ст. 139 сл. *Пусть он... Морю... предастся...* – В оригинале сказано сильнее: "пусть он пропадет на море".

Ст. 141 сл. = 16 сл. = 4. 559 сл.

Ст. 146. *Волю Зевса уважив...* – В оригинале опять более сильное выражение: "страшась Зевсова гнева".

Ст. 155. *...желанью ее непокорный...* – Здесь перевод усиливает оригинал, где сказано: "проводил ночи, не желая того".

Ст. 157. – См. ст. 83 сл. и примеч.

Ст. 161. *...тебя отпустить... хочу я.* – Калипсо вовсе не хочет отпускать Одиссея. В оригинале она говорит: "тебя я отпущу".

Ст. 163. *...утверди ты перила...* – В оригинале сказано: "сколоти сверху палубу" (см. ст. 253), причем имеется в виду настил над частью плота, чтобы убирать под него припасы и тем спасти их, если плот будет заливать водой.

Ст. 177. *...Ненадежный...* – Добавление переводчика, может быть, и оправданное предыдущими стихами, но входящее в противоречие со ст. 243–257.

Ст. 178 сл. = 10. 343 сл.

Ст. 181. – См. 4. 610 и примеч.

Ст. 184. *Но я клянусь...* – Калипсо призывает в свидетели все, что есть на небе, на земле и под землей. Нарушение такой клятвы каралось, согласно Гесиоду (*Теог.* 793–806), отлучением на один год от употребления нектара и амброзии с последующим исключением на 9 лет из общества богов.

Ст. 191. *...горячее, нежное сердце.* – Преувеличение переводчика. В оригинале: "милостивое", "склонное к состраданию".

Ст. 192 сл. – См. 2. 405 сл. и примеч.

Ст. 215. *...светлая нимфа...* – В оригинале "почтенная богиня".

Ст. 221. *Если же кто из богов...* – Одиссей остерегается называть по имени Посидона, гнева которого он имеет основание опасаться (ср. ниже, ст. 423, 446; 7. 271; 11. 101–103).

Ст. 229. *...облекся в хитон и хламиду.* – См. 1. 433 и примеч.; 3. 467.

Ст. 230. *Риза* – в оригинале здесь, как и в 3. 467, φᾶρος – собственно, большой кусок материи, набрасываемый в качестве верхней одежды. В кн. 3 этот "плащ" обозначает хламиду, которую надевает Телемах, здесь – женское покрывало. *Светлосеребряная* – в оригинале не более, чем "ослепительно белая", т.е. из хорошо отбеленной льняной ткани.

Ст. 230–232 = 10. 543–545.

Ст. 235. *...с обеих сторон изощренный...* – Имеется в виду либо двулезвейная секира, либо треугольный в плане топор.

Ст. 253. *В гладкую палубу сбил...* – перевод неточен. В оригинале сказано: "установил палубу, укрепив ее частыми ⟨наклонно стоящими⟩ брусьями; затем под конец обшил ⟨плот по бортам⟩ длинными досками".

Ст. 256 сл. *...из... Сучьев...* – Дополнение переводчика (как можно сплести сучья?). В оригинале сказано: "ивовым плетнем".

Ст. 259. *И, устроивши парус...* – В оригинале в следующем стихе перечисляются все канаты, которые наладил Одиссей (по современной терминологии: брасы, фалы и шкот), привязав к ним паруса. Жуковский заменил эти детали фразой: *чтоб его развивать и свивать* (ст. 260), тем самым обеднив описание плота Одиссея, который скорее походил на хорошо оснащенный корабль.

Ст. 264. *Баней его освежив...* – т.е. омыв его. См. 3. 464–466 и примеч. Об омовении перед дорогой см. также 8. 449–454.

Ст. 270–277. Одиссей плывет с запада на восток, так что созвездие Большой *Медведицы* остается слева. *Воот* (Арктур) появляется на небе перед восходом солнца в середине сентября, к которому, следовательно, автор "Одиссеи" приурочивает плавание своего героя (ср. ниже, ст. 467–469). Однако Медведица не *свершает круг свой близ Ориона*, а "следит за Орионом", "остерегается" его (так в оригинале здесь и в "Илиаде", где XVIII. 487–489 буквально совпадают с кн. 5. 273–275) и поэтому во время его восхождения обращена к нему головой. С мифологической точки зрения, Медведица остерегается гиганта-охотника Ориона (ср. 11. 572–574). *Свершающей* круг соответствует в оригинале "вращающаяся на одном и том же месте", т.е. вокруг полюса. *...себя... не купая в водах океана.* – Не заходя за горизонт.

Ст. 271. *...сон не спускался...* – Не следует понимать буквально. Одиссей не мог спать ночью, когда надо было выверять путь по звездам, но мог позволить себе поспать несколько часов днем, направив паруса по ветру.

Ст. 278 сл. = 7. 267 сл.

Ст. 282 сл. *...покинув Край эфиопян...* – См. 1. 22–25. Посидон должен был гостить у восточных эфиопов, так как Солимские высоты локализуются в Малой Азии, на восточном побережье Ликии.

Ст. 295 сл. *Эвр, Нот, Зефир, Борей* – перечисление ветров, дующих со всех четырех сторон света, должно дать представление о силе начавшейся бури.

Ст. 304. *Зевс... взбуровил... море...* – На самом деле, как мы знаем, бурю воздвиг Посидон, но персонажи "Одиссеи" часто приписывают Зевсу действия, совершаемые, согласно ав-

тору, другими богами. Впрочем, Зевса и Посидона как возбудителей бури называет вместе Гесиод (*ТиД*, 667–678).

Ст. 309 сл. О битве за тело Ахилла, в которой особенно отличились Одиссей и Аякс Теламонид, см. ниже, 24. 36–42.

Ст. 311. *С честью б я был погребен...* – См. 1. 233–235; 3. 204; 19. 333.

Ст. 326. *...избежав потопленья...* – В оригинале употреблена форма причастия настоящего времени: “избегая смертной кончины”: Одиссей не мог еще рассчитывать на окончательное спасение. *...на палубе сел...* – Добавление переводчика. В оригинале сказано: “ухватился за него”, т.е. за плот.

Ст. 334 сл. *...приветноречивая...* – Собственно: “одаренная речью”, “говорящая”, поскольку богиня явилась в облике морской птицы нырка. *После богиня...* – Не считая принятого в сонм богов Геракла (11. 601–604), превращение Ино в богиню – единственный у Гомера случай обожествления смертного.

Ст. 337 был заподозрен как вставка еще в древности, причем в качестве довода ссылались на ст. 353. Однако указание на исчезновение богини в ее териоморфном облике – недостаточное основание для исключения стиха, сообщающего о таком же ее появлении.

Ст. 338. *...Твердосколоченный...* – Добавление переводчика. Впрочем, несмотря на потерю мачт (ст. 316–318), Одиссей не спешит расстаться с плотом, пока “бревна удерживаются скрепами” (ст. 361).

Ст. 346. *Покрывало*, имеющее волшебную силу, – частый мотив в фольклоре мореплавателей. Как всякий талисман, его по миновании надобности следует немедленно вернуть давшему (см. ст. 348–350). *...глаза отвратив...* (ст. 350) – так как смертному не положено видеть, что случится дальше (ср. 10. 528).

Ст. 371. *...как конь, убежавший на волю...* – Не совсем точный перевод. В оригинале: “Одиссей забрался на одно бревно и поехал верхом, как на скаковом коне”, – деталь, известная также из египетского рассказа о потерпевшем кораблекрушение. Здесь она, однако, представляется рудиментом, потерявшим свое первоначальное значение, поскольку введен мотив волшебного покрывала. Вообще же верховая езда упоминается у Гомера только как особое искусство (ср. Ил. XV. 678–683); в остальных случаях и в бою, и в путешествии употребляются колесницы. Единственное исключение – там же. X. 513, 541, где описывается необычная ситуация, да и сама кн. X считается в “Илиаде” одной из поздних.

Ст. 378. *Люди, любезные Зевсу...* – Точнее: “вскормленные Зевсом”, т.е. цари феаков (см. 6. 54 и примеч.).

Ст. 384 сл. *Позволила только Борею Бурно свирепствовать...* – По-видимому, буря отнесла Одиссея сильно к северу, и поэт представляет себе теперь его путь как идущий с севера на юг. Поэтому Борей для него благоприятен. Кроме того, Афина успокаивает волны **перед** Одиссеем (у Жуковского это слово не переведено), облегчая ему плавание; до тех пор волны били его со всех сторон (ст. 295 сл.).

Ст. 388. *...два дня и две ночи...* – Этот срок соответствует словам Посидона в ст. 377 (“плавай, испытав множество бедствий”; в переводе смысл оригинала ослаблен: *плавай на свободе*), но плохо вяжется с благодетельным вмешательством Афины.

Ст. 390. *...лучезарнокудрявая...* – В оригинале тот же эпитет ἐϋπλόκαμος, что и в ст. 57 (см. примеч.).

Ст. 391. *Вдруг успокоилась буря...* – Как видно из дальнейшего, на долю Одиссея еще выпадет достаточно трудностей, прежде чем он сумеет выбраться на берег. См. 402, 411 сл., 425, 435, 451 сл.: только здесь речной бог “сдержал волну и навел впереди него (Одиссея) тишь на море (γαλήνη)”, уже упомянутую несколько преждевременно в ст. 391.

Ст. 406 сл. = 297 сл.

Ст. 411 сл. *...расшибаяся, блещут...* – Перевод, отчасти усиленный (*расшибаяся*), отчасти ослабленный против оригинала, где сказано: “кипя, ревут”.

Ст. 421. ...*демон враждебный...* – См. 2. 135 и примеч. Здесь, может быть, Посидон (ср. ст. 423).

Ст. 442 сл. почти = 7. 281 сл.

Ст. 466–469. Хотя плавание Одиссея в ст. 270–277 приурочено к середине сентября, оно чаще представляется происходящим в более позднюю пору, когда ночи особенно длинны, а по утрам и вечерам холодно. См.: 11. 373; 14. 457; 15. 392; 17. 24 сл., 191, 572 сл.; 19. 64.

Ст. 478–480 + 483 = 19. 440–443.

Ст. 490. ...*Безопасно от злого пожара...* – В оригинале сказано: "чтобы не пришлось ему разжигать огонь, ⟨принеся⟩ откуда-нибудь из другого места".

КНИГА ШЕСТАЯ

Прибытие Одиссея к феакам

Ст. 4. ...*издавна... в земле Иперейской...* – т.е. в не определяемой точнее стране "поверх" (ὑπέρ) феаков, на севере, откуда они переселились южнее, на Схерию. *Издавна* – неточный перевод. В оригинале: "некогда раньше".

Ст. 8. ...*далеко от людей...* – Собственно: "за пределами" известного мира (ср. ст. 204), чем подчеркивается такая же удаленность Схерии от реальности, как и Калипсо на ее острове.

Ст. 10. ...*разделил их поля на участки.* – Раздел земли – существенный момент образования в Греции колоний, каким, собственно, и является в глазах аудитории поэта переселение феаков на Схерию. Такие же непременные элементы колонизации – возведение городских укреплений и строительство алтарей для почитания вывезенных из метрополии богов.

Ст. 12. *Алкиной* – см. СМС. ...*многоумием богу подобный.* – Точнее: "от богов наделенный многознанием".

Ст. 17. *Навзикая* – говорящее имя, от ναῦς "корабль" и, вероятно, глагола καίνυμαι "превосходить", "выделяться". См. 8. 111–115 и примеч.

Ст. 20. *Светлые двери* – "сияющие", "сверкающие", "блестящие", т.е. отполированные до блеска.

Ст. 26. ...*о светлых одеждах...* – В оригинале то же определение, что в предыдущем случае, с той разницей, что "сияющие" в применении к одеждам является их постоянным эпитетом, употребленным здесь пролептически: Навсикая еще должна постирать одежды, чтобы они засияли, как положено.

Ст. 37. *Дать колесницу и мулов...* – Собственно: четырехколесную (см. 9. 241) повозку (ἅμαξα), предназначенную для перевозки груза. В нее запрягали мулов, в отличие от боевой колесницы, в которую запрягали лошадей (ср. 18. 264).

Ст. 38. *Повязки* (ζῶστρα) схолиасты объясняют как "хитоны"; *покровы* – πέπλοι, т.е. женская одежда (см. примеч. к ст. 49).

Ст. 39. ...*то тебе неприлично...* – Преувеличенный перевод. В оригинале сказано: "и тебе так (т.е. на повозке) много лучше отправиться, чем пешком".

Ст. 43. ...*где ветры не дуют...* – Описание Олимпа близко здесь к изображению Елисейских полей в кн. 4. 566–568.

Ст. 49. *Светлоубранная* – собственно: "прекрасноодежная", εὔπεπλος, постоянный эпитет знатных женщин. Здесь употреблен пролептически: Навсикая еще не успела одеться.

Ст. 54. ...*владык многоумных...* – См. 8. 390 и примеч.

Ст. 57. *Милый...* – В оригинале: "милый папа" (πάππα), слово из лексикона детей, вполне подходящее к изображению идиллической обстановки в семье Алкиноя.

Ст. 63. *Два уж женаты*, но продолжают жить в отцовском доме. Ср. 3. 296; 10. 7–9, а также описание "большой семьи" Приама (Ил. VI. 241–250). Трое названы ниже как участники состязания в беге, 8. 118 сл.

Ст. 78. *...лакомства дать.* – В оригинале: "приятную пищу" (μενοεικέ' ἐδωδήν). Перевод, в котором одному дополнению соответствуют два (*еду* и *лакомства*), вызывает представление, что мать дала с собой Навсикае также сладости.

Ст. 84. *...молодые подруги...* – Добавление Жуковского, как и в ст. 99, 198. В оригинале везде, включая ст. 80, где переведено "рабыни", речь идет о служанках (ἀμφίπολοι). Другое дело, что при патриархальных нравах, царящих на Схерии, Навсикая ведет себя со служанками, как с подругами (см. ниже, ст. 96–111).

Ст. 89. *...по... брегу потока...* – т.е. той самой реки, в устье которой заплыл Одиссей.

Ст. 99. *...царевна...* – Поскольку Алкиной был только одним из двенадцати "царей" (басилевсов), автор "Одиссеи", как правило, называет Навсикаю не царевной, а девой. Исключения (6. 115, где βασίλεια надо перевести "владычица", и 6. 149, где Одиссей на всякий случай называет Навсикаю ἄνασσα, "госпожа", не зная, кто она такая) в переводе как раз отражения не нашли.

Ст. 101. *Песню же стала сама... петь* – Возможно и другое толкование: "заводила (зачинала) игру", вероятно, соединенную с танцем, как в кн. 8. 371–380: пляска с мячом. *Белорукая* – частый постоянный эпитет богинь, знатных женщин, но и служанок и даже рабынь, поскольку женское платье (пеплос) оставляло открытыми руки до плеча. См.: 6. 239; 18. 198; 19. 60.

Ст. 115 сл. *...в подружек...* – В оригинале – единственное число: Навсикая бросает мяч вверх, одна из девушек должна его поймать (см. 8. 372–377). *Он, отраженный Афиною...* – Дополнение Жуковского: непосредственного участия Афины в этом промахе нет, хотя он произошел, вероятно, не без ее замысла. Ср. ниже, 139 сл.

Ст. 119–121 = 13. 200–202; ст. 120 сл. = 9. 175 сл.

Ст. 129. *...обнаженное тело.* – В оригинале: "мужской член".

Ст. 148. *С словом приятноласкательным...* – В оригинале то же определение μειλίχιος ("сладостное", "любезное"), что и в ст. 143 и 146 (где оно переведено как "умиленное"), но соединенное с другим – κερδαλέος "умное", "обдуманное", "уместное".

Ст. 153. *...под властью судьбины...* – Преувеличение переводчика. В оригинале: "живущих на земле".

Ст. 159. *...одаренную веном богатым.* – Этот стих и в оригинале допускает различные толкования. Речь может идти в нем либо о подарках невесте со стороны жениха (ср. 13. 378 – в переводе не передано; 16. 391; 19. 529; 21. 161), либо о выплате выкупа ее отцу (ср. 15. 367), либо о приданом, которое дают за невестой (ср. 20. 335 и примеч.).

Ст. 162. *В Делосе... я...* – О посещении Одиссеем Делоса из других источников ничего не известно.

Ст. 164. *...храм...* – Дополнение переводчика. Названный выше *алтарь* расположен под открытым небом, в священном участке Аполлона. В оригинале сказано: "туда я прибыл".

Ст. 175. *...царевна...* – Здесь это обращение, исходящее от Одиссея, вовсе неуместно: он еще не знает, с кем имеет дело, и называет Навсикаю словом ἄνασσα "госпожа", обычно употребляемым применительно к богиням. Ср. 99 и примеч.

Ст. 189. *...без разбора по воле своей прихотливой.* – Перевод несколько снижает намечающееся в "Одиссее" изображение Зевса как блюстителя справедливости (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 3). В оригинале нет ни "без разбора", ни "прихотливой воли". Сказано лишь: "сам Зевс Олимпиец наделяет благополучием и благородных людей и людей низкого происхождения, ⟨давая⟩ каждому сколько хочет". Почему Зевс захочет давать благополучие людям низкого происхождения, – другой вопрос, но о его безразличии к их нравственным качествам речи здесь нет.

Ст. 192 сл. = 14. 510 сл.

Ст. 196. *...Благодушного...* – Точнее: "великодушного", частый эпитет героев.

Ст. 204 сл. *...на последних пределах Шумного моря...* – Точнее: "на море", "среди моря",

как в 4. 355. Феаки живут, как и Калипсо, на острове, но, по-видимому, в противоположной стороне света.

Ст. 207 сл. почти = 14. 57 сл. *Зевес посылает Нищих и странников* (точнее: чужеземцев), находящихся под его покровительством. Ср.: 9. 270 сл.; 13. 213; 14. 283 сл., 389; 16. 422. *...дар и убогий...* – Неточный перевод. Смысл оригинала: "подаяние, хоть и невелико, но от души".

Ст. 222. *Стыдно себя обнажить мне...* – Обычно это не считалось стыдом: см.: 3. 464–466 и примеч.

Ст. 230–235 = 23. 157–162. См. примеч.

Ст. 266. *...вкруг Посидонова храма...* – В оригинале сказано Ποσιδήϊον, что может быть понято и как храм (ср. 6. 10), и как алтарь, расположенный в священном участке Посидона (ср. ст. 164 сл.). Вероятно, агора (*площадь торговая*) примыкала к этому участку. Посидон особенно почитается феаками как их прародитель (7. 56).

Ст. 267. *...на... камнях огромных стоящего...* – В оригинале причастная конструкция относится к агоре, "укрепленной вкопанными камнями", т.е., как видно из кн. 8. 6, окруженной каменными сиденьями.

Ст. 280 сл. *Или какой... Бог низлетевший...* – Навсикая предполагает ироническое отношение к себе со стороны феаков.

Ст. 282. *Лучше б самой ей покинуть...* – В оригинале сказано: "вот и лучше, если она сама, отправившись (на поиски), нашла мужа на чужой стороне; ведь здешними она пренебрегает".

Ст. 287 сл. *...стала... она обращаться с мужчинами вольно.* – Перевод смягчает более сильное выражение оригинала: "имела общение".

Ст. 293. *Поместье* – т.е. участок (τέμενος), выделяемый гражданами царю в личную собственность. См. Ил. VI. 194 сл.; XIII. 310–314.

Ст. 303–305. *...двор перешедши...* – Пройдя через огороженный стеной двор, Одиссей вступит в *залу* (мегарон), где перед очагом он увидит мать Навсикаи. К ней он и должен подойти. *...к покоям царицы...* – Добавление Жуковского, создающего ситуацию, немыслимую в условиях древнегреческого общества, где доступ посторонним мужчинам на женскую половину (гинекей) был категорически запрещен. Ни о каких покоях Ареты ни здесь, ни далее речи нет. *Там*, тоже добавленное переводчиком, могло бы относиться только к мегарону.

Ст. 313–315 = 7. 75–77. Однако в первом случае стихи отсутствуют во многих рукописях и с полным правом считаются интерполяцией, внесенной сюда из кн. 7, где в наставлении Афины они гораздо более уместны. В ст. 312 Жуковский одним словом *чужеземцу* заменяет более сложный ход мысли оригинала: "...даже если бы ты был совсем издалека".

Ст. 325. *...молитве, тобою не внятой...* – Одиссей не знает, что Афина помогла ему, усмирив ветры (5. 382).

Ст. 330. *Мощного дяди...* – т.е. Посидона, брата Зевса.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Приход Одиссея к Алкиною

Ст. 9. *...из Эпира...* – Едва ли правильный перевод. В оригинале названа Апейра (Ἀπείρη, от прилагательного ἄπειρος "беспредельный") – мифическая страна, не находящая соответствия в реальной географии древнегреческого мира.

Ст. 20. *Скудель* – кувшин. В оригинале: "кальпида", сосуд для зачерпывания воды.

Ст. 23. *...обладатель...* – Преувеличенный перевод. В оригинале: "который владычествует над здешними людьми" как верховный царь наряду с еще двенадцатью. См. 8. 390 и примеч.

Ст. 32. *...иноземцев не любит народ наш...* – Эта не слишком благоприятная характеристика феаков вступает в явное противоречие с гостеприимством Алкиноя, который охотно помогает Одиссею вернуться на родину. К ст. 32 следует прибавить также 6. 274 и 8. 158–164. Указанному противоречию можно, вероятно, дать два объяснения. С одной стороны, недружелюбие феаков может явиться рудиментом древней версии, по которой Одиссею предстояло преодолеть в их земле новые трудности и пройти еще одно испытание. С другой стороны, в картину идеальной страны вкрапляются реалистические черты: в историческую эпоху в греческих полисах к иноземцам относились без особого почтения, о чем говорит необходимость для приезжего иметь в городе проксена, т.е. уважаемого человека, связанного с родиной чужеземца отношениями взаимного гостеприимства.

Ст. 37 сл. – см. 2. 405 сл. и примеч.

Ст. 50. *В сонме гостей...* – Правильнее: "вскормленных Зевсом царей".

Ст. 54 сл. *...от одних... Предков...* – В оригинале: τοκῆες, что означает скорее "родителей". В этом случае Арета приходится сестрой Алкиною, как среди богов Рея – Крону, Гера – Зевсу и т.п. Далее, однако, Арета названа племянницей Алкиноя (ст. 63–68) – более обычный случай в брачной практике греков. Следовательно, либо надо признать за словом τοκῆες значение "предки", либо предположить во второй родословной позднейшую вставку.

Ст. 59. *...властителем буйных гигантов...* – Поскольку у Гомера нет откликов на восстание гигантов против Зевса, то под гигантами, скорее всего, разумеются дикие люди, подобные циклопам (ср. ниже ст. 206 и 10. 120, где в оригинале названы не великаны, а гиганты).

Ст. 65. *...на пире вторичного брака...* – Неправильный перевод. В оригинале имеется в виду, что Аполлон сразил Рексенора, когда тот был недолго женат и еще не имел мужского потомства.

Ст. 67. *Так почитает её...* – Высокое положение Ареты в стране феаков отражает воспоминание о пережитках матриархата в культуре Крита.

Ст. 75–77 = 6. 313–315 (см. примеч.).

Ст. 81. *Эрехтей* – легендарный афинский царь (см. Ил. II. 546–551). До открытия в Афинах памятников крито-микенской эпохи считалось, что в то время Афины не играли заметной роли в истории Греции, и, следовательно, названные выше в обеих поэмах стихи являются поздней вставкой. Сейчас, однако, эта точка зрения подвергается сомнению, и в ст. 80 сл. видят указание на то, что к последней четверти 8 в. уже сложилось представление об Афинах как центре культа одноименной богини.

Ст. 86–90. *Медные стены* – т.е. покрытые пластинами из меди (бронзы). Так же точно двустворчатые *двери* были *не литыми из чистого злата*, а покрыты облицовкой из золота, как *притолки – из серебра*. *Лазоревая сталь* – сплав стекла и меди темно-голубого цвета, широко употреблявшийся в крито-микенскую эпоху. *Князь* – дверной косяк. *Медный порог* (83, 89; ср. 7. 4) – обычно только в описании домов богов.

Ст. 91 сл. *Две... собаки...* – т.е. по две (золотая и серебряная) с каждой стороны. Как создание Гефеста они мыслятся либо одушевленными, либо с заводом.

Ст. 96. *Лавки* – собственно: кресла с подлокотниками (θρόνοι). См. 5. 85.

Ст. 98. *...садилися чином...* – Понятие, отсутствовавшее в греческом быту и привнесенное Жуковским по образцу боярских собраний на Руси с их обычным местничеством.

Ст. 100. *...лики златые...* – В оригинале: "золотые юноши", т.е. статуи юношей со светильниками в руках.

Ст. 103–111 аналитическая критика считает позднейшей вставкой, так как упоминание о труде невольниц не имеет отношения к описанию дворца. К тому же в ст. 109 (*столь отличны их жены*) явно имеются в виду жены свободных феакийских граждан, хотя выше шла речь о рабынях.

Ст. 105. *...сидя...* – См. 5. 62 и примеч. В оригинале сказано: "другие же ткали и пряли, сидя..."

Ст. 112–132. Описание *сада* Алкиноя – один из составных элементов той сказочной картины, которую являл собой для слушателей "Одиссеи" волшебный остров феаков, где земля плодоносит *круглый год* (ст. 117; ср. различные стадии созревания винограда, протекающие одновременно, ст. 122–126). Сад состоит из трех частей: фруктовый, виноградник, огород. В оригинале описание каждой из них вводится наречием ἔνθα с частицей δέ (ст. 114, 122, 127: "а там...").

Ст. 115 сл. = 11.589 сл.

Ст. 117. *...и в холодную зиму, и в знойное лето...* – Перевод распространеннее оригинала, где сказано: "ни зимой, ни летом" не прекращается плодоношение. Зима и лето, – разумеется, только с точки зрения рассказчика.

Ст. 119. *Зефир* как западный ветер приносит обычно дожди и снег. Но у феаков и он – теплый.

Ст. 138. *...был всегда призываем последний.* – Так как Гермес (*убийца Аргуса*) считался подателем сна (см. 5. 47–49).

Ст. 144. *...могучего...* – Добавление переводчика. Участников пира удивило не телосложение Одиссея, а появление в конце зала человека, чей приход был ими не замечен.

Ст. 150. *...сан знаменитый.* – Модернизм переводчика. В оригинале: γέρας – "почетная доля", "почетная должность".

Ст. 153. *...к огню очага подошел он...* – Как место, где совершаются жертвоприношения, очаг является убежищем для молящего о защите.

Ст. 152–232 аналитическая критика считает созданием позднейшего "редактора", который вставил их между просьбой Одиссея о помощи (ст. 146–152) и реакцией Ареты на его слова (ст. 233–239) и тем нарушил последовательность изложения. Между тем эпический этикет требовал, чтобы чужеземца сначала накормили и только потом спрашивали, кто он и откуда прибыл (см. 1. 122 и примеч.). С этой точки зрения, вмешательство Алкиноя и угощение Одиссея (ст. 167–206) вполне оправданно вклиниваются между ст. 154 и 233. См., впрочем, ниже, примеч. к ст. 215.

Ст. 155 сл. = 11. 342 сл. *Ранее всех... рожденный...* – Это позволяет Эхенею давать совет Алкиною (ст. 161–166).

Ст. 162. *...стул среброкованный...* – Такое же кресло, как в ст. 96 (см. примеч.), но с деревянным сидением, обитым серебряными гвоздями.

Ст. 168. *...объятого думой глубокой...* – Перевод создает представление, что речь идет о состоянии Одиссея в данный момент, в то время как в оригинале употреблен всего лишь постоянный эпитет героя: "хитроумный". Еще меньше подходит перевод "глубокою полного думой" в кн. 22. 115, 281, где Одиссею совершенно некогда думать.

Ст. 172–176 – См. 1. 134–138 и примеч.

Ст. 178 сл. = 13. 49 сл.

Ст. 185–187 = 8. 25–27.

Ст. 189. *...вельмож...* – модернизм переводчика. В оригинале: "старейшин". Излагаемый далее план не вполне осуществляется, поскольку сначала происходит народное собрание и игры, а потом во время пира Алкиной просит Одиссея рассказать о себе (8. 535–586), так что отправление его на родину переносится на следующий день.

Ст. 198. *В нить бытия роковую...* – Определение добавлено переводчиком. *Парки* (ст. 197) – см. 2. 316 и примеч. Здесь этому латинизму соответствуют в оригинале Прядильщицы (κλῶθες) вместо обычных в поэме Мойр.

Ст. 201. *...всегда нам открыто являются боги...* – Исключительный случай, объяснимый только особым положением феаков. Обычно боги являются людям только в человеческом облике.

Ст. 215. *...несказанным... я голодом мучусь...* – Непонятное высказывание, так как Одиссей только что поел (ст. 176 сл.) и о повторном угощении больше нигде нет речи (ср. ст. 232). Воможно, ст. 213–221 – позднее добавление, не учитывающее контекста.

Ст. 225, повторяющий Ил. XIX. 333, где он вполне уместен, некоторые исследователи считают здесь позднейшей вставкой: Одиссей тоскует-де не по имуществу и рабам, а по родине и супруге. Следует, однако, заметить, что Одиссей никогда не забывает о материальной стороне дела. Так, он готов дожидаться сколько угодно, пока феаки соберут ему подарки (11. 355–361) и озабочен их сохранением, оказавшись на не узнанной им Итаке (13. 207–209, 215–219, 361–371). См. также 19. 283–286. Не последнее место в последующем обосновании мести женихам занимает и то обстоятельство, что они расхищали добро Одиссея (22. 36 сл.; ср. 1.156; 14. 92).

Ст. 226 сл. = 13. 47 сл.

Ст. 228 сл. = 3. 395 сл.

Ст. 237. *...сама... вопрошу...* – Прямой ответ на вопросы Ареты должен был бы заставить Одиссея открыть свое инкогнито, которым он дорожит. Однако герой обходит это затруднение, отвечая лишь на последний вопрос царицы: как на нем оказались платья, сотканные ею самой? С композиционной точки зрения ответ Одиссея создает необходимую ретардацию для того, чтобы после его участия в играх (8. 165–234) изложить полную повесть его странствий.

Ст. 242 сл. *Рожденных Древним Ураном богов* (Οὐρανίωνες) – не обязательно понимать как прямых "потомков Урана": здесь этим именем обозначаются, скорее, вообще все "небожители" (οὐρανός "небо").

Ст. 249–251 = 5. 131–133.

Ст. 253–255 = 12. 447–449.

Ст. 253. *Девять носившихся дней...* – Обычный в поэме срок для передачи долгого скитания по морю. См.: 10. 28; 12. 447; 14. 314.

Ст. 263. *Зевса ль она убоялась...* – Сомнение Одиссея вызвано тем, что он не знает о пребывании на Огигии Гермеса, передавшего Калипсо волю Зевса (5. 103–115, 146 сл.).

Ст. 267 сл. = 5. 278 сл.

Ст. 281 сл. почти = 5. 442 сл.

Ст. 283. *...в бессилие впал я...* – В оригинале смысл противоположный: "собираясь с силами".

Ст. 291. *...подобные нимфам...* – В оригинале сравнение с нимфами (точнее: богинями) относится не к служанкам, а к Навсикае: "среди них была и она, подобная богиням".

Ст. 304. *Следовать мне за собою она предложила...* – Одиссей умалчивает о том, что сама Навсикая советовала ему не сопровождать ее в город (6. 273–285); ее аргументы он выдает за свои. Таким путем он избавляет Навсикаю от упреков и выставляет себя в выгодном свете.

Ст. 313. *...возлюбленный зять мне...* – Брак знатного пришельца с царской дочерью в неведомой стране – частый мотив волшебной сказки (ср. в греческой мифологии брак Беллерофонта с дочерью ликийского царя: Ил. VI. 191–195). Правда, Алкиной еще не знает всей правды об Одиссее, но и мотив этот носит здесь совершенно рудиментарный характер.

Ст. 319. *Сонный... плыть...* – О том, что греки предпочитали выходить в открытое море с наступлением ночи, см. примеч. к 4. 785. В данном случае, однако, волшебный сон Одиссея на мчащемся в безмолвии корабле феаков заставляет предполагать их первоначальную роль как корабельщиков смерти, которые доставляли умерших в иной мир (ср. 13. 80).

Ст. 322. *Дале которой уж нет ничего...* – Такое представление о местонахождении Евбеи трудно объяснимо: ионийские греки знали, конечно, что на запад от Евбеи простирается обширный материк.

Ст. 323. *...с златовласым... Радамантом...* – И здесь неясно, какая связь существовала в глазах автора между Радаманфом, обитателем Елисейских полей (см. 4. 561 и примеч.), и феаками, и причем здесь *Титий.*

Ст. 336–339 = 4. 297–300.

Ст. 341. *...доложили...* – Модернизм переводчика, взятый из административно-бюрократической лексики. В оригинале: "встав рядом, побудили Одиссея словами".

КНИГА ВОСЬМАЯ

Встреча Одиссея с феаками

Ст. 10. *...встречному...* – Добавление Жуковского, предполагающее, что Афина созывает в народное собрание тех, кто уже направился по каким-то своим делам. В оригинале: “и, встав рядом, обращалась с речью к каждому мужу”.

Ст. 15. *Любопытное рвенье.* – В оригинале: μένος καὶ θυμός (см. статью «“Одиссея” – фольклорное наследие...», § 4), собственно: “потребность и стремление”.

Ст. 16. *...наполнилась площадь народом...* – Не только старейшинами, как предполагал Алкиной. См. 7. 189 и примеч. и выше, ст. 11.

Ст. 22 сл. были заподозрены еще Зенодотом как поздняя вставка, поскольку в оригинале речь идет о многих видах игр, в то время как Одиссей принимает участие только в метании диска, да и то, отвечая на дерзость Евриала. Феаки, судя по всему, не имели намерения испытать Одиссея. *...надлежало...* – Добавление переводчика, еще более усиливающее это не существующее намерение феаков.

Ст. 25–27 = 7. 185–187.

Ст. 35 сл. *Пятьдесят два... меж... молодыми гребцами...* – Перевод не совсем точен. В оригинале: “...двух (т.е. капитана и кормчего) и пятьдесят, которые являются лучшими”. Судя по каталогу кораблей в Ил. II, экипаж корабля в гомеровских поэмах состоял из 50 или из 120 гребцов. Соответственно, ниже, ст. 48, в оригинале повторено: “два и пятьдесят”.

Ст. 37 сл. *...соберутся В царских палатах...* – В оригинале: “придя к нам”.

Ст. 41. *...владык и судей...* – См. ниже, ст. 390 и примеч. “Владыки и судьи” внесены Жуковским и в ст. 46, где сказано: “скиптроносцы”.

Ст. 44. *Демодок* – говорящее имя (как у Фемия, см. 1. 149–151 и примеч.): “любезный народу”, “любимый народом”. В его образе иногда хотят видеть автопортрет Гомера, забывая о том, что Демодок как аэд-импровизатор принадлежит к более ранней стадии эпического творчества. Автор “Одиссеи”, кто бы им ни был, уже рапсод (см. статью «“Одиссея” – фольклорное наследие…», примеч. 28).

Ст. 46. *Что в его пробуждается сердце.* – Точнее, исходя из норм “гомеровской психологии” (см. указанную статью, § 4): “о чем бы ни побуждал его петь его дух”.

Ст. 47. *...звать... побежал...* – Преувеличение переводчика. В оригинале: “пошел звать”, как в ст. 7 говорится об Афине, где *быстро* также добавлено переводчиком для живости изображения.

Ст. 51–55. – См. 4. 780–783 и примеч.

Ст. 58, отсутствующий в лучших рукописях и в оригинале легко вычленяемый из контекста (в переводе от слов: “там были”), является, по-видимому, позднейшей вставкой.

Ст. 63. *При рождении* – добавление Жуковского. В оригинале: “Муза его особо возлюбила”.

Ст. 67. *Лира.* – Гомеровский эпос этого музыкального инструмента не упоминает, а везде говорит о кифаре или форминге, имеющей деревянный резонатор и массивные боковые стойки. Родиной ее признавали Малую Азию, а лиру считали пришедшей с севера (на ней играл Орфей, происходивший из Фракии). Поэтому более правильно было бы везде переводить “цитра”, если “кифара” или “форминга” не укладывается в стихотворный размер. Жуковский, кстати, так и поступает везде, кроме кн. 8.

Ст. 71 сл. – См. 1. 146 сл. и примеч.

Ст. 75–82. *Распря... загорелась.* – Какой эпизод из мифологического предания имеется в виду, неизвестно. В схолиях есть сообщение о том, что после гибели Гектора между Ахиллом и Одиссеем возник спор, каким средством будет взята Троя, – силой или хитростью, но от этого еще далеко до *вражды знаменитых ахеян.* О предсказании *Аполлона в храме Пифийском* (т.е. в Дельфах) в самом начале Троянской войны (*бедствий, ниспосланных богом*) также ничего не известно.

Ст. 83. *Начал... песню* – неудачный перевод после того, как изложено все ее содержание. В оригинале: “это вот пел...”

Ст. 94. *Заметил и понял причину* – неправильный перевод: как мог Алкиной понять причину слез Одиссея, не зная, кто он такой? В оригинале: “обратил внимание и заметил”. В лучшем случае глагол νόησεν можно отнести к последующему, т.е. “понял, что песнь Демодока заставляет гостя плакать”.

Ст. 96 сл. – См. 390 и примеч.

Ст. 111–115. Все приводимые здесь имена, как уже встретившиеся раньше Навсифой (“с быстрым кораблем”) и Понтоной (“сведущий в морском деле”), имеют отношение к морю и к мореплаванию: *Окиал* (от прилагательного ὠκύαλος “быстрый”), *Элатрей* (“гребец, то же самое – Эретмей*), Навтий* (“моряк”), *Примней* (от πρύμνη “корма”), *Анхиал* (от прилагательного ἀγχίαλος “близкий” к морю, “прибрежный”), *Анабесионей* (всходящий на корабль), *Понтей* (от πόντος “море”), *Прореон* (от πρῴρη “корабельный нос”), *Амфиал* (от ἀμφι + ἅλς “примыкающий к морю”), *Политий* (правильнее: Полиней “богатый кораблями”), *Тектон* (“строитель”, “плотник”), *Евриал* (от εὐρύ + ἅλς “широкое” + море”). У Жуковского некоторые имена искажены.

Ст. 127. *...превзошедши... и лучших.* – Участники соревнования в борьбе разбивались на пары, и победившие в каждой паре вступали в спор между собой. Таким образом, Евриал вышел победителем из многоступенчатого состязания.

Ст. 165–234. Ответ Одиссея на оскорбительный вызов Евриала – первый шаг на пути его возвращения из статуса нищего странника в положение благородного героя. Таким образом, кн. 8 предвещает более развернутое раскрытие этого мотива во второй половине поэмы.

Ст. 166. *...злоумный.* – Точнее: “безрассудный”, “наглый”. В оригинале: ἀτάσθαλος – то же самое понятие, которым характеризуется поведение спутников Одиссея и Эгисфа (ἀτασθαλία, 1. 7, 34). См. статью «“Одиссея” – фольклорное наследие...».

Ст. 187. *Камень* – т.е. каменный диск. Вес этих снарядов доходил в 6 в. до 7 кг.

Ст. 220. *В Трое...* – Одиссей позволяет себе сделать намек на свое героическое прошлое, который вместе с его реакцией на песнь Демодока подготавливает вопрос Алкиноя (ниже, ст. 577 сл.) и его собственный рассказ (кн. 9–12). Некоторые современные исследователи, считая такое раскрытие инкогнито Одиссея преждевременным, рассматривают ст. 219 сл. как интерполяцию; однако в древности эти стихи подозрения не вызывали.

Ст. 224. *С Эвритом, метким стрелком эхалийским...* – Город под названием Эхалия локализовали в Фессалии, Мессении, на Евбее, и везде его царем называли Еврита. Гомеровские поэмы склоняются, по-видимому, к Мессении (Ил. II. 596; Од. 21. 14–31; см., впрочем, Ил. II. 730). *Иракл* – см. СМС: Геракл.

Ст. 249. *...сладострастные бани...* – Преувеличение переводчика. В оригинале: “горячие”.

Ст. 251 сл. = 101 сл. кроме первого слова.

Ст. 257. *...поспешно...* – Такое же дополнение переводчика, как “побежал” в ст. 47 (см. примеч.).

Ст. 258. *Судьи...* – В оригинале: “эсимнеты”, т.е. в данном случае “устроители игр”, “наблюдатели за играми”, что видно из ст. 258–260.

Ст. 266–366. Песнь Демодока вызывала неодобрительное отношение к себе еще в древности. Ксенофан и Платон осуждали автора за непочтительное отношение к богам и, особенно, изображение супружеской измены Афродиты. В современном гомероведении аналитическая критика считает этот эпизод позднейшим дополнением и постулирует его исключение, подчас вместе со многими примыкающими к нему стихами, как инородное тело в последовательном повествовании о судьбе Одиссея, хотя ни в одном из античных источников нет сомнений в его подлинности. В то же время, брак Ареса и Афродиты, замененный здесь их “незаконным” союзом, – достаточно древний элемент мифологической традиции, получивший

отражение у Гесиода, *Теог.* 933–937. Здесь сообщается, что от Ареса Афродита родила Страх и Ужас, а также Гармонию – прародительницу фиванских царей. Затем, по своему общему колориту песнь Демодока мало чем отличается в изображении богов от аналогичных сцен, происходящих на Олимпе, в "Илиаде". См.: I. 536–600; XIV. 153–353; XXI. 385–513. Наконец, не лишено значения, что эпизод этот излагается не от лица автора "Одиссеи", который таким образом как бы дистанцируется от отношения к богам, характерного для беспечных феаков.

Ст. 267. *Прекраснокудрявая* – здесь в оригинале эпитет ἐυστέφανος "прекрасно увенчанная", т.е. с диадемой (драгоценной повязкой) на голове.

Ст. 273. *...плаху поставил...* – В оригинале: "поставил наковальню на ее (обычное) место".

Ст. 275 сл. *Из железных... Проволок.* – Добавление переводчика. В оригинале: "сковал крепчайшие, неразрывные узы, чтобы они (т.е. Арес и Афродита) оставались недвижимо на месте". Придаточное предложение в переводе выпало.

Ст. 278. *...сетями... опутав...* – Механизм западни, сооруженной Гефестом, не вполне ясен. По-видимому, сеть, прикрепленная к опорной балке потолка (μέλαθρον), должна была, упав сверху, каким-то образом зацепиться за петли (δέσματα), которыми было опутано подножье кровати.

Ст. 285. *Златоуздный* – правильнее: "сверкающий золотом доспехов", как Афродита – своей диадемой.

Ст. 287. *Киприда* – в оригинале употреблен другой культовый эпитет Афродиты – Киферея, который в древности объясняли тем, что у острова Киферы богиня явилась на свет из морской пены.

Ст. 294. *Синтийцы* – издавна переселившееся на Лемнос фракийское племя. Отсюда характеристика их языка как *наречия грубого* (ср. Ил. II. 867, о карийцах, говорящих по-варварски, βαρβαρόφωνοι). Особое расположение Гефеста к синтийцам вызвано тем, что они дружелюбно приняли бога, когда Зевс швырнул его с Олимпа (Ил. I. 594).

Ст. 301. *...на обе хромающий ноги...* – Другое толкование прилагательного ἀμφιγυήεις – "с сильными членами с обеих сторон", т.е. мастер на все руки. В "Илиаде" – постоянный эпитет Гефеста (I. 606; XIV. 239).

Ст. 303 = 2. 298, хоть и не лишен здесь смысла, но, вероятно, внесен позднее: его нет в большинстве рукописей, и он неизвестен схолиастам.

Ст. 309. *Гнусно ругается...* – В оригинале: "бесчестит".

Ст. 310. *Здесь сочетавшись.* – Добавление переводчика, хотя и не противоречащее контексту. *...тверд на ногах...* – т.е. быстроногий.

Ст. 318. *Пока не отдаст мне... подарков...* – По греческим обычаям муж имел право отослать жену, уличенную в нарушении супружеской верности, к отцу, потребовав возвращения данного за нее выкупа. В данном случае, однако, *отец* Киприды – тот же Зевс, который является отцом Гефеста.

Ст. 321. *...в медностенных палатах...* – Неточный перевод. В оригинале: "с медным порогом". Ср. 7. 83, 89.

Ст. 322. *...дароносец...* – Точнее: "податель благ" (ἐριούνης), постоянный эпитет Гермеса.

Ст. 340. *Сетью тройной...* – В оригинале: "пусть бы меня трижды опутали такие бесчисленные узы", где "трижды" не имеет точного значения "три раза", а указывает вообще на множество.

Ст. 348. *...при бессмертных богах...* – которые явятся свидетелями при уплате пени оскорбленному супругу.

Ст. 363. *...в Пафосском лесу благовонном...* – Правильнее: "в священном участке". *Благовонный* (в оригинале: "богатый жертвами") относится к алтарю.

Ст. 372. *Рукодельный* – необычное определение для мужчины. В оригинале δαΐφρων – здесь: "искусный", "знающий дело".

Ст. 374. *...к облакам темносветлым...* – В оригинале: “темным”.

Ст. 379. *...затопали... в меру ногами...* – Более вероятен перевод: “захлопали в ладоши” (в такт пляске).

Ст. 385. *...возбудил Алкиноеву силу святую.* – В оригинале: “возрадовалась (γήθησεν, тот же глагол в ст. 199, где перевод гораздо ближе к оригиналу) святая сила Алкиноя”.

Ст. 386 сл. = 96 сл.

Ст. 390. *...двенадцать владык...* – В оригинале сказано: “народом правят двенадцать выдающихся царей-предводителей (βασιλῆες αρχοί), сам я тринадцатый”. Гомеровский басилевс – первоначально племенной вождь, глава общины, на котором лежали как административные и военные, так и судебные и жреческие обязанности. С этой точки зрения, добавление Жуковского как здесь (*праведно-строгие судьи*), так и в 8. 41, 46, 96, 386 (*судьи*), может быть, и оправдано, но в оригинале судьи не упоминаются. Нет в ст. 391 и определения “главный”. В документах линейного письма басилевс – по-видимому, глава местной администрации.

Ст. 403. *...с рукоятью серебряной...* – т.е. с серебряными украшениями: гвоздями или бляшками. Это определение (ἀργυρόηλος) переносится затем и на меч (ст. 406; в переводе: *среброкованый*). Точно так же ножны не сделаны целиком *из слоновой кости*, а обложены пластинами из нее.

Ст. 422. *...на возвышенных креслах.* – т.е. с высокой спинкой.

Ст. 430. *...кувшин...* – Здесь, в отличие от 7. 20, в оригинале речь идет о кубке, из которого пирующие отливали в начале трапезы на землю несколько капель вина в честь богов.

Ст. 443–448 создают известные трудности в их понимании. Откуда у Ареты сомнение в честности феаков? *Узел*, который Арета советует завязать Одиссею, в 13. 217–219 больше не упоминается; все дары, не заключенные в *ковчег*, Одиссей находит в целости. О наставлениях *Цирцеи* на этот счет (см. ст. 448) в кн. 12 ничего нет.

Ст. 453. *Нимфы ему, как... богу, служили.* – В оригинале сказано: “когда за ним постоянно был уход, как за богом”.

Ст. 456 сл. *...в пировую Залу вступил.* – Неточный перевод. В оригинале: “направлялся к пьющим вино мужам”, т.е. находился в помещении, соединявшем купальню с мегароном (такой коридор открыт, например, в Тиринфе). Только здесь, не входя в мегарон, и могла поджидать Одиссея Навсикая, чье присутствие на пиру среди мужчин было совершенно немыслимо.

Ст. 465 + 467 = 15. 180 сл.

Ст. 475. *Взявши с тарелки своей...* – В оригинале сказано: “отрезав”, что является важной деталью: гомеровские герои за трапезой пользуются ножами. Об употреблении ими тарелок, напротив, ничего неизвестно.

Ст. 484 сл. – См. 1. 146 сл.

Ст. 492–500. – См. СМС: Неоптолем, Троянский конь.

Ст. 510 сл. *...понеже было судьбой решено...* – Перевод создает впечатление, будто троянцы приняли свое решение, заранее зная о предстоящей гибели Трои. В оригинале период, введенный словами: “три решения казались им приемлемыми” (ст. 506), завершается словами: “последнее понравилось им больше всего” (ст. 510). Следующее за тем новое преложение: “И в самом деле городу была судьба...” – содержит уже комментарий автора к решению троянцев.

Ст. 517. *Деифоб*, согласно “Малой Илиаде”, после гибели Париса взял в жены Елену. Автор “Одиссеи” либо считает это обстоятельство известным слушателю, либо сознательно о нем умалчивает.

Ст. 530 сл. *Там от печали... Так от печали...* – Повторение воспроизводит стилистическую фигуру оригинала: “У нее от горя, достойного сострадания...” – “Так у Одиссея выступили слезы сострадания”.

Ст. 532–536 = 93–96. См. примеч. к ст. 94.

Ст. 554. *...сладостный дар...* – Добавление переводчика.

Ст. 562. *Мглой и туманом одетые* – т.е. невидимые.

Ст. 565. *не раз говорил он...* – Исполнение этого предсказания – в 13. 125–186. Соответственно, ст. 565–570 = 13. 173–178 (с незначительными вариантами). Впрочем, александрийские филологи считали ст. 564–571 интерполяцией, внесенной сюда из кн. 13. В самом деле, непонятно, зачем Алкиной не к месту вспоминает о столь неблагоприятном пророчестве. В кн. 13, где он комментирует уже совершившийся факт, этот пассаж гораздо более уместен, а в кн. 8 он легко изымается из контекста.

Ст. 575 сл. почти = 6. 120 сл.

Ст. 579 сл. *...ниспослали... Боги...* – В оригинале: “выпряли”. См. 7. 198 и примеч.

Ст. 581. *...родного...* – Не вполне точный перевод. В оригинале: πηός, т.е. свойственник в результате брака. Соответственно, такой человек вместе с *зятем* и *тестем* противопоставляется *родственникам кровным.*

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Рассказы у Алкиноя. Циклоп

Ст. 1 сл. = 11. 354 сл. = 377 сл.

Ст. 8. *...по чину сидят...* – См. 7. 98 и примеч.

Ст. 15. *... Ураниды боги...* – См. 7. 242 и примеч.

Ст. 21. *... солнечносветлой...* – Скорее: “издалека видной”, в силу ее рельефа. Ср.: 2. 167; 13. 234.

Ст. 22. *...вершину лесистую...* – В оригинале более точное определение: “колышащую листьями”, т.е. открытую ветрам.

Ст. 24 сл. *... на самом Западе плоско лежит окруженная морем Итака...* – Этот стих породил целую дискуссию о географическом положении упоминаемых в “Одиссее” западногреческих островов. Всего их автор называет четыре: Зам, Дулихий, Закинф и Итака (1. 242 сл.; 9. 24 сл.; 16. 247–251). Естественно предполагать, что Закинф и Итака – те же самые острова, которые назывались так и в историческое время. Зам (точнее: Саму) обычно отождествляют с Кефалленией: имя Сама носил в историческое время ее главный город. Локализовать Дулихий не удается; его отождествляли и с Левкадой, которая у Гомера вовсе не упоминается, и с неким городом на материке, что, впрочем, для нас в данном случае безразлично. Что же касается Итаки, то приведенные выше слова Одиссея противоречат и ее географическому положению (она – не самый западный из островов этой группы), и природным условиям, как они описываются в 4. 605–608: отнюдь не плоский, а гористый остров. Это породило в свое время гипотезу, что под Итакой автор имел в виду Левкаду, но и она лежит не на запад от Кефаллении, а на север, и не среди других островов, как сказано в 9. 22 (“вокруг нее”; в переводе это указание исчезло, будучи изменено на “много других островов”). В то же время, как показали современные исследования, топография самой Итаки (расположение гаваней, города, садов Лаэрта, участка Евмея) передана в поэме достаточно близко к действительности. Отсюда напрашивается вывод, что автор “Одиссеи”, рапсод из Ионии, плохо знал географию запада Греции, а описание Итаки заимствовал из какого-то более раннего источника, лучше знавшего эту часть Греции. Что касается острова Астера (4. 846; точнее: Астериды), расположенного между Замом и Итакой, то он, скорее всего, придуман автором специально для того, чтобы было где поместить корабль женихов.

Ст. 30–32 оцениваются современными исследователями весьма противоречиво. Одни видят в них изящный параллелизм (он передан и в переводе) в сопоставлении двух богинь, встре-

тившихся на пути Одиссея. Другие, напротив, подозревают здесь интерполяцию, поскольку ст. 30 отсутствует в лучших рукописях и в кн. 10 нет ничего о попытке Цирцеи удержать у себя Одиссея (см. ст. 483–489).

Ст. 39 сл. ... *ко граду киконов, Измару...* – Киконы – фракийское племя, жившее вдоль северного побережья Эгейского моря. По Геродоту (VII. 110), они селились у р. Гебр (нынешняя Марица). В "Илиаде" киконы сражаются на стороне троянцев (II. 846; XVII. 73). Исмар – единственный реальный пункт в странствиях Одиссея. После бури у мыса Малеи (ниже, ст. 67–81) маршрут Одиссея пролегает через фантастические земли, поиск которых на географической карте лишен всякого смысла. Описание сражения с киконами во многом напоминает вымышленные рассказы Одиссея Афине, Евмею и Пенелопе (13. 256–268; 14. 199–359; 19. 172–307), где он избегает упоминания менее реальных событий, могущего подорвать к нему доверие. Поведение спутников Одиссея, ослушавшихся своего предводителя и тем самым навлекших на себя беду (ст. 43 сл., 51–61), предвещает новые несчастья, которые так же явятся следствием человеческого безрассудства (мех Эола, 10. 34–49; стадо Гелиоса, 12. 339–352, 401–419).

Ст. 60. ... *по шести броненосцев отважных...* – В оригинале: εὐκνήμιδες "прекраснопоножные", т.е. облаченные в поножи. *По шести* – трудно предположить, чтобы киконы старались соблюдать в бою равномерность в числе убитых. Здесь, как и в дальнейшем, речь идет, по-видимому, о подсчете потерь после того, как уцелевшие спутники были заново распределены по 12-ти кораблям.

Ст. 62 сл. = 10. 133 сл.

Ст. 65. *Три раза не был по имени назван...* – Трехкратное вызывание душ умерших предпринимается для того, чтобы они последовали за отплывающими на родину, где им будет сооружен кенотаф. См.: 1. 287 и примеч.; 4, 584.

Ст. 68 сл. = 12. 314 сл. Ср. 5. 293 сл.

Ст. 75 сл. = 10. 143 сл.

Ст. 76. ... *светлолазурнокудрявая...* – первая половина эпитета – добавление Жуковского, не приходящее, впрочем, в противоречие с образом Эос как "светлой зари". О второй половине см. 5. 57 и примеч.

Ст. 81. ... *обходящих Маллею...* – Таким образом, корабли Одиссея уже достигли юго-восточной оконечности Пелопоннеса, которую они намеревались обойти через пролив отделяющий ее от острова Киферы, чобы плыть дальше на запад.

Ст. 83. *Лотофаги* – жители сказочной страны, прообразом которых могли послужить племена, населявшие Ливию и употреблявшие в пищу плоды, похожие на финики. См. Геродот. IV. 177. В посещении земли лотофагов отражается фольклорный мотив, известный в средиземноморском ареале, – вкушение пищи, заставляющей человека забыть свое прошлое. Так и Персефона, вкусившая в подземном царстве граната, не может покинуть навсегда его владыку Аида. Подобным же образом глоток воды из Леты – "реки забвения" – лишает умершего воспоминаний о его земной жизни.

Ст. 85–87 = 10. 56–58.

Ст. 88–90 = 10. 100–102.

Ст. 98. *Силой их ... притащив...* – Неясным остается, каким образом Одиссей узнал о том, чтó произошло с отправленными на разведку спутниками. Позже, при посещении лестригонов, двое посланцев из трех возвращаются к Одиссею (10. 116 сл.); известие об участи спутников, превращенных Цирцеей в свиней, приносит Еврилох (10. 244 сл.). Вероятно, и здесь не все участники разведки польстились на вкушение лотоса (ср. в оригинале, ст. 94: "тот из них, кто отведал плода, сладкого, как мед...") и при виде своих, очарованных им товарищей, вернулись к кораблям. Тогда надо предположить, что к лотофагам были отправлены не три человека, а больше, и ст. 90 (в переводе ст. 88 сл.) является позднейшей вставкой по аналогии с 10. 102.

Ст. 103 сл. = 179 сл. = 471 сл. = 563 сл. = 12. 146 сл. Ср. также 4. 579 сл.

Ст. 105 = 62. См. примеч. В ст. 105 отчетливо видна формула, которая в данном случае не отвечает ситуации: у Одиссея и его спутников не было основания “сокрушаться сердцем”, так как пребывание у лотофагов окончилось вполне благополучно.

Ст. 105 сл. ... *в землю Прибыли ... циклопов.* – В рассказе о встрече с Циклопом представлен фольклорный мотив, засвидетельствованный едва ли не у всех народов мира, от Исландии до Сирии и от северной Испании до Монголии. (Ср. русскую сказку о встрече Кузнеца с Лихом). В специальной работе, увидевшей свет в начале нашего века, было собрано и классифицировано свыше 220 вариантов этого сюжета. Если некоторые из них (в самой Греции, Италии, в рассказе о третьем путешествии Синдбада в сказках “1001 ночи”) могли возникнуть уже под влиянием “Одиссеи”, то в других случаях больше оснований говорить о типологическом сходстве, чем о заимствовании из литературного источника. В самой “Одиссее” в различной степени использованы два сказочных мотива, из которых первый состоит, в свою очередь, из трех следующих друг за другом эпизодов. Мотив А: 1) ослепление великана; 2) бегство под шерстью (или в шкуре) барана или другого домашнего животного; 3) подаренный великаном волшебный предмет, чаще всего кольцо, своим криком выдает местонахождение ослепившего; чтобы спастись, герою приходится отрезать себе палец. Мотив Б: герой, ранивший злого духа (лешего и т.п.), избегает мести со стороны товарищей пострадавшего, потому что тот в ответ на их вопросы говорит: “я сам (это сделал)” или “Никто”. Мотив А 3 в “Одиссее” опущен, хотя рудимент его можно усмотреть в ст. 482 и 517. К названным двум мотивам присоединяется похвальба Одиссея, едва не приводящая к потере корабля (ст. 537–545) и, во всяком случае, провоцирующая губительное вмешательство Посидона в дальнейшую судьбу героя. Гомеровские циклопы едва ли имеют что-нибудь общее с упоминаемыми у Гесиода (*Теог.* 139–146) циклопами, кующими молнии для Зевса. Возможно, что Полифем и его сородичи названы циклопами за их огромную силу по аналогии с циклопами-кузнецами. В новогреческом фольклоре сохранился рассказ про Циклопа, хотя противник его и не назван по имени.

Ст. 125. ... *кораблей красногрудых...* – Точнее: “краснощеких”. Нос корабля уподобляется человеческому лицу, которое иногда на нем изображалось. Соответственно, окрашенный с обеих сторон красной краской форштевень сравнивается со щеками.

Ст. 130. *Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий...* – В оригинале речь идет не о циклопах, а об упомянутых выше людях (*искусниках*), которые могли бы сделать этот остров “прекрасноустроенным”.

Ст. 137. *Якорь...* – В оригинале речь идет о камнях, которыми в гомеровских поэмах пользуются как якорями.

Ст. 150–152 = 12. 6–8.

Ст. 159 сл. ... *все двенадцать моих кораблей...* – Здесь впервые названо число кораблей Одиссея (см. Ил. II. 637). ... *для себя...* – т.е. для экипажа своего корабля.

Ст. 161 сл. = 10. 183 сл. = 476 сл. = 12. 29 сл.

Ст. 164. ... *скудельных сосудов...* – Здесь: амфор. То же самое в ст. 204.

Ст. 168–170 = 558–560 = 10. 185–187.

Ст. 175 сл. = 6. 120 сл. = 13. 201 сл. Ср. также 8. 575 сл.

Ст. 177–179 = 15. 547–549.

Ст. 178–180 = 562–564. Без ст. 180 = 11. 637 сл. = 12. 145 сл.

Ст. 179 сл. = 103 сл.

Ст. 186. ... *черноглавые дубы...* – Собственно: “с высокой кроной”.

Ст. 187–192. *Муж великанского роста...* – Одиссей описывает здесь Полифема на основании более позднего впечатления. Войдя в пещеру, он еще не знает, как выглядит ее хозяин. Любопытно, что ни здесь, ни далее не упоминается единственный глаз Полифема, хотя это обстоятельство играет решающую роль в возникновении плана спасения от Циклопа (см. ст. 332 сл.).

Ст. 197. ... *Аполлона великого жрец...* – В переводе пропущено: "который оберегал Исмар", – естественно, до его разрушения.

Ст. 202. ... *семь ... талантов...* – Магическое число "семь", вероятно, и здесь выбрано не случайно.

Ст. 204–207. Исмар славился своим вином. См. Архилох, фр. 2: "из-под Исмара вино".

Ст. 210. *В двадцать раз боле воды подбавляли...* – Указание на особую крепость и аромат вина. См. 1. 107 и примеч.

Ст. 252–255 = 3. 71–74, с той разницей, что Полифем нарушает закон гостеприимства, предписывающий сначала угостить чужеземцев и только потом спрашивать об их происхождении. См. 1. 122 и примеч.

Ст. 263. *Служим мы в войске Атрида...* – Неточный перевод. В оригинале сказано: "мы люди (соратники) Атрида". В гречеком лагере под Троей ни один военачальник не воспринимал себя как человека, подчиненного Агамемнону.

Ст. 270. *Мстит за пришельцев ... Кронион...* – Точнее: "за просящих защиты" – мысль, не раз повторяемая в поэме. См. 6. 207 сл. и примеч.

Ст. 272. ... *с неописанной злостью...* – Перевод сильнее оригинала, где сказано (как и далее, ст. 287, 368): "с безжалостным сердцем". Ближе всего к оригиналу перевод: *с злобной насмешкой* (ст. 368), хотя и там в оригинале нет подлежащего "людоед зверонравный".

Ст. 273. ... *вовсе безумен...* – Тоже усиление оригинала, где сказано νήπιος "неразумен (как ребенок)".

Ст. 276. ... *мы породой их всех знаменитей...* – В оригинале: "мы их намного сильнее".

Ст. 288. ... *как бешеный зверь...* – Добавление переводчика. См. примеч. к ст. 272.

Ст. 302. *Меч мой уж был занесен...* – В оригинале: "ощупав меч рукой": Одиссей по привычке не глядя хватается за рукоять меча.

Ст. 331. ... *пригласил я сопутников жребий кинуть...* – Решение преждевременное, так как Одиссей еще не знает, кто и оставшихся в живых станет вечером жертвой Полифема.

Ст. 337. *...полное стадо ввел...* – В отличие от ст. 238, когда Полифем оставил самцов снаружи. Впустив в пещеру все стадо, Полифем предоставил Одиссею и его спутникам возможность выбраться из нее (ст. 425–432).

Ст. 361. ... *безумцу я подал...* – В оригинале содержится характеристика не Циклопа (*безумец*), а его состояния: он выпил "безрассудно", не подозревая последствий.

Ст. 379. *...хотя и сырой был...* – Точнее: "зеленый", "свежий". Впрочем, и этот перевод не снял бы недосмотра автора, который заставляет Одиссея обжигать кол дважды: см. ст. 328–330.

Ст. 403. *Полифем* – см. СМС.

Ст. 406. *Обманом иль силою..?* – Циклопы не подозревают, насколько близок их вопрос к истине: Одиссей пустил в ход оба средства.

Ст. 422. ... *тщетно...* – Дополнение переводчика. В оригинале: "я сплетал всякие обманы и план, поколькy дело шло о жизни".

Ст. 426. *...как шелк...* – Анахронизм переводчика: греки шелка не знали. В оригинале: "с черной шерстью".

Ст. 436 сл. = 306 сл. Одинаковое завершение двух соседних стихов соответствует оригиналу.

Ст. 449–451. *Первый ... Первый...* – Анафора передает трехкратное повторение в оригинале определения πρῶτος "первый".

Ст. 460. ... *злоковарный разбойник...* – Преувеличение переводчика. В оригинале сказано: "ничтожный Никто" (игра слов: οὐτιδανός – Οὖτις): Циклоп тяжело переживает не столько коварство Одиссея, сколько поражение, нанесенное ему таким ничтожным противником. Ср. ниже, ст. 513–516, где, впрочем, *малорослый урод, человечишко хилый* тоже несколько преувеличено. В оригинале: "малый ростом, ничтожный, бессильный".

Ст. 468. ... *мигнув ... глазами...* – Собственно: “кивком отбросив голову назад” в знак запрещения.

Ст. 471 сл. = 103 сл.

Ст. 477. ... *навлекаем мы ... гибель...* – В оригинале нет такого обобщающего вывода. Там сказано: и, конечно, тебя настигло (твое) злодеяние, поскольку...”

Ст. 482. *На голос кинул...* – Поведение Полифема можно рассматривать как вариант мотива А 3 (см. примеч. к ст. 105 сл.): виновник расправы выдает свое местонахождение криком.

Ст. 483. ... *его черноострого носа...* – В переводе сделана попытка исправить оригинал, где сказано: “едва не задел вершины руля”, что представляется бессмыслицей: руль находился на корме, и камень, упавший в п е р е д и корабля, не мог его задеть. Объясняется эта несуразица тем, что ст. 483 повторяет ст. 540, где все находится на месте: второй камень, брошенный Полифемом, действительно упал п о з а д и корабля. Поэтому уже древние комментаторы считали ст. 483 интерполяцией, проникновение которой в текст вызвано тождеством ст. 482 и 484 со ст. 539 и 541, причем в ст. 482 употреблено уточняющее наречие “спереди” (προπάροιθε), а в ст. 539 – “сзади” (μετόπισθε).

Ст. 491. ... *на двойном расстоянье...* – Здесь нет противоречия с ст. 473 сл., который является формульным стихом, не претендующим на точность измерения, а просто обозначающим большое расстоянье. В то же время, мифические герои могли обладать достаточно громкими голосами, чтобы Полифем услышал Одиссея и на расстоянье, вдвое превышающем первоначальное.

Ст. 502. ... *Если ... кто спросит...* – Похвальба Одиссея, навлекающая на него гнев Посидона, находится в русле “героической” этики: победивший срамит побежденного (живого или мертвого), называя себя и тем завещая славу о себе потомству. Выше, в ст. 475–480, еще не назвав себя, Одиссей оправдывает расправу с Циклопом как справедливую месть за попрание им законов гостеприимства.

Ст. 503. ... *единственный...* – Добавление переводчика. Как говорилось (примеч. к ст. 187–192), автор избегает упоминания этой особенности во внешнем облике Циклопа.

Ст. 509. ... *в людях...* – Добавление Жуковского. *Телем* отличался способностью предсказывать циклопам, не имевшим близких связей с людьми.

Ст. 520 сл. ... *погибшее зренье мое возвратить мне Может...* – О способности Посидона возвратить зрение Полифему в поэме нигде больше не говорится.

Ст. 528–535. Обращение Полифема к Посидону выдержано по всем канонам молитвы. Оно начинается с просьбы услышать молящего (κλῦθι, опущенное в переводе); затем называется имя божества, его признаки (ст. 528) и обосновывается право обратиться к нему за помощью (ст. 529: Полифем – сын Посидона), наконец, излагается содержание просьбы, направленной против вполне определенного лица (ст. 530). Ср. Ил. I. 37–42. *Лазурнокудрявый* – см. статью «“Одиссея” – фольклорное наследие...», § 5. Ст. 531, повторяющий ст. 505, отсутствует во многих папирусах и рукописях.

Ст. 550. *Светлообутых.* – В оригинале тот же эпитет εὐκνήμιδες, что в ст. 60 (см. примеч.).

Ст. 553–555. Некоторые исследователи считают, что автор выходит здесь из роли: откуда Одиссей мог знать о замыслах Зевса? Однако, во-первых, это не единственный случай нарушения иллюзии повествования (см. 12 374–390 и примеч., 13. 285 сл.); во-вторых, Одиссей, рассказывая феакам о случившемся, мог судить о намерениях Зевса на основании своего последующего опыта.

Ст. 556 сл. = 161 сл. См. примеч.

Ст. 556–558 = 10. 476–478. См. примеч.

Ст. 556–560 = 10. 183–187. Ср. 19. 424–438.

Ст. 558–560 = 168–170.

Ст. 562 сл. = 178 сл. См. примеч.

Ст. 565 сл. = 62 сл. См. примеч.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

У Эола, лестригонов и Цирцеи

Ст. 1. *Эолия* – здесь прилагательное: Эолов остров.

Ст. 3. *Остров плавучий...* – Представление о плавучих островах, присущее моряцкому фольклору, основано, вероятно, на том, что вследствие отсутствия или неточности лоций моряки заставали искомый остров не в том месте, где предполагали.

Ст. 7. ... *сыновьям дочерей он в супружество отдал.* – Браки между родными братьями и сестрами, рано ставшие предметом табу, отражают древнейшую, эндогамную форму браков. См. примеч. к 7. 54 сл. О проживании женатых сыновей в одном доме с родителями см. 3. 396 сл.; Ил. VI. 242–246.

Ст. 13. *В град их прибывши...* – Каким образом кораблям Одиссея удалось найти доступ на остров, обнесенный неприступною медной стеною (ст. 3), автора не интересует.

Ст. 15. *Повесть о Трое, о битвах...* – Не вполне точный перевод. В оригинале сказано: "о плавании аргивян под Илион..."

Ст. 19. ... *быка девятигодового...* – т.е. крупного; принимать определение в буквальном смысле слова нет необходимости.

Ст. 20. *Мех с ... ветрами...* – Еще один фольклорный мотив, перекликающийся, с одной стороны, с заклинанием ветров, с другой – объясняющий внезапное возникновение бури, когда из мешка (пещеры) вырываются запертые там ветры. См. ниже ст. 47–49.

Ст. 25 сл. *Зефиру ... Нас ... провожать...* – Зефир – ветер, дующий с запада на восток. В античности еще со времен Фукидида (III. 88) владениями Эола называли Липарские острова, на север от Сицилии, выделяя в них особенно остров Стронгилу (Стромболи). В одном папирусном отрывке географического содержания Эоловы острова прямо характеризуются стихами из "Одиссеи", 10. 3 сл. Следовательно, направление на Итаку с запада на восток указывалось верно, но в этом случае Одиссею надо было сначала либо обогнуть Сицилию, либо пройти с кораблями через беспокойный Сицилийский пролив. Таким образом, соблазнительная попытка найти реальный прототип для острова Эола наталкивается на известные трудности, и значительно проще локализовать его где-то на далеком западе, подобно острову Калипсо.

Ст. 47. *Мех был развязан...* – Остаток фольклорного мотива, связанного с нарушением запрета. Хотя здесь запрет со стороны Эола нигде прямо не сформулирован, легко было о нем догадаться. С другой стороны, спутники Одиссея не знали о содержании мешка, так что и в этом отношении мотив запрета выступает в сильно ослабленном виде.

Ст. 56–58 = 9. 85–87. В кн. 10 эти стихи менее уместны. См. ст. 13 и примеч.

Ст. 59. ... *С глашатаем...* – Так как после всего случившегося Одиссей не может больше рассчитывать на благосклонность Эола, он старается придать своему повторному визиту официальный характер, который обеспечивается присутствием глашатая. Тот же случай в ст. 101.

Ст. 68. *Сон роковой и безумие спутников...* – В оригинале несколько иначе: "меня ввели в заблуждение (букв.: ослепили) дурные спутники и вдобавок к ним крепкий сон".

Ст. 72, 75. *Прочь!* – Анафора в переводе соответствует оригиналу.

Ст. 74 сл. ... *ненавистен... ненавистен.* – Одинаковое завершение соседних стихов не находит соответствия в оригинале, хотя мысль его передана верно.

Ст. 81 сл. *Лестригоны* – мифические великаны-людоеды, вошедшие в "Одиссею" из фольклора. *Ламос* в оригинале не название их города, а имя его основателя (Лам). *Многовратный* (τηλέπυλος) может быть принято и за название города Телепил, "Широковратный", которое некоторые исследователи толкуют в пользу его отождествления с подземным царством, всех принимающим. В древности лестригонов локализовали в различных областях от

Сицилии до Центральной Италии. С другой стороны, упоминание Артакийского источника (см. ст. 107 и примеч.) заставлет поселить их в Пропонтиде. Наконец, ст. 82–86 наводят на мысль, что в мифе о лестригонах отразились слухи о северных землях с их короткими летними ночами (точный перевод ст. 86: "ибо сближаются пути ночи и дня"). Таким образом, ясно, что локализация этого сказочного племени такая же попытка с негодными средствами, как и все аналогичные толкования. В глазах автора "Одиссеи" лестригоны жили, по-видимому, где-то на востоке, так как корабль Одиссея вскоре после спасения достигает острова Цирцеи (см. ст. 135 и примеч.).

Ст. 95. *Я ... свой ... корабль поместил в отдаленье от прочих...* – В отличие от приключения у циклопов, где Одиссей оставляет 11 кораблей на Козьем острове, а сам с одним кораблем отправляется на разведку, здесь он поступает наоборот. Смысл этого решения для дальнейшего развития действия ясен: с одной стороны, история странствий героя требовала, чтобы он отплыл на одном корабле, который со временем потерпит кораблекрушение; с другой стороны, из-под Трои Одиссей должен был выйти с 12-ю кораблями (см. 9. 159 сл. и примеч.) Таким образом, потеря всех кораблей кроме одного присоединяла сюжет "поэмы странствий" к героическому преданию о Троянской войне.

Ст. 100–102 = 9. 88–90.

Ст. 104. *В город...* – Как видим, по своему общественному развитию лестригоны находятся на более высокой стадии, чем циклопы. У них есть город и хорошо оборудованная гавань (ст. 87–94), а также *царь*, проводящий на площади народное собрание (ст. 114).

Ст. 105. ... *дева им встретилась...* – еще один реликт фольклорного мотива, в соответствии с которым скиталец встречает на своем пути волшебницу, очаровывающую его, с тем чтобы погубить (ср. роль Кощевны в русских сказках). Здесь, однако, лестригонская дева ограничивается тем, что приводит Одиссея и его спутников к своим соплеменникам.

Ст. 107. *Ключ Артакийский*, реально существовавший источник у Кизика, на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря), должен был быть известен аудитории "Одиссеи" из сказания об аргонавтах (см. 12. 70), которым на их пути также пришлось встретиться с великанами. В контексте нашей поэмы эта подробность в достаточно коротком рассказе о лестригонах является, в сущности, излишней.

Ст. 120. *Великаны* – см. примеч. к 7. 59.

Ст. 133 сл. = 9. 62 сл. = 565 сл.

Ст. 135–138. *Остров Эя* – в античности его помещали у побережья Лация, на западе Италии. Однако происхождение Цирцеи и ее брата Ээта от *Гелиоса*, чей дворец находится, естественно, на крайнем востоке, показывает, что греки времен Гомера представляли себе остров Эю расположенным у восточных пределов Океана (см. 12. 1–4). Более поздняя локализация привязывала его к Колхиде, т.е. кавказскому побережью Черного моря. Во встрече Одиссея с Цирцеей нашли отражение многочисленные фольклорные сюжеты, распространенные в сказках разных народов. Это, прежде всего, неожиданное вмешательство Гермеса в качестве доброго волшебника, который вручает Одиссею спасительный корень, избавляющий его от происков колдуньи (ст. 302–306). Затем – угроза мечом (ст. 321 сл.) и воздержание героя от полового общения с завлекающей его волшебницей, пока она не даст клятвенного заверения в том, что не причинит ему вреда (ст. 337–344). Обычно такая волшебница (ведьма) несет наказание за свои замыслы против "доброго молодца". В одной былине о Добрыне он становится жертвой некой Маринки, которая завораживает его и превращает в серого волка. По прошествии двух лет, двух месяцев, двух недель и двух дней мать Добрыни идет к Маринке и грозит превратить ее в собаку или в сороку. Та возвращает Добрыне прежний облик, и он сражает ее стрелами из лука. В "Одиссее" этот мотив значительно смягчен: Цирцея превращается в помощницу героя, так как она нужна автору, чтобы предостеречь Одиссея от еще ожидающих его испытаний (12. 37–141). В одной из сказок братьев Гримм герой попадает в таинственный лес (ср. ниже, ст. 150), где ведьма прикосновением жезла (ср. ст. 238) превращает

его в камень. Отправившийся на розыски пропавшего его брат не поддается хитростям колдуньи и заставляет ее вернуть превращенному человеческий облик. Вместе с ним освобождаются от чар и другие заколдованные ведьмой люди. *Дева...* – Добавление переводчика. *Сладкоречивая...* – В оригинале сказано: "страшная (так как владеет колдовским искусством), одаренная человеческим голосом (обычно боги обладают сверхмощным голосом)". Ээт назван *кознодеем,* потому что он изыскивал способ погубить Ясона, приплывшего за золотым руном.

Ст. 143 сл. = 9. 175 сл.

Ст. 178 сл. ... *снявши Верхние платья...* – В оригинале: "раскутавшись", т.е. отбросив одежду, которую они натянули себе на голову в знак траура по товарищам, погибшим от рук лестригонов.

Ст. 183–187 = 9. 556–560.

Ст. 189 – формульный стих (ср. 12. 271, 340) здесь не совсем к месту после обильного пира на берегу (ст. 183 сл.) Стих был заподозрен как интерполяция еще александрийскими грамматиками.

Ст. 190–192 – достаточно загадочные: за три дня пребывания на острове Одиссей и его спутники имели довольно времени, чтобы понять, где запад и где восход (ср. ст. 187). Может быть, это метафора из языка моряков, обозначающая, что они сбились с пути?

Ст. 206. *Жеребьи ... потрясли мы...* – Древние греки не тянули жребий, запуская руку в шлем (так каждый мог опознать брошенный им для жеребьевки предмет), а встряхивали его, следя за тем, чей жребий выскочит при этом наружу.

Ст. 208. ... *Двадцать два...* – Экипаж на корабле Одиссея состоял первоначально, как обычно, из 50 гребцов (см. 8. 35 сл. и примеч.). Поскольку Одиссей поделил оставшихся на две половины, автор, как видно, учитывает, что шестеро погибли в пещере Циклопа, забывая, что до этого еще шестеро стали жертвой киконов (см. 9. 60 и примеч.). Делать из этой забывчивости вывод о позднем происхождении эпизода у киконов едва ли есть основание.

Ст. 210–242. Рассказ Одиссея подменяет здесь авторскую речь: о том, что произошло, он узнал только позже от Еврилоха.

Ст. 213. *Питьем очарованным их укротила Цирцея.* – Стих этот понимают по-разному. Либо Цирцея смягчила нрав диких зверей и сделала их ручными (так понял и Жуковский), либо львы и волки – в прошлом люди, превращенные в зверей с помощью злого зелья (κακὰ φάρμακα). Ср. ст. 432.

Ст. 218. ... *остролапые львы...* – В оригинале: "с сильными когтями", причем эпитет относится и к волкам. ... *шершавые...* – Дополнение переводчика.

Ст. 220 сл. *К дому... устремились.* – Собственно: "остановились перед дверью" (ср. ст. 310).

Ст. 222 сл., 227. *...сидя за ... Тканью...* – См. 5. 62 и примеч.

Ст. 227. *...гармонией... наполняя.* – Понятие "гармонии" в музыкальном значении отсутствует у Гомера. Слово ἁρμονίη обозначает у него "соединение вместе", "скрепу", "связь".

Ст. 232. *...усомнившись...* – В оригинале сильнее: "заподозрив коварство".

Ст. 234 сл. *Прамнейское вино* – красное и очень крепкое вино; *светлое* – дополнение переводчика.

Ст. 236. ... *чтоб память ... пропала...* – Собственно, излишняя мера, в которой Цирцея не нуждается, чтобы превратить людей в свиней. (Отклик на эту подробность – ст. 397.) К тому же далее сообщается (ст. 240), что они не утратили человеческого разума.

Ст. 237 сл. ... *ударом ... жезла.* – См. 13. 429 и примеч.

Ст. 242. *Свидина* – дерево "кизил кровяной" (cornus sanguineus), с ветвями красного цвета.

Ст. 252–258 во многом повторяют ст. 226–232 с соответствующей переменой лица рассказчика. 256 сл. = 230 сл.

Ст. 253, повторяющий 211, отсутствует в большинстве рукописей; вероятно, позднейшая вставка.

Ст. 264 сл. *...на колена ... упав...* – Собственно: "обхватив обеими руками (мои) колени" (см. ст. 324).

Ст. 265 – формульный стих, отсутствующий в большинстве рукописей, считается здесь позднейшей вставкой. Ср.: 2. 362; 11. 154, 472, 616; 16. 22; 17. 40.

Ст. 266. *... повелитель...* – В оригинале обычный эпитет героев – "вскормленный Зевсом". Без нарушения ритма и смысла можно было бы перевести "богоравный". См. перевод в ст. 443.

Ст. 283. *Всех обратила в свиней...* – Здесь Одиссей впервые слышит о том, что произошло с его спутниками; иначе трудно было бы объяснить его слова в ст. 338.

Ст. 290. *Пойло* – для современного читателя звучит как питье для скота. В оригинале речь идет о кикеоне – той же самой смеси, которая упоминается в ст. 234 и не может вызывать отвращения.

Ст. 301. *... мужество... все ты утратишь.* – Здесь отражено обычное представление древних греков, по которому смертный, разделивший ложе с богиней, теряет мужскую силу. Впрочем, на Одиссея это правило, как видно из его отношений с Калипсо и затем с Цирцеей, не распространяется. Поэтому в оригинале есть еще один, более прагматический оттенок: сняв одежду, Одиссей останется безоружным, так как должен сначала освободиться от перевязи, которая держит меч. Ср. ст. 341.

Ст. 305 сл. *Моли* – волшебная трава, имеющая магическое значение, как в русском фольклоре – цветущий папоротник (ср. "Ночь под Ивана Купалу" Гоголя). Какое именно растение имеется в виду, не знали уже древние. Феофраст в "Истории растений", IX. 15. 7, отождествлял его с особым сортом чеснока, росшим в равнине реки Пенея и на горе Киллене в Аркадии. Едва ли, однако, есть необходимость приписывать автору "Одиссеи" столь обширные ботанические познания; на сказочном острове Цирцеи могло расти любое волшебное растение. В современной лингвистике греческое μῶλυ сближают с санскритским mūlam "корень", и этого значения достаточно, чтобы приписать моли чудодейственное свойство. ... *людям опасно С корнем его вырывать...* – В оригинале: "смертным его трудно выкапывать", как и всякую волшебную траву. Далее, к сожалению, не указано, как должен был Одиссей применить моли, – хранить при себе, как талисман? Разжевать и проглотить?

Ст. 307. ... *подав мне растенье...* – Повторение этих слов из ст. 302 создает впечатление "рамочной композиции", в оригинале отсутствующей.

Ст. 315, повторяющий 1. 131, исключал Аристарх; нет его и в некоторых рукописях.

Ст. 321 сл. – Ср. 294 сл.

Ст. 334. *Ложе мое...* – В оригинале: "наше"; Цирцея уверена в длительном пребывании у нее Одиссея.

Ст. 343 сл. = 5. 178 сл. Одиссей так же требует *клятвы* от Цирцеи, как впоследствии – от Калипсо.

Ст. 345 сл. = 15. 437 сл. = 18. 58 сл.

Ст. 350. *Все они дочери были потоков...* – т.е. нимфы, прислуживавшие в доме Цирцеи.

Ст. 364 сл. – Ср. 3. 466 сл.; 8. 454 сл.

Ст. 366 сл. = 314 сл.

Ст. 368–372, повторяющие 1. 134–138 (см. примеч.), многие современные исследователи считают позднейшей интерполяцией, так как все приготовления к еде уже сделаны: столы пододвинуты к креслам, хлеб подан (ст. 354 сл.).

Ст. 374. ... *с недобрым предчувствием...* – В оригинале не вполне удачно употреблено словосочетание, встречающееся ниже, 18. 154, и в Ил. XVIII. 224: там действительно персонаж предчувствует недоброе. Здесь же Одиссей уже знает обо всем случившемся, и сердце его скорбит о еще не возвращенных спутниках (ср. в оригинале: "но я сидел, думая о другом", т.е. не об еде, а о товарищах).

Ст. 421. *Что их постигло?* – Неточный перевод. В оригинале: "поведай о гибели остальных товарищей"; увидев, что Одиссей возвращается один и зная от Еврилоха об исчезновении его спутников, оставшиеся на корабле уверены, что остальные погибли.

Ст. 423 сл. = 403 сл. с переменой формы глагола.

Ст. 430 – позднейшая вставка, введенная по образцу 4. 77.

Ст. 432. ... *она превратит вас...* – О превращении спутников в свиней Еврилох ничего не мог знать; его опасение вызвано, очевидно, видом львов и волков, в которых он подозревает заколдованных Цирцеей людей (см. ст. 213 и примеч.). Не исключается, впрочем, что автор бессознательно поделился знанием ситуации со своим персонажем.

Ст. 433. ... *шершавых ... лесных густогривых...* – Добавления переводчика.

Ст. 441. *Был мне и родственник близкий...* – Возможно, предполагается, что Еврилох был женат на Ктимене, сестре Одиссея, имя которой здесь, однако, не названо. См. 15. 363 и примеч.

Ст. 450. *Баней себя освежили...* – В оригинале омовение спутников Одиссея совершает сама Цирцея: "омыла и умастила жирным маслом". См. 3. 464–466 и примеч.

Ст. 455 сл. = 400 сл. Впрочем, ст. 456, отсутствующий в большинстве рукописей, является, вероятно, интерполяцией под влиянием ст. 401, где Цирцея обращается к одному Одиссею.

Ст. 469 сл. – Ср.: 19. 152 сл.; 24. 142 сл. Впрочем, ст. 470 отсутствует во многих рукописях и считается обычно поздней вставкой по образцу 19. 153 = 24. 143.

Ст. 472. ... *несчастный...* – Неточный перевод. В оригинале – многозначное обращение δαιμόνι(ε) – "странный", "чудной".

Ст. 476–478 = 183–185 = 9. 556–558 = 12. 29–31; ст. 475 = 12. 28.

Ст. 482. ... *исполни свое обещанье...* – Собственно, Цирцея такого обещания не давала, а только предложила Одиссею и его спутникам отдохнуть у нее от перенесенных испытаний (ст. 456–465).

Ст. 492 сл. *Душу ... Душу...* – Анафора не находит соответствия в оригинале.

Ст. 494. ...*в аде...* – Убежище умерших древние греки называли Гадесом или Аидом (ср. ст. 512).

Ст. 496–499 = 4. 538–541 с небольшой заменой.

Ст. 507. ...*передам я Борею...* – Борей – ветер, дующий с севера. Океан и вход в подземное царство предполагаются на юге или юго-западе по отношению к острову Эе.

Ст. 510. ... *свой теряющих плод...* – до его созревания, что указывает на их близость к бесплодному царству Аида. ...*из тополей черных...* – См. 5. 64 и примеч.

Ст. 513–515. *Быстро бежит там...* – Автор представляет себе здесь расположение рек в подземном царстве таким образом, что две большие реки – *Пирифлегетон* ("пылающий огнем") и *Стикс* ("внушающий ужас") с его притоком *Коцитом* ("рекой воплей"), сливаясь, низвергаются в пропасть, где они впадают в *Ахерон* (его название греки сближали со словом ἄχος "боль, печаль, горе"). Современного читателя больше всего удивляет отсутствие среди них наиболее известной ему Леты – реки забвения.

Ст. 517–525 = 11. 25–33 с заменой глагольных форм.

Ст. 518–527. Описываемая здесь процедура жертвоприношений соответствует реальному ритуалу, принятому в Древней Греции для умилостивления умерших. Мрачному бесплодию мертвых отвечает принесение в жертву коровы, *тельцов не имевшей* (ст. 522), и животных *черной* масти (ст. 527).

Ст. 519. ... *смесью медвяной...* – т.е. смесью из молока и меда.

Ст. 523. ... *драгоценностей много...* – Точнее: "ценных даров", под которыми едва ли разумеются не сгорающие в огне изделия из драгоценных камней и металлов.

Ст. 526, 530. – Ср. 11. 34, 37.

Ст. 527. ...*к Эреву...* – т.е. в самую глубину подземного царства.

Ст. 528. ... *обратясь к Океану...* – Точнее: "а сам отвернись назад, к водам реки", т.е. Океана. При вызывании душ умерших опасно оборачиваться в их сторону.

Ст. 531–537 с небольшими вариантами = 11. 44–50.

Ст. 539 сл. = 4. 389 сл. В остальном, ст. 538–540 вызывают со стороны исследователей различное к себе отношение. Одни считают их позднейшей вставкой, так как в 11. 100–137 Тиресий ничего не говорит об обратном пути, кроме запрета покуситься на коров Гелиоса (ст. 110–115). Другие полагают, что автор, воспроизводя здесь, как и в ст. 496–499, соответствующие пассажи из кн. 4, сознательно сопоставляет судьбу двух героев, Менелая и Одиссея, после отплытия из-под Трои: в то время как первый, преодолев все беды, уже наслаждается мирной жизнью, второму предстоят еще новые испытания.

Ст. 543–545 = 5. 230–232.

Ст. 546 сл. = 12. 206 сл. с небольшими вариантами.

Ст. 558–560 = 11.63–65.

Ст. 564 сл. = 491 сл.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Встреча в подземном царстве

Книга 11 вызвала особенно ожесточенную дискуссию между аналитиками и унитариями. Все согласные в том, что нисхождение в Аид представляет кульминацию странствий героя и является необходимой составной частью поэмы, хотя здесь оно и заменено вызыванием душ к входу в подземное царство. Расхождения начинаются по вопросу о том, насколько согласуются между собой отдельные части книги.

Аналитикам повод для подозрений в далеко идущей интерполяции дают главным образом два раздела. (а) Ст. 225–332, т.е. так называемый “каталог жен”, не имеющий никакого отношения к странствиям Одиссея и восходящий то ли к известным в многих отрывках псевдогесиодовским “Эоям” (“Каталогу женщи”), то ли к общему с ними более раннему, “догомеровскому”, источнику. В этой части поэмы обращает на себя внимание отход от диалогической формы, принятой в предшествующем (ст. 90–224) и последующем (ст. 385–564) разделах: Одиссей совершенно забывает о своем присутствии и уступает место эпическому поэту. Крайне неравномерно представлены отдельные персонажи: об одних говорится достаточно обстоятельно (Тиро и ее потомство, ст. 235–259, при том, что к Нелею автор возвращается вскоре снова и приводит подробности, вовсе далекие от Одиссея, ст. 281–297; Эпикаста, ст. 271–280), о других – вкратце (ст. 321–327), третьи только названы (ст. 320). Имя Ифимедеи служит поводом для пространного рассказа не о ней, а о ее сыновьях, покушавшихся завоевать Олимп (ст. 305–319). Поэтому не без основания аналитическая критика объясняет включение в поэму “каталога жен” тем, что возведение тех или иных аристократических фамилий к знатным прародительницам (особенно – соединившимся с богами) повышало их авторитет и представляло интерес для слушателей, укрепляя в них местный патриотизм. Сам же состав каталога и мера подробности при изложении могли меняться от случая к случаю. (б) Ст. 565–627. Эти стихи считал интерполяцией еще Аристарх, и его мнение разделяется многими современными исследователями. В его пользу говорят следующие соображения. (1) До сих пор все герои выходили из недр Аида, чтобы поговорить с Одиссеем (большей частью указывается, что они напились жертвенной крови, ст. 98, 153, 390; в других случаях это предполагается само собой, ср. ст. 147–149). Здесь же он не мог бы увидеть перечисляемых далее героев и наблюдать их мучения, если бы сам не проник в Аид и не совершил его обход. Таким образом, возникает явное противоречие между вызыванием душ из подземного царства и нисхождением в него. (2) В предыдущей части специально подчеркивалась бесплотность теней умерших, их неспособность управлять своими членами, утрата ими (кроме Тиресия) разума (ст. 205–222); здесь же Минос творит суд, Орион гонит дубиной зверей, Титий, Тантал, Сизиф испытывают человеческие муки, что скорее соответствует более позд-

ним представлениям о загробном воздаянии, которые развивало в 6 в. мистическое учение орфиков. Гомеровскому эпосу эти представления совершенно чужды. (3) Ст. 565–567 составляют неудачный переход от описания мрачного величия Аякса к последующему повествованию: где и когда стал бы говорить с ним Одиссей? Опять же, последовав за ним в глубину Аида? (4) Ст. 628 сл. не имеет смысла после того, как Одиссей уже видел могучих героев прошлого, зато хорошо примыкает к ст. 564, объясняя вместе со следующими стихами, почему Одиссей так и не сумел дождаться теней других героев. Менее единодушна аналитическая критика в оценке так называемого "интермеццо", вклинивающегося между ст. 332 и 385 и выполняющего несколько композиционных задач: оно вводит рассказ о судьбе других ахейских вождей, соратников Одиссея, обосновывает задержку с его отправлением на родину и содержит дополнительную характеристику общественного устройства у феаков.

Унитарии, не опровергая по существу доводы аналитиков, защищают единство кн. 11, главным образом, с точки зрения мировоззрения автора и используемых в ней композиционных приемов. Если в кн. 9, 10 и 12 автор помещает своего героя на зыбкой грани между миром реальности и фантастики (а к последнему могут быть в известном отношении причислены и кн. 7 и 8, поскольку в описании острова феаков нет недостатка в элементах утопии), то в кн. 11 тот же герой оказывается на пересечении мира живых и мира умерших. Связующим звеном между ними служат три эпизода из истории Ельпенора, охватывающие три смежные книги (его смерть, появление его души у входа в Аид, его погребение: 10. 551–560; 11. 51–80; 12. 8–15). Второй довод унитариев – симметрия в расположении материала внутри кн. 11. Встрече с тремя персонажами в первой ее половине (Ельпенором, Тиресием, Антиклеей, 51–224 = 174 стиха) соответствует встреча с таким же числом персонажей во второй половине (Агамемнон, Ахилл, Аякс, 385–565 = 180 стихов). Каталог жен (235–332 = 108 стихов) в какой-то мере уравновешивается рассказом об остальных героях, встреченных в Аиде (566–630 = 65 стихов). Посередине кн. 11 оказывается уже упомянутое "инермеццо".

Признавая справедливость изложенных наблюдений, следует все же заметить, что ни один аналитик не отрицает значения самого путешествия Одиссея ко входу в Аид для художественной концепции автора, так же как невозможно пренебречь описанным выше различием в представлениях о подземном царстве. В конечном итоге доводы аналитиков оказываются более весомыми.

Ст. 6–10 = 12. 148–152. *...повинуясь кормилу...* – Автор упустил из виду сказанное в 10. 506 сл.: кораблю будет сопутствовать Борей, и, стало быть, нет необходимости править рулем.

Ст. 8. *...приветноречивою...* – См. примеч. к 10. 135–138.

Ст. 14–19. Отношение названных здесь киммериян к исторически существовавшему народу киммерийцев, вторгшихся на рубеже 8–7 вв. в Малую Азию и в течение всего 7 в. угрожавших ее спокойствию, является очередным предметом длительной дискуссии. Киммерийцев в "Одиссее", проживающих у *глубокотекущих вод Океана* (ст. 13), т.е. далеко на западе, трудно отождествить с реальными киммерийцами, которые проникли на Кавказ и в Малую Азию, вероятно, из Северного Причерноморья. С другой стороны, описание в поэме их местожительства как страны вечной ночи, куда никогда не заглядывает солнце, противоречит движению корабля Одиссея с севера на юг или юго-запад (19. 507 и примеч.). Вероятнее всего, и здесь автор имел дело с племенем из области народной фантазии, местонахождение которого не отличалось определенностью.

Ст. 25–33 = 10. 517–527 с заменой глагольных форм. Ср. также ст. 34, 37 и 10. 526, 530.

Ст. 37 сл. *Души...Души...* – См. 10. 492 и примеч.

Ст. 38–43 античная критика считала интерполяцией, и это мнение разделяют многие современные исследователи: изображение душ, поднявших *крик несказанный*, противоречит дальнейшему представлению о безмолвных тенях, пребывающих в царстве мертвых. Иссле-

дователи, отстаивающие подлинность этих стихов, полагают, что указанное противоречие мог допустить и сам автор "Одиссеи".

Ст. 44–50 = 10. 531–537 с незначительными вариантами.

Ст. 51. *...душа Эльпенора...* – См. 10. 552–560. По греческим поверьям, душа умершего не находит себе успокоения в Аиде, пока тело его не похоронено или хотя бы не совершены необходимые погребальные обряды. Отсюда обычай воздвигать кенотафы (см. 9. 65 и примеч.). В Ил. XXIII. 65–76 являющаяся Ахиллу во сне тень Патрокла требует ускорить его погребение, так как иначе другие тени не пускают ее в Аид. В особом положении оказывается и Ельпенор: не будучи похоронен, он находится за пределами Аида и поэтому еще не утратил сознания.

Ст. 63–65 = 10. 558–560.

Ст. 82. *...отгоняющий тени...* – В переводе не делается различия между понятиями "душа" и "тень" – они взаимозаменяемы. Между тем в оригинале слово "тень" (σκιή) употребляется во всей поэме только два раза в сравнении с душой умершего (10. 495; 11. 208), – во всех остальных случаях говорится о душе (ψυχή), остающейся после смерти. Это касается эпизода в Аиде и в 24. 1–204.

Ст. 92. Этот стих иногда считают интерполяцией, как и 10. 456. Но там он действительно является лишним (см. примеч.), здесь же трудно себе представить, как иначе могла бы душа Тиресия обратиться к Одиссею.

Ст. 96–99. *По правде пророчить ... по правде пророча.* – Одинаковое завершение стихов не находит соответствия в оригинале.

Ст. 100–137. Прорицание Тиресия вызывает неоднозначное отношение со стороны исследователей. Представители аналитического направления указывают на то, что гораздо более подробные советы на будущее дает впоследствии Цирцея (12. 37–141), а Тиресий ограничивается только предостережением относительно стада Гелиоса. Унитарии, напротив, полагают, что автор сознательно поделил предсказание о судьбе Одиссея между Тиресием и Цирцеей: первый объясняет причину несчастий, преследующих героя (гнев Посидона), и предостерегает от того, чтобы не вызвать гнев еще одного бога – Гелиоса; наставления Цирцеи носят более прагматический характер. Кроме того, Тиресий затрагивает будущее Одиссея, раздвигая, таким образом, хронологические рамки поэмы. Доводы унитариев представляются здесь более убедительными, так как исключение из кн. 11 свидания Одиссея с Тиресием лишило бы вообще всякого смысла посещение Аида.

Ст. 102 сл. = 13. 342 сл.

Ст. 106. *...знойной...* – Добавление переводчика; в оригинале нет никакого указания на климат острова.

Ст. 108. *Тучных быков...* – См. 1. 8 и примеч. И в самом деле, кто содержит быков стадами?

Ст. 109. *...все знает.* – Добавление переводчика: всезнание не входило в полномочия Гелиоса.

Ст. 110–114 = 12. 137–141.

Ст. 113. *...тебе...* – Добавление переводчика. В оригинале сказано: "предвещаю гибель кораблю и спутникам; сам же ты..." Переведя правильно *сам ты избегнешь*, Жуковский не заметил противоречия с добавленным им *тебе*.

Ст. 114 сл. – Ср. 9. 534 сл.

Ст. 122–136 = 23. 269–283 с заменой личных форм глагола.

Ст. 122 сл. *Покуда людей не увидишь... пищи... не солящих.* – В античности эту страну отождествляли с Эпиром, где был издревле известен культ Одиссея. Однако к обитателям Эпира, чье побережье омывается Ионийским морем, едва ли подходят ст. 123–130. Другой претендент на место, где окончатся странствия Одиссея, – гористая Аркадия; ее жители приписывали Одиссею введение у них культа Посидона (ср. ст. 130 сл.), и на монетах города Ман-

тинеи изображался Одиссей с веслом. Что удаленный от моря народ никогда не солит пищи, вполне закономерно для того времени, когда соль умели добывать только из морской воды.

Ст. 125. *Пурпурногрудых...* – См. 9. 125 и примеч.

Ст. 129 сл. *...ты окончил ... странствие.* – Добавление переводчика. В оригинале сказано: "водрузив весло в землю и принеся жертву Посидону... ты вернешься домой".

Ст. 131. *...барана, быка и ... вепря...* – Особенно торжественное жертвоприношение, упоминаемое у Гомера только здесь. У римлян ему соответствовали suovetaurilia. Поручение Тиресия должно содействовать распространению культа Посидона (см. примеч. к ст. 122 сл.).

Ст. 135 сл. *...кончину Встретишь...* – Как видно, автор "Одиссеи" не учитывал существования мифа о встрече Одиссея с Телегоном (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 2).

Ст. 139. *...предназначили...* – См. 1. 17 и примеч.

Ст. 170. *...мне скажи...* – Далее следуют три вопроса, которые в оригинале занимают каждый по три стиха (171–173, 174–176, 177–179). Второй и третий вопросы вводятся анафорическим εἰπὲ δέ μοι (в переводе: "также скажи...").

Ст. 175 сл. *Царский мой сан сохранился ли им?* – Точнее: "моя почетная должность", под которой обычно разумеется царская власть. *Иль другой уж Избран?* – В оригинале: "или ктонибудь другой ею владеет?"; выборных царей гомеровский эпос не знает.

Ст. 181–183 = 16. 37–39.

Ст. 182 ст. = 13. 337 сл.

Ст. 184. *...никому от народа не отдан...* – В оригинале: "никто не владеет".

Ст. 185. *Дома своим Телемак достояньем владеет...* – Антиклея ничего не знает о беспутстве женихов, которое началось уже после ее смерти. Но и Телемах был к этому времени еще слишком мал, чтобы выполнять обязанности судьи (δικασπόλος ἀνήρ), как это написано в оригинале (в переводе: "облеченный саном высоким").

Ст. 192. *В летнюю знойную пору иль поздней порою осенней...* – Собственно, Гомер различает только три времени года: зиму, весну и лето, причем последнее делится, как здесь, на две части: раннюю, до конца нашего июля (θέρος), и позднюю (ὀπώρη), до осеннего солнцеворота и наступления зимних бурь; это время соответствует нашей ранней осени.

Ст. 206 сл. *Три раза...* – Анафора воспроизводит стиль оригинала.

Ст. 215. *...мать благородная...* – Собственно: "почтенная" (πότνια); частое определение матери (ср. в оригинале также 11. 180), прилагаемое даже к матери нищего Ира (ниже, 18.5; в переводе здесь эпитет опущен).

Ст. 225–332. – См. вступительную заметку к кн. 11.

Ст. 245 – интерполяция: первое полустишие употребляется применительно к девушке, а не к замужней женщине. Аналогично, *деве* в ст. 244 перевода соответствует в оригинале "женщина", "жена".

Ст. 260. *Антиопа* – см. СМС.

Ст. 263. *...Фив...основанье...* – По наиболее распространенной версии, Фивы основал Кадм; по его имени их акрополь, а иногда и весь город называли Кадмеей. *Амфион* же и Зеф (*Цетос* у Жуковского) обнесли каменной стеной город, т.е., видимо, заселенную часть долины, простиравшейся у подножья акрополя.

Ст. 266. *Алкмена...* – см. СМС.

Ст. 268. *...целомудренно...* Добавление переводчика. В глазах древних греков, связь с богом не нуждалась в такого рода оправдании.

Ст. 269. *Мегара* – см. СМС: Геракл.

Ст. 271. *Эпикаста* – см. СМС: Эдип.

Ст. 277. *...двери сама отворила...* – Неточный перевод. В оригинале сказано: "она же ушла в дом могучего привратника Аида", который (привратник) следит, чтобы двери в подземное царство всегда были закрыты для находящихся в нем.

Ст. 283. *Деву прельстивший...* – Из перевода можно сделать заключение, что Нелей добивался от самой Хлориды согласия на брак. На самом деле, сказано: "сделал огромные подарки (принес огромные дары)" – разумеется, отцу девушки.

Ст. 289–297. *...быков круторогих...* – См. выше, примеч. к ст. 108. *Нелей* соглашался выдать замуж свою дочь Перб (в переводе – *Перу*) только за того, кто приведет ему стадо коров, похитив его у Ификла (в переводе – *Ификлес*), царя *Филаки*, в Фессалии. Сделать это взялся *прорицатель* Меламп (не названный здесь по имени, но см. 15. 225–240), который хотел, чтоб Перо выдали замуж за его брата Бианта. Однако в Филаке Меламп был схвачен и провел год в темнице, после чего Ификл отпустил его за то, что тот открыл ему *тайны богов* (точнее: "речи", "замыслы"), а именно, как поступить, чтоб у Ификла родился сын. За время отсутствия Мелампа Нелей завладел его имуществом; вернувшись, Меламп отомстил Нелею и отдал Перо в жены Бианту.

Ст. 294 сл. = 14. 293 сл. *Но когда ... пробежали и годы...* – Перевод приблизительный. В оригинале: "когда закончились месяцы и дни, вскоре по завершении года (одного, а не многих!), когда прошли его времена (ὥραι – времена года)". См. 14. 293, где переведено правильно.

Ст. 300. *Кастор* и *Полидевк* – см. СМС.

Ст. 315. *Оссу на древний Олимп...* – Согласно более частной версии, Алоады пытались взгромоздить *Оссу* на *Пелион* (горные хребты в Фессалии), чтобы взять приступом Олимп. Здесь, как видно, они хотят добраться до неба, которое мыслится как обитель богов, вопреки обычному представлению, которое помещало их на Олимпе.

Ст. 321. *Федра, Прокрида, Ариадна* – см. СМС. Включение в "каталог жен" героинь из круга афинских мифов иногда считают интерполяцией, сделанной при записи текста гомеровских поэм при Писистрате. См. 7. 80 сл. и примеч.

Ст. 322. *Минос* (см. примеч. к 19. 172–179) назван здесь *кознодеем*, вероятно, потому, что в построенный для Минотавра лабиринт заключал чужеземцев, предназначенных ему на съедение.

Ст. 326. *Мера* – дочь аргосского царя Прета, охотившаяся вместе с Артемидой, которая застрелила ее, узнав о ее связи с Зевсом. *Климена* – вероятно, супруга Филака и мать Ификла (выше, ст. 290). *Эрифила* – см. СМС: Амфиарай.

Ст. 333 сл. = 131 сл.

Ст. 338. *...мой гость...* – Поскольку Одиссей обратился к *Арете* первой с просьбой о покровительстве (7. 141–153).

Ст. 342 сл. = 7. 155 сл. Хотя ст. 343 отсутствует во многих рукописях и иногда считается позднейшей вставкой, повторение двустишия при имени Эхенея представляется достаточно законным.

Ст. 354 сл. = 9.1 сл.

Ст. 373 сл = 354 сл.

Ст. 387–389 = 24. 20–22.

Ст. 395 сл. = 55 сл.

Ст. 401 сл. = 24. 111 сл.

Ст. 402 сл. *...кривороглх быков...* – См. выше, ст. 108 и примеч. *...во граде, где жен похищал...* – Перевод несколько вольный (в оригинале: "убили ...тебя, сражавшегося за город и женщин"), хотя по существу верный: разрушение города и увод в рабство женщин были целью всякой военной акции.

Ст. 421. *Кассандра* – см. СМС: Агамемнон.

Ст. 422. *...во грудь...* – Добавление переводчика. Вероятнее, что коварная (в переводе опущено) Клитемнестра нанесла удар сзади.

Ст. 423 сл. *...попытался ... руку к мечу протянуть...* – В оригинале: "я пытался поднять руки (чтобы защитить Кассандру?), но опустил их на землю, умирая, пронзенный мечом".

Ст. 430. *...богами ей данному...* – Добавление Жуковского, вносящее в текст чуждое древним грекам представление (“Браки заключаются на небесах”).

Ст. 435–443 были заподозрены как интерполяция александрийскими филологами – Аристофаном Византийским и, возможно, Аристархом. Достаточных оснований для этого нет.

Ст. 454–456 были заподозрены как интерполяция античными филологами и некоторыми современными исследователями, так как они мешают переходу от рассказа Агамемнона к вопросу об Оресте и противоречат характеристике Пенелопы, данной в ст. 444–446. Защитники этих стихов указывают, напротив, что после всех похвал Пенелопе Агамемнон возвращается к мысли о своей жене-изменнице и что Одиссей целиком следует его совету вернуться на Итаку незамеченным.

Ст. 459. *Орхомен* и *Пилос* названы как достаточно удаленные от Микен места, *Спарта* – как царство Менелая, где Орест мог найти убежище у своего дяди.

Ст. 467–470 = 24. 15–18, кроме небольшого различия в самом начале.

Ст. 485. *...над мертвыми царствуя...* – Точнее: “обладая господством среди мертвых” (царем их был Аид). Одиссей делает такой вывод при виде сопровождающих Ахилла теней. Соответственно, в своем ответе (*нежели ... царствовать*, ст. 491) Ахилл не констатирует реальное положение вещей, а говорит о возможности выбора: лучше быть бедняком на земле, чем царем среди мертвых.

Ст. 493, 506. *Мой сын ... Неоптолем.* – См. СМС.

Ст. 497. *...без рук и без ног...* – Не следует понимать буквально. В оригинале: “старость ослабляет у него руки и ноги”.

Ст. 503. *...старость его оскорбивших.* – Перевод внушает мысль, что Ахиллу известно что-нибудь о бедственном положении Пелея. Смысл оригинала несколько другой: “тех, кто захотел бы силой лишить его положенного почета”.

Ст. 524 сл. *...двери громады Мне ... поручили ахейцы.* – Переводчик исходил из значения слова λόχος “засада”. Между тем ст. 525 был исключен Аристархом и находится под сомнением у современных издателей по следующим причинам. (1) Он повторяет Ил. V. 751 = VIII. 395, где речь идет об облаке, тумане (νεφος), окутывающем Олимп. Замена νεφος на λόχος привела к не слишком удачному образу: “разверзать и замыкать засаду”, тем более что перед Одиссеем такая задача не ставилась. (2) С исключением ст. 525 вторая половина ст. 524 получает вполне законченный смысл.: “мне же было поручено всё”, т.е., как бы мы сказали, “общее руководство всеми”, находившимися в деревянном коне, что Одиссей и делал (см. 4. 284–289).

Ст. 539. *Асфодилонский луг* – ошибочно переведенное переводчиком как имя собствнное прилагательное ἀσφοδελός, т.е. луг, где произрастает асфодель – растение, похожее на лилию. Его корни употребляли в пищу бедные люди. См. Гесиод, *ТиД*, 4.

Ст. 544 сл. *...на победу Злобясь мною...* – См. СМС: Аякс 1.

Ст. 565–627. См. вступительную заметку к кн. 11.

Ст. 569. *...умерших судил он...* – В эти стихи не следует вносить более позднее представление о Миносе как о судьбе умерших за их земную жизнь (впервые у Платона, Горгий. 523 е 6–7). Здесь Минос продолжает властвовать над мертвыми, как он властвовал над живыми, предоставляя каждому его долю прав (δίκας).

Ст. 577. *Десятина* – в оригинале πέλεθρον (класс. πλέθρον), собственно, длина борозды, которую пропахивают на быке, прежде чем повернуть обратно; чуть больше 30 м.

Ст. 581. *...к Пифию...* – Собственно, в Пифó, т.е. к дельфийскому храму Аполлона. *...на лугу Панопейском.* – Панопей – город в Фокиде.

Ст. 582. *Тантал.* – См. СМС.

Ст. 587. *Демон* – см. 2. 135 и примеч.

Ст. 589 сл. = 7. 115 сл.

Ст. 593. *Сизиф* – см. СМС.

Ст. 598. *...обманчивый камень.* – т.е. делающий тщетными любые попытки водворить его на место.

Ст. 604 считается поздней вставкой, заимствованной у Гесиода, *Теог.* 952.

Ст. 610–612. *...ремнем, на котором ... изваяны были...* – Подвиги Геракла были изображены не на ремне, а на позолоченной *перевязи* (ст. 609). *Медведи,* не считая созвездия, упоминаются у Гомера только здесь.

Ст. 621. *...недостойного мужа...* – Микенский царь Еврисфей. Отданный ему в услужение за убийство своей жены и детей Геракл совершил свои знаменитые 12 подвигов.

Ст. 623. *...пса троеглавого...* – Пес Кербер, чье имя у Гомера не встречается, сторож в Аиде; троеглавый – добавление переводчика на основании позднейших представлений.

Ст. 631. *Тезей* – афинский царь, отправившийся вместе с царем лапифов *Пиритоем* (см. 21. 296) в Аид, чтобы похитить в жены последнему Персефону. По позднейшему варианту, Аид прислонил их к стене подземного чертога, так что в их тела стал проникать камень. Спустившийся в Аид Геракл сумел оторвать от стены Тесея, который снова попал в Аид уже после смерти. Ст. 631 подозревают как вставку, сделанную при Писистрате с целью прославить Тесея, легендарного предка афинян.

Ст. 637 сл. = 9. 178 сл. См. примеч.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сирены, Скилла, Харибда, коровы Гелиоса

Ст. 4 *Легкие Оры...* – Добавление переводчика. В оригинале: χοροί, т.е. "места для пляски" (солнечных лучей). Из ст. 3–4 ясно, что остров Эя однозначно представляется расположенным на востоке. См. примеч. к 10. 135–138.

Ст. 6–8 = 9. 150–152.

Ст. 10. *Труп Эльпеноров...* – См. 10. 552–561; 11. 51–80.

Ст. 22 сл. *Дважды узнавшие смерть...* – Смысл прилагательного δισθανής (букв.: дважды умирающий), скорее, "тот, кому суждено дважды умереть". Второй своей смерти Одиссей и его спутники еще не встретили. *Бросьте печаль и беспечно...* – Добавление переводчика, пожелавшего сильнее противопоставить долю умерших возможностях живущих.

Ст. 28–31 = 10. 475–478.

Ст. 38. *...потом и от бога услышишь.* – Неверный перевод, затрудняющий понимание и без того нелегкого стиха. В оригинале: "напомнит тебе об этом само божество". Вероятно, Цирцея хочет этим сказать, что в случае неисполнения ее советов Одиссея постигнут бедствия, в которых он увидит волю богов.

Ст. 39–54, 158–201. В рассказе о Сиренах отражен частый в моряцком фольклоре мотив встречи странника с женщинами, которые очаровывают его и тем обрекают на смерть. Как представлял себе автор внешность Сирен, не ясно. В вазописи, начиная с 6 в., их изображают полуженщинами, полуптицами, в чем современные исследователи видят влияние Востока, но в поэме никакого намека на этот образ нет.

Ст. 41. *...к тем двум...* – Указание на число Сирен перенесено сюда переводчиком из ст. 52 оригинала, где их имя употреблено в двойственном числе. В псевдогесиодовском "Каталоге женщин" (фр. 28 MW) число Сирен доведено до трех и названы их говорящие имена: Фелксиопа – "услаждающая взор (или: своим ликом)", Мольпа – "песнь", Аглаофона – "с искрящимся голосом".

Ст. 45 сл. *...на этом лугу...* – В вазописи (см. примеч. к ст. 39–54) Сирены обычно изображались сидящими на скале. Луг, на котором *белеет Много костей,* надо, по-видимому, представлять себе как прибрежную полосу между скалой и морем, омывающим остров Сирен.

Ст. 49 сл. *Роковой...Голос.* – Определение добавлено переводчиком.

Ст. 59, 73. *Прежде* и *после* – неправильно понятое переводчиком противопоставление: Цирцея сообщает Одиссею не о двух опасностях, ожидающих его одна за другой, а о необходимости выбрать одну из них (ст. 56–58). В оригинале: "здесь (ἔνθεν μὲν, ст. 59)... там же (οἱ δὲ, ст. 73)". В дальнейшем Одиссей предпочитает уклониться от *Бродящих утесов* и провести корабль между Скиллой и Харибдой (ст. 202–224). Что касается Бродящих утесов, то здесь они названы, не как у других авторов, Симплегады ("сталкивающиеся") и Планкты ("бьющие", "ударяющие") – возможно, в результате контаминации двух сказочных образов, автор представлял их себе не столько движущимися, сколько производящими губительный вихрь от разбивающихся об них волн. В греческой мифологии Симплегады были известны уже из сказания об аргонавтах (см. ст. 69–72).

Ст. 61 сл. *...никакая Птица...* – Образ, не известный из других источников.

Ст. 68. *...Пламенным вихрем...* – т.е. кипением волн, разбивающихся о скалы. Ср. 202.

Ст. 73. *...две скалы...* – В одной обитает Скилла (ст. 85), из другой вырывается Харибда (ст. 104). Помещая их на небольшом расстоянии друг от друга, автор объединяет в одном эпизоде два мотива из моряцкого фольклора: встречу с чудовищным зверем-людоедом и необходимость преодолеть препятствие в виде водоворота. В древности проход между Скиллой и Харибдой локализовали в бурном Мессинском проливе; в наше время предлагают и другие проливы – Босфор, Гибралтар, хотя ясно, что никаких точных географических координат автор здесь не подразумевал.

Ст. 86–88 александрийские филологи считали вставкой, сделанной ради сближения имени Скиллы со словом σκύλαξ "щенок". Однако никакого противоречия между ст. 85 и последующими ст. 86–88 нет, а конструирование этимологий на основе исходного звучания двух слов – частый прием у древнегреческих авторов.

Ст. 128. *...быков и баранов...* – Надо: "коров и овец". См. 11. 108 и примеч.

Ст. 132. *Фаэтуса* ("светящаяся") и *Лампетия* ("сияющая") носят говорящие имена, соответствующие их происхождению от бога солнца.

Ст. 137–141 = 11. 110–114: Цирцея повторяет слово в слово пророчество, данное Одиссею Тиресием. Тем самым автор подчеркивает значение, которое он придает поведению спутников Одиссея на Тринакрии.

Ст. 145 сл. = 9. 178 сл. = 11. 637 сл.

Ст. 146 сл. = 90. 103 сл. См. примеч. Впрочем, ст. 147 – скорее всего, вставка, так как он противоречит следующему стиху: при попутном ветре нет нужды грести веслами.

Ст. 148–152 = 11. 6–10.

Ст. 155. *...богиня богинь...* – Преувеличение. В оригинале: "божественная среди богинь", т.е. не смертная, какой она выступала в общении с Одиссеем и его спутниками.

Ст. 169. *Демон* – здесь, очевидно, божество, враждебное мореходам, так как при безветреной погоде корабль медленнее проплывает мимо Сирен, которые получают возможность дольше искушать путников.

Ст. 178 сл. – Ср. ст. 50 сл.

Ст. 189, 191. *Знаем мы...* – Анафора воспроизводит стилистическую фигуру оригинала. Слова Сирен, гордящихся своим знанием прошлого и настоящего, напоминают, Муз в изображении Гесиода, *Теог.* 27 сл.

Ст. 193. *...подал я знак...* – Кивком головы или движением глаз (оригинал допускает оба толкования), так как руки у Одиссея были связаны, а у его спутников уши заклеены воском.

Ст. 202. *Дым и ... шум*, производимые Планктами. – См. выше, примеч. к ст. 68.

Ст. 206 сл. = 10. 546 сл.

Ст. 212. *Всех вас избавил...* – В оригинале сказано: "однако и оттуда, благодаря моей доблести, замыслу и уму, мы бежали". Одиссей с полным основанием умалчивает о том, что шесть его спутников все же стали жертвой Полифема.

Ст. 253. *Рогом быка лугового их ловит...* – Собственно: "забрасывает в море рог", т.е. выпиленное из рога кольцо, через которое продевалась леска, чтобы рыбы не могли ее откусить. Ср. Ил. XXIV. 80–82 (пер. Н.И. Гнедича):

Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.

Ст. 260. *Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды...* – Оригинал допускает здесь двойное толкование. Либо: "избежав скал, одну – страшной Харибды, другую – Скиллы"; либо: "избежав скал (т.е. Планктов), страшной Харибды и Скиллы". Жуковский перевел, приняв первое толкование; в пользу второго говорит 23. 327, где смысл совершенно однозначен.

Ст. 263. *...Гелиосово стадо.* – О священном стаде Гелиоса см. также Гомеров гимн Аполлону, ст. 410 сл.

Ст. 300. *...святотатной рукой не коснетесь...* – Точнее: "никто в губительном безрассудстве не убъет".

Ст. 303 сл. – См. 10. 345 сл. и примеч.

Ст. 312. *Треть совершилася ночи...* – В оригинале: "когда была последняя треть ночи".

Ст. 314 сл. = 9. 68 сл. Вторая половина формульного ст. 315 (*темная ... сошла ночь*) здесь не вполне уместна, так как ночь еще не окончилась.

Ст. 332. – См. 4. 369 и примеч.

Ст. 335. *... я удалился...* – Точнее: "ускользнул", чтобы сотворить молитву в одиночестве.

Ст. 337. *Теплой...* – Добавление Жуковского.

Ст. 338. *Сладкий ... сон* Одиссея приводит здесь к столь же губительным последствиям, как в 10. 31–49.

Ст. 344. *Здесь принесем их богам...* – В жертву сжигались только часть туши, кости, обвитые жиром, и внутренности (ст. 360–365; ср. 3. 457 сл.); остальное поедали те, кто совершал жертвоприношение.

Ст. 345–347. *...воздвигнем ... храм...* – Это единственный обет такого рода у Гомера и единственное упоминание храма в материковой Греции, не считая Ил. II. 549. "Илиада" знает храмы только в Трое и прилегающей к ней Хрисе (I. 39; V. 466; VI. 88, 269, 275, 297, 309; VII. 83), "Одиссея" – в сказочной стране феаков (6. 10, но см. примеч. к 6. 164, 266). Ст. 346 отражает ситуацию в послемикенской Греции, когда в ней, наряду с алтарями, начали возводить храмы, – возможно, под иноземным (восточным?) влиянием.

Ст. 357. *Листьев нарвали они...* – чтобы украсить намеченное для жертвы животное, которое обычно обсыпали ячменем (ср. 3. 445).

Ст. 364 сл. = 3. 461 сл.

Ст. 374–390 выпадают из стиля повествования от первого лица, принятого в кн. 9–12. Возникает вопрос, откуда Одиссей мог знать о том, что происходило на Олимпе? Объяснение, приводимое в ст. 389 сл., только запутывает ситуацию: в кн. 5, где Гермес встречается с Калипсо, нет ни слова ни об испытании, ожидающем Одиссея на Тринакрии, ни о сцене на Олимпе. К тому же сам Одиссей не знал о визите Гермеса на остров Огигию (см. примеч. к 7. 263). Таким образом, эти два стиха больше всего похожи на позднейшую вставку, имеющую целью ответить на поставленный выше вопрос. Что же касается ст. 374–388, то их изъятие, предложенное еще александрийскими филологами и поддержанное некоторыми современными исследованиями, представляется неприемлемым, так как они служат подтверждением мысли, заявленной уже во вступлении (1. 22–24): люди сами отвечают за свои поступки, боги шлют им только заслуженную кару. (О "безрассудстве", ставшем причиной гибели спутников Одиссея и женихов, см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 3.) Поэтому остается только предположить, что автор "Одиссеи" сознательно допустил некоторую неувязку в

изложении ради развития важной для него мысли. Другой пример неувязки в этом же отрывке – вмешательство Лампетии (ст. 375), извещающей Гелиоса о случившемся святотатстве: Солнце, которое все видит (выше, ст. 323), не нуждается в подобном донесении. На это также обращала внимание уже античная критика. Такая непоследовательность, однако, встречается в гомеровском эпосе. Ср. ст. 376, где Гелиос обращается к олимпийским богам, в то время как место его – на небе; или несколько выше, ст. 339–365, где Одиссей рассказывает о том, что произошло, пока он спал.

Ст. 386. *Року подвластных ...* – Добавление переводчика.

Ст. 398. *Били отборных быков.* – В оригинале сказано только, что спутники Одиссея шесть дней подряд пировали, а не занимались убоем скота.

Ст. 403–406 = 14. 301–304.

Ст. 415–419 = 14. 305–309.

Ст. 440. *Юношей тяжбу.* – Перевод, вызванный одним из толкований прилагательного αἰζηός как "юный". Однако другое его значение в качестве определения при слове "муж" – "крепкий", "сильный". Таким образом, здесь речь идет, вероятнее всего, о разборе тяжбы между двумя людьми, который производит на городской площади (агоре) специально назначенный человек.

Ст. 447–449 = 7. 253–255.

Ст. 451. *Мне говорить уж не нужно...* – Одиссей напоминает о рассказанном в 7. 241–297.

КНИГИ ТРИНАДЦАТАЯ – ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эти книги, начиная с 13. 187, составляют третий, самый обширный по объему и главный по содержанию композиционный блок "Одиссеи". К нему с самого начала тяготеют два блока, составляющие первую половину поэмы.

В первом блоке центральной фигурой был Телемах, во втором – Одиссей. В начале третьего блока внимание снова поочередно сосредоточено на каждом из них: на самом Одиссее, находящем приют в хижине Евмея, и на Телемахе, возвращающемся из Спарты. В кн. 16. 172–219 обе линии сливаются. Точно так же объединяются линии Пенелопы и Одиссея: в первой половине слушатель видел Пенелопу на Итаке, Одиссея – у Калипсо и феаков; во второй – Одиссей уже на Итаке присутствует при появлении Пенелопы перед женихами (18. 158–303), ведет с ней две продолжительные беседы (19. 51–308, 508–604), затем она вмешивается на его стороне в спор при состязании (21. 311–358) и, наконец, подвергает его "испытанию" (23. 104–110, 173–181), которое ведет к соединению супругов.

Во втором блоке слушатель был погружен в мир фантастических стран и образов, в третьем он возвращается в мир суровой реальности, и в рассказах Одиссея, хоть они и вымышлены, нет больше места для волшебниц и великанов.

Не удивительно поэтому, что между первым и третьим блоком существуют многочисленные точки соприкосновения. Важнейший мотив отмщения женихам, уже намеченный в кн. 1–4 и повторенный в кн. 11. 116–120, получает неуклонное развитие во второй половине поэмы (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 6). Беспокойству Пенелопы за судьбу Телемаха (4. 675–767) кладет конец доставленное ей известие о его благополучном возвращении (16. 328–339), а несколько стихов, сообщающих о возвращении из засады корабля с женихами (16. 351–354), примыкают непосредственно к кн. 4. 847. Сам Телемах в рассказе о своем путешествии (17. 107–149) кратко резюмирует содержание 3-й и 4-й книг. О хитрости Пенелопы слушатель узнавал в кн. 2. 93–110, затем эта история повторяется в 19. 133–156 и в 24. 128–146. О Лаэрте, для которого Пенелопа готовила саван, вспоминают в первом блоке (1. 185–189; 4. 735–741), во втором (11. 187–196) и снова – в третьем (15. 373–377; 16. 137–145), чем подготавливается встреча отца с сыном в 24. 226–348. Полное развитие получа-

ет в третьем блоке и мотив помощи Одиссею со стороны Афины, также представленный уже во втором блоке (см. Указ. статью, § 2).

Симметричны по содержанию еще три эпизода в двух половинах поэмы: рассказу Агамемнона в Аиде о погребении Ахилла (24. 35–94) соответствует рассказ Одиссея душе того же Ахилла о подвигах его сына Неоптолема (11. 505–537); народному собранию на Итаке, созванному Телемахом (2. 1–259), – народное собрание после гибели женихов (24. 413–471); беседе Зевса с Афиной, предшествующей возвращению Одиссея (1. 22–95), – их разговор, предшествующий установлению мира на Итаке (24. 413–471).

В свою очередь, 3-й блок делится на три части. (1) Кн. 13. 187 – кн. 16: Одиссей, вернувшись на Итаку, встречается с Евмеем, узнает об обстановке в собственном доме и дает узнать себя Телемаху. (2) Кн. 17–20: Одиссей у себя в доме становится свидетелем беспутства женихов и убеждается в верности ему Пенелопы; в этой части мотив предстоящей мести женихам звучит с особой силой. (3) Кн. 21–24: Одиссей расправляется с женихами, дает узнать себя Пенелопе и Лаэрту и готовится к сражению с родственниками убитых женихов, которое благодаря вмешательству Афины кончается примирением. По объему три части 3-го блока примерно равны между собой (1825 + 2031 + 1855 стихов; обратим внимание на симметрию крайних разделов, обрамляющих средний). Границей между первой и второй частями служит, как обычно, ночь. Между второй и третьей частями нет, напротив, никакого разделительного знака: в то время как женихи продолжают бесчинствовать за трапезой, Афина внушает Пенелопе желание устроить состязание между ними в стрельбе из лука (20. 373–394; 21. 1–4). Отсутствие паузы во времени между двумя частями не является случайным: оно способствует дальнейшему нарастанию напряжения – от последнего предзнаменования, сулящего гибель женихам (20. 350–357), во второй части, к расправе с ними – в третьей.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Отплытие Одиссея от феаков и прибытие на Итаку

Ст. 1 сл. = 11. 333 сл.

Ст. 4. *...мой дом меднокованый...* – Та же неточность в переводе, что в 8. 321 (см. примеч.).

Ст. 14. *...себя ж наградим за убытки...* – О стремлении знати переложить свои расходы на народ см. также 19. 197. Здесь эта черта реальной действительности 8 в. не слишком согласуется с идиллическим образом жизни феаков.

Ст. 17. *Все по домам разошлися...* – Здесь кончается день, который начался в 8.1, – пять книг (8–12) посвящены событию одного, 33-го, дня. Следующий за ним займет всего лишь 63 стиха (18–80), причем на этот раз не будет даже сообщено, о чем пел Демодок (ст. 27 сл.).

Ст. 30. *С неба ... сойти...* – См. 4. 785 и примеч.

Ст. 40. *...радуйтесь...* – См. 1. 121 и примеч.

Ст. 42. *Боги Ураниды...* – См. 7. 242 и примеч.

Ст. 43. *...жену без порока нашел...* – Перевод внушает мысль, что речь идет о жене, не запятнанной предосудительным поведением. В оригинале – обычный эпитет ἀμύμων "беспорочная".

Ст. 45. *Сердцем избранной супругой...* – Модернизм переводчика. В оригинале: "с законными женами".

Ст. 47 сл. = 7. 226 сл.

Ст. 49 сл. = 7. 178 сл.

Ст. 56. *...хитромысленный...* – В переводе неудачная замена стоящего в оригинале определения δῖος "божественный". Хотя эпический поэт часто употребляет постоянные эпитеты

героев, не соотнося их с ситуацией, в данном случае автор этого избегает, так как никаких "хитрых мыслей" в отношении феаков Одиссей не питает.

Ст. 66. *...домашних...* – Добавление переводчика.

Ст. 67. *С ... одеждой... и с хитоном...* – В кн. 8. 425, 441, уже было сказано, что Арета подарила Одиссею хитон и плащ. Автор, по-видимому, забыл об этом.

Ст. 73. *...с простыней...* – Добавление переводчика: гомеровские герои простынями не пользуются. В оригинале: "полотно" (λίνον).

Ст. 80. *Сон непробудный...* – См. 7. 319 и примеч.

Ст. 104. *Грот* – место культового почитания *нимф, слывущих наядами,* т.е. тех, которых называют наядами.

Ст. 105 сл. *...кратер и ... кувшинов Каменных...* – Речь идет, по-видимому, о фигурах, образованных сталактитами.

Ст. 130. *...божественной...* – Добавление переводчика. В оригинале: "моей породы": Алкиной – внук Посидона (см. 7. 56–63).

Ст. 135 сл. = 16. 230 сл. с заменой глагола.

Ст. 136–138 = 5. 38–40.

Ст. 142. *Старший и силою первый...* – Хочет ли Зевс сказать, что Посидон старше его, так как сам Зевс родился последним из детей Крона (так получается по Гесиоду, *Теог.* 453–458; иначе в Ил. XII. 355)? Или в понятие πρεσβύτατος автор вкладывает значение "самый почтенный" – разумеется, после Зевса?

Ст. 149–152. *...корабль... Будет разбит... и горою великой задвину их город.* – Слова Посидона предполагают два акта мести с его стороны, причем сказочный мотив, объясняющий недоступность людскому зрению чудесного города, сам по себе никаких сомнений не вызывает. Трудность состоит в том, что из ст. 158 не ясно, к чему сводился совет Зевса: превратить корабль в скалу и этим ограничиться, или дополнить это наказание возведением горы вокруг всего города феаков? В рукописном чтении ст. 158 целиком = 152; так и перевел Жуковский. В то же время уже Аристофан Византийский предложил заменить в ст. 158 чтение μέγα δέ ("а большую гору") на μὴ δέ ("большой же горой не окружай"). Последний вариант больше соответствует ст. 183, хотя и неизвестно, внял ли Посидон просьбе феаков.

Ст. 170 сл. = 4. 772 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 173–178 = 8. 565–570 (см. примеч.).

Ст. 182. *...двенадцать...* – по числу "царей", делящих власть с Алкиноем (см. 8. 390 и примеч.)?

Ст. 196. *...темные сени дерев черноглавых.* – Описание, значительно расширенное в переводе. В оригинале сказано: "зеленеющие (цветущие) деревья". Черные деревья обычно связаны с культом мертвых. См. примеч. к 5. 64.

Ст. 200–202 = 6. 119–121.

Ст. 243 сл. *... полями... Беден...* – Ср. 4. 605.

Ст. 247. *... вод, безущербно... текущих.* – Собственно: "всегда достаточных (т.е. не пересыхающих) водопоев".

Ст. 256–286 – первый из большей частью вымышленных рассказов Одиссея. За ним последуют 14. 191–359, 462–502; 17. 419–444; 19. 165–299; 24. 263–314, в которых Одиссей выдает себя за критянина. Этому предлагают два объяснения: (1) Крит был известен как богатый остров, и это должно вызвать уважение к происходящему оттуда человеку; (2) Крит находился достаточно далеко от Итаки, так что едва ли бы на Итаке нашелся человек, который мог бы изобличить Одиссея во лжи.

Ст. 272. *... финикийских людей благородных...* – Финикийцы славились в Древней Греции морской торговлей и пиратством. Характеристика их здесь как *благородных* (ἀγαυοί) является омертвевшим эпитетом и расходится с рассказами Одиссея (14. 288–297) и Евмея (15. 419–484).

Ст. 287 сл. ... *щеки... рукой потрепала...* – См. 4. 610 и примеч. Здесь в оригинале сказано: "приласкала его рукой", т.е., вероятно, погладила по плечу рукой.

Ст. 293–295. В переводе упреки Афины несколько преувеличены. В оригинале сказано: "Ты всегда один и тот же, богатый на выдумки, ненасытный в обмане; даже находясь на своей земле, ты не хочешь отказаться от обманных и скрытных слов, которые тебе изначально любезны".

Ст. 316 сл. = 3. 130 сл.

Ст. 317. *Мы к кораблям возвратились... бог разлучил нас.* – Неточный перевод. В оригинале: "отправились назад на кораблях, а бог рассеял ахейцев".

Ст. 322 сл. ... *меня ты Словом... ободрила...* – Аристарх считал эти стихи интерполяцией: в тексте нигде нет указаний на то, что Одиссей узнал Афину, когда она встретилась ему в образе девушки в стране феаков (7. 14–77).

Ст. 335. *Ты ж. Одиссей, не спеши узнавать...* – Смысл оригинала другой: Одиссей ничего не спрашивает о своей супруге, желая сам ее испытать. Таким образом, Афина предполагает в Одиссее определенный образ мыслей, а не дает ему совета, как в переводе. Мотив испытания супруги достаточно распространен в сказке о возвращении мужа; здесь он, однако, входит в противоречие со следующими словами Афины. Античная критика считала ст. 333–338 позднейшей интерполяцией.

Ст. 337 сл. = 11. 182 сл. = 16. 38 сл.

Ст. 342 сл. = 11. 102 сл.

Ст. 343. ... *умерщвлением...* – В оригинале: "ослеплением".

Ст. 347 сл., равные 103 сл., отсутствуют в лучших рукописях. Не было их и в некоторых античных изданиях. Ст. 349 в оригинале начинается со слов: "Вот и тот грот, где ты..."

Ст. 363. ... *пространного грота...* – В оригинале определение θεσπέσιος "божественный", которое может иметь и переносное значение "величественный", но здесь употреблено в прямом смысле, так как грот посвящен нимфам (ст. 103 сл.).

Ст. 363 сл. *Должен... Спрятать...* – В оригинале глагол выражает побуждение, обращенное к обоим: "давай сложим". Афина так же принимает непосредственное участие в работе (ст. 370), как в 19. 33 сл.

Ст. 380 сл. = 2. 91 сл.

Ст. 385. *Если бы вовремя... ты... не открыла...* – Создается впечатление, что автор забыл о пророчестве, которое Одиссей получил от тени Тиресия.

Ст. 397 сл. ... *чтоб не был никем ты... узнан...* – Обязательной составной частью мотива "муж на свадьбе своей жены" (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 2) является неузнаваемость вернувшегося супруга: либо он оброс длинными волосами и бородой, либо поменялся с кем-нибудь одеждой и т.д. Конечно, облик Одиссея за 20 лет и без того изменился, так что его нельзя было бы узнать и без дополнительной маскировки, но эпос требует от своих героев сохранения ими в любых условиях благородной внешности и осанки. Отсюда – необходимость вмешательства Афины.

Ст. 399. ... *злато-темные кудри...* – Это определение составляет известное противоречие с 16. 176, где у Одиссея появляется черная борода. Впрочем, такой недосмотр можно не вменять в вину автору, занятому подготовкой решающих событий.

Ст. 403. ... *будешь противен.* – Преувеличение переводчика. В оригинале: "ты покажешься безобразным", что не помешает Пенелопе вести с нищим доверительную беседу (19. 53–308, 508–604).

Ст. 404 сл. = 15. 38 сл.

Ст. 407. *Встретишь его ты у стада свиней...* – Недосмотр автора: Одиссей застает Евмея в его доме (14. 5).

Ст. 412. *Тою порою...* – В оригинале сказано: "Там оставайся и обо всем расспроси, пока я приду в Спарту и позову Телемаха..." Как видно из начала кн. 15, Афина является во сне Те-

лемаху только на исходе ночи, незадолго до рассвета следующего дня (ст. 50–56), т.е. после того как Одиссей уже успел придти к Евмею, рассказать свою вымышленную историю и уснуть. О том, почему Афине потребовалось столько времени, чтобы добраться с Итаки в Спарту, см. вступительную статью, примеч. 19, и 2. 292 с примеч.

Ст. 422 сл. ... *чтоб людей посмотрел...* – Добавление переводчика. *Нажил великую славу...* – См. 1. 93 и примеч.

Ст. 425. ... *женихи стерегут...* – См. 4. 842–847; 14. 180–182.

Ст. 426–428 = 15. 30–32.

Ст. 429. ... *прикоснулася тростью.* – т.е. волшебным жезлом, которым по законам волшебной сказки пользуются в поэме Цирцея (10. 238, 293, 319) и еще два раза сама Афина (16. 172, 456).

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Встреча Одиссея с Евмеем

Ст. 3. ... *свинопас богоравный...* – Определение объясняется тем, что автор либо пользуется высоким стилем, либо имеет в виду благородное происхождение Евмея (см. 15. 412–414), как и ниже, ст. 18, – женихов.

Ст. 8. ... *не спросясь...* – Усиленный перевод предлога νόσφιν со значением "вдалеке, без, помимо".

Ст. 13–15. ... *двенадцать... закут... свиней... пятьдесят...* – Круглые цифры, как и ниже, 100 сл.: по 12 стад коров, овец и свиней. Ср. также 7. 103; 22. 421–424: по 50 рабынь во дворцах Алкиноя и Одиссея; 20. 106: двенадцать рабынь на мельнице в доме Одиссея.

Ст. 18. ... *богоравные...* – См. примеч. к 1. 29.

Ст. 22. ... *повелитель мужей...* – Видимо, тот же случай, что и выше, ст. 3: возвышенный стиль перенесен и на свинопаса, как в дальнейшем на коровника Филойтия (20. 185).

Ст. 31. ... *но из рук уронил он...* – Неточный перевод: Одиссей сознательно выпустил из рук посох, чтобы не дразнить собок.

Ст. 37. ... *когда б опоздал я минуту...* – Модернизм переводчика: греки не знали счета на минуты. В оригинале: "не намного". См. также 21. 243 = 392, где в оригинале вообще нет никакого указания на время.

Ст. 46. ... *отдохнувши, ты скажешь...* – См. 1. 122 и примеч.

Ст. 50. *Сучьев...* – Точнее: "ветвей", срубленных с кустарника. См. 16. 47.

Ст. 55. ... *ты, Эвмей...* – Обращение автора к действующему лицу, ограниченное в "Одиссее" только личностью Евмея в трех, следующих друг за другом книгах (14–16).

Ст. 57 сл. – Ср. 6. 207 сл. и примеч.

Ст. 59. *Слишком же щедрыми...* – Добавление переводчика.

Ст. 62–68. ... *меня б он устроил...* – Речь идет о некоем подобии отпущения на волю, которое вполне согласуется с патриархальным характером гомеровского рабства. Ср. 21. 214 сл. ... *невесту с богатым приданым...* – В оригинале: "многосватаную". Раньше этот эпитет был употреблен применительно к Пенелопе (4. 770, ср. 21. 149), так что Евмей высказывается языком героического эпоса.

Ст. 71. ... *неволей...* – Добавление переводчика, имевшего в виду версию, согласно которой Одиссей старался избежать участия в походе под Трою. В гомеровском эпосе этот вариант игнорируется, чтобы не нанести ущерба героическому облику Одиссея. См. 24. 116–119 и примеч.

Ст. 82. ... *не страшась никакого за то наказанья...* – В оригинале более тонкая нюансировка: "не помышляя ни о мести (со стороны богов), ни о сострадании". В первом случае имеется в виду осуждение извне, во втором – нравственный уровень самих женихов.

Ст. 90 сл. ... *как прилично, Весть сватовство не хотят...* – т.е. обратившись к отцу Пенелопы и принося ему дары, вместо того чтобы истреблять чужое имущество. См. 2. 52 сл.

Ст. 97–104. ... *черного Зама...* – В оригинале нет указания на этот остров, а противопоставляются Итака и материк. Слово "материк" опущено переводчиком также в ст. 100, отчего меняется смысл оригинала. Здесь Евмей называет по 12 стад крупного рогатого скота, овец, свиней и коз, которых пасут на материке собственные пастухи Одиссея и наемные работники. На самой же Итаке (в оригинале: "здесь же") на ее окраинах пасутся еще 11 козьих стад и те свиньи, которыми ведает Евмей. ... *особые... козоводы...* – В оригинале: "прилежные", "лучшие в своем роде".

Ст. 112. *Кубок... хозяину подал...* – В знак благодарности и особого расположения. Ср. 13. 57.

Ст. 117. ... *за обиду отмщая Атреева сына...* – Перевод дает основание понять эти слова так, будто Одиссей погиб ради Менелая, мстя за похищение Елены. В оригинале смысл другой: "ради чести (удовлетворения) Агамемнона" (та же формула – в ст. 70) как верховного предводителя ахейского войска.

Ст. 145–147. ... *его... не могу называть я...* – Считая Одиссея погибшим, Евмей остерегается называть его по имени, то ли чтобы не напоминать о его смерти, то ли чтобы не тревожить душу покойника. ... *братом... его... называю.* – Перевод, основанный на том, что в "Илиаде" (VI. 518; X. 37; XXII. 229) прилагательное ἠθεῖος употребляется в обращении младшего брата к старшему. Однако обращение ἠθεῖε значит, скорее, "любимый", "дорогой". Так, согласно оригиналу, и здесь: "я называю его своим дорогим (господином), хоть и в его отсутствие". О "братских отношениях" с хозяином свинопас не помышляет, даже если он "богоравный".

Ст. 154 – формульный стих (= 16. 79 = 17. 550 = 21. 339; ср. 14. 396), отсутствующий в большинстве рукописей; здесь, вероятно, интерполяция.

Ст. 156. ... *ненавистней... ненавистных...* – Игра слов, внесенная переводчиком. В оригинале Аидовы врата не имеют определения.

Ст. 158 сл. = 17. 155 сл. = 20. 230 сл. Ср. 19. 303 сл.

Ст. 160–162 = 19. 305–307. *Прежде, чем солнце окончит свой круг* – т.е. еще до окончания этого года. *Прежде, чем месяц... сменен... будет...* – Не совсем точный перевод. В оригинале говорится: "в день, когда один месяц исчезает, а другой возникает", т.е. в новолуние.

Ст. 181. *Ждут женихи...* – Автор второй раз (см. 13. 425–428) возвращается к ситуации, описанной в 4. 842–847, чтобы восстановить в памяти слушателей ранее происшедшие события.

Ст. 187–190 = 1. 166–169.

Ст. 189 сл. = 16. 58 сл. = 223 сл.

Ст. 195. ... *на просторе...* – т.е. "в покое", "в тишине".

Ст. 200–204. Вымышленное происхождение Одиссея, как и его тяга к приключениям, напоминают реальную биографию поэта Архилоха (ст. 680–640). Видимо, ситуация была достаточно типичной для конца 8 – первой половины 7 в.

Ст. 232. *Лучшее брал я себе...* – Ср. 9. 160, 550 сл.

Ст. 235 сл. *Роковой... Путь.* – В оригинале: "страшный".

Ст. 239. ... *мы властью народа окованы были.* – В оригинале нет ничего о власти народа. Смысл оригинала в том, что в случае отказа от участия в походе им угрожало моральное осуждение со стороны народа.

Ст. 257. *Дней через пять...* – Точнее: "на пятый день". ... *к водам потока Египта...* – См. 4. 477 и примеч.

Ст. 258–272 = 17. 427–441.

Ст. 262. ... *в них...* – Не у отправившихся в разведку, а у оставшихся сторожить корабли.

Ст. 282. ... *смертию мне угрожавших...* – В переводе пропущена характеристика египтян, которые были готовы убить Одиссея, "ибо они были очень разгневаны".

Ст. 285. *Целых семь лет...* – Тот же фольклорный срок, которым определяется пребывание Одиссея у Калипсо (7. 259). Ср. семидневный период в 10. 80 сл.; 12. 397–399; 14. 249–252; 15. 476 сл.

Ст. 293 сл. = 11. 294 сл.

Ст. 299 сл. *Мы с благосклонно-попутным... Бореем Плыли.* – Чтобы попасть из Финикии в Ливию, придерживаясь берегов (а такова была обычная практика греческих мореходов), помощь Борея требовалась только до достижения Газы, т.е. крайней юго-восточной точки Средиземного моря. Дальше морякам нужен был восточный ветер Нот ... *Крит был за нами...* – Для мореходов, плывущих в Ливию, расположенную на южном берегу Средиземного моря, Крит всегда оказывался "позади". Какое, однако, это могло иметь значение при огромном расстоянии между двумя этими точками? По-видимому, представление автора о юго-восточном Средиземноморье не отличалось достаточной определенностью.

Ст. 301–304 = 12. 403–406.

Ст. 305–309 = 12. 415–419.

Ст. 318–320. *Сыном его... был встречен...* – В основе этого эпизода лежит воспоминание Одиссея о его встрече с Навсикаей незадолго до возвращения на Итаку.

Ст. 322. ... *гостил у него он...* – В послегомеровском эпосе существовала версия о пребывании Одиссея в стране феспротов после возвращения на Итаку. Здесь, в вымышленном рассказе "нищего", оно приурочено к странствиям Одиссея до прибытия на Итаку.

Ст. 325–330 = 19. 294–299.

Ст. 331–335 = 19. 288–292.

Ст. 348. ... *самими богами избавлен.* – Вмешательство чудесного пособника (в данном случае – не называемых точнее богов) – типичный ход волшебной сказки.

Ст. 349. *Голову платьем... обернувши...* – чтобы оно не мешало плыть и оставалось сухим.

Ст. 361. ... *возмутил...* – т.е. взволновал.

Ст. 368–371 = 1. 234–237. Впрочем, ст. 369 сл. отсутствуют во многих рукописях.

Ст. 378–385. Повторение в развернутой форме мотива, намеченного выше, ст. 124 сл.

Ст. 379. *Этольский* – т.е. из Этолии, области на западе Средней Греции.

Ст. 386. ... *нам посланный Дием...* – Неточный перевод. В оригинале Евмей говорит: "коль скоро привел тебя ко мне демон". См. 2. 135 и примеч.

Ст. 421. *Сердцем он набожен был...* – Модернизм переводчика: принесение богам жертвы – обязательная часть пиршественного ритуала. В оригинале сказано: "не забыл свинопас и о богах, ибо ему были свойственны благородные мысли".

Ст. 435. *Первую... вторую...* – В оригинале сказано: "первую посвятил нимфам и Гермесу". *Нимфам* – как местным божествам Итаки (см. 13. 104, 335–360; 17. 211, 240–243), Гермесу (*Эрмию*) – как покровителю путешественников. См. также 16. 472 и примеч. Так как у Евмея было четверо помощников (см. выше, ст. 26), то оставшиеся 6 частей как раз делятся между ними, самим Евмеем и Одиссеем.

Ст. 448. ... *сел за прибор свой...* – Модернизация. В оригинале сказано: "сел около своей доли", т.е. у стола там, где Евмей положил выделенную Одиссею хребтовую часть.

Ст. 451. – См. ст. 8 и примеч.

Ст. 453 сл. = 1. 146. См. примеч.

Ст. 476–489. *Ветер с морозом...* – В "Илиаде" тяготы войны, связанные с непогодой, никогда не упоминаются. Рассказ Одиссея – еще один пример дегероизации, свойственной всей поэме. *Хрусталь* (ст. 477) – модернизм переводчика. В оригинале назван лед.

Ст. 482. *Пояс* – вероятно, отделанный металлическими пластинками передник, употреблявшийся в микенские времена.

Ст. 483. – См. примеч. к 12. 312.

Ст. 510 сл. = 6. 192 сл.

Ст. 514. *У каждого только одно.* – Как видно из ст. 521 сл., у Евмея есть все же и запасной плащ (хлена). *Он его до износа* – расширенный образ оригинала, где сказано: “не много у нас... на смену”.

Ст. 515–517 = 15. 337–339. Впрочем, в кн. 14 эти стихи отсутствуют в лучших ркп и являются, возможно, интерполяцией.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прибытие Телемаха к Евмею

Ст. 1. *Тою порой...* – В оригинале здесь, как и в 13. 412 (см. примеч.), нет указания на одновременность действия, а сказано лишь: “Афина же отправилась...” – разумеется, по прошествии ночи, которая отделяет кн. 15 от кн. 14. Со ст. 56 начинается следующий за тем, 36-й день повествования (ст. 57–188). Если в некоторых комментариях делается попытка вместить 15. 1–388 в тот же 35-й день, который Одиссей приводит у Евмея, то это явно противоречит тесту кн. 13: пока Одиссей проснулся на Итаке, разговаривал с Афиной и переносил в пещеру подарки, давно наступил день, и Афина, чтобы явиться во сне Телемаху, должна была дожидаться следующей ночи. У Жуковского в подзаголовке “Песни 15” значится: “Тридцать пятый и тридцать шестой день. Утро тридцать седьмого” – соответственно следует читать: “... Утро тридцать восьмого” и далее по всему оглавлению делать сдвиг на один день вплоть до “Песни 24”: “Сорок первый день”.

Ст. 11–13 = 3. 314–316.

Ст. 15 сл. *... без порока застать Пенелопу...* – Перевод внушает подозрение, что Пенелопа в отсутствие Телемаха может решиться выйти замуж за кого-нибудь из претендентов. В оригинале мысль другая: “чтобы ты мог застать еще дома непорочную Пенелопу”. *... отец уж и братья...* – Мотив, ранее нигде не упоминавшийся. Вся речь Афины (ст. 16–26), находящаяся в полном противоречии с образом Пенелопы, является, вероятно, средством побудить Телемаха к скорейшему возвращению домой.

Ст. 30–32 = 13. 426–428.

Ст. 33. *... от обоих держась островов в отдаленье...* – Как видно, Афина советует Телемаху не входить в пролив между Замом (Кефалленией) и Итакой, где поджидают его женихи (4. 844–847), а пристать на северном побережье Итаки. Чтобы осуществить этот план, есть две возможности. (1) Обогнуть с запада Зам, для чего надо пройти около 30 км открытым морем от Киллены на побережье Элиды до Зама и совершить достаточно длинный переход вдоль его берегов. (2) Пройти вдоль побережья Элиды на северо-восток от Киллены, пересечь вход в Калидонский залив и вдоль Эхинадских островов (см. примеч. к ст. 299) подойти к Итаке с востока. Все эти выкладки имеют смысл только в том случае, если мы предположим достаточное знакомство автора “Одиссеи” с географией западной Греции. Вполне возможно, однако, что этим знанием он не располагал и над деталями плана, предложенного Афиной, вовсе не задумывался: ему важно было только не допустить встречи Телемаха с женихами.

Ст. 38 сл. = 13. 404 сл.

Ст. 63 отсутствует в большинстве рукописей и, вероятно, является интерполяцией.

Ст. 64. *... богоизбранный...* – См. 4. 156 и примеч.

Ст. 70. *... безмерною... безмерно...* – Перевод воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 113–119 = 4. 613–619. Отсутствие ст. 113–119 в нескольких папирусах и ряде рукописей побуждает некоторых исследователей постулировать здесь интерполяцию. Однако повторение груп стихов в тот момент, когда повествование возвращается к ранее описанной ситуации, – достаточно частый прием эпической техники.

Ст. 134. *... по порядку...* – добавление Жуковского. См. 7. 98 и примеч.

Ст. 135–139 = 1. 134–138. См. примеч.

Ст. 145 сл. = 190 сл. = 3. 492 сл.

Ст. 180 сл. = 8. 465 + 467.

Ст. 184–192 = 3. 486–494. См. примеч.

Ст. 193. ... *до великого... града.* – Собственно: до “высокого”, т.е. расположенного на крутом склоне холма, вершину которого в микенское время увенчивал дворец.

Ст. 213. ... *прибежит...* – Несколько преувеличенная характеристика образа действий престарелого Нестора. В оригинале сказано: “но сам сюда явится, чтобы пригласить...”

Ст. 223–278. Эти стихи аналитическая критика считала позднейшей вставкой, так как в них слишком много места уделяется происхождению Феоклимена, якобы не играющего в дальнейшем существенной роли. С последним доводом согласиться трудно, так как именно Феоклимену принадлежат прорицания, предвещающие возвращение Одиссея и гибель женихов: 17. 155–161 и особенно мрачное – 20. 350–372, непосредственно предшествующее расправе с женихами. Однако верно, что генеалогия Феоклимена дана с такой подробностью, которой ни в “Илиаде”, ни в “Одиссее” не удостаивается ни один второстепенный персонаж. Таким образом, вполне возможно, что ст. 225–255 являются более поздним дополнением вместо нескольких стихов, в которых в разумных пределах излагалась родословная Феоклимена.

Ст. 225. *Мелами* – см. 11. 289 и примеч. Впрочем, остается неясным, за что он был гоним Нелеем и как он ему отомстил.

Ст. 235. *Кера* – олицетворение смерти.

Ст. 244–247. *Амфиарай* – см. СМС. ... *волнователь народов...* – т.е. побуждающий народ к битве.

Ст. 250 сл. *Клита похитилиа... Эос...* – как и Ориона, см. 5. 121.

Ст. 254 сл. ... *раздраженный Против отца...* – Намек на какой-то ближе неизвестный миф.

Ст. 263. *Мне на вопрос отвечай...* – Странная просьба со стороны прорицателя, который сам должен знать, кого он встретил.

Ст. 273 сл. *Муж умерщвлен...* – О ком идет речь, неизвестно, но ясно, что Феоклимен спасается от кровной мести со стороны сродников и братьев убитого. В то же время в другой земле убийцу никто преследовать не будет – см. 280–283.

Ст. 287–291 почти = 2. 422–426. Формульным характером этого текста объясняется, что здесь гребцы поднимают парус прежде, чем корабль вышел в открытое море и подчинился попутному ветру.

Ст. 295. *Круно* – небольшая река в Элиде. *Халкис* (правильнее: Халкида) – река и небольшое поселение там же, недалеко от Крун. Впрочем, в большинстве рукописей этот стих отсутствует.

Ст. 297. *Феа* (в оригинале форма множественного числа: Феи) – пристань в южной Элиде.

Ст. 299. *Острые... острова...* – Страбон (X. II. 19) отождествлял их с Эхинадскими островами (см. примеч. к ст. 33), расположенными напротив устья р. Ахелоя (юг Акарнании).

Ст. 305. ... *пригласит ли... остаться...* – т.е. на третью ночь.

Ст. 329. ... *до железного неба...* – См. примеч. к 3. 1.

Ст. 330. ... *рабы...* – Добавление переводчика. В оригинале здесь и в ст. 333 речь идет о наемных прислужниках. О таком статусе говорил выше и Одиссей (ст. 324).

Ст. 337–339 = 14. 515–517.

Ст. 345 отсутствует в одной хорошей рукописи и добавлен на полях в двух других. Здесь он и в самом деле лишний, так как мысль целиком выражена в ст. 343 сл.: “нет для людей ничего хуже скитания; ведь ради ненавистного желудка терпят они тяжкие беды”. После этого ст. 345 (“люди, которым выпали скитание, страдание и горе”) – не более чем тавтология.

Ст. 363. *Ктимена*, сестра Одиссея, как и ее сестры, упоминается только здесь.

Ст. 373. *Добрых людей.* – В оригинале ἀιδοιοίσιν, “тех, кто возбуждает αἰδώς” – “почитание”, “уважение”, т.е. чужеземцев и молящих, которым покровительствует Зевс.

Ст. 388. *Мужу тому...* – Лаэрту.

Ст. 399. *Память минувших печалей...* – Общее место гомеровской эстетики, что сладостно воспоминание и о горестях, пережитых в прошлом. Однако добавление переводчика *веселым... разговором* в этом случае неуместно.

Ст. 403. *Сира* (в оригинале: Сирия) – в рассказе Евмея, вероятно, соответствует острову Сиру, расположенному западнее острова Делоса. Здесь он, однако, наделен чертами сказочного идеального царства. Ср.: Гесиод, *ТиД*, 113–120.

Ст. 410 сл., 478 – См. 3. 280 и примеч.

Ст. 414. *Сын Орменонов...* – Правильнее: "Орменов".

Ст. 437 сл. – См. 10. 345 сл. и примеч.

Ст. 451 сл. *... со мною гулять... он... Ходит...* – Модернизация, создающая представление о финикиянке как няньке, гуляющей с ребенком. В оригинале: "я смотрю во дворце за мальчиком, настолько смышленым, что он бегает за мной из дому".

Ст. 460. *Крупный электрон, оправленный в золото...* – Неточный перевод. В оригинале речь идет о золотом ожерелье с нанизанными кусочками янтаря (электра). *... с чудным искусством...* – Добавление Жуковского.

Ст. 467. *... царских вельмож...* – Модернизация. В оригинале: "приглашенных на пир мужей, которые окружали моего отца", т.е. старейшин.

Ст. 469. *... под платьем...* – См. примеч. к 3. 154.

Ст. 477. *... как то предназначено было Зевесом...* – Неточный перевод. В оригинале: "когда Зевс Кронид даровал седьмой день, тогда Артемида...".

Ст. 479 сл. *... упала морскою Курицей...* – т.е. как подстреленная птица.

Ст. 491. *С нежной заботой...* – Несколько преувеличенный перевод. В оригинале: "заботливо".

Ст. 519. *... Эвримах благородный...* – Может показаться странным, что Телемах советует Феоклимену искать приюта у одного из самых наглых женихов. Однако Евримах ничего не знает о близости Феоклимена к Телемаху и, как человек знатного происхождения, обязан оказать гостеприимство страннику. С другой стороны, после неблагоприятного для женихов прорицания Феоклимена (ст. 531–534) Телемах меняет свое намерение и поручает Феоклимена заботе своего надежного спутника *Пирея* (ст. 540–543).

Ст. 520. *Смотрит... народ, как на бога...* (в оригинале: "равного богу"). – Либо имеется в виду происхождение Евримаха (все знатные – "богоравные"), либо Телемах констатирует это с горечью. *... с почтеньем великим* – тем более излишнее добавление переводчика.

Ст. 526. *... посол Аполлонов...* – т.е. посол бога, дающего людям прорицания, в том числе – и по полету птиц. Вообще же вещих птиц посылает обычно Зевс. См. выше, 2. 146; 15. 160–168; Ил. XXIV. 314–321.

Ст. 536–538 = 17. 163–165 = 19. 309–311.

Ст. 547–549 = 9. 177–179.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Узнавание Одиссея Телемахом

Ст. 10. *Машут хвостами...* – Устами Одиссея говорит поэт: сам Одиссей не может видеть этого, находясь в доме.

Ст. 11. *... в двери вошел...* – Точнее: "остановился в прихожей". *... он увидел...* – Напрасное добавление переводчика: Одиссей, оставивший сына младенцем, не мог узнать его в Телемахе, пока Евмей не назвал его по имени в ст. 23.

Ст. 22–24 = 17. 40–42.

Ст. 31. ... *отец* – В оригинале ласковое ἄττα "батюшка".

Ст. 37–39 = 11. 181–183.

Ст. 38 сл. – Ср. 13. 337 сл.

Ст. 41. *В дом тут вступил...* – т.е. вошел из прихожей, где происходил разговор с Евмеем.

Ст. 54 сл. = 1. 146. См. примеч.

Ст. 58 сл. = 14. 189 сл.

Ст. 64. ... *соткано было.* – Обычно говорится о Мойрах (ср. 7. 197 сл. и примеч.), но иногда, как здесь, переносится на всех богов (в оригинале: "что выпряло ему божество", δαίμων). Ср. 1. 17 и примеч.

Ст. 75 сл. = 19. 527 сл.

Ст. 77. ... *дары ей приносит...* – Скорее всего, не ей, чего нет в оригинале, а отцу, который и здесь мыслится живущим на Итаке. Ср. 2. 196 сл. См., впрочем, 18. 279–303, где подарки принимает сама Пенелопа.

Ст. 95 сл. = 3. 214 сл.

Ст. 107–109 = 20. 317–319.

Ст. 118 сл. *Сын... Сын.* – В оригинале тройная анафора, с которой начинаются ст. 118–120: μοῦνον "одного лишь родил...".

Ст. 122–128 = 1. 241–247; ст. 122 сл. = 19. 130 сл.

Ст. 170. *Вместе подите немедля вы в город...* – Перевод усиливает значение оригинала, где сказано: "... как, уготовив женихам смерть и гибель, вам явиться в славный город (т.е. вместе или врозь)". *Немедля* – добавление переводчика, противоречащее ст. 270–273.

Ст. 176. *Черной... бородою.* – См. 13. 399 и примеч.

Ст. 206 сл. ... *через двадцать Лет.* – Точнее: "на двадцатом году". То же самое в 17. 326 сл.; 19. 484 сл.; 21. 208 сл.; 23. 102 = 170; 24. 322 сл.

Ст. 233 сл. = 58 сл.

Ст. 230 сл. = 13. 135 сл. с заменой глагола.

Ст. 246. *Всех перечесть... я могу...* – Поименный список всех женихов дает Аполлодор, Эп. VII. 27–30, чьи цифры, однако, расходятся с гомеровскими. У Аполлодора общее число женихов достигает 136 (против 108 в "Одиссее"). Источник этих данных и списка в целом не ясен.

Ст. 253. *Двое рабов...* – В оригинале: "слуг", "прислужников".

Ст. 277. ... *хотя бы в меня чем швырнули...* – Одиссей предвосхищает поведение женихов. См.: 17. 230–233, 279, 283, 462–464; 18. 394–396; 20. 299–301.

Ст. 281–298 были заподозрены еще Зенодотом и Аристархом в неподлинности, основанием для чего, в частности, служило полное совпадение ст. 286–294 с 19. 5–13. В самом деле, Одиссей предваряет здесь в тех же самых словах распоряжение, которое он впоследствии отдаст тому же Телемаху, – необычный случай использования техники повторов, вообще характерной для эпоса. К тому же в кн. 19 это, значительно более уместное, распоряжение тут же приводится в исполнение (ст. 31–34). Наконец, ст. 295–298 явно не учитываются в 22. 100–105: напротив, только здесь Телемах отправляется в помещение, где хранятся доспехи, и приносит копья, щиты и шлемы для Одиссея и его помощников. Таким образом, в кн. 16 мы имеем дело либо с остатком ранней версии, которую автор модифицировал в начале кн. 19, чтобы создать в дальнейшем дополнительное нарастание напряжения в сцене избиения женихов, либо с более поздней вставкой, для введения которой в ст. 281 была использована та же формула, что в ст. 299.

Ст. 287 сл. *В палате Дымно...* – Так как в мегароне (*палате*) обжаривали мясо зарезанных животных. Ср. 18. 307–310.

Ст. 294. ... *роковое железо.* – Как правило, герои эпоса знают только оружие, изготовленное из бронзы (исключения – Ил. IV. 123; VII. 141). Поговорочный характер этого выраже-

ния показывает, что оно возникло в более позднюю эпоху, когда при изготовлении оружия бронза уступила место железу.

Ст. 320. ... *знак...* – т.е. предзнаменование победы в борьбе с женихами.

Ст. 336 сл. *Вслух... сказал... "Прибыл... царица"*. – Редчайший в эпосе пример сообщения, умещающегося в один стих и к тому же не предваряемого описанием того, где и в каком виде застал вестник адресата.

Ст. 346 сл. почти = 4. 663 сл.

Ст. 366. *Друг подле друга...* – Употребленное в оригинале прилагательное ἐπασσύτεροι "близкие друг к другу" может, вероятно, означать и "друг за другом", т.е. сменяя друг друга. В сочетании с указанием на вершины второе толкование представляется предпочтительным. Тогда отпадает и стоящее в переводе *толпою*.

Ст. 391 сл. = 21. 161 сл.

Ст. 414–416 = 18. 208–210.

Ст. 422. *Зачем ты сирот притесняешь...* – Неточный перевод. В оригинале: "почему ты не заботишься о просящих (защиты)?", которым покровительствует Зевс (ср. 6. 207 сл. и примеч.). Неясно, однако, что́ имеет в виду Пенелопа. Далее она вспоминает, как Одиссей спас от народного гнева отца Антиноя, и, может быть, хочет сказать, что Антиной обязан так же охранять семью Одиссея, как сам Одисей некогда защитил его отца? Ср. 423: "нечестиво замышлять зло по отношению друг к другу".

Ст. 434 сл. = 21. 320 сл.

Ст. 448. ... *а мыслил иное.* – Смягченный перевод. В оригинале: "сам же ему (Телемаху) готовил гибель".

Ст. 450 сл. – См. 1. 356–360 и примеч.

Ст. 471. ... *на вершине Эрмейского холма...* – В оригинале: "когда я шел уже за пределами города, (там), где находится холм Гермеса...", т.е. на обратном пути (см. ст. 341, 352: Евмей уже ушел, когда в гавань входил корабль с женихами). Таким образом, *к городу близко уже* – недосмотр переводчика. Другое его добавление – *на вершине.* Его можно принять в том случае, если имеется в виду некий холм, посвященный Гермесу, хотя ранее нигде не упоминавшийся (и то неясно, зачем Евмею затруднять себе путь, поднимаясь на холм?). Существует поэтому другое толкование сочетания Ἕρμαιος λόφος. Под ним некоторые исследователи понимают груду камней, которую моряки и странники воздвигали Гермесу в благодарность за благополучное возвращение: к поставленной вертикально плоской каменной плите каждый, кто желал почтить бога, добавлял несколько камней (Ср. у Пушкина: "И гордый холм возвысился..."). Забираться на вершину такого холма было бы и вовсе святотатством.

Ст. 474. ... *двуострыми копьями...* – т.е. с плоскими наконечниками, заостренными с двух сторон.

Ст. 481. ... *и сна благодать ниспослали им боги.* – Добавление переводчика. В оригинале: "и насладились даром сна".

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Возвращение Телемаха на Итаку

Ст. 3. ... *золотые...* – В оригинале: "красивые". Золотые сандалии – обувь богов: 1. 94; 5. 44.

Ст. 6. ... *отец...* – См. 16. 31 и примеч.

Ст. 22. ... *мой прекрасный...* – Добавление переводчика. Ср. 16. 91, где такому же обращению в переводе соответствует в оригинале "милый". Здесь же и вовсе сказано: "однако иди".

Ст. 25. См. примеч. к 5. 466–469.

Ст. 28. ... *беспрепятственно...* – Добавление Жуковского, видимо, желавшего подчеркнуть, что женихам не удалось устранить Телемаха. См. то же в ст. 85, хотя и с меньшим основанием.

Ст. 36 сл. = 19. 53 сл.

Ст. 39. ... *и руки...* – Добавление переводчика: руки целуют низшие по своему социальному статусу высшим. Ср. 16. 15. Выше, ст. 35, *руки* тоже добавлены переводчиком, но там нет противоречия с положением Телемаха среди рабынь.

Ст. 40–42 = 16. 22–24.

Ст. 48 сл. = 4. 750 сл. Впрочем, ст. 49 отсутствует в большинстве рукописей.

Ст. 87–89 = 4. 48–50. См. примеч.

Ст. 91–95. – См. примеч. к 1. 134–138.

Ст. 101–103 = 19. 594–596.

Ст. 117. ... *кованой...* – в оригинале "крепкосколоченной", что, естественно, больше подходит к деревянной колеснице.

Ст. 118 сл. ... *Елену... многих ахеян... погубившую...* – Не вполне точный перевод. В оригинале: "ради которой аргивяне и трояне вынесли много бед", так как такова была воля богов, а не субъективное желание Елены.

Ст. 121–141 = 4. 333–350.

Ст. 143–146 = 4. 557–560 = 5. 14–17. См. примеч.

Ст. 148 сл. = 4. 585.

Ст. 155 сл. = 14. 158 сл. См. примеч.

Ст. 160. ... *вблизи корабля...* – В оригинале: "находясь на корабле", что противоречит описанию в 14. 499, 527 сл. Переводчик стремился устранить небольшую несогласованность, достаточно частую в эпосе.

Ст. 163–165 = 15. 536–538 = 19. 309–311.

Ст. 166–169 = 4. 620 + 625–627.

Ст. 178 сл. = 85 сл.

Ст. 179–181 = 20. 249–251.

Ст. 197 сл. = 18. 108 сл.

Ст. 202 сл. = 24. 157 сл.

Ст. 207. *Итак, Нерион* (в оригинале: Нерит) и *Поликтор* – не считая последнего, чьим сыном является один из женихов – Писандр (18. 299), эти местные герои (в античном значении слова, т.е. обожествленные смертные) больше нигде в поэме не упоминаются.

Ст. 213 сл. = 20. 174 сл.

Ст. 217 сл. *Негодяй негодяя... равного с равным...* – Перевод воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 221. *Об притолку.* – В оригинале речь идет о дверных косяках. То же самое – в ст. 340.

Ст. 226–228 почти = 18. 362–364.

Ст. 234. *Пяткою... толкнул...* – Удар, нанесенный Одиссею Меланфием, носит кощунственный характер, так как дело происходит у алтаря нимф – божеств, особо почитаемых на Итаке (ср. 13. 355–360).

Ст. 262. *Цитры глубокой...* – Определение γλαφυρός, прилагаемое обычно к кораблям ("выдолбленный", "полый"), здесь, очевидно, указывает на цитру с особенно хорошим резонатором.

Ст. 289. ... *корабли...* – пиратские.

Ст. 300. ... *полумертвый...* – Смягченный перевод. В оригинале: "завшивевший".

Ст. 327. *Мера* (Мойра) – здесь в значении "смертной доли".

Ст. 337 сл. – 202 сл.

Ст. 347. *Нищему... быть неприлично.* – Судя по близости к Гесиоду, *ТиД* 317–319, – поговорочный стих.

Ст. 360 сл. ... *Афина... ему повелела...* – Частый в эпосе случай двойной мотивировки: приказание Одиссею исходит сначала от смертного (ст. 350–352), потом от богини. Ср. 21. 1–4 и примеч.

Ст. 375 сл. ... *негодяй всем известный...* – Несколько преувеличенный перевод (в оригинале нет слова “негодяй”), хотя и соответствующий облику Антиноя. *Сволочь* – множество, орава.

Ст. 382. *Неразумное... молвил* – неточный перевод. В оригинале: “нехорошо ты говоришь, Антиной, хоть ты и знатный”.

Ст. 398. *Друг...* – См. примеч. к 1. 385.

Ст. 419–424 = 19. 75–80.

Ст. 424 сл. ... *святая Воля...* – Модернизм, вводящий в греческий мир христианское представление. В оригинале: “так, видно, захотел Зевс”.

Ст. 427–441 = 14. 258–272.

Ст. 443. *Дметор* – персонаж, более не известный.

Ст. 458 сл. = 18. 387 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 462 сл. ... *в спину Подле плеча...* – По-видимому, Одиссей, желая уклониться от удара, оказался стоящим в полоборота к Антиною, и удар пришелся в верхнюю часть спины, там, где она переходит в плечо.

Ст. 468 сл. = 18. 351 сл. = 21. 275 сл.

Ст. 494. ... *его...* – т.е. Антиноя.

Ст. 515. *Три дня и три ночи...* – Эти слова Евмея порождают известную трудность в определении того, сколько дней провел Одиссей в его доме. Он попал туда в день прибытия на Итаку и провел там свой первый день, 35-й по ходу действия “Одиссеи” (вся кн. 14). 36-й день посвящен целиком путешествию Телемаха из Спарты до Феры (15. 1–188). На следующий, 37-й, день Телемах отбывает из Феры и, миновав Пилос, плывет на Итаку (15. 189–300), после чего автор возвращается к Одиссею, которому Евмей рассказывает свою историю (15. 301–494). Утром 38-го дня корабль Телемаха достигает Итаки, а сам он направляется к Евмею, где и происходит его встреча с отцом (15. 495–16. 320). Здесь же они оба остаются ночевать (16. 452–481). На следующий, 39-й, день Одиссей в сопровождении Евмея отправляется в город. Таким образом, получается, что Одиссей проводит у Евмея 35, 36, 37 и 38-й день, т.е. 4 дня и соответственно 4 ночи, из которых один день, 36-й, у него ничем не занят. Был ли автор “Одиссеи” обеспокоен этим противоречием? Едва ли. Похоже, что, говоря о днях, проведенных Одиссеем у Евмея, он имел в виду только те, которые были заняты действием и рассказами.

Ст. 522. *Одиссей... считается гостем...* – Об этом в рассказе Одиссея у Евмея ничего не было; автор подготавливает здесь слушателя к версии, которая будет изложена в кн. 19. 185–203.

Ст. 534–538 = 2. 55–59.

Ст. 545. ... *зачихнул Телемак...* – Имеется в виду свойственное многим народам представление, что чихание подтверждает верность сказанного. Ср.: Ксенофонт. Анабасис. III. 2, 9; Катулл. XLV. 8 сл., 17 сл.

Ст. 550. ... *красивую обувь.* – Дополнение переводчика, заимствованное из 21. 341. В оригинале Пенелопа говорит: “я дам ему хлену, хитон и добрую одежду”, причем последний член перечисления можно рассматривать как приложение к двум предыдущим. Входило ли уже здесь в намерения Пенелопы дарить бродяге обувь, и тем более красивую, неизвестно.

Ст. 551 сл. почти = 348 сл.

Ст. 565. – См. 3. 1 и примеч.

Ст. 568 сл. *Промолчал прекрасный Сын Одиссеев.* – В оригинале нет этой иронической интонации. Там сказано: “не защитил меня ни Телемах, ни кто-либо другой”.

Ст. 606. ... *темная ночь наступила.* – Ошибочный перевод: ночь наступает значительно позже, 18. 306. Здесь же в оригинале сказано: “уже наступила поздняя часть дня”, между обедом и вечером.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кулачный бой Одиссея с Иром

Ст. 5. *Арнеон* (правильнее: Арней) – возможно, говорящее имя, образованное от глагола ἄρνυμαι "добывать". *...так матерью назван...* – Намек на то, что мать прижила его неизвестно от кого.

Ст. 6 сл. *...величала... его...* – Имя Ир (Ἶρος) напоминает имя вестницы богов Ириды (Ἶρις), так как Ир *у всех... был на посылках.*

Ст. 10. *...старичишка...* – Усиленный перевод. В оригинале: "старче".

Ст. 21. *...рыло...* – Вульгаризм переводчика, не свойственный языку эпоса. В оригинале сказано: "чтобы я не облил тебе кровью грудь и губы".

Ст. 34. *И с хохотом громким...* – Смех женихов (и одобряющей их действия служанки Меланфо) – своего рода лейтмотив этой книги (см. далее ст. 40, 100, 111, 321, 350), выдающий их наглое самодовольство. Другое еще более компактное лексическое гнездо с тем же содержанием – кн. 20. 346, 347, 358, 375 (в переводе: "издеваясь"), ст. 390 – предвещает их близкую гибель.

Ст. 68–70. Не совсем точный перевод создает впечатление, что Афина только увеличила рост Одиссея, а телосложение у него сохранилось, несмотря на его превращение в старого нищего. Смысл оригинала другой: обнаруженная Одиссеем физическая мощь явилась результатом вмешательства ставшей рядом с ним Афины ("укрепила его члены").

Ст. 84–87. *...на твердую землю...* – На материк. *В крохи изрубит...* – В оригинале сказано более откровенно: "вырвав стыдную часть, отдаст ее сырой на съедение псам". См. примеч. к 22. 476.

Ст. 91. *...чтоб издох...* – Вульгаризм переводчика (как и выше, ст. 21). В оригинале: "чтобы при падении его тотчас покинула душа".

Ст. 108 сл. = 17. 197 сл.

Ст. 115 сл. – См. выше, 84–87 и примеч.

Ст. 122 сл. = 20. 199 сл. *...добрый...* – Добавление переводчика.

Ст. 136. *Так суждено...* – В оригинале сказано несколько иначе: "у живущих на земле людей бывает такое умонастроение, какое в (этот) день посылает отец богов и смертных".

Ст. 155. – См. 20. 392–394 и примеч.

Ст. 158–303. Сцена выхода Пенелопы к женихам давно служит предметом самых противоположных оценок: аналитики считают ее неумелой позднейшей интерполяцией, унитарии – образцов мастерства автора. Сомнение аналитиков вызывает, главным образом, решение Пенелопы выбрать себе наконец мужа (ст. 271–274), несовместимое с ее прежним отвращением к новому браку. В какой мере это может породить большее уважение к ней (ст. 160–162) со стороны сына и еще не узнанного мужа, в присутствии которого оглашается решение Пенелопы? И почему сам Одиссей, вместо того чтобы негодовать, радуется тому, как его супруга вынуждает женихов сделать ей подарки (ст. 281–283)? Унитарии, напротив, указывают, что действия Пенелопы продиктованы непосредственным вмешательством Афины (ст. 158 сл., ср. ст. 186), предвидящей дальнейшее развитие событий; в частности, в ст. 160–162 излагается намерение не Пенелопы, а Афины (в переводе придаточное, начинающееся с "дабы", следует подчинить глаголу "вложила"). Затем, расправа Одиссея с Иром дает повод Телемаху пожелать такой же участи женихам (ст. 235–239), а ответ Пенелопы Евримаху (ст. 251–271) возвращает повествование о судьбе Одиссея к исходному пункту – его отправлению под Трою – и таким образом связывает с далеким прошлым ближайшее будущее, когда Одиссей даст узнать себя женихам и Пенелопе. Поскольку предположение об интерполяции почти в полторы сотни стихов, затрагивающей главных героев поэмы, представляется маловероятным, высказывается мнение, что обсуждаемая сцена была заимствована автором из более ранней вер-

сии, где Одиссей уже успел открыться Пенелопе и поделиться с ней своими планами в отношении женихов. Тогда в постулируемой "пра-Одиссее" провокационный выход Пенелопы к женихам должен был следовать за омовением ног Одиссея, – этот мотив в нынешней поэме тоже существенно модифицирован (см. 19. 346–348 и примеч.).

Ст. 158 сл. = 21. 1 сл.

Ст. 185 сл. = 22. 433 сл.

Ст. 188–194. Перевод сильно расширен против оригинала, где говорится: Афина "пролила сладкий сон на дочь Икария; та тотчас заснула на своем ложе, и члены у нее ослабели; тогда богиня богинь стала давать ей божественные дары, для того чтобы ахейцы изумились. Сперва она омыла ей прекрасное лицо тем амвросическим средством, которым умащается прекрасновенчанная Киферея, когда идет к пленительному хору харит" (пер. И.М. Тронского).

Ст. 198. *...обе рабыни...* – вызванные ранее, ст. 182.

Ст. 201 сл. *...сладко... сладкую смерть...* – Тавтология восходит к оригиналу.

Ст. 207–211 = 1. 327–331. См. примеч.

Ст. 208–210 = 16. 414–416.

Ст. 220. *...позабыл справедливость.* – Добавление переводчика. В оригинале: "нет в тебе больше подобающего разума и мысли". Понятие "справедливость" появляется в греческой поэзии только в назидательном эпосе Гесиода. Соответственно, и смысл ст. 227 – другой: "мать моя, я не досадую, что ты разгневана".

Ст. 233 сл. *...сражение странника с Иром не их самовольством Было устроено...* – В оригинале сказано: "что же касается схватки чужеземца с Иром, то она совершилась не по желанию женихов: первый оказался сильнее".

Ст. 246. *...Язийского Аргоса...* – Вернее было бы "иасийского", т.е. Пелопоннеса, называемого так по имени легендарного царя Иаса, сына местного героя-эпонима Аргоса.

Ст. 251–256 = 19. 124–129 кроме начального обращения.

Ст. 272 сл. *...ненавистная ночь ненавистного... Брака* – Тавтология, внесенная переводчиком.

Ст. 283. *...душою же их ненавидя...* – Перевод сильнее оригинала, где сказано: "в душе же помышляя иное".

Ст. 291. *Каждый... отправил.* – Разумеется, только из числа женихов, живущих на Итаке.

Ст. 295. *Цепь...* – Такое же ожерелье, как упомянутое в 15. 460. См. примеч.

Ст. 298. *Эвридам* – обмолвка переводчика. В оригинале – Евридамант, упоминаемый далее в 22. 283.

Ст. 304–306 = 1. 417–419.

Ст. 313. *...Одиссеева дома рабыни...* – Перевод слабее оригинала, где Одиссей говорит: "вы, рабыни давно отсутствующего царя Одиссея", что в его устах звучит как грозное предупреждение.

Ст. 329. *...в шинке...* – В оригинале: "в лесхе", т.е. в помещении общественного назначения, где днем собирались поговорить о новостях граждане, а ночью находили приют бездомные и нищие. *Закут* (ст. 328) – добавление Жуковского.

Ст. 346–348 = 20. 284–286.

Ст. 351 сл. = 17. 468 сл. См. примеч.

Ст. 359. *...терновник...* – Этим словом переведено загадочное греческое αἱμασιά, которому дают и другое толкование: "мелкий камень". В этом случае предполагается собирание для забора камней, чему больше соответствует употребленный здесь глагол λέγειν в значении "собирать". Тот же случай – 24. 224.

Ст. 362–364 почти = 17. 226–228.

Ст. 366–376. В речи, в которой Одиссей несколько выходит за пределы образа все сносящего бродяги, обращает на себя внимание высокая оценка крестьянского труда – черта, бо-

лее характерная для наставительной поэмы Гесиода, чем для героического эпоса, и свидетельствующая о проникновении в него новых мировоззренческих веяний.

Ст. 368. *...по косе...* – В оригинале: "по серпу", так как дальше идет речь, по-видимому, о клевере (*траву луговую*), который греки убирали серпом.

Ст. 387 сл. = 17. 458 сл. кроме имени собственного.

Ст. 390–393 = 330–333.

Ст. 402. *...издох...* – В оригинале "пропал", "погиб".

Ст. 403 сл. – В оригинале: "нет никакого удовольствия от благородного пиршества, когда одолевает худшее (т.е. нищие, которые отвлекают внимание от пира)".

Ст. 410 сл. = 1. 377 сл. = 20. 268 сл.

Ст. 414–417 = 20. 322–325.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Встреча Одиссея с Пенелопой. Омовение ног

Ст. 2. *...совокупно с Афиной...* – т.е. рассчитывая на ее помощь.

Ст. 5–13 = 16. 286–294.

Ст. 29 сл. = 21. 386 сл.

Ст. 32. *...с горбами щиты...* – т.е. снабженные в центре круглой выпуклой бляхой из бронзы.

Ст. 33 сл. *...Афина Паллада... светила.* – В гомеровском эпосе для освещения употребляются факелы и жаровни (ст. 64 сл.); *лампады*, известные в крито-микенскую эпоху, вышли затем из употребления в домашнем обиходе греков примерно до середины 7 в. Они сохранялись, однако, при отправлении ритуалов в святилищах, и использование лампады Афиной не дает основания подозревать эти стихи в позднейшем происхождении. Впрочем, появление света, озарившего весь зал (ст. 37–39), следует приписывать не столько употреблению лампады, сколько присутствию божества.

Ст. 51 сл. = 1 сл.

Ст. 53 сл. = 17. 36 сл.

Ст. 55–57. *...стул, из слоновой Кости точеный...* – Конечно, стул был деревянным, но с накладками из слоновой кости и серебра (*с оправой серебряной*). *Икмалион* – имя, более нигде не встречающееся.

Ст. 75–80 = 17. 419–424.

Ст. 86. *...Аполлонов питомец...* – Аполлон воспринимается как идеал юношеской силы и красоты, которыми он, в свою очередь, наделяет молодых людей ("питатель юношей" – один из его культовых эпитетов). О почитании его на Итаке см.: 20. 276–278; 21. 258 сл.

Ст. 105. *...мой добрый старик?* – Преувеличение Жуковского. В оригинале: "кто ты, из какой земли (букв. 'из каких людей')?"

Ст. 110–114. *Повелитель могучий.* – Здесь отражен идеальный образ царя, носителя божественной благодати. Ср. Гесиод, *ТиД*, 225–237: картина идеального города, где чтут правду.

Ст. 124–129 = 18. 251–256, кроме начального обращения. Здесь эти слова приобретают особый смысл, будучи адресованы непосредственно Одиссею.

Ст. 134. *Мне ж не по сердцу никто: ни... ни...* – Перевод может внушить представление, что *просящего защиты, странника* или *глашатая* Пенелопа числит среди своих потенциальных женихов. Смысл оригинала другой: "потому-то (т.е. из-за настойчивости женихов) я не забочусь сейчас ни... ни..."

Ст. 139–156. – См. 2. 93–110 и примеч.

Ст. 162. *Уж верно, не отрасль... дуба...* – Поговорочное выражение, имеющее в виду старинное представление о создании людей из дуба (ср. Гесиод, *ТиД*, 143–145, о людях пятого, железного века) или из камней (ср. миф о Девкалионе и Пирре: Овидий. *Метам.* I. 381–415). В хетто-хурритской мифологии бог Кумарби от союза со Скалой порождает великана Улликумми. В устах Пенелопы поговорка означает, что она видит в нищем обыкновенного человека.

Ст. 172–179. *Остров есть Крит...* – В следующем далее описании сохранились воспоминания о главенствующей роли острова в крито-микенском мире. *Первоплеменная порода* (в оригинале: этеокритяне – "настоящие критяне") – исконные аборигены острова до его заселения *ахеянами. Кидоны* – см. 3. 292. *Дорийцы* соответствуют более поздней стадии в истории острова, наступившей после падения в XII в. ахейских центров и внедрения в Грецию новой волны переселенцев – дорян, которые упоминаются здесь единственный раз во всем гомеровском эпосе. *Кудрявые* – перевод определения τριχάϊκες в соответствии с устаревшим объяснением. Более надежно толкование "трехплеменные": в историческую эпоху дорийцы делились на три племенные объединения: Гиллеев, Диманов и Памфилов. *Пеласги*, как и этеокритяне, – догреческое население Эгеиды. *Едва девяти лет достигнув...* – Перевод прилагательного ἐννέωρος, означающего в других случаях "девятилетний", "достигший девяти лет", здесь лишено смысла. Гораздо надежнее его понимание в значении "каждые девять лет": согласно толкованию, сохранившемуся у Платона (Минос. 319 е; Законы. 624 a-b), *Минос*, царь Кносса, сын Зевса, раз в девять лет удалялся в пещеру на горе Иде, где, по преданию, родился и вырос Зевс, чтобы получить от отца законы для своего государства. Поэтому здесь и сказано, что "Минос царствовал (каждые) девять лет", и он назван *собеседником* великого Зевса (в переводе *мудрый* отнесено ошибочно к Миносу). Это предание отражает древнейшее представление о сменяемости царя через определенный срок – девятилетний же период связан как с магическим значением "девятки" в античном мире и на Ближнем Востоке, так и с попытками согласовать лунный год с солнечным: 8 лунных лет с добавлением трех месяцев составляют примерно 8 солнечных лет; на девятый год начинается новый цикл.

Ст. 180. *Девкалион* – здесь, разумеется, не единственный мужчина, уцелевший от потопа (см. выше, примеч. к ст. 162), а сын Миноса и царь Крита. Версия Одиссея здесь отличается от той, которую он изложил Евмею (14. 204, 237): в беседе с Пенелопой Одиссей выдает себя за лицо более высокого социального положения.

Ст. 183. *Аитон* (правильнее: Эфон, Αἴθων) – имя, произведенное от прилагательного со значением "горящий, пламенный" (о животных) или "блестящий, сияющий" (о металле).

Ст. 185 сл. *В Крите... в Крит.* – Анафора не находит соответствия в оригинале.

Ст. 187. *...у мыса Маллеи...* – Там же были отогнаны бурей в открытое море Менелай (3. 287) и сам Одиссей (9. 80), направлявшиеся домой из-под Трои.

Ст. 188 сл. *В устье Амизия...* – Неточный перевод. В оригинале сказано: "он пристал у Амниса (пристани или якорной стоянки у Кносса), там, где грот Илифии, в опасной гавани, с трудом спасаясь от бурных ветров". Грот, посвященный Илифии – покровительнице рожениц, был открыт на Крите в 1929–1930 гг. Культ богини восходит к III тысячелетию, а грот должен был быть хорошо известен по всей Греции, если Одиссей упоминает его, чтобы сделать наиболее правдоподобным свой рассказ. *...богами спасенный.* – Дополнение переводчика.

Ст. 192. *...дней десять прошло* (и соответственно *двенадцать*, ст. 198)... – Указание на приблизительный срок. См. 14. 13–16 и примеч.

Ст. 194 сл. = 24. 271 сл.

Ст. 197. *Собранным с мира...* – См. 13. 14 и примеч. Выше, ст. 195, рассказчик говорит об угощении Одиссея сначала за свой счет, "из обильных запасов, имевшихся в доме".

Ст. 204. *...из глаз их...* – Множественное число – недосмотр переводчика. В оригинале речь идет об одной Пенелопе, к которой обращен рассказ Одиссея.

Ст. 225. *Двойная мантия* (хлена) – вдвое шире обычной, так что в холодную погоду можно обернуться ею два раза, а в теплую – носить, сложив в ширину вдвое. См. ниже, ст. 241. Противоположность ей – одинарная хлена, 24. 276.

Ст. 227. *Бляха* – собственно, булавка для скрепления краев одежды. Из множества образцов подобных изделий больше всего подходят к описанию в "Одиссее" броши с пластинкой, либо напаянной поверх булавки, либо подвешенной к двум ее концам. Изображенная на ней сцена напоминает инкрустации на ножнах и геммы крито-микенского времени, булавки же описанного типа найдены в восточноэгейском ареале и относятся к рубежу 8–7 вв.

Ст. 242. *Сшитым по меркам...* – Добавление Жуковского. См. 1. 433 и примеч. В оригинале τερμιόεις – либо, по древнему объяснению, "доходящий до ног", либо, скорее, "обрамленный по низу вышитой полосой".

Ст. 245. *...горбатый...* – Перевод зависит здесь от понимания оригинала, где сказано: γυρὸς ἐν ὤμοισιν "круглый в плечах", что может быть понято и как "горбатый" и как "широкоплечий". В то же время упоминаемого здесь Еврибата естественно отождествить с одноименным персонажем в Ил. II. 184; IX. 170, где он является глашатаем Одиссея и имя его ("широко шагающий") вполне соответствует должности. Была ли у Одиссея необходимость выбирать в глашатаи горбуна, встреча с которым, по народному поверью, не сулит ничего хорошего?

Ст. 260. *...к несказанным стенам...* – т.е. "к таким, которые я даже не хочу называть", чтобы не накликать новой беды. *...роковым...* – Добавление переводчика, как и ниже в ст. 597 и в 23. 19.

Ст. 266. *Сердцем избранного мужа...* – См. примеч. к 13. 45. В оригинале: "всякая (жена) скорбит, утратив даже другого (т.е. менее достойного) мужа".

Ст. 269. *Правду одну я скажу...* – При всем том странник забывает сообщить в своем рассказе о пребывании Одиссея у Калипсо и Цирцеи, чтобы не огорчать Пенелопу.

Ст. 271. *В области... феспротов...* – См. 14. 322 и примеч.

Ст. 277. *...святотатцы.* – Добавление переводчика. Гибель спутников Одиссея – результат мести персонально оскорбленного бога, а не нарушения каких-либо религиозных запретов.

Ст. 279 сл. = 5. 35 сл. с заменой времени глагола.

Ст. 288–292 = 14. 331–335.

Ст. 294–299 = 14. 325–330.

Ст. 305–307 = 14. 160–162. См. примеч. Упоминаемое здесь новолуние – следующий день, когда будут отмечать праздник в честь Аполлона. См. примеч. к ст. 86.

Ст. 309–311. – См. 15. 536–538 и примеч.

Ст. 317 сл. *...постелю... приготовьте...* – В переводе пропущено дополнение ῥήγεα "подушку" – признак обеспеченности хозяев и уважения к гостю. Продолжая играть свою роль, Одиссей отвергает предложенное ему ложе с покрывалом и подушкой (ст. 337 сл.).

Ст. 346–347. *Нет ли... старушки...* – Одиссей не хочет пользоваться услугами наглых молодых рабынь (ср.: 18. 326–336; 19. 65–69, 372–374), предпочитая иметь дело со старой верной Евриклеей, которую он, вероятно, уже заметил в окружении Пенелопы. *...и зла и добра испытавшей?* – Евриклея не испытала в жизни столько бедствий, сколько Одиссей. В оригинале сказано: "которая столько же вынесла в душе, сколько я", т.е. с такой же тоской ожидала его возвращения и так же тяготится бесчинствами женихов. В остальном эти стихи, как и следующее затем описание омовения ног, при котором Евриклея узнает Одиссея по шраму на ноге, являются, по всей видимости, остатком более ранней версии, заканчивавшейся узнаванием вернувшегося мужа по примете. Имела ли смысл эта сцена в нынешней "Одиссее", где признание Одиссея Пенелопой наступает только после истребления женихов? На этот вопрос надо ответить утвердительно: сохраняя сцену омовения ног, автор добивается существенного художественного эффекта. (1) Достигает разрядки трагическая ирония, возникающая перед омовением ног из слов Пенелопы о сходстве нищего с Одиссеем и причитаний Евриклеи по

погибшему господину (ст. 358–382), который на самом деле находится перед ними. (2) Став свидетелем этого эпизода, слушатель с напряжением ждет, когда и каким образом тайна Одиссея станет известна всем. (3) Таким образом, сцена омовения ног включается в ту цепь намеков и предсказаний о возвращении героя, которая охватывает всю поэму, постепенно ведя действие к кульминации (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 6).

Ст. 351 сл. = 17. 468 сл. = 21. 275 сл.

Ст. 387. *...две трети...* – Добавление переводчика. В оригинале нет никакого указания на соотношение холодной и горячей воды.

Ст. 389. *Сел к очагу...* – Перевод создает впечатление, что Одиссей все это время находился вдали от очага и только теперь сел поближе, чтобы Евриклея не узнала его. В оригинале сказано: "между тем Одиссей сидел у очага, но тотчас повернулся в тень, ибо он вдруг подумал, что та (Евриклея) узнает рубец..." *...лицом...* – Добавление переводчика. Одиссей повернулся к тени вместе со стулом.

Ст. 392–467. Самое знаменитое отступление, оформленное рамочной композицией, в греческой литературе, создает ретардацию там, где слушатель особенно заинтересован в скорейшем развитии действия.

Ст. 395. *Автоликон* – см. СМС: Автолик.

Ст. 401. *...ему на колена..:* – Ритуал, обозначающий принятие новорожденного в род предков.

Ст. 409. *...то значит: "сердитый".* – Греки, любившие всякого рода этимологические объяснения имен собственных, связывали имя Одиссея с корнем ὀδυσσ- "ненавидеть", "гневаться". Трудность в толковании этого имени состоит, однако, в том, что образованное от предполагаемого глагола ὀδύσσομαι причастие ὀδυσσάμενος, которое применяет к себе Автолик, может иметь как активное ("возненавидевший", "разгневавшийся"), так и пассивное ("ненавидимый", "испытавший на себе гнев") значения. В отношении Автолика, известного воровством и обманом (см. СМС), второе значение является предпочтительным. Что касается Одиссея, то в первом случае указанное причастие может характеризовать его отношение к женихам, во втором – его положение скитальца, навлекшего на себя гнев богов (именно это значение имеется в виду в поэме: 5. 340, 423; 19. 275). При обсуждении этого вопроса один из исследователей пришел к выводу, что в имени Одиссея содержатся оба значения: он и сам жертва гнева, и обрушивает свой гнев на виноватых перед ним. Отразить все эти нюансы в переводе вряд ли представляется возможным.

Ст. 416 сл. *Бабка ж его... в слезах... целовала Очи... и голову...* – Неточный и слишком пространный перевод. В оригинале: "бабка же его, обняв Одиссея, целовала его в голову и прекрасные очи".

Ст. 424–428. – Ср. 9. 556–560 = 10. 183–187.

Ст. 440–443 = 5. 478–480 + 483.

Ст. 457 сл. *...кровь же... Заговорили.* – т.е. остановили путем магического заклинания, "заговора". Это единственный случай в гомеровском эпосе, когда для лечения раны применяется магическое средство. Свидетельствует ли это о более раннем происхождении рассказа или о проникновении в него элементов народной веры?

Ст. 473. *Сжав... подбородок...* – Точнее: "коснувшись подбородка" – жест, выражающий мольбу, любовь и преданность.

Ст. 474 сл. *...тебя я... не узнала!* – В переводе выпало важное приложение: "моего владыку": Евриклея видит в Одиссее одновременно и близкого человека и своего господина.

Ст. 508 сл. – Ср. 103 сл.

Ст. 518. *Плачет Аида...* – Непонятный перевод. В оригинале здесь – развернутое сравнение ("подобно тому как дочь Пандарея, зеленовато-желтый соловей, прекрасно поет с приходом весны..."), и речь идет о некоей критянке Аэдон, дочери Пандарея (в переводе: *Пандара*), выданной замуж за Цетоса (Зефа; см. СМС: Антиопа) и имевшей от него единственного сына Итила (в переводе: *Итилоса*). Завидуя своей многодетной невестке Ниобе, Аэдон решила

убить во сне ее любимого сына, но ошиблась и поразила своего собственного. В ответ на ее просьбу боги превратили Аэдон в соловья, почему эта птица, согласно преданию, называется *ἀηδών*. История Аэдон в таком виде из других источников неизвестна и является вариантом более распространенного мифа о Прокне, дочери афинского царя Пандиона, которая убила своего сына Итиса и дала отведать его мяса своему мужу Терею за то, что он силой овладел ее сестрой Филомелой. Спасаясь от разгневанного Терея, Прокна превратилась в соловья. См.: Овидий. *Метам. VI.* 412–674.

Ст. 527 сл. = 16. 75 сл.

Ст. 529. – См. 16. 77 и примеч.

Ст. 532 сл. *Сам запрещал...* Смысл оригинала другой: "не позволял", т.е. не давал Пенелопе морального права оставить его. Как мог неразумный отрок запрещать что-либо матери? *Требует сам...* – Слишком сильный перевод. В оригинале: "просит", "желает". Собственно, об этом желании в поэме нигде не говорится, и Пенелопа ссылается на него, вероятно, чтобы обосновать свое возможное решение заботой о сохранении имущества сына (ср. 534). *...чтоб из дома я вышла...* – т.е. вернулась к отцу.

Ст. 539. *...в пространной столовой...* – Добавление переводчика: гуси паслись во дворе, как правильно переведено в ст. 552.

Ст. 562 сл. *...двое ворот...* – В оригинале игра слов: ἐλεφάς "слоновая кость" и ἐλεφαίρομαι "обманывать", κέρας "рог" и κραίνω "исполнять", "осуществляться".

Ст. 563 сл. *...из кости слоновой...* – Одинаковое завершение стихов воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 572–579. Состязание в стрельбе из лука как способ выявить наиболее достойного претендента на руку царевны или овдовевшей царицы – достаточно распространенный фольклорный мотив (ср. СМС: Геракл). Что касается "Одиссеи", то место, где произойдет это состязание, и его техника (см. также 21. 120–122, 420–422) служат предметом давней дискуссии. Несмотря на попытки ряда исследователей искать место для соревнования во дворе, прилегающем к мегарону, наиболее вероятным представляется, что оно происходило в пиршественном зале (19. 573; 21. 4, 229, везде указан μέγαρον; в переводе это никак не отражено). Что касается хода соревнования, на который в тексте дается невнятный намек (21. 120–122), то было предложено три его объяснения. (1) Двулезвейные секиры закапываются одним лезвием в землю, и стрелу надо пропустить через отверстия для рукоятей. В этом случае, однако, пришлось бы стрелять лежа и держа лук горизонтально – поза совершенно невероятная. (2) В земляной пол по прямой линии вкапываются секиры (в переводе – *жерди*!) топорищами вниз, так что их рукояти возвышаются над уровнем земли примерно на 80 см. К концам рукояток припаяны железные кольца, диаметром около 10–13 см, чтобы вешать секиры на стену. Через эти кольца и надо пропустить стрелу, не задев ни одно из них. Поскольку греки стреляли из лука, опустившись на одно колено, это описание кажется вполне убедительным. Однако автор везде говорит, что стрелы должны пролететь через секиры, но не упоминает нигде колец. (3) Стрелу надо пропустить через отверстия, образованные прикасающимися друг к другу с тыльной стороны изогнутыми изнутри лезвиями. Между тем в последнее время возобладало мнение, что подобное состязание, как бы его себе не представлять, вообще не могло иметь места, так как стрела, пущенная с необходимой начальной скоростью, уже на расстоянии первых 10 м отклоняется на 20 см, и преодолеть этот закон баллистики не в состоянии самый искусный стрелок. Поэтому вполне вероятно, что вопрос о реальной возможности такого соревнования вообще не беспокоил автора "Одиссеи", которому нужно было вооружить своего героя луком, чтобы приступить к расправе с женихами.

Ст. 577–581 = 21. 75–79.

Ст. 581. *Счастье нашла...* – Добавление переводчика. В оригинале: "покинув этот... дом, который я буду вспоминать и во сне".

Ст. 594–596 = 17. 101–103.

Ст. 602–604 = 1. 362–363; ср. 16. 449–451.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Перед убийством женихов

Ст. 4. *Эвриклея* – в оригинале: Евринома. Жуковский путем этой замены хотел, вероятно, согласовать ст. 4 со ст. 143, где, однако, в оригинале сказано: "мы (т.е. служанки) его укрыли". Евринома и раньше выполняет приказание Пенелопы в отношении странника: 19. 96. *...покровом...* – т.е. хленой, как в ст. 95 и 143.

Ст. 14. *Злобная...* – Добавление переводчика, противоречащее поведению собаки, защищающей своих щенков.

Ст. 64 сл. *...в край тот...* – Туда, где находится вход в подземное царство. См.: 10. 508; 11. 13. *...круговратно бегущий!* – Окружающий землю.

Ст. 66–78. Миф о Пандаровых дочерях не известен из других источников, и смысл его не ясен.

Ст. 77 сл. *Гарпии* – см. 1. 237 и примеч. *...чудовищам в рабство.* – В оригинале: "чтобы они служили ненавистным Эриниям", т.е. умерли.

Ст. 82. *...противного сердцу!* – Собственно: "худшего" по сравнению с Одиссеем.

Ст. 103. *...из звезднобестучного неба...* – Жуковский предвосхищает слова рабыни (ст. 113), хотя в оригинале и сказано: "прогремел с сияющего Олимпа, с высоты из облаков", поскольку невидимое людям жилище Олимпийских богов всегда окутано облаками.

Ст. 110. *...проснулася ране...* – В оригинале: "еще не прекращала работы", т.е. не ложилась спать.

Ст. 113 сл. *...его наполняют, сверкая, Звезды...* – Распространенный перевод постоянного эпитета неба – "звездное", который, однако, не значит, что после появления зари (ст. 91) звезды все еще сверкают на небе (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 5).

Ст. 125 сл. = 2. 3 сл. = 4. 308 сл.

Ст. 130 сл. *Обычай Матери... знаю...* – Чем вызвано это сомнение в гостеприимстве Пенелопы, не ясно; к тому же странник по своему социальному статусу явно не принадлежит к числу "лучших".

Ст. 135. *...невиновную... обвиняешь...* – В оригинале та же риторическая фигура.

Ст. 141. *...на пуховой постеле...* – Модернизм переводчика. В оригинале: "на постели и подушках".

Ст. 143. *...я покрыла его одеялом.* – См. примеч. к 4.

Ст. 148. *...разумная...* – Жуковский заменяет этим определением слова оригинала: "божественная среди жен". Обычно этот эпитет прилагается к лицам царского происхождения. Здесь, как и в случае с "богоравным" свинопасом Евмеем (14. 3 и примеч.), автор пользуется возвышенным стилем даже по отношению к лицам невысокого социального статуса.

Ст. 153. *...двудонные...* – См. 3. 63 и примеч.

Ст. 156. *...праздник...* – в честь Аполлона.

Ст. 174 сл. = 17. 213 сл.

Ст. 176. *...коз привязавши...* – Лучшее чтение (κατέδησαν) дает другой оттенок: "и те двое привязали коз... он же сам..." *Многозвучные* – "гулкогремящие", т.е., вероятно, порождающие эхо.

Ст. 185. *...главный пастух...* – В оригинале: "повелитель мужей", как ранее об Евмее (14. 22 и примеч.). Ср. выше, примеч. к ст. 148.

Ст. 187. *...привезли на судах...* – с материка. См. 14. 97 и примеч.

Ст. 199 сл. = 18. 122 сл.

Ст. 209. *О, благодушный, великий мой царь!* – Сильное преувеличение переводчика в монархическом духе. В оригинале: "безупречный Одиссей!"

Ст. 210. *...в стороне Кефаленской...* – Собственно: “в народе кефалленян”. Полагают, что автор пользуется этим собирательным именем для всех, над кем царствовал Одиссей. Ср.: 24. 355, 377, 429; Ил. II. 631; IV. 330.

Ст. 227. *...порода твоя не простая...* – Несколько преувеличенный перевод. В оригинале: “так как ты, пастух, не похож на низкого и безрассудного мужа...”

Ст. 330 сл. = 14. 158 сл. См. примеч.

Ст. 235. *...пастухов повелитель...* – Правильнее: “надзиратель за стадами”. См. перевод в 22. 292.

Ст. 237–239 = 21. 202–204.

Ст. 242. *...слева поднялся...* – Знамение, данное слева, считалось неблагоприятным. Ср. 2. 154 и примеч.

Ст. 249–251 = 17. 179–181.

Ст. 258. *...велел Телемак...* – Как видно, вернувшийся с площади, и при том не один, а в сопровождении Феоклимена (ст. 350).

Ст. 264 сл. *...где произвольно пирует Всякая сволочь...* – Добавление переводчика. *...царево жилище.* – Собственно: “мне он (этот дом) теперь принадлежит”.

Ст. 267. *...ссора.* – В оригинале сказано сильнее: “вражда и брань”.

Ст. 268 сл. = 1. 377 сл. = 18. 410 сл.

Ст. 279 сл. = 3. 65 сл.

Ст. 284–286 = 18. 346–348.

Ст. 295 сл. почти = 21. 312 сл.

Ст. 299 сл. *Тут он ... швырнул...* – Это третье “оскорбление действием”, нанесенное Одиссею. Показательно, что реальный результат этих действий постепенно ослабевает: в первый раз удар приходится в спину Одиссею (17. 462–465); во второй раз ему удается уклониться, и скамейка попадает в виночерпия (18. 394–398); в третий раз брошенная кость пролетает мимо, ничего не затронув (20. 299–302). Наряду с этим возрастает сопротивление Телемаха наглости женихов: на первый удар он никак не реагирует, после второго предлагает женихам разойтись (18. 405–411), после третьей попытки дает им гневную отповедь (20. 303–310), благодаря чему действие все ближе подводится к кульминации.

Ст. 317–319 = 16. 107–109.

Ст. 318 сл. *Рабынь принуждают... в священных обителях царских* – несколько усиленный перевод. В оригинале: “чем смотреть, как вы... позорно обращаетесь с рабынями в (нашем) красивом доме”. Впрочем, судя по ст. 6–8, далеко не все рабыни чувствовали себя жертвами позорного обращения.

Ст. 322–325 = 18. 414–417.

Ст. 328. *Вы питали надежду* – т.е. Пенелопа и Телемах.

Ст. 338. *Кротко* – См. примеч. к 1. 385.

Ст. 346. *Смех... хохотали.* – См. 18. 34 и примеч.

Ст. 351. *...горе вам! горе!* – Феоклимен в пророческом экстазе уже видит картину избиения женихов.

Ст. 354. *Стены, я вижу, в крови.* – Видимая только прорицателю кровь, предвещающая убийство, – достаточно распространенный фольклорный мотив. В греческой литературе ср.: Эсхил. Агамемнон. 1090–1092; Геродот. VII. 140; Плутарх. Пирр. 31.

Ст. 355. *Привиденья* – души убитых.

Ст. 379. *...гнилой старичишка...* – Добавление переводчика.

Ст. 382. *...Телемак многомудрый...* – Добавление переводчика.

Ст. 392–394. Здесь, как и в 18. 155; 21. 98–100, 418; 22. 32 сл., – редкий в эпосе случай авторского комментария.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Состязание в стрельбе из лука

Ст. 1 сл. = 18. 158 сл. *...Афина вселила желанье...* – В 19. 572–576 такое решение уже приняла Пенелопа. Внушение Афины – очередной пример “двойной мотивировки”. См. 17. 360 сл. и примеч.

Ст. 3. *...стрелы...* – В оригинале здесь и в ст. 81 названы не стрелы, а “седое железо”, т.е. секиры; см. примеч. к 19. 572–579.

Ст. 4. *...тем приготовить им гибель.* – Это цель Афины, а не Пенелопы, которая ничего не знает о замысле Одиссея.

Ст. 6. *Мягкоодутлой...* – В оригинале: “полной”. Впрочем эпитет παχύς “крепкий” больше подходит к руке сильного мужчины, как он и употреблен в 20. 299; 22. 326.

Ст. 15. *Ифит* – см. СМС: Геракл.

Ст. 19. *...быков крутурогих...* – Добавление переводчика. В оригинале *триста* относится к мелкому скоту, μῆλα. Крупный рогатый скот пасется не на Итаке, а на материке. См. 14. 97–104 и примеч. *...разбойничье...* – Другое добавление переводчика. В оригинале: “мессенцы угнали на многовесельных кораблях” (естественно, не на одном). Само же похищение стад представляется автору обычным делом (ср. 11. 290–292), а не разбойничьим.

Ст. 21. *Геронты* – старейшины.

Ст. 28. *Зверский...* – В оригинале нет столь резкой осуждающей оценки; сказано σχέτλιος, т.е. чрезмерно надеющийся на свою силу. Это говорится, однако, и про Ахилла, Гектора, Одиссея: Ил. IX. 630; XVI. 203; XVII. 150; Од. 11. 474; 12. 21, не говоря уже о самом Зевсе: Ил. II. 112; VIII. 361; Од. 3. 161. Впрочем, убийство гостя в собственном доме, конечно, – преступление против *Зевесова закона*, и странно, что в поэме нет ничего о постигшем Геракла божественном возмездии.

Ст. 32 сл. *Эвритов лук... Эврит...* – Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 43. *...дубовый порог...* – Деревянный порог характерен для подсобного помещения в отличие от входа в зал, снабженного каменным порогом (17. 30; 20. 258; 23. 88 – в переводе определение нигде не сохранено).

Ст. 45. *Притолки...* – См. 17. 221.

Ст. 54. *...обвернут блестящим чехлом...* – Скорее: “заключен в колчан”.

Ст. 61 сл. *...с запасом Меди, железа...* – т.е. стрел с медными наконечниками и секир, предназначенных для устройства соревнования.

Ст. 63–66 = 1. 328–331. См. примеч.

Ст. 73 сл. *Можете сами теперь...* – Перевод сильнее оригинала, где Пенелопа не предлагает себя в качестве *цены победы*. Сказано лишь: “Ну так вот, женихи, здесь видна награда. Я кладу лук...”

Ст. 75–79 = 19. 577–581.

Ст. 88. *...в долгой разлуке...* – В оригинале: “так как она потеряла мужа”; женихи уверены, что Одиссей никогда не вернется.

Ст. 98–100. – См. примеч. к 20. 392–394.

Ст. 109 отсутствует в ряде рукописей и является, по-видимому, интерполяцией, составленной в оригинале из половин стихов 97 и 98 кн. 14. Поводом для его исключения по существу является то, что Итака не входит в понятие *ахейской земли*, под которой обычно разумеется Пелопоннес.

Ст. 120, 260. *Жерди* – см. примеч. к 19. 572–579.

Ст. 128–130. *...готов был ... приняться за дело...* – Неточный перевод. В оригинале: “и в четвертый раз он, наверное, натянул бы” тетиву, но отец дал ему знак, поскольку последнюю, удачную попытку поэт оставляет за Одиссеем. *По условию* и *к отцу* – добавление переводчи-

ка. Ни о каком условии на этот счет между отцом и сыном ранее не сообщалось, и в оригинале Телемах обращается к женихам.

Ст. 138. *...к ручке замочной...* – Здесь и в ст. 165 речь идет в оригинале о крючке на конце лука, за который следовало зацепить тетиву, предварительно натянув ее.

Ст. 145 сл. *Жертвогадатель...* – Точнее: "наблюдающий за жертвоприношением", т.е. за тем, сгорает ли жертва согласно обряду. Он же произносил молитву при возлиянии богам, – отсюда его место у кратера (в переводе: *подле кратеры*), *откуда вино подносить... начинают* (ст. 142). *...на ...Крае стола...* – Неверный перевод: перед каждым пирующим ставился отдельный стол, Леодей был крайним в их ряду.

Ст. 148. *...роковой...* – Добавление переводчика. Здесь, в отличие от 20. 392–394 и 21. 98–100, поэт воздерживается от собственной оценки происходящего.

Ст. 156. *Нас привлекало... чародейством надежды.* – Усиленный перевод. В оригинале: "ради чего мы всегда здесь собираемся, проводя в ожидании все дни".

Ст. 16 сл. = 16. 391 сл.

Ст. 164–166 = 137–139.

Ст. 166. *...беспечно.* – Как и в ст. 139, – добавление переводчика, здесь особенно неудачное, так как противоречит всему тону предшествующей речи Леодея (ср. также ст. 169).

Ст. 173 сл. *...без сомненья...* – Повторение в двух стихах не имеет основания в оригинале.

Ст. 178. *Укруг* – круг затвердевшего топленого сала.

Ст. 183. *...растаявши...* – растопив.

Ст. 186 сл. = 4. 628 сл.

Ст. 202–204 = 20. 237–239.

Ст. 214–216. *Вам я обоим найду...* – Отпущенные на волю рабы Одиссея становятся как бы членами семьи наравне с Телемахом (но не с самим Одиссеем, как в переводе). Ср. 14. 62–66 и примеч.

Ст. 217–222. В аналитической критике эти стихи вызывают не совсем безосновательное подозрение как поздняя интерполяция: в то время как во всех остальных случаях рубец на ноге Одиссея служит средством его признания старой няней и отцом (19. 407; 23. 73–75; 24. 331 сл.), Евмей и Филойтий были не столь близкими к царскому дому людьми, чтобы знать об этом приключении Одиссея в его юные годы. Но, с другой стороны, как иначе он мог доказать свою идентичность царю Итаки?

Ст. 224. *...и руки, и ноги...* – Добавление переводчика. *Голову* и *плечи* они целуют, как положено рабам в отношении господина. Ср. 17. 35; 22. 499, где упоминаются еще и руки.

Ст. 238. *Тронуться с места...* – В оригинале сказано: "чтобы ни одна не выходила за дверь". Поскольку уже говорилось, что двери, ведущие из женских покоев в зал, будут заперты, надо допустить, что еще какие-то двери соединяли женскую половину с двором, примыкавшим к мегарону.

Ст. 259. *...натягивать лук неприлично...* – Перевод, усиленный против оригинала, где говорится: "кто же (в такой день) пытается натянуть лук?". Антиной, очевидно, хочет сказать, что в день праздника Аполлона соревнование смертных в стрельбе может быть воспринято как вызов богу-стреловержцу. Конечно, со стороны Антиноя это не более, чем уловка для самооправдания. На самом деле Аполлон вполне мог быть почтен состязанием в том виде искусства, в котором сам он признавался первым. См. 21. 338.

Ст. 265 сл. В переводе аллитерация (**по**утру **пу**скай ... **при**ведет ... **при**нести) отчасти соответствует оригиналу с пятикратным ассонансом αι-.

Ст. 270–273 = 3. 338–340 + 342.

Ст. 275 сл. = 17. 468 сл. = 18. 351 сл. Впрочем, ст. 276 отсутствует в огромном большинстве рукописей.

Ст. 277. *...богоравный...* – См. примеч. к 1. 29.

Ст. 295–304. *...Эвритион, многославный кентавр... Праздновал там он с лапифами...* – Имеется в виду празднование свадьбы царя лапифов *Пиритоя* (Пирифоя), на которую были приглашены кентавры, в опьянении вздумавшие похитить у лапифов женщин. В традиционном изложении злая распря и возникла от бесчинства кентавров, а не одного Евритиона.

Ст. 311–358. Эпизод с участием Пенелопы аналитическая критика расценивает как остаток прежней версии, в которой узнавание супругов предшествовало расправе с женихами. Этим-де и объясняется достаточно решительный тон Пенелопы по отношению к женихам. Само по себе предположение об использовании автором целых блоков из более ранней эпической традиции не содержит ничего невероятного и во всяком случае не дает основания для изъятия тех или других стихов, о чем среди различных исследователей, как обычно, нет единого мнения. По лексическим и стилистическим соображениям вызывают известное подозрение ст. 334 сл., – и в самом деле, апелляция Пенелопы к благородному происхождению нищего может только еще больше раздражить женихов. Ст. 339–342 повторяют в более развернутой форме, заимствованной в 16. 79–81, обещание Пенелопы в 17. 550 и здесь, может быть, не слишком уместны. В остальном же опасение женихов навлечь на себя дурную славу (ст. 325–329), упреки Пенелопы по их адресу (ст. 331–333) и вмешательство Телемаха (ст. 344–353), действительно знающего о планах отца, не только вполне согласуются с ходом повествования, но и продвигают его к развязке.

Ст. 312 сл. почти = 20. 294 сл.

Ст. 313. *...лишал их участка.* – т.е. доли среди гостей дома. В оригинале, впрочем, сказано только: “обижал”.

Ст. 320 сл. = 16. 434 сл.

Ст. 339–342. – Ср. 16. 79–81.

Ст. 347. *...с многоконной Элидою смежном.* – В оригинале речь идет об островах, лежащих по пути из Элиды в Итаку.

Ст. 350–358 = 1. 352–360. См. примеч.

Ст. 361. *Так говорили одни...* – Перевод создает впечатление, что одним будут противопоставлены другие. В оригинале: “и так сказал кто-то из заносчивых мужей”.

Ст. 369. *Ты, Эвмей, ошалел...* – Добавление переводчика.

Ст. 372. *Если бы силой такой я... одарен был...* – В оригинале несколько другая мысль: “если бы я был настолько сильнее всех женихов, насколько я сильнее тебя”.

Ст. 382–385 = 236–239.

Ст. 386 сл. = 19. 29 сл.

Ст. 395. *Роги...* – Лук изготовлялся из двух рогов, скрепленных между собой в широкой части металлическим обручем. См. ст. 419, где в оригинале сказано, что Одиссей наложил стрелу на эту среднюю часть лука (πῆχυς). Длина такого лука достигала примерно 1,5 м. (Ил. IV. 105–111).

Ст. 411. *...провизжала...* – Сниженный перевод. В оригинале: “пропела звонкую песню”.

Ст. 420. *Сидя на месте...* – Эту позу можно объяснить, если принять объяснение (2) в примеч. к 19. 572–579.

Ст. 428–430. *Должно... покуда светло...* – Перевод усиливает оригинал, придавая словам Одиссея угрожающую интонацию. Однако Одиссей еще не раскрывает своих намерений, хотя слова его и двусмысленны: “теперь пора приготовить засветло обед ахейцам, а затем позаботиться об ином – пении и игре на форминге, ибо они – украшение пира”. Слова: *на новый... им приличнейший лад перестроить* – добавление переводчика.

Ст. 434. *...оружием медным блестящий.* – т.е. вооруженный мечом и копьем, которые всегда были при нем. За щитами и шлемами Телемах пойдет позже: 22. 101–113.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Убийство женихов

Ст. 5. *... друзья женихи...* – Добавление переводчика.

Ст. 25. *Не было там ни щита...* – вследствие распоряжения Одиссея: 19. 5–13.

Ст. 32. *Безумцы!* – Еще один пример авторского комментария (см. 20. 392–394 и примеч.), к тому же повторяемого действующим лицом: ср. 33 и 41; в орининале они почти тождественны.

Ст. 37. *...насильствуя гнусно...* – В большинстве рукописей ст. 37 стоит после ст. 38 (в оригинале каждый из них составляет самостоятельный период), что представляется более логичным: судьба его *благородной жены* для Одиссея гораздо важнее, чем участь рабынь (не *служанок,* как в переводе).

Ст. 43 отсутствует в рукописях и папирусах. В самом деле, женихи еще пытаются вступить с Одиссеем в переговоры, в ходе которых мысль о бегстве подает им он сам (ст. 66).

Ст. 53. *...похищение власти царя...* – См. 1. 381–383 и примеч. *Телемака... смерти предать...* – См. 4. 667–672; 16. 371–384, 421 сл.

Ст. 55–59. *...назначишь нам цену...* – Слова Евримаха предусматривают обычную с точки зрения гомеровского права процедуру выкупа за оскорбление дома Одиссея. Кроме возмещения "морального ущерба" Евримах предлагает взыскать с каждого стоимость *двадцати быков* (см. 1. 427 и примеч.; стоимость обычного вооружения – 9 быков: Ил. VI. 236), причем расходы он рассчитывает возместить за счет народа; в переводе эта мысль опущена. *...теперь же твой праведен гнев...* – пока не уплачена пеня или хотя бы не достигнуто соглашение о ее размере.

Ст. 59. *Гнев... гнев...* – Тавтология не находит основания в оригинале. Тот же случай – 66 сл. (*Кер... Керы*).

Ст. 68. *...задрожали колена...* – Страх женихов возрастает по ср. со ст. 42.

Ст. 78. *...расстреляет он скоро ужасные стрелы.* – На самом деле, Евримах не сомневается, что у Одиссея достаточно стрел (ст. 72 сл.). В оригинале сказано: "тогда (т.е. когда женихи получат помощь) он стал бы стрелять в последний раз".

Ст. 82. *...в печень вонзившись...* – Такое направление стрелы возможно только в том случае, если порог, на котором стоял Одиссей, возвышался над уровнем пола. С этой позиции и хочет сбить Одиссея Амфином (ст. 91). (Поэтому, видимо, в переводе ст. 250 добавлено определений "высокий", в оригинале отсутствующее).

Ст. 90 сл. *...против него...* – Добавление переводчика: Амфином был единственным из женихов, настроенным доброжелательно к Одиссею (ср. 18. 120–152), и автор не случайно заставляет его погибнуть от копья Телемаха, предупредившего нападение на отца. *...но сзади* – Как видно, Телемах успел выбежать в зал и, таким образом, сумел поразить Амфинома ударом в спину. См. ст. 94–99.

Ст. 101 сл. *Щит, два копья... принесу я...* – Эти стихи находятся в явном противоречии с 16. 295 сл., которое можно объяснить двояко. Либо 16. 281–298 являются более поздней вставкой (см. примеч.), сделанной без учета ситуации в кн. 22, либо автор, пренебрегая последовательностью, ввел решение Телемаха, чтобы дать возможность Мелантию проникнуть в кладовую, оставшуюся не запертой (см. ниже, ст. 154–156).

Ст. 107. *...от защитных Притолок.* – Определение добавлено переводчиком. На самом деле, Одиссей не ищет защиты, прислонясь к дверным косякам, а опасается, как бы женихи не оттеснили его от дверей, ища для себя спасения (см. выше, ст. 76 сл.).

Ст. 115. *...глубокою полного думой.* – Неудачный здесь и в ст. 281 перевод постоянного эпитета Одиссея ποικιλομήτης "хитроумный": в изображаемой ситуации у героя нет времени погружаться в размышения. См. 7. 168 и примеч.

Ст. 118. *...друг подле друга валяся, они издыхали.* – Распространенный перевод достаточно сжатого оригинала: "падали друг возле друга".

Ст. 122. *Четверокожным щитом...* – т.е. из кож, положенных друг на друга в 4 слоя и обрамленных металлическим ободом. *...облачивши плеча...* – В отличие от обычных в "Одиссее" овальных щитов, здесь, как и в 14. 479, имеется в виду щит микенского времени, охватывающий полукругом все тело, от горла до ступней. Его носили на ремне через плечо.

Ст. 127. *Тайная* (ср. 132, 136, 332)... – Правильнее: "запасная" дверь, ведущая в обход мегарона во двор и расположенная не *недалеко от главных дверей*, а в противоположном углу слева и поэтому *на виду* (ст. 136) у стоящего напротив Одиссея. *...от высокого залы пространной порога...* – В оригинале речь идет, по-видимому, о том, что к этой двери вело несколько ступеней и тем труднее было выйти через нее незамеченным. Как удалось сделать это Мелантию, остается неясным, равно как непонятным и, во всяком случае, не выполненным оказывается распоряжение Одиссея Евмею (129 сл.; см. 157, 162, где Евмей по-прежнему находится рядом с Одиссеем и Телемахом у входа в зал).

Ст. 134, повтояющий 78 (см. примеч.), считают обычно интерполяцией, так как из ст. 119–121 видно что стрелы уже кончились. В переводе сделана попытка сохранить ст. 134, заменив сослагательное наклонение оригинала ("стал бы стрелять") на изъявительное.

Ст. 144 сл. Аристарх исключал как интерполяцию, указывая на то, что одному человеку не под силу поднять такой груз. Непонятно также, почему Мелантий не разделил ношу на две равные половины, а для второго раза оставил только один шлем и щит (ст. 183 сл.). Между тем исключить эти стихи нельзя, так как снабжение женихов оружием необходимо, чтобы увеличить напряжение боя, которое приходится выдержать Одиссею. Поэтому ст. 144 сл. надо отнести на счет поэтической гиперболы (как, впрочем, и нагрузку Телемаха в ст. 109–111), а повторный поход Мелантия в кладовую понадобился автору для того, чтобы Евмей и Филойтий могли захватить его на месте преступления. Аналитическая критика, вообще считающая участие Евмея и Филойтия в сражении с женихами не слишком удачным добавлением последнего автора "Одиссеи", недоумевает по поводу того, зачем они так надолго отвлекаются на побочное занятие, каким, несомненно, является наказание Мелантия, в то время как они гораздо нужнее в качестве помощников Одиссея. Не следует, однако, забывать, что подробнейшее изложение деталей однажды упомянутого события – непременный признак эпической техники (см. выше ст. «"Одиссея – фольклорное наследие...», § 5).

Ст. 192 сл. = 175 сл.

Ст. 197. *...теперь не проспишь...* – С высоты столба Мелантий раньше увидит восход солнца, чем остальные обитатели дома.

Ст. 205 сл. = 24. 502 сл.

Ст. 222. *Выгоним из дому...* – В оригинале сказано ближе к обычаям войны: "не оставим в живых сыновей, а дочерям и жене не позволим остаться в городе", т.е. продадим их в рабство.

Ст. 225. *...стала она упрекать...* – Гнев Афины, как и следующее за тем желание испытать Одиссея и Телемаха (ст. 237 сл.), не находят в "Одиссее" достаточного обоснования. Возможно, что в каком-то из ранних вариантов при истреблении женихов Одиссей применял только копья, и тогда перед началом сражения была уместна речь богини, порицавшей его за нерешительность.

Ст. 230. *Хитрость твоя...* – Имеется в виду вариант мифа, по которому мысль о деревянном коне была предложена Одиссеем, отчего происходит его эпитет πτολίπορθος (Ил. II. 278; Од. 16. 442) – "разрушающий города".

Ст. 249 сл. *...один ...беззащитный.* – В оригинале: "эти же (т.е. Одиссей с помощниками) остались одни (т.е. без помощи Ментора) перед дверью". Об их беззащитности речи нет.

Ст. 251 сл. *Разом... не бросайте; Бросьте... шесть...* – Небольшой недосмотр автора, ведущий к противоречию со ст. 271: если отступившим женихам пришлось извлекать копья из трупов, значит, вторая шестерка не была вооружена, и распоряжение Агелая не имело смыс-

ла. С другой стороны, автор, конечно, помнил, что Мелантий принес 12 копий, – стало быть, надо их все использовать, но тогда нет необходимости вырывать копья из тел павших.

Ст. 272 сл. *Снова... Снова.* – Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 273–276 = 256–259. Впрочем, из двух, повторяющихся на столь близком расстоянии описаний (ст. 274–276 = 257–259), одно можно считать интерполяцией.

Ст. 287. *Полиферс* – говорящее имя: "Многодерзостный", подобранное автором для отца наглого Ктесиппа по принципу: "Яблоко от яблони..."

Ст. 294. *Сын Леокритов...* – ошибочный перевод. В оригинале: Леокрит (см. 2. 242), сын Евенора.

Ст. 297 сл. *...наклонила... Паллада... эгиду...* – свой щит, вселявший ужас в смертных. Аналитическая критика считает эти стихи интерполяцией: какой смысл имеет теперь вмешательство Афины, когда из женихов в живых остался один Леодей, а прислуживавшие им против воли Фемий и Медонт и без того перепуганы насмерть и к тому же останутся в живых? Против изъятия этих стихов говорят, однако, ст. 299 ("остальные же напугались...") и ст. 307–309: в живых еще оставался не один Леодей, и автор выделяет его только потому, что он уже знаком слушателям (21. 144–166). Ведь и ранее он не называет поименно всех убитых женихов.

Ст. 308 сл. почти = 24. 184 сл.

Ст. 312. *Ноги целую...* – Здесь и в ст. 344 в оригинале сказано: "молю, припадая к твоим ногам".

Ст. 318. *...жертвогадатель...* – См. примеч. к 21. 145 сл.

Ст. 322 сл. *...молился Дию...* – В оригинале Одиссей не упоминает о Зевсе (Дие) и его запрещении, а говорит: "ты часто молился, чтобы долго не свершилось мое сладостное возвращение".

Ст. 335. *Алтарь* богов, а особенно Зевса, считался неприкосновенным.

Ст. 343 сл. = 311 сл.

Ст. 347 сл. *...вдохновением боги Душу согрели...* – Модернизированный перевод. В оригинале: "я – самоучка, бог же взрастил в моей груди всякие ходы (песен)". В стихах этих известное недоумение вызывала самохарактеристика Фемия как самоучки, поскольку на рубеже 8–7 вв. уже существовала школа рапсодов-гомеридов, к которой, судя по его имени, принадлежал и отец Фемия. Таким образом, Фемий мог унаследовать у отца искусство рапсода вместе с "ходами песен", т.е. традиционными приемами эпической поэзии. Вполне вероятно, однако, что автор "Одиссеи" изображает в образе Фемия не своего современника, а певца легендарных времен, аэда-импровизатора наподобие Демодока, которому "ходы песен" были нужны еще больше, чем позднейшим рапсодам, имевшим дело с уже готовым материалом.

Ст. 348 сл. *...тебя... я... Буду... веселить.* – В оригинале: "мне кажется, что я пою перед тобой, как перед богом". Трудно объяснить здесь настоящее время глагола: Фемий не поет в данный момент перед Одиссеем, а только обещает делать это в дальнейшем. Поэтому некоторые исследователи предпочитают толкование вроде: "я готов петь перед тобой, как..." Перевод Жуковского близок к такому пониманию несколько загадочного стиха.

Ст. 366. *Стал целовать их...* – Добавление переводчика. См. примеч. к ст. 312.

Ст. 371. *Мрачно взглянув...* – Эта формула употреблена здесь переводчиком не к месту. В оригинале: "улыбнувшись" – это первая за всю поэму улыбка на лице Одиссея, не считая сардонической усмешки в 20. 301. Вторая доброжелательная улыбка героя последует в 23. 111.

Ст. 376. *Властитель слова* – в оригинале: "богатый на песни".

Ст. 397. *Кличет отец...* – Автор забыл, что Евриклея до сих пор не должна была знать, кто скрывается под обликом нищего, так как и сам Телемах ничего не знал об омовении ног Одиссея.

Ст. 413–416. *Диев их суд поразил...* – В переводе не отражен важный смысловой нюанс оригинала, где говорится: "укротила их божественная доля и преступные дела", т.е. в качестве причины гибели женихов выводятся как μοῖρα, каждому от рожденья назначенная и без-

различная к его поведению "доля" и их собственные поступки, являющиеся результатом того же "безрасудства" (416; ср. 22. 317; 23. 67; 24. 458), которое в свое время погубило спутников Одиссея и Эгисфа (1. 34 сл.; см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 3, и примеч. 13). Их смерть, однако, произошла "вопреки судьбе", т.е. в речи Зевса еще больше подчеркивается личная ответственность человека.

Ст. 414 сл. = 23. 65 сл.

Ст. 421. *Пятьдесят работниц* – круглое число (см. 7. 103 и примеч.), как и *двенадцать* в ст. 424. См. 14. 13–16 и примеч.

Ст. 425. *...невежливы были.* – В оригинале: "не почитавшие ни меня, ни даже Пенелопу".

Ст. 429–436. *...почивает...Те, на которых ты мне донесла... свою изъявляя им волю...* – Фразеология из крепостного быта, чуждая языку поэмы. В оригинале: "которой какой-то бог послал сон... Вели придти именно тем, которые раньше замышляли здесь позорные дела... Он же, призвав их, бросил крылатое слово".

Ст. 433 сл. = 18. 185 сл.

Ст. 442. *...житною круглою башней...* – В оригинале сказано только "круглая", и назначение ее неизвестно. По толкованию, которому последовал Жуковский, башня служила кладовой для продовольствия.

Ст. 444. *...осрамивши развратом...* – В оригинале: "пусть они навсегда позабудут о любовных утехах, которым они предавались, совокупляясь с женихами". С точки зрения гомеровской морали, поведение служанок можно рассматривать как измену своему господину, но едва ли как разврат. См. ст. 464, где перевод "осрамившие" вовсе не соответствует оригиналу: "те, которые осыпали дерзкими речами меня и мать".

Ст. 447. *Жалобно воя...* – Правильнее: "плача", "причитая" (см. перевод в 4. 719): едва ли Одиссей, не заинтересованный в огласке происшедшего, позволил бы рабыням громко выть.

Ст. 452 сл. = 438 сл.

Ст. 457 сл. почти = 440–442.

Ст. 465. *...канат корабля... взял он...* – Телемах по собственному усмотрению видоизменяет приказ, полученный от отца (ст. 443).

Ст. 476 сл. предполагают ту же процедуру, что и в 18. 86 сл. (см. примеч.). Этот вид казни имел, по-видимому, апотропеическое значение: лишение обидчика еще при жизни его мужской силы исключало возможность с его стороны загробной мести.

Ст. 483 сл. *...рабынь приближенных... и прочих служанок.* – В оригинале различаются более близкие к госпоже служанки, занимающиеся с ней пряденьем и тканьем (ἀμφίπολοι), хотя и они – рабыни, и остальные рабыни (δμῳαί) – вероятно, занятые по хозяйству. Ср., например, 20. 105–110.

Ст. 496 сл. *Немедленно... немедленно.* – В оригинале нет никакого обстоятельства времени, к тому же повторенного дважды.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Узнавание Одиссея Пенелопой

Ст. 26. *...государыня...* – В оригинале: "милое дитя".

Ст. 29 сл. *Телемак... давно... Знал...* – Евриклея так же не могла знать этого, как Телемах – о ее тайне. См. 22. 397 и примеч.

Ст. 37 сл. почти = 20. 39 сл.

Ст. 43. *...из столовой...* – все из того же мегарона, в котором все время собирались женихи.

Ст. 50. *...благовонной...* – Добавление переводчика, вряд ли удачное применительно к сере. Вероятно, внесено сюда по аналогии с курением ладана.

Ст. 56 сл. *...истребителей дома, В доме своем истребил...* – Игра слов, отсутствующая в оригинале. *...обиды загладило...* – Добавление переводчика. В оригинале сказано короче: "женихи жестоко обращались с ним, он же отомстил всем в своем доме".

Ст. 65 сл. = 22. 414 сл.

Ст. 71. *Он, я твержу...* – В оригинале Евриклея не ссылается на свои слова, а говорит: "о супруге, находящемся в доме вблизи очага, ты говоришь, что он никогда не вернется".

Ст. 81 сл. *...Великий Ум ты имеешь...* – Несколько преувеличенный перевод. Точнее: "хоть ты и многосведуща" – имеется в виду, скорее всего, жизненный опыт Евриклеи.

Ст. 87. *Голову, руки и плечи...* – В оригинале: "поцеловать в голову и обнять".

Ст. 97 сл. *Милая мать...* – Здесь в переводе несколько смещены акценты. Смягчено обращение Телемаха (в оригинале сказано: "мать моя, непохожая на мать", μῆτερ... δύσμητερ), но усилена вторая часть фразы (*ты в своем ли уме*? – В оригинале: "обладающая бесчувственным сердцем"). *...угрюмо...* – Добавление переводчика, никак не согласующееся с ответом Пенелопы, ст. 105–107.

Ст. 109 сл. *...свои мы Тайные... знаки имеем.* – Здесь были бы уместнее всего слова, которые Пенелопа скажет далее, ст. 177–180, и которые, среди других доводов, побуждают ряд исследователей отвергать ст. 117–172 как позднейшую вставку (см. след. примеч.). Между тем автор с полным основанием откладывает эти слова до тех пор, пока Одиссей примет свой цветущий вид, ст. 153–164. Пока он одет в рубище и не смыл с себя пот и кровь, Пенелопе едва ли может придти в голову мысль о том, чтобы разделить с ним ложе.

Ст. 117. *Нужно, однако... решить нам...* – Следующие за тем распоряжения Одиссея (ст. 117–152) аналитическая критика рассматривает как более позднюю вставку; недоверие распространяется часто и на дальнейшие стихи, вплоть до 172 и даже 176. Предложение об изъятии ст. 153–176 представляется совершенно неприемлемым: по содержанию ст. 153 возвращается к ст. 116, а следующие затем слова Одиссея (ст. 162–172) откровенно провоцируют Пенелопу на ответ, ст. 174–180, ведущий в этой сцене к развязке. Что касается ст. 117–152, то они вполне объяснимы боязнью Одиссея, чтобы родственники убитых женихов не узнали раньше времени об их гибели. Ср. ст. 137–140, 361–372; 24. 353–355, 413–439. О том, почему автор откладывает признание Одиссея Пенелопой, см. предыдущее примеч. См. также примеч. к 23. 296.

Ст. 127 сл., повторяющие двустишие из Ил. XIII. 785 сл., отсутствуют во многих рукописях и расцениваются иногда как интерполяция. Однако они засвидетельствованы в одном папирусе 3 в н.э., вполне соответствуют отношению Телемаха к отцу и предвещают его участие в ожидаемом сражении, 24. 505–515, 526 сл.

Ст. 136. *Пируют здесь свадьбу.* – Притворная свадьба сразу же после расправы с женихами, чьи трупы еще не погребены, и в момент встречи супругов вызывала удивление не у одного толкователя "Одиссеи". Мотив этот, однако, составляет устойчивый элемент фольклорного сюжета, в котором вернувшийся муж попадает как раз на свадьбу своей жены (см. ст. «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 2), тем более, что в "Одиссее" этот рудимент достаточно мотивирован. См. ст. 137–140, 152. Наконец, у Одиссея и Пенелопы есть основания после 20-летней разлуки повторить свою свадьбу.

Ст. 156. *...его красотой озарила...* – Уже в 18. 68–70 обнаруживается могучее телосложение Одиссея, мало соответствующее облику старого нищего. В дальнейшем поэт вовсе забывает об этой маскировке, так что Афине нет необходимости возвращать Одиссею его прежний облик, достаточно только усилить впечатление от его внешности.

Ст. 157–162 = 6. 230–235, с той разницей, что в кн. 23 отсутствует управляющий глагол "сделала". На этом основании некоторые исследователи считают ст. 157–162 интерполяцией, внесенной сюда из кн. 6. См., однако, примеч. к ст. 117.

Ст. 168–170 = 100–102.

Ст. 174. *Ты, непонятный*! – Начало стиха, совпадающее с началом ст. 166, передает анафору, употребленную в оригинале.

Ст. 184. *Кто же... ту вынес кровать?* – При сопоставлении со ст. 179 (*выставь большую кровать*) возникает некоторая неясность: почему Одиссей толкует слова Пенелопы таким образом, что кровать уже вынесена из спальни? Поскольку различные попытки устранить противоречие не привели к какому-либо результату, остается предположить, что для автора были важны не столько детали, сколько последствия этого "испытания" (см. ст. 181) Одиссея: владея тайной супружеского ложа, герой полностью доказывает свою идентичность.

Ст. 195. *После... ветви обсек...* – Одиссей сооружает ложе в уже построенной спальне, чтобы никто не мог видеть, как он это делает, и, таким образом, проведать его тайну.

Ст. 203 сл. = 24. 245 сл.

Ст. 212. *...веселой...* – Добавление переводчика по аналогии со ст. 283, где старость названа в оригинале счастливой, т.е. беспечальной.

Ст. 218–224. Эти стихи многие исследователи еще с античных времен считают в устах Пенелопы излишним отступлением и видят в них позднейшую вставку. Однако контраст между Пенелопой, не поддавшейся никаким искушениям, и обуянной страстью Еленой находится в русле того же противопоставления, в каком судьба Одиссея сопоставляется с участью Агамемнона и верность Пенелопы – с коварством Клитемнестры.

Ст. 223. *Собственным сердцем...* – Перевод отчасти оправдывает Елену. В оригинале сказано: "она же заранее не предвидела мрачной беды".

Ст. 228. *Дочь Актора* – кто это такая, остается загадкой, так как более нигде она не упоминается. То ли она умерла, и ее обязанности перешли к Евриноме (см. ст. 153, 289, 293, 295), то ли это сама Евринома, названная здесь единственный раз по отцу?

Ст. 233. *В радость...* – В переводе опущено наречие "как", вводящее следующее далее сравнение.

Ст. 246. *...в колесницу...* – т.е. в колесницу Эос (Денницы).

Ст. 249 сл. *Много... много...* – Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 268–283 = 11. 121–136 с соответствующей заменой личных форм глагола.

Ст. 296. *Старым обычаем...* – После этого стиха в схолиях содержится замечание. «Аристофан и Аристарх говорят, что здесь кончается "Одиссея"», которое вызвало бесконечную дискуссию и, в том числе, подозрение в неподлинности оставшейся части кн. 23 и всей кн. 24. Прежде всего, однако, следует отвергнуть предположение о том, что александрийские филологи считали ст. 296 концом поэмы. Во-первых, по своей грамматической форме ст. 295 сл. требует продолжения. В оригинале сказано: "затем они вот (οἱ μὲν ἔπειτα)", чему отвечает ст. 297: "однако (между тем, в свою очередь) Телемах" (αὐτάρ)... Во-вторых, ничего не известно о каком-либо античном издании "Одиссеи", которое бы обрывалось на ст. 296, отбрасывая всю оставшуюся часть поэмы. Наконец, тот же Аристарх подвергал сомнению подлинность первых двух сотен стихов в кн. 24 (см. ниже примеч. к 24.1–204), – значит, он не отвергал всей последней книги целиком. Поэтому правы, вероятно, те исследователи, которые видят в замечании александрийских филологов указание на завершение в ст. 296 сюжетной линии поэмы: странствия Одиссея пришли к концу, женихов постигло отмщение, супруги обрели друг друга. Все последующее можно считать эпилогом, в котором не исключаются позднейшие вставки (см. примеч. к ст. 310–343, а также к 24. 1–204), но подлинность такого хорошо подготовленного (см. вступительную заметку к кн. 13–24) эпизода, как встреча Одиссея с Лаэртом, никакого сомнения вызывать не может.

Ст. 310–343 служат опять предметом длительного спора, восходящего еще к античности: Аристотель признавал их подлинными, Аристарх их отвергал. В наше время дискуссия между аналитиками и унитариями продолжается с участием виднейших специалистов с обеих сторон. Аналитики указывают на бесполезность беглого перечисления уже известных слушателю приключений Одиссея после того, как они подробно изложены в кн. 9–12, и на необычную для эпоса форму косвенной речи. Унитарии ссылаются на жалобу Ахилла в Ил. I. 365–392, в которой также повторяется все, что уже знает слушатель. Там, однако, Ахилл по-

священает в происшедшее Фетиду, которой предстоит действовать в соответствии с еще не известными ей обстоятельствами. В “Одиссее” новый рассказ ничему не служит и ни к чему не ведет. Возможно, что весь кусок сочинен каким-нибудь поздним рапсодом для такого случая, когда исполнялась только вторая половина поэмы или еще более короткий отрывок из нее, начиная с прихода Одиссея в свой дом. По-видимому, позицию аналитиков надо признать более обоснованной. Впрочем, и аналитики и унитарии сходятся в том, что ст. 320, отсутствующей в большинстве рукописей (в оригинале он представляет собой законченный период, легко вычленяемый из контекста), является позднейшей вставкой. Он и по содержанию противоречит 10. 125–132, где сказано, что погибли не все спутники: корабль Одиссея уцелел вместе с его экипажем.

Ст. 326–330. *Как...* – Четырехкратное “как” воспроизводит анафору оригинала.

Ст. 339–341 = 5. 36–38 с заменой времени глагола.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вторая встреча в подземном царстве. Заключение мира

Ст. 1–204 – последний крупный раздел поэмы, подвергавшийся многократному обсуждению с точки зрения его подлинности. Сомнение в ней выразил уже Аристарх, и многие современные ученые разделяют то же мнение, ссылаясь на целый ряд содержащихся в этой части представлений, несвойственных гомеровскому эпосу. К ним относятся: (1) Ни в одной из поэм Гермес не представлен как “психопомп”, сопровождающий души в Аид, ибо (2) они сами находят туда дорогу (см. 10. 560 сл.; 11. 51–58 и примеч.). (3) При этом обязательным условием их приема в подземное царство является погребение умерших (см. 11. 70–73; 12. 9–16), в то время как тела женихов все еще лежат не похороненными (24. 186–190). (4) В обсуждаемых стихах души умерших сохраняют сознание и способность говорить, что противоречит представлению о них, отраженному в кн. 11. К этому присоединяются некоторые стилистические критерии, а также возможность совершенно безупречного присоединения 24. 205 к 23. 372: в конце кн. 23 говорится, что Афина вывела Одиссея со спутниками из города, в 24. 205 – “когда же они вышли из города”. С другой стороны, целый ряд моментов связывает эту сцену с мотивами, уже представленными в поэме. (1) Рассказ о погребении Ахилла (ст. 35–94) в какой-то мере заполняет промежуток во времени между “Одиссеей” и “Илиадой”, как это имеет место в 11. 506–537, где Одиссей повествует перед Ахиллом о подвигах его сына Неоптолема. (2) Рассказ Агамемнона о его убийстве (ст. 95–97, 192–202) завершает ту линию противопоставления Одиссея Агамемнону и Пенелопы – Клитемнестре, которая уже разрабатывалась в кн. 3, 4 и 11 (см. СМС). (3) Сообщение Амфимедона о хитрости Пенелопы (ст. 128–146, см. примеч.) возвращает слушателя к началу поэмы, завершая, таким образом, и эту линию, а его предположение о роли Одиссея в решении Пенелопы устроить состязание в стрельбе из лука (ст. 167–169) восходит к ранней версии, по которой узнавание супругов происходило до истребления женихов (см. 18. 158–303 и примеч.). Таким образом, ясно, что ст. 1–204 нельзя ни целиком принять, ни целиком отвергнуть. Скорее всего, к окончательному оформлению этого эпизода, находившегося в составе “Одиссеи” с самого ее возникновения, приложил свою руку позднейший рапсод, на чей счет можно отнести все непоследовательности в изображении подземного царства.

Ст. 1. *...бог килленийский...* – Гермес, происходящий от аркадской нимфы Майи, обитавшей на горе Киллене. В историческое время здесь был один из центров его культа.

Ст. 3 сл. = 5. 47 сл. с заменой начальных стоп.

Ст. 6. *С визгом...* – Собственно: “со стрекотом”; душа уподобляется здесь птице. То же самое в ст. 9.

Ст. 10. *...в бедах покровитель...* – Этимология и смысл эпитета Гермеса ἀκάκητα остаются невыясненными. Возможно, он имеет значение "не приносящий беды" = "податель блага".

Ст. 11. *Скала Левкада* – собственно, Левкадская скала, под которой может разуметься и реальная скала на побережье острова Левкады, либо, скорее, какая-то фантастическая земля на далеком западе.

Ст. 12 сл. *Ворота Гелиосовы* мыслятся на крайнем западе, где солнце исчезает за горизонтом. На западе помещается в "Одиссее" и вход в подземное царство. См. 11. 14–19 и примеч. *Боги сна* – понятие, не существующее в греческой религии. Речь идет о "народе снов", т.е. о снах, являющихся ночью и потому проживающих опять же на западе, где обитает Ночь (сны – ее сыновья. См.: Гесиод, *Теог.* 212).

Ст. 15–18 = 11. 467–470 с небольшим различием в начале.

Ст. 20–22 = 11. 387–389.

Ст. 24–202. Обращает на себя внимание пятичленная симметрия в объеме речей в этом разделе: по краям и в середине эпизода – три краткие (Ахилл: ст. 24–34; Агамемнон: ст. 106–119; снова Агамемнон: ст. 192–202, т.е. 11, 14 и 11 стихов); между ними – две обширные (Агамемнон: ст. 36–97; Амфимедон: ст. 121–190, т.е. 62 и 70 стихов).

Ст. 32 сл. = 1. 235 сл. = 14. 369 сл.

Ст. 36–94 восходят, вероятно, к эпической традиции о смерти и похоронах Ахилла (см. СМС) отраженной впоследствии в киклических поэмах.

Ст. 37. *Аргос* – см. 1. 340 и примеч.

Ст. 47 сл. *Волосы рвавших.* – Правильнее: "остригавших". Эти волосы клали на тело умершего. См.: Ил. XXIII. 135, погребение Патрокла: "Всё посвященными мертвому телу покрыв волосами". *Скорбящая мать* – морская нимфа Фетида, мать Ахиллеса, *дочь старца морей* (ст. 58).

Ст. 78. *...далеко...* – Правильнее: "отдельно", т.е. не в одной и той же урне.

Ст. 80. *Холм погребальный...* – На берегу Геллеспонта в историческое время показывали курган, который принимали за надгробие Ахилла. Наряду с этим существовала и другая версия – см. СМС: Ахиллес.

Ст. 111 сл. = 11. 401 сл.

Ст. 116–119. *Вызвать спеша Одиссея...* – Вероятно, имеется в виду нежелание Одиссея принять участие в Троянском походе. Согласно версии, содержавшейся в послегомеровской поэме "Киприи", в состав посольства, отправляемого к Одиссею, входили Менелай, Нестор и Паламед. Агамемнон к посольству отношения не имел, и вся история о его дружеских связях с Амфимедоном является нововведением автора, который таким путем предоставляет им возможность для откровенного разговора.

Ст. 118 сл. *Целый мы плавали месяц... Прежде, чем был убежден Одиссей...* – Этим стихам дают различное толкование. (1) В указанный месяц входит время, потраченное на отправление из Микен, уговоры Одиссея и возвращение. В этом случае "плавание по морю" обозначает весь срок отлучки Агамемнона и Менелая. (2) Срок в месяц указывает на продолжительность пути от Греции до Трои, включая сюда вынужденную задержку в Авлиде. В любом случае *прежде чем* в переводе не имеет смысла; в оригинале сказано: "с трудом убедив Одиссея, мы плавали..."

Ст. 128–146 = 2. 92–110. См. примеч.

Ст. 149. *Демон враждебный...* – с точки зрения женихов.

Ст. 157 сл. = 17. 202 сл. = 337 сл.

Ст. 162. *Долгое время...* – Недосмотр переводчика. В оригинале сказано: "некоторое время", что, впрочем, тоже является известным преувеличением, легко объяснимым при той насыщенности действием, которая отличает кн. 17–23. На самом деле, пребывание Одиссея в своем доме, включая расправу с женихами, заняло всего два дня.

Ст. 164. *Но, ободренный... Зевесом...* – См. 21. 412–415, которые аналитическая критика напрасно считает неподлинными. См. также ниже, ст. 182, где Амфимедон ссылается на помощь бессмертных Одиссею.

Ст. 167. *...побудил Пенелопу...* – Слушатели могли помнить, как Одиссей одобрил ее решение устроить состязание в стрельбе из лука (19. 583–587), а с точки зрения женихов, такой совет мог исходить и от него самого. См. также примеч. к 24. 1–204.

Ст. 184 сл. почти = 22. 308 сл.

Ст. 195 сл. *Мужу... Сердцем избранному...* – См. примеч. к 13. 45.

Ст. 197. *...в песнях Камен сохранится...* – В оригинале сказано, что в песни, внушаемой бессмертными богами, для людей на земле сохранится слава о добродетели Пенелопы. Камены – латинизм переводчика; в греческой мифологии им соответствуют Музы.

Ст. 208. *...широким навесом...* – В оригинале – существительное κλισίον, значение которого было непонятно уже в античности. Возможно, им обозначаются хозяйственные постройки, расположенные вокруг господского дома.

Ст. 209. *...рабы...* – В оригинале к слову δμῶες прибавлено определение ἀναγκαῖοι "вынужденные", которое некоторые исследователи толкуют таким образом, что речь идет о свободных, но обедневших людях, отдавших под залог (или вовсе потерявших) свой земельный участок и теперь "по необходимости" живущих на положении рабов.

Ст. 211. *...старушка породы сикельской...* – жена Долиона. См. 387 сл.; 1. 187.

Ст. 237. *Руки его...* – добавление переводчика.

Ст. 272 сл. = 19. 194 сл.

Ст. 294. *...дорогокупленной...* – Прилагательное πολύδωρος допускает два толкования: либо та, за которую будущий муж принес ее родным обильные дары; либо та, которая принесла с собой большое приданое. Первое толкование больше соответствует обычаям, принятым в эпосе. См. 6. 159 и примеч.

Ст. 304. *Алибант* – вымышленное название, созвучное глаголам ἀλάομαι "блуждать" и ἀλύω "неистовствовать". Точно так же имя Афейдант (в переводе: *Афейд*) ассоциируется с глаголом φείδομαι "беречь", "щадить" и отрицательным префиксом α-: рассказчик – сын "не щадящего". В этой "генеалогии" содержится намек либо на расправу Одиссея с женихами, либо на щедрость мнимого чужеземца, осыпавшего дарами Одиссея (выше ст. 271–279).

Ст. 336. *...могу я тебе перечесть...* – Подобно тому как для признания его Пенелопой Одиссею недостаточно было показать рубец, а надо сообщить примету, известную только им двоим, так и здесь он называет Лаэрту число подаренных ему деревьев, которое могло быть известно только ему и отцу.

Ст. 345 сл. = 23. 205 сл.

Ст. 359. *...старым...* – добавление переводчика. Евмей не старше Одиссея, раз он еще готов обзавестись семьей (14. 62 сл.; 21. 214 сл.).

Ст. 378. *Нерикон* (правильнее: Нерик) – вероятно, город на острове Левкада, который до прорытия канала, отделившего его от Акарнании, мог считаться оконченностью материка.

Ст. 389. *Всех сыновей...* – Имеются в виду дети Долиона; в переводе опущено слово "мать", т.е. жена Долиона и мать его детей.

Ст. 397. *К своему господину,* как и *своему поклонюсь господину* (ст. 409) – добавление переводчика.

Ст. 420 сл. *На площадь... На площадь...* – Анафора, не находящая соответствия в оригинале.

Ст. 424 сл. *Первый... первою... сокрушался... сокрушенный...* – Тавтология, привнесенная переводчиком.

Ст. 445. *Видел я сам...* – Из слов Медонта следует более активное участие Афины в истреблении женихов, чем это имело место в кн. 22. Возможно, здесь сохранился остаток какой-то другой версии.

Ст. 453 сл. = 2. 160. См. примеч.

Ст. 457. *...вас убеждали...* – см. 2. 157–176, 224–241.

Ст. 479 сл. = 5. 23 сл.

Ст. 482 сл. *...имел он Право на то...* – Добавление переводчика, справедливое с точки зрения оскорбленного мужа, но едва ли соответствующее гомеровскому праву: отвергнув предложение женихов о выкупе (22. 54–67), Одиссей тем самым навлек на себя месть их родных.

Ст. 495. *Идут!* – Почему родственники женихов решили искать Одиссея у Лаэрта, автор не объясняет, считая это само собой разумеющимся.

Ст. 497. *...сам-четверт...* – т.е. Одиссей, Телемах, Евмей и Филойтий, пришедшие к Лаэрту.

Ст. 502 сл. = 22. 205 сл.

Ст. 523. *...медноланитный... шелем...* – т.е. шлем с медными пластинами, защищавшими щеки.

Ст. 539. *...громовою стрелою...* – перуном, молнией.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

По ходу изложения в "Одиссее" затрагивается целый ряд мифологических сюжетов, литературная судьба которых прослеживается на протяжении всей истории античной литературы, от 8 в. до н.э. вплоть до 5–6 в. н.э., и при том в обеих ее ветвях – греческой и римской. Некоторые из этих мотивов получили отражение, наряду с "Одиссеей", также в киклических поэмах[1]. Ни одна из них не сохранилась, но по немногочисленным фрагментам и особенно из прозаического пересказа поэм Троянского кикла мы можем понять, о чем шла речь в каждой из них и как это соотносится с изложением в "Одиссее". Хотя все эти поэмы были созданы, скорее всего, в то время, когда "Одиссея" уже существовала, при ее формировании автор мог рассчитывать на то, что изложенные в них мифы были знакомы его аудитории, так как содержание их составляли сказания, известные из достаточно распространенного репертуара рапсодов. Следовательно, автор "Одиссеи" мог в своем изложении варьировать объем информации о них: от более обширной, когда этого требовала его художественная задача, до одного намека или упоминания какого-нибудь персонажа.

В дальнейшем эти сюжеты получают развитие, видоизменение и переосмысление в древнегреческой лирике 7–5 вв. (Сапфо, Алкей, Стесихор, Пиндар), в афинской трагедии 5 в. (Эсхил, Софокл, Еврипид), затем – у эллинистических поэтов 3 в. (Феокрит, Аполлоний Родосский), с тем чтобы снова возродиться в творчестве последних представителей древнегреческого эпоса: в большой поэме Квинта Смирнского, которая так и называлась "После Гомера", и в небольшой – "Взятие Илиона" Трифиодора (3 в. н.э.).

На римской почве мифологическая тематика, связанная преимущественно с героями Троянской войны, сначала очень активно использовалась в трагедии республиканского времени (с рубежа 3–2 вв. до середины 1 в. до н.э.), перерабатывавшей греческие образцы. К сожалению, вся римская трагедия этих веков утеряна, и сохранившиеся фрагменты представляют интерес только для специалистов. Главными же источниками для судьбы мифа в римской поэзии являются такие эпические произведения, как "Энеида" Вергилия, "Метаморфозы" Овидия и его же лирический цикл "Героиды" ("послания" покинутых героинь своим возлюбленным) и "Фиваида" Стация (ок. 40–95), принадлежащего уже к эпохе Ранней империи. Немногим ранее Стация обращается к мифологической тематике философ и поэт Сенека (ок. 4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), оставивший 8 цельных трагедий[2].

Одновременно с развитием мифологических сюжетов в художественной литературе сравнительно рано (не позже 4 в.) стали появляться специальные исследования об употреблении мифов у Гомера и других классических авторов, а по меньшей мере со времен эллинизма начали составлять всякие словари и справочники по мифологии, предназначенные для нужд школы и ориентированные на достаточно широкую публику. С накоплением различного материала встал вопрос о необходимости привести в систему разбросанные всюду сведения. Из произведений такого рода до нас дошли собрания мифологических сюжетов, известные под именами Аполлодора и Гигина (первый датируется предположительно 2 в. н.э., второй – вполне надежно), при том что совершенно неизвестно, кто скрывается под этими

---

[1] См. о них примеч. 1 к статье «"Одиссея" – фольклорное наследие и творческая индивидуальность».

[2] В это число включается и трагедия "Геркулес на Эте", принадлежность которой Сенеке находится под сомнением. Однако для судьбы мифа это обстоятельство существенного значения не имеет.

именами. К ним можно прибавить возникший примерно в то же время более скромный по объему труд – "Метаморфозы" некоего Антонина Либерала. В самом конце античности возникает фиктивный "Дневник Троянской войны", дошедший под именем не менее загадочного Диктиса Критского.

Еще одним источником наших знаний о судьбе того или иного мифа являются схолии – античные и более поздние примечания, которыми обычно сопровождались издания классических авторов от Гомера до Аполлония Родосского, а впоследствии – тех же Вергилия и Стация. Немалое место в схолиях занимали и всякие сведения по мифологии, в том числе – и заимствованные из уже названных выше пособий. Для римских авторов особой известностью пользовались схолии к Вергилию и Стацию, составленные соответственно грамматиками Сервием (4–5 вв. н.э.) и Лактанцием Плацидом (конец 4 или нач. 5 в. н.э.), которые в свою очередь послужили источником для анонимного средневекового свода (так называемый Первый Ватиканский мифограф). Он датируется периодом между 875 и 1075 г. и подводит своеобразный итог мифографическим штудиям в античности. Это время и составляет верхнюю хронологическую границу для привлекаемых здесь источников.

При решении вопроса о включении в словарь того или иного сюжета из числа затрагиваемых в "Одиссее" были приняты следующие критерии:

(1) Сюжет можно проследить в сохранившихся литературных памятниках. Например, не последнее место в поэме занимают образ Навсикаи и ее отношения с Одиссеем. Однако кроме сведений о недошедшей трагедии Софокла, в которой он восхитил зрителей своим изяществом при игре в мяч, мы никакими данными о дальнейшем развитии этого мотива не располагаем, почему и пришлось оставить Навсикаю за пределами настоящего словаря.

(2) Если из какого-нибудь многосоставного сюжета в "Одиссее" используется (или, наоборот, замалчивается) какой-то один мотив, то прослеживается дальнейшая судьба только этого мотива. Например, в поэме упоминается лишь один из подвигов Геракла – нисхождение в подземное царство за Цербером, и, следовательно, нет необходимости поминать в словаре все его остальные подвиги. С другой стороны, автор умалчивает о причине смерти Геракла и о его последних часах, – этот "пробел" приходится заполнять в словаре.

(3) В словаре прослеживаются только те линии мифологического предания, которые находят основание в самой "Одиссее". Так, скажем, весьма нетрадиционный взгляд на роль отдельных греческих вождей под Троей (Агамемнона или Ахилла) содержится в уже упомянутом "Дневнике Троянской войны" Диктиса. Однако ни к "Илиаде", ни к "Одиссее" эти новшества никакого отношения не имеют, и, следовательно, ссылок на соответствующие главы сочинения Диктиса читатель в словаре не найдет. Другой пример. В поздних источниках есть рассказ о том, как Фетида, зная о неизбежной гибели Ахилла под Троей, спрятала его на острове Скирос, и как его там разыскали. Однако в гомеровских поэмах этот вариант, не соответствующий героической биографии Ахилла, полностью игнорируется; не будет он упомянут в статье об Ахилле и в нашем словаре. То же самое касается восходящей к эллинистическим временам версии о намерении Ахилла жениться на троянской царевне Поликсене. Для переговоров по этому поводу Ахилла якобы пригласили в храм на Троянской равнине, где он был коварно убит Парисом. Поскольку в гомеровских поэмах этот мотив отсутствует, то в статье об Ахилле и не будет ничего сказано по этому поводу. Поступить иначе, значило бы превратить этот служебный словарь в справочник по античной мифологии, для чего имеются другие издания[3].

---

[3] По этой же причине не даются отсылки к таким случаям, где упоминание мифологических персонажей или намеки на их судьбу сделаны мимоходом, как у римских поэтов времени Августа (часто – в сравнениях), у того же Сенеки, да и во множестве прозаических сочинений: у историков Геродота и Фукидида, в диалогах Платона или Лукиана, в речах и трактатах Цицерона, – словом везде, где целью изложения является не сюжет, а пример, справка и т.п.

Почти все авторы, на которых ниже даются ссылки, имеются в русских переводах и в отдельных изданиях (Эсхил, Софокл, Вергилий, Овидий и т.д.). Что касается авторов, чьи произведения вошли в разные своды, то читатель найдет их в следующих собраниях:

Гесиод – в кн.: Эллинские поэты. В пер. В.В. Вересаева. М., 1963; Гесиод, "Щит Геракла" и лирические поэты – в кн.: Эллинские поэты VII–III вв. М., 1999; Алкей, Сапфо, Стесихор – в кн.: Древнегреческая мелика. М., 1988; Аполлоний Родосский – в кн.: Александрийская поэзия. М., 1972; "Героиды" и "Наука любви" Овидия – в кн.: Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973; Антонин Либерал, Диктис и позднеантичный пересказ поэм эпического цикла – в кн.: Античные мифографы. СПб. (в печати); отрывки из поэм Трифиодора и Квинта Смирнского – в кн.: Памятники поздней античной поэзии и прозы 2–5 вв. М., 1964. Полный русский перевод Квинта Смирнского до сих пор не издан; читателям, не знающим древнегреческого, можно посоветовать издание с параллельным английским переводом: Quintus Smirnaeus. The Fall of Troy. L.; N.Y., 1913 (и многочисленные последующие переиздания).

АВТОЛИК (у Жуковского ошибочно: Автоликон) – отец Антиклеи, дед *Одиссея*. Его говорящее имя, произведенное от αὐτος и λύκος ("истинный волк"), выдает основную черту его характера – коварство. Искусством воровать и не быть разоблаченным, а также давать ложные клятвы А. обязан Гермесу, который, по наиболее распространенной версии, был его отцом. Автор "Одиссеи" либо не знает этой генеалогии, либо умалчивает о ней, ибо в таком случае Гермес оказался бы прадедом Одиссея, и его помощь герою перед встречей с Цирцеей получила бы совсем другой, "родственный" характер, чем в нынешней "Одиссее" (см. прим. к 10. 135–136). Не отрицая указанных выше качеств А., автор объясняет их тем, что он приносил Гермесу обильные жертвы и тем снискал его расположение (19. 394–298). В Ил. X 266 упоминается, как А. похитил у Аминтора шлем, украшенный кабаньими клыками. В Од. 19. 407 сл. сам А. признается, что вызвал гнев многих (см. примеч. к 19. 411), – вероятно, именно своим коварством. См. также СМС: Геракл. Единственный связный рассказ об А. сохранился у Гигина, № 201: А. долго воровал скот у Сизифа, который только тогда смог уличить похитителя, когда выбил на копытах у коров специальное клеймо. Находясь в доме А. для выяснения отношений, Сизиф успел соблазнить уже просватанную за Лаэрта его дочь Антиклею, будущую мать Одиссея, почему в афинской трагедии 5 в. последнего нередко называют "порождением Сизифа" (напр., у Софокла. Аякс. 190). И опять же в "Одиссее" не встретится ни единого намека на сомнительные обязательства, при которых Одиссей появился на свет, – для автора он является единственным сыном Лаэрта, к которому испытывает самые искренние сыновние чувства.

АГАМЕМНОН – сын Атрея и Аэропы, муж Клитемнестры, отец Ореста. Царь Микен (в позднейшей традиции резиденцией А. нередко называют Аргос). В "Илиаде" – верховный предводитель ахейской рати под Троей, вызвавший своим надменным поведением гнев *Ахилла*; тем самым А. стал виновником больших потерь в греческом войске. В "Одиссее" имя А. один раз упоминается в связи с рассказом о раздорах среди ахейцев после взятия Трои (3. 143), – мотив этот содержался также в "Возвращениях" (ср. Аполлодор. Эп. VI. 1). Гораздо чаще автор поэмы останавливается на трагической гибели А., которую традиционная версия, наиболее обстоятельно разработанная в афинской трагедии 5 в., объясняет двумя причинами. (1) Родовое проклятье, тяготеющее над А. В особенно жестокой форме оно проявилось в предшествующем поколении: Атрей и его брат Фиест были изгнаны их отцом Пелопом за убийство сводного брата Хрисиппа, нашли убежище в Микенах и стали оспаривать право на освободившийся там царский престол. Чтобы завладеть им, Фиест соблазнил Аэропу и с ее помощью выкрал из стада Атрея златорунную овечку, обладание которой давало право на царскую власть в Микенах. Обнаружив это предательство, Атрей пригласил Фиеста на пир и подал ему мясо его убитых малолетних детей ("пир Фиеста"). В свою очередь Фиест, поняв, что́ он съел,

проклял брата. От преступного союза с собственной дочерью он произвел на свет Эгисфа, который, выросши, отомстил за отца: он убил Атрея, а затем, пользуясь десятилетним отсутствием А., соблазнил его жену и составил заговор, завершившийся убийством А. (2) Участие в этом заговоре Клитемнестры объясняется как боязнью разоблачения ее связи с Эгисфом, так особенно ее местью А. за принесение в жертву их старшей дочери Ифигении, поскольку только такой ценой А. мог обеспечить благополучное отплытие греческого флота под Трою.

Гомеровский эпос не использует ни одного из этих двух мотивов. Когда в "Илиаде" заходит речь о скипетре А., сообщается, что он переходил в порядке преемственности из рук в руки от Пелопа к Атрею, от Атрея к Фиесту, от того – к Агамемнону (II. 101–109), – ни о какой вражде между братьями нет ни слова. В другой раз А. называет трех своих дочерей, и среди них – Ифианассу (IX. 142–145), явно призванную заменить Ифигению, о которой Гомер не хочет вспоминать. Только намек на жертвоприношение Ифигении можно усмотреть в "Илиаде", I. 106, где А. упрекает жреца Калханта в том, что тот всегда дает ему зловещие прорицания; подробнее этот мотив не разрабатывается, чтобы не бросать тень на предводителя всего ахейского ополчения.

В "Одиссее" единственной причиной гибели А. является измена Клитемнестры и желание Эгисфа избавиться от соперника, причем приходится констатировать некоторые противоречия, свидетельствующие о рудиментах менее известных версий мифа.

Обычный вариант излагается в 3. 262–275 и в 4. 524–537; в последнем отрывке о Клитемнестре вовсе нет речи, а упоминание сообщников Эгисфа противоречит всей последующей традиции, согласно которой Эгисф и Клитемнестра составили заговор в глубокой тайне и всячески избегали его огласки. Чаще, однако, супруга А. называется по меньшей мере соучастницей убийства (3. 234 сл.; 4. 92; 11. 409 сл., 427–434, 452 сл.; 24, 96 сл., 199–202); во всяком случае, она собственной рукой убивает троянскую царевну Кассандру, дочь Приама, привезенную А. домой в качестве пленницы (11. 420–423).

Теперь наступает черед Ореста, сына А., отмстить за убитого отца. В "Одиссее" расправа с Эгисфом, совершенная Орестом, расценивается однозначно положительно и ставится в пример Телемаху (1. 29–43, 294–296; 3. 195–298, 303–308[4]). Что касается убийства матери, то упоминается только о ее похоронах вместе с Эгисфом (3. 309 сл.) – более подробного освещения этого события автор избегает. По-видимому, с его точки зрения, дальнейшая судьба Ореста не содержала в себе ничего трагического.

Остатками каких-то других версий надо признать несколько стихов в 4. 514–518, где Эгисф встречает А. вовсе не в Микенах, и в 3. 255–261; 4. 546 сл., содержащих загадочный намек на возможность совершения мести Менелаем.

Дальнейшее развитие миф получил в киклической поэме "Возвращения", известной только по краткому изложению, и у Стесихора в двухчастной поэме "Орестея". Судя по немногочисленным дошедшим от нее фрагментам, здесь уже использовался мотив жертвоприношения Ифигении и главным виновником убийства А. окончательно становилась Клитемнестра, которой Орест мстил за смерть отца. Обращался к этой истории и Пиндар. В его XI Пифийской оде (474 г.) Клитемнестра недвусмысленно названа убийцей А. и Кассандры, Орест – мстителем за смерть отца, и попутно ставится вопрос о мотивах преступления Клитемнестры: месть за Ифигению или преступная любовная связь и боязнь пересудов среди граждан (ст. 17–29)?

Новое измерение судьба А. и Ореста получает в афинской трагедии V в. и прежде всего – у Эсхила в трилогии "Орестея" (458 г.), охватывающей события от возвращения А. до решения судьбы Ореста после совершения им мести за отца. Фигура стража, ожидающего це-

---

[4] В ст. 306 – указание на возвращение Ореста из Афин. По более поздней версии, юность Ореста прошла в Фокее, у Строфия, женатого на сестре А. В Афины он попадает только после убийства матери. См.: Еврипид. Ифигения в Тавриде. 940–975.

лый год на крыше дворца огненного сигнала о взятии Трои (Агамемнон. 1–20), восходит к рассказу о дозорном, которого выставил Эгисф, чтобы следить за приближением А., в "Одиссее", 4. 524–528. Убийству, происходящему, как всегда в греческой трагедии, за сценой, предшествует большой эпизод, в котором Кассандра пророчит гибель свою и А. (ст. 1055–1326). В остальном именно у Эсхила выступают в сложном переплетении оба названных выше мотива: родовое проклятье как некая объективная реальность и субъективные доводы, побудившие А. принести в жертву Ифигению, а Клитемнестру – решиться на убийство супруга. За свои действия должны расплачиваться те, кто их совершил, и никакие ссылки на родовое проклятье не могут освободить виновных от ответственности. В отличие от трактовки "Одиссеи", Клитемнестра является зачинщицей и исполнительницей убийства А., и, соответственно, для Ореста необходимость, совершая месть за отца, убить свою собственную мать становится серьезнейшей нравственной проблемой. Судьбу царского дома Эсхил рассматривает как одно из звеньев длительного процесса, в котором рука об руку идут преступления и воздаяние: ахейское войско под предводительством А. разрушает Трою, мстя за похищение Елены, но жертвоприношение Ифигении[5], гибель многих ради одной Елены и разорение в Трое храмов богов навлекают на А. месть, совершаемую руками Клитемнестры; в свою очередь, она гибнет от руки собственного сына, которого только ареопаг (суд афинских старейшин) под председательством Афины оправдывает равенством голосов, разрывая тем самым зловещую цепь родового проклятья.

Софокл и Еврипид (у каждого из них была трагедия "Электра") сосредоточили внимание на переживаниях детей А. – его дочери Электры (вовсе не упоминаемой в гомеровских поэмах) и Ореста. У Софокла Электра ждет брата как избавителя от притеснений в доме Эгисфа; с его появлением осуществляется месть над убийцами отца, которую поэт расценивает как справедливую, освобождая брата и сестру от каких-либо нравственных проблем и возвращаясь, таким образом, в трактовке поведения Ореста к "Одиссее". Еврипид, напротив, не отрицая, что Клитемнестра заслужила кару, подвергает сомнению право на ее совершение со стороны родного сына. Сразив мать, Орест и Электра испытывают состояние глубокой подавленности. Трагедия Еврипида "Орест" (408 г.), начинаясь с изображения душевных мук, которые терзают матереубийцу, завершается трагическим фарсом, в котором Орест ищет спасения от смертного приговора сограждан в попытке новых убийств – Елены и ее дочери Гермионы, пока конец этому не кладет появление бога Аполлона.

Авторитет трех трагиков у последующих поколений был настолько велик, что в течение нескольких столетий почти никто не брался за новую обработку истории А. и его потомства. Только Сенека снова обратился к этой теме в трагедиях "Фиест" и "А."; во второй из них, сохраняя основную сюжетную линию своего греческого предшественника, он вовсе не ставил себе целью проникнуть в ту сложную диалектику наказания и преступления, которая составляет самую примечательную черту эсхиловской трагедии.

Краткое изложение мифа с использованием предшествующей литературной традиции – у Аполлодора (Эп. II. 10–14; III. 21 сл.; VI. 23–25); Гигина (№ 85, 87, 88, 98, 117, 119, 258); Ватиканского мифографа (I. 20, 22; II. 45).

АЛКИНОЙ – царь феаков, муж Ареты, отец Навсикаи. Кроме помощи, оказанной в возвращении на родину *Одиссею*, известен участием в судьбе Ясона и Медеи. Когда преследовавшие беглецов колхи обнаружили их во владениях А., они потребовали выдачи им Медеи, и А. готов был на это согласиться при условии, что Медея еще не стала женой Ясона. Узнав об этом, Арета содействовала соединению молодых людей, и они благополучно продолжили свой путь на родину Ясона. См.: Аполлоний Родосский. Аргонавтика. IV. 1096–1169; Гигин. № 23.

---

[5] Еще полвека спустя этому событию посвятил специальную трагедию "Ифигения в Авлиде" Еврипид.

Имя А. – говорящее; наиболее очевидна его связь со словами ἀλκή "доблесть" и νοέω "думать", "размышлять". Человек, сочетающий в себе доблесть со способностью к размышлению, является, конечно, идеальным царем.

АЛКМЕНА – фиванская царевна, затем жена Амфитриона, мать *Геракла* от Зевса. После краткого упоминания об этом союзе в "Одиссее" (11. 266–268) подробнее говорилось о нем в псевдогесиодовском "Щите Геракла", 27–56, и у раннего мифографа Ферекида, к которому, по мнению исследователей, восходит сообщение Аполлодора, II. 4. 8. Произведения афинских драматургов, обрабатывавших этот сюжет, до нас не дошли. В сохранившихся трагедиях Алкмена выступает только у Еврипида в "Гераклидах" (941–960, 1045–1052), где она осуждает на смерть Еврисфея, который всю жизнь преследовал Геракла и перенес свою ненависть на его потомство, но, в конце концов, потерпел поражение в сражении с Гиллом, сыном Геракла (ср. Аполлодор. II. 8. 1). В трагикомическом освещении явление Зевса А. и возникшие из этого осложнения изображены в комедии Плавта "Амфитрион", которая восходит к какой-то не дошедшей до нас аттической комедии 4 или 3 в. В основном, по Плавту изложена история у Гигина, № 29.

АМФИАРАЙ – сын Оилея, аргосский полководец и прорицатель. Зная о том, что поход семи вождей против Фив обречен на неудачу, он уклонялся от участия в нем, но уступил настоянию своей жены Эрифилы (Од. 11. 326). Последняя польстилась на драгоценное ожерелье, которое подарил ей вдохновитель похода семерых Полиник. При отступлении из-под Фив А. поглотила разверзшаяся перед ним земля ("погиб златолюбия женского жертвой", 15. 247). Уходя на войну, А. завещал своему сыну Алкмеону (15. 248) отомстить матери, о чем автор "Одиссеи" так же избегает упоминания, как о гибели Клитемнестры от руки Ореста.

В послегомеровской литературе А. предстает благородным человеком, осуждающим поход Полиника против родного города (Эсхил. Семеро. 568–617; Еврипид. Финикиянки. 1109–1112). Поскольку с его именем связано учреждение на пути к Фивам Немейских игр[6], А. часто вспоминает Пиндар в своих Немейских одах. Заметную роль играет А. в "Фиваиде" Стация: он совершает гадания перед походом (III. 440–565), призывает воздать почести погибшему от укуса змеи Офельту (V. 731–753), отважно сражается под стенами Фив, где его по воле Аполлона поглощает живым вместе с колесницей разверзшаяся земля (VII. 690–823; VIII. 1–126). См. также Аполлодора (III. 6. 2, 4, 8; 7. 5); Гигина (№ 73; 74); Ватиканского мифографа (II. 49; 50).

АНТИОПА – по наиболее распространенной версии, дочь фиванского царя Никтея (в Од. 11. 260 – речного бога Асопа). Забеременев от Зевса, она во время скитаний на Кифероне рожает близнецов; их подбирает и воспитывает пастух, назвал мальчиков Амфион и Зеф (у Жуковского: Цетос). Попав в рабство к брату Никтея Лику и его жене Дирке, А. испытывает с их стороны всяческие притеснения. Со временем А. находит своих сыновей, которые мстят ее притеснителям, а затем, воцарившись в Фивах, окружают их стеной (11. 262–265 и примеч.). О злоключениях А. в "Одиссее" ничего нет. Этот мотив появляется впервые, по-видимому, в недошедшей трагедии Еврипида "А." (см.: ВДИ. 1996. № 1. С. 222–230), содержание которой излагает Гигин в № 8 (его же путаный рассказ в № 7 повторяется у Ватиканского мифографа, I. 96). См. также: Аполлодор. III. 5. 5.

АРИАДНА – дочь критского царя Миноса, которая помогла Тесею выбраться из лабиринта после убийства Минотавра. Согласно "Одиссее", бежав затем с Тесеем, А. была застрелена Артемидой "по наущению" Диониса (Вакха) (11. 321–325), при том что причина этого приговора совершенно непонятна. По более поздней версии, получившей обработку, главным образом, у римских поэтов, Дионис, влюбившись в А., сделал так, что Тесей забыл ее на острове Наксос (Дия), и сам овладел ею. См.: Катулл. 64, 116–206; Овидий. *Метам.* VIII. 174–182, Героиды. X, Наука любви. I. 527–564; Гигин. № 42; 43; Аполлодор. Эп. I. 8 сл.

---

[6] См. большой папирусный отрывок из недошедшей трагедии Еврипида "Гипсипила" (ВДИ. 1996. № 1. С. 217–221).

АХИЛЛЕС (Ахилл) – сын Пелея и морской нимфы Фетиды, величайший из ахейских героев, сражавшихся под Троей. Во время действия “Одиссеи” его тень давно находится в царстве мертвых, причем, повествуя о его гибели, автор расходится с версией, изложенной в “Илиаде”. Там сам А. знает, что ему суждена смерть от стрелы Аполлона (XXI. 278); вещий конь Ксанф пророчит ему гибель от бога и мужа (XIX. 417), и Гектор уточняет это пророчество: А. погибнет от рук Александра и Аполлона у Скейских ворот Трои (XXII. 359 сл.). Версия эта стала определяющей в последующей литературной традиции: в “Эфиопиде”, у Аполлодора (Эп. V. 3), Гигина (№ 107), Квинта Смирнского (III. 21–185), Ватиканского мифографа (I. 36; II. 38). Обычно еще указывалось, что выстрел был направлен в единственное уязвимое место в теле А. – в пяту, которая одна осталась не закаленной, когда Фетида купала новорожденного А. в водах адской реки Стикс. Гомер, избегающий в “Илиаде” всего чудесного, отказывается от этой подробности, а автор “Одиссеи” опускает также соучастие бога: А. погибает в сражении, разгорается бой за его тело, которое ахейцы в конце концов отбивают, уносят в лагерь и устраивают там торжественное погребение. Ему предшествует оплакивание умершего Фетидой и ее сестрами-нереидами, а затем следуют погребальные игры у могилы, в которой похоронен его прах (24. 35–94; см. впоследствии со множеством подробностей – у Квинта Смирнского, III. 525–787; IV. 88–595, и у Диктиса, IV. 13 и 15). Соответственно, нет и речи о перенесении А. на Елисейские поля, – этот вариант появляется, по-видимому, впервые только у лирических поэтов 6–5 вв.: Ивика и Симонида. Автор “Одиссеи”, хоть и знает о существовании Елисейских полей (см. примеч. к 4. 561), никак не связывает с ними посмертную долю. А.: тело его предается сожжению, а призрак покоится в Аиде (11. 467–540)[7].

Наконец, в “Одиссее” содержится еще воспоминание о походах на соседние с Троей города и острова, которые греки совершали под предводительством А. (3. 105 сл.). Этой темы автор касается очень кратко, так как она была известна слушателям по многочисленным возвращениям к ней в “Илиаде” (I. 163–168; II. 690–693; VI. 396 сл., 414–416; IX; 128–130, 328–334; XIX. 291–294; XX. 90–92, 187–194). Ср.: Аполлодор. Эп. III. 33; Диктис. II. 16 сл. Нет ничего в “Одиссее” и о подвигах, совершенных А. в промежутке между убийством Гектора и его собственной смертью: победах над предводительницей амазонок Пенфесилеей и вождем эфиопов Мемноном, о чем повествовалось в “Эфиопиде”. См.: Аполлодор. Эп. V. 1, 3; Квинт Смирнский. I. 508–674; II. 388–548; Диктис. IV. 2–8.

АЯКС. Под этим именем в эпосе известны два героя, появление которых объясняется, вероятно, раздвоением некогда единого образа.

1. А. – сын саламинского царя Теламона, храбрейший после *Ахилла* герой в ахейском войске. В “Илиаде” он принимает участие в самых ответственных сражениях (битва у кораблей, XV. 414–563; бой за тело Патрокла, XVII. 115–139, 746–753), не боясь вступить в единоборство с самим Гектором (VII. 181–305). Поручается ему как двоюродному брату Ахилла и такая деликатная миссия, как посольство к гневающемуся герою (кн. IX). Никаких намеков на судьбу, ожидающую его в будущем, в “Илиаде” нет. В “Одиссее” ее герой встречает в подземном царстве тень А., который, в отличие от всех других умерших, не изъявляет желания вступить с ним в беседу (11. 543 сл., 563 сл.). Причина этого, которая в “Одиссее” излагается очень коротко (11. 546–548), была известна слушателям по сказанию, обработанному впоследствии в киклическом эпосе. Поэма “Эфиопида” повествовала о споре, разгоревшемся между А. и *Одисеем* за доспехи погибшего Ахилла. В качестве судей *Агамемнон*, не желавший брать на себя ответственность за решение, привлек троянских пленников, которые присудили оружие павшего героя Одиссею. Уязвленный этим приговором, А. покончил с собой. “Малая Илиада” добавляла к этому новый мотив: впав в безумие, А. перебил принадлежавшие войску стада, приняв их за своих обидчиков – ахейских полководцев, и уже затем наложил на се-

---

[7] В “Одиссее” опускается и та версия, согласно которой Фетида перенесла Ахилла на остров Белый (см. примеч. к 24. 80), о чем сообщалось в не дошедшей до нас поэме “Эфиопида”.

бя руки. Этот вариант лег в основу трагедии Софокла “А.”: осознав, что нападением на стада он навлек на себя осмеяние, несовместимое с достоинством и славой отважного героя, А. обрекает себя на смерть. Спору за оружие Ахилла посвятил большой раздел Овидий в “Метаморфозах” (XII. 620–628; XIII. 1–398) и еще более обширное повествование – Квинт Смирнский (V. 128–486); у обоих авторов спорящие герои состязаются в речах, выдержанных по всем правилам риторики. См. также у Аполлодора (Эп. V. 6 сл.) и Гигина, № 107.

2. А. – сын Оилея, предводитель локрийцев в греческом войске, А. “малый”. В “Илиаде” он обычно принимает участие в сражениях рядом с А., сыном Теламона. В “Одиссее” сообщается о его гибели во время бури, обрушившейся на ахейский флот при возвращении (4. 499–511), причем упоминается участие в этом “раздраженной Афины”. (См. также 1. 322 сл., где прямо названа Афина; 3. 133–135 и примеч.). Краткость изложения в “Одиссее” объясняется тем, что слушатели знали о причине гнева богини: в ночь взятия Трои А. ворвался в ее храм и насильно овладел Кассандрой, оторвав ее от статуи Афины (об этом рассказывалось в киклической поэме “Разорение Илиона”). За святотатственный поступок А. грозило избиение камнями, но он спас себя ложной клятвой (о богохульстве А. писал в одном из своих стихотворений Алкей, № 8). Специально А. была посвящена трагедия Софокла “А. Локрийский”, от которой дошли только ничтожные фрагменты. Вспоминали А. и его гибель многие авторы, повествовавшие о последнем дне Трои, в том числе, Аполлодор (Эп. V. 22); Гигин, № 116; Квинт Смирнский (XIII. 420–429; XIV. 502–589); Диктис. V. 12; Ватиканский мифограф, II. 79.

ГЕРАКЛ – сын *Алкмены* и Зевса, величайший греческий герой. При рождении он был наречен Алкидом, а имя Г., происходящее от имени богини Геры и слова κλέος “слава”, получил в Дельфах: он совершит свои подвиги, потому что его преследует Гера, и тем прославится. В “Одиссее”, однако, никаких откликов на враждебное отношение Геры к Г. нет. В остальном, поскольку легендарная биография Г. была достаточно хорошо известна слушателям “Одиссеи”, ее автор мог ограничиться краткими намеками, избегая нежелательных для него подробностей. Так, в 8. 224 (см. примеч.) Г. назван метким стрелком из лука наряду с царем Эхалии Евритом, – ни о какой связи между двумя персонажами автор не сообщает. Между тем существовала версия, по которой Еврит обещал руку своей дочери Иолы тому, кто победит в стрельбе из лука его самого и его сыновей. Г. одержал победу, но Еврит своего слова не сдержал. За это впоследствии Г. пошел войной на Эхалию, разорил город, убил Еврита и его сыновей и взял в плен Иолу (Аполлодор. II. 6. 1; 7. 7). Согласно Софоклу (Трахинянки. 351–358), Г. взял Эхалию именно ради Иолы. Так или иначе, судьбы Г. и Еврита в мифологической традиции достаточно тесно связаны между собой, о чем автор “Одиссеи” умалчивает, выдвигая совсем другую причину смерти Еврита (см. 8. 225–228). В других источниках никаких указаний на эту версию нет.

Впрочем, автор по-своему последователен: уже ко времени после смерти Еврита он относит похищение его кобылиц, на поиски которых отправился его сын Ифит (21. 22–32). Поскольку в поэме нет ничего о взятии Эхалии, автору нет необходимости объяснять, почему Ифит остался в живых. Из рассказа Аполлодора (см. выше) можно сделать вывод, что Г. пощадил Ифита, так как тот после состязания в стрельбе предлагал выдать Иолу за победившего Г. В “Одиссее” коварное убийство Ифита мотивируется желанием Г. присвоить себе его лошадей (21. 27–30). В схолии к этому пассажу говорится, что кобылицы были украдены *Автоликом* и проданы им Г. Есть также вариант, по которому Г. завлек Ифита на верх крепостной стены в Тиринфе и сбросил его вниз (Софокл. Трахинянки. 268–273; другой схолий к Од. 21. 22). Аполлодор объясняет это преступление безумьем, охватившим Г. (II. 6. 2). В любом случае, вина Г. очевидна, и на этот раз автор “Одиссеи” ее не скрывает, хотя и умалчивает о постигшем Г. за его вероломство позорном наказании – рабстве у лидийской царицы Омфалы.

В стихах, касающихся Г. в кн. 11, которые считаются позднейшей вставкой, используется опять же фигура умолчания. Только мимоходом упоминается его первая жена Мегара, тень

которой *Одиссей* встречает в Аиде (11. 269 сл.), между тем как служба у "недостойного мужа", на которую жалуется призрак самого Г. (11. 621–626), явилась как раз наказанием за совершенное в молодые годы убийство детей от Мегары. (По версии, принятой Еврипидом в трагедии "Геракл" и вслед за ним Сенекой в трагедии "Геркулес в безумье", убита была и сама Мегара, а событие это перенесено на конец жизни Г.).

Из всех подвигов Г. в "Одиссее" назван только последний, похищение из Аида "троеглавого пса" (11. 623–626), что может быть объяснено встречей Одиссея с Г. именно в подземном царстве. Сюжет этот присутствовал уже в "Илиаде", VIII. 366–369 (ср. здесь же имя Еврисфея, в "Одиссее" не названное), а затем затрагивался, естественно, в указанной выше трагедии Сенеки (ст. 788–819), у Аполлодора (II. 5. 12), мимоходом у Гигина, в отдельном рассказе – у Ватиканского мифографа, I. 57 (с аллегорическим толкованием).

Умалчивая о взятии Эхалии и любви Г. к Иоле, автор "Одиссеи" ничего не сообщает о смерти героя от отравленной одежды, которую послала ему из ревности его вторая жена Деянира. Этот вариант излагался уже в поэме "Взятие Эхалии" некоего Креофила с острова Самоса или Хиоса, жившего в VIII или VII в. (его часто называли зятем или близким другом Гомера), а затем положен в основу сюжетов уже упоминавшихся "Трахинянок" Софокла, откуда он был заимствован Овидием (Метам. IX. 136–238), повторен в приписываемой Сенеке трагедии "Геркулес на Эте", у Диодора (IV. 38), Аполлодора (II. 7. 7), Гигина, № 36, Ватиканского мифографа, I. 58. Ср. также письмо тоскующей в одиночестве Деяниры Г. в IX "Героиде" Овидия.

Наконец, существовали две версия о посмертной судьбе Г. Согласно одной из них, он умер, как все смертные (Ил. XVIII. 117–119), и призрак его отлетел в Аид. По другой – он взят живым на Олимп, где боги выдали за него замуж Гебу – олицетворение юности. В "Одиссее", 11. 602–604, в стихах, которые в античности приписывали орфику Ономакриту ("интерполяция внутри интерполяции"), сделана попытка объединить оба представления, ради чего Геба и объявлена супругой Г. Его обожествление подробно описывает Овидий (*Метам.* IX. 242–272).

ГЕРМИОНА – дочь *Менелая* и *Елены.* В Од. 4 . 5–9 сообщение о том, что Менелай выдает дочь замуж за *Неоптолема,* которому она была обещана под Троей, не сопровождается какими-либо драматическими подробностями. Между тем, согласно версии, преобладающей в последующей литературной традиции, Г. сначала была выдана за Ореста, а потом Неоптолем отобрал ее у мужа, ссылаясь на обещание Менелая и на безумье, в которое впал Орест после убийства матери (Аполлодор. Эп. VI. 14; Гигин, № 123; возможно, что изложение это восходит к недошедшей трагедии Софокла "Гермиона"). Следует заметить, что в обоих вариантах прослеживаются известные хронологические несообразности. Как Гермиона, пока шла Троянская война, могла быть выдана замуж за Ореста, если, по наиболее распространенной версии, Агамемнон оставил его грудным ребенком и к концу войны мальчику было чуть больше 10 лет? Если даже пренебречь этими расчетами, то как мог Менелай обещать свою дочь Неоптолему, если она уже была замужем за Орестом? (Иногда это объясняют тем, что Г. просватал за Ореста ее дед Тиндар, о чем Менелай не знал). Если же принять "бесконфликтную" версию "Одиссеи", то почему Неоптолем, вернувшись с войны, еще 10 лет дожидался, пока Менелай выдаст за него Г., которой к этому времени стало далеко за 20 лет (согласно Аполлодору, Эп. III. 3, когда Елена бежала с Парисом, Г. было 9 лет). Из этого видно, что Г. не занимала прочного места в мифологической традиции, чем объясняется, в частности, различная трактовка ее образа у Еврипида. В "Андромахе" (ок. 424 г.) бездетная Г., ревнуя Неоптолема к Андромахе, замышляет с помощью Менелая истребить соперницу и ее сына, которых выручает пришедший к ним на помощь Пелей. В свою очередь, Г. приносит спасение Орест, подстроивший убийство Неоптолема в Афинах и явившийся в его дом, чтобы вернуть себе жену. В этой трагедии Г. является образцом жестокости и коварства, которые Еврипид не уставал обличать в спартанцах в годы Пелопоннесской войны. Напротив, в "Оре-

сте" (408 г.) того же Еврипида Г. чуть было сама не становится жертвой бессмысленной жестокости: чтобы отомстить Менелаю, отказавшему ему в помощи, Орест замышляет убить Елену и Гермиону, оказавшихся после убийства Клитемнестры в Аргосе. Преступление предотвращает Аполлон, приказывающий Оресту жениться на Г. (ст. 1653–1657). В совсем ином ключе изображаются, естественно, взаимоотношения Ореста и Г. в VIII "Героиде" Овидия.

ЕЛЕНА – дочь Зевса и Леды, супруга спартанского царя *Менелая*. Ее похищение троянским царевичем Александром послужило причиной Троянской войны, о чем говорится и в Од. 17. 118 сл. Впрочем, гомеровские поэмы склонны обвинять в этом не столько Е., сколько Киприду, пробудившую в ней страсть к Александру (Ил. III. 164 сл.; Од. 4. 261–264; 23. 218–224; см. примеч.). Тяжело переживает все происшедшее с ней и сама Е. (Ил. III. 242, 395–436). В книгах 4 и 15 "Одиссеи" Е. изображена уже после возвращения из-под Трои. Она мирно живет с Менелаем в Спарте, и, хотя тот однажды и вспоминает о ее не совсем благовидном поведении, когда троянцы ввели в город деревянного коня, он объясняет его опять же вмешательством враждебного демона (4. 274–279; много веков спустя эту провокационную деятельность Е. будет объяснять вмешательством Афродиты Трифиодор, 454–486). С другой стороны, Е. оказывает неоценимую услугу *Одиссею*, когда тот проникает в Трою с целью разведки (4. 240–258; о помощи Е. Одиссею сообщалось и в "Малой Илиаде". Ср. также Еврипид. Гекуба. 239–250). Таким образом, автор "Одиссеи" явно не хочет обвинять в чем-нибудь Е. (ср. Ил. III. 154–160).

В дальнейшей традиции отношения к Е. не однозначно. Сапфо (№ 5) видит в ее поведении пример, утверждающий любовь как высшую ценность, Алкей, напротив, гневно порицает Е., видя в ней причину гибели как ахейских вождей, так и троянцев (№ 6–7). У Стесихора была поэма, названная именем Е., в которой она сурово осуждалась. По преданию, за это Е., почитавшаяся в Спарте как богиня, поразила его слепотой, после чего Стесихор сочинил так называемую "Обратную песнь" ("Палинодию"). В ней утверждалось, что Е. никогда не была в Трое. В этом случае Стесихор воспользовался версией, содержавшейся уже в "Каталоге жен": по ней, Гера вручила Парису ложный образ Е., а ее перенесла в Египет и поручила попечению местного царя Протея. В "Одиссее" этот вариант совершенно не учитывается: Протей выступает как морской старец, наделенный пророческим даром (4. 383–393) и не имеющий к Е. никакого отношения[8].

Эсхил в "Орестее" оценивал поведение Е. крайне отрицательно: ради одной жены, разорвавшей священные узы супружества, погибло множество воинов, и сам *Агамемнон* вынужден был принести в жертву Ифигению (Агамемнон. 62, 224–227, 447 сл., 686–698, 823, 1453). Еврипид, вообще не жаловавший Е. как представительницу спартанцев – противников афинян в Пелопоннесской войне, составил против нее целый обвинительный акт в "Троянках", 969–1032. Здесь Гекуба, отводя все попытки Е. возложить ответственность на Афродиту, беспощадно изобличает ее в измене мужу и жажде золота. Ср. также: Ифигения в Тавриде. 439–446; Орест. 56–61, 125–131. В то же самое время Еврипид посвятил Е. одноименную трагедию (412 г.), в которой использовал стесихоровскую версию: во время всей Троянской войны Е. находилась в Египте под наблюдением Протея, после смерти которого ей грозит супружество с новым царем, в то время как сама она хранит верность Менелаю. Неожиданная встреча с ним и поиски средств спасения составляют содержание драмы, относимой в творчестве Еврипида к типу так называемой трагедии интриги.

Достаточно парадоксальные попытки оправдания Е. находят себе место в торжественном красноречии: в "Похвале Е." софиста Горгия (ок. 483–375) и в речи Исократа (ок. 436–338) "Е." Спустя примерно 800 лет эти попытки возобновляются у Диктиса, нашедшего свои доводы для защиты Е. (I. 9 сл. 12). Из остальных мифографов только у Аполлодора встретятся краткие сообщения о Е., основанные на предшествующей традиции (Эп. V. 9. 13.

---

[8] Рационалистическое объяснение версии с участием царя Протея см. у Геродота. II. 112–120.

19. 21). Совсем новый мотив – стремление Е. в ночь взятия Трои укрыться от гнева обеих сторон и попытка Энея отомстить ей за все беды – у Вергилия, *Эн.* II. 567–603. Две "Героиды" Овидия, XVI и XVII, представляют собой обмен письмами между тоскующими в разлуке Парисом и Е.

КАСТОР и ПОЛИДЕВК – сыновья-близнецы Леды. По наиболее распространенной версии, отцом первого был ее земной муж Тиндар, отцом второго – Зевс; их обоих объединяют под именем Диоскуров – "юношей Зевса". Иногда их обоих считают сыновьями Зевса, что не мешает здесь же называть их по земному отцу Тиндаридами. К. и П. упоминаются уже в Ил. III. 236–242, а затем в Од. 11. 298–304, однако оба как сыновья Тиндара. В позднейшей литературной традиции К. и П. выступают соперниками своих двоюродных братьев, у которых они похищают их невест. Преследуемые разгневанными женихами, К. и П. завязывают с ними бой, в котором К. погибает (эта версия содержалась уже в "Киприях", см. затем: Пиндар. Нем. X. 114–119; Феокрит. XXII. 137–211; Гигин, № 80; Ватиканский мифограф. I. 76). По другой версии (Аполлодор. III. 11. 2), спор между двоюродными братьями разгорается при дележе скота, угнанного ими из Аркадии, – результат остается тем же. П. как своему сыну Зевс дарует бессмертие (превращает его в созвездие), от которого тот отказывается, не желая расставаться с братом. Тогда Зевс разрешает им либо через день находиться то на небе, то в преисподней, либо чередоваться таким образом, чтобы один день П. находился на небе, а К. – в Аиде, а на другой день они менялись местами. В "Одиссее" принят второй вариант ("братом сменяется брат").

МЕНЕЛАЙ – спартанский царь, сын Атрея, брат *Агамемнона*, муж *Елены*. Как лицо, наиболее заинтересованное в возвращении похищенной супруги, М. играет достаточно значительную роль в "Илиаде": он приводит под Трою ополчение на 60 кораблях (II. 581–590), вступает в поединок с Александром (III. 21–120, 314–383), принимает участие в важнейших сражениях (в том числе, особенно активное – в битве за тело Патрокла: XVII. 1–122, 246–255, 553–581) и в соревновании в колесничном беге на погребальных играх в честь павшего героя (XXIII. 293–300, 401–447, 566–613). "Одиссея" ничего не сообщает ни о роли Менелая в захвате Трои (находился в деревянном коне, убил Деифоба. Об этом на основании "Малой Илиады" – у Вергилия, *Эн.* VI. 520–530; Аполлодора, Эп. V. 21; Гигина, № 108; Квинта Смирнского, XIII. 354–356; Диктиса, V. 12), ни о том, что до прибытия в Египет он владел только призраком Елены (Аполлодор, Эп. VI. 29), – в поэме он представлен радушным хозяином, вернувшимся домой после семилетних скитаний (3. 276–312), среди которых особенно выделяется его пребывание в Египте и получение пророчества от Протея (4. 347–585; ср. Гигин, № 118).

В афинской трагедии оценка М. резко меняется. У Софокла (Аякс. 1047–1162) он нечестиво сопротивляется погребению погибшего героя, у Еврипида представлен бесстыдным и лживым человеком, понуждающим Агамемнона принести в жертву Ифигению, но впоследствии отказывающим в защите Оресту (Орест. 682–721). Он готов помочь своей дочери *Гермионе* сжить со света Андромаху с сыном, и только вмешательство Пелея заставляет его отказаться от преступного замысла (Андромаха. 515–641). Единственное исключение в этой картине – образ М. в еврипидовской "Елене", где он неожиданно находит в Египте истинную Елену и вместе с ней спасается от местного царя Феоклимена.

НЕОПТОЛЕМ – сын *Ахилла* и царевны Деидамии с острова Скирос. При рождении он был назван Пирром ("рыжеволосым"), имя же Н. происходит от слов νέος "новый", "молодой" и πτόλεμος "война". Толкуют его обычно так, что отец Н. ушел воевать, будучи молодым. Согласно "Киприям" и "Малой Илиаде", Ахилл попал на остров в результате бури и женился на Деидамии. По другой версии, Фетида скрывала сына среди служанок царевны, чтобы уберечь его от участия в Троянской войне (Аполлодор. III. 13. 8; Гигин, № 96). В "Илиаде" вторая версия, недостойная Ахилла, решительно отвергается (XI. 771–781), нет ее и в "Одиссее". Здесь Одиссей рассказывает тени Ахилла (11. 506–537), как он сам привез его сына со Скироса под Трою, не объясняя, почему Н. там оказался. (См. впоследствии у Софокла.

Филоктет. 343–356; Аполлодор, Эп. V. 10 сл.; как всегда, очень подробно у Квинта Смирнского, VI. 57–113; VII. 169–460). Из подвигов, совершенных Н., Одиссей называет его единоборство с Еврипилом, чему будет со временем посвящена трагедия Софокла "Еврипил" (дошли только отрывки). См. также Квинт Смирнский. VIII. 128–220; Диктис. IV. 17. Об остальных событиях, связанных с пребыванием Н. под Троей, автор "Одиссеи" предпочитает умалчивать. Между тем из других источников известно о крайней жестокости, проявленной Н. в ночь захвата города, когда он убил престарелого Приама, оторвав его от алтаря Зевса ("Разорение Илиона"; Еврипид. Троянки. 16 сл., 481–483; Гекуба. 22–24; Вергилий. Эн. II. 533–558; Аполлодор. Эп. V. 21; Квинт Смирнский. XIII. 220–250; Диктис. V. 12). Нет ничего в "Одиссее" и о том, как сложились отношения между Н. и *Гермионой*, поскольку этот союз оказался для Н. губительным, и рассказ о нем нарушил бы идиллическую картину, нарисованную в 4. 5–9. По распространенной версии, отобрав у Ореста Гермиону, Н. навлек на себя его месть, вследствие чего Орест, воспользовавшись пребыванием Н. в Дельфах, либо сам убил его, либо настроил против него тамошних жрецов и стал прямым пособником убийства (Еврипид. Андромаха. 1086–1165; Аполлодор. Эп. VI. 14; Гигин, № 123; Ватиканский мифограф, I. 41).

Совершенно особняком во всей литературной традиции стоит образ Н. в "Филоктете" Софокла, где в нем воплощены лучшие качества благородного героя – непримиримость ко лжи и обману.

ОДИССЕЙ – сын Лаэрта и Антиклеи, муж *Пенелопы*. В "Илиаде" О. играет очень значительную роль, как участвуя в сражениях (см. особенно XI. 310–488) и отправляясь в опасную разведку (X. 241–297, 339–579), так и выполняя целый ряд деликатных поручений, для которых требуются его ум и красноречие (возвращение Хрисеиды: I. 308–312, 430–447; посольство к *Ахиллу*: IX. 223–2306, 676–692; ср. также его речь в народном собрании, круто меняющую настроение в войске, II, 278–332, и оценку его ораторского искусства: III. 204–224). В "Одиссее" из подвигов, совершенных ее героем за время, прошедшее между действием двух поэм, называются только два: вылазка в Трою и вторжение в город в чреве деревянного коня (4. 244–289; 8. 487–522; 11. 523–525), – подробнее об этом было в "Малой Илиаде" и в "Разорении Илиона" (см.: Аполлодор. Эп. V. 8–13; Квинт Смирнский. VI. 57–113; VII. 169–430). В остальном, автор "Одиссеи" избегает воспоминаний, не слишком благоприятных для его героя: о попытке уклониться от участия в войне (отдаленный намек на эту историю можно предполагать в 24. 118), разоблачении его Паламедом и несправедливой мести последнему, о чем было в "Киприях" (см. Аполлодор. Эп. III. 6–8; Гигин, № 95; Ватиканский мифограф, I. 35). Что касается отражения в последующей литературе событий, описанных в поэме, то о споре за оружие см. *Аякс* (1); о встрече с циклопом см. *Полифем*; пребывание у Цирцеи, посещение Аида и возвращение на Итаку было содержанием ряда недошедших драм Эсхила. Заметную, и притом прямо противоположную роль играет О. в двух трагедиях Софокла. В "Аяксе" он, несмотря на вражду, разделившую его с Аяксом, успешно отстаивает право погибшего героя на погребение (1318–1392). В "Филоктете" О., напротив, наделен чертами бесстыдного прагматика, готового на любые уловки ради "пользы". Не слишком благоприятно отзываются об О. и персонажи Еврипида: Троянки. 274–191.

В более поздних литературных памятниках о некоторых приключениях О. (Циклоп, мех Эола, лестригоны, Цирцея) повествует Овидий (*Метам*. XIV. 180–319); краткий обзор его странствий дают Аполлодор (Эп. VII. 2–33) и Гигин, № 125, 126 (последний рассказ – несколько путаный).

О конце жизни О. в поэме сказано немного (11. 119–131); целиком этому была посвящена "Телегония" (ср. Аполлодор. Эп. VII. 34–36; Гигин, № 127), где, в частности, сообщалось о совершении Одиссеем жертвоприношения, предписанного Тиресием.

О толковании в "Одиссее" имени ее героя см. 19. 411 и примеч.

ПЕНЕЛОПА – дочь Икария, жена *Одиссея*, мать Телемаха. После "Одиссеи" образ П. не привлекал особого внимания античных авторов. Какое-то участие она принимала в недо-

шедшей трилогии или тетралогии Эсхила, посвященной возвращению Одиссея на Итаку: здесь одна из трагедий была названа именем П. Затем, после большого перерыва, П. появляется пишущей письмо своему супругу в I "Героиде" Овидия, содержание которой целиком заимствовано из "Одиссеи". После смерти Одиссея П., согласно "Телегонии", вышла замуж за героя этой поэмы и была вместе с ним отослана Цирцеей на Острова блаженных (Аполлодор. Эп. VII. 37). Имя П. современные лингвисты сближают с названием породы уток πηνέλοψ, которые отличаются тем, что, создав однажды брачную пару, сохраняют ее на протяжении всей жизни.

За версию, по которой П. вела себя в отсутствие Одиссея более чем вольно и даже произвела на свет от Гермеса лесного бога Пана (Аполлодор. Эп. VII. 38 сл.), автор "Одиссеи" ответственности не несет.

ПОЛИФЕМ – сын Посидона и морской нимфы Фоссы, одноглазый великан-людоед, принадлежащий к племени циклопов (правильнее: киклопов, так как их название происходит от κύκλος и корня οπ-, обозначающего способность видеть. Киклоп – круглоглазый"). Образ П., вошедший в литературу в кн. 9 "Одиссеи", в 5–4 вв. многократно привлекал внимание афинских драматургов, преимущественно комедиографов. Сохранилась только сатировская драма Еврипида "Киклоп", в которой действие, по условиям афинской сцены, сжато до одного дня, а в роли помощников Одиссея выступают сатиры, легко дающие обещания, но трусящие при необходиомсти приступить к ослеплению П. Эпизод из "Одиссеи" впоследствии воспроизвел Вергилий (*Эн*. III. 616–674). Вместе с тем в творчестве афинского поэта Филоксена (нач. 4 в.) образ П. претерпел совершенно неожиданную эволюцию: страшный великан был изображен влюбленным в нимфу Галатею. Дифирамб Филоксена не сохранился, но намеченная им трактовка получила развитие у Феокрита (идиллия XI), где П. напрасно ожидает от Галатеи взаимности. Так же изображен он у Овидия (*Метам*. XIII. 740–872). Впрочем, уже в 4 в. существовала версия, по которой Галатея, в конце концов уступила притязаниям П, и от их союза произошли сыновья Гал, Кельт и Иллирий, ставшие соответственно прародителями галатов (галлов), кельтов и иллирийцев, подобно тому, как согласно другой версии, от *Одиссея* и Цирцеи произошел Латин (Гесиод. *Теог*. 1012), давший свое имя обитателям Лация.

ПРОКРИДА – дочь афинского царя Эрехфея (или Кекропа) и Праксифеи. Выданная замуж за Кефала, она однажды изменила ему и бежала, ища спасения от гнева мужа, на о-в Крит. Здесь П. получила в дар от царя Миноса не знающее промаха копье и охотничьего пса, от которого не могла укрыться никакая дичь. Вернувшись в Афины и примирившись к Кефалом, П. отдала ему как страстному охотнику копье и пса. В свою очередь, заподозривши однажды мужа в неверности, она решила подстеречь его в лесной чаще. Кефал, услышав шорох, метнул копье и сразил П. насмерть. В "Одиссее", 11.320, П. только упоминается среди теней в подземном царстве. Затем основные линии мифа изложил в 5 в. Ферекид; именем П. была названа недошедшая трагеди Софокла; упоминал П. среди теней в подземном царстве вместе с Федрой и Вергилий (Эн. VI. 445). Однако связное изложение широко известного мифа сохранилось в различных вариантах лишь у достаточно поздних авторов: Овидия (*Метам*. VII. 670–863); Аполлодора (III. 15. 1); Гигина, № 189; Антонина Либерала, № 41; Ватиканского мифографа, I. 44.

ТАНТАЛ – сын Зевса, царь Лидии, славившийся своим богатством и близостью к богам. В Од. 11 582–592, при описании мучений Т., нет никаих указаний на их причину. В других источниках существуют на этот счет разные версии. По одной из них, Т., будучи допущен на пиры богов, разглашал среди людей содержание их разговоров (Еврипид. Орест. 4–10; Аполлодор. Эп. II. 1; Гигин, № 82) или похитил нектар и амброзию (Пиндар. Ол. I. 86–102). По другой версии, Т. принял на хранение золотого пса, украденного в святилище Зевса на Крите, и отрицал это под клятвой (недошедшая трагедия Софокла "Т".; Антонин Либерал № 36). Наконец, желая проверить, насколько всеведущи боги, Т. убил своего сына Пелопа и подал им мясо в качестве угощения. Боги вернули Пелопа к жизни, а Т. покарали. (Сенека. Фиест. 144–175;

Ватиканский мифограф I. 12). О наказании Т. в подземном царстве см.: Лукиан. Разговоры мертвых. 17; краткие упоминания – у Лукреция (III. 980 сл.), который отрицает самую возможность загробной кары, и Овидия (*Метам.* IV. 457 сл.).

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ – Об этой хитрости, придуманой ахейцами, чтобы взять Трою, в "Одиссее" упоминается несколько раз (4. 271–289; 8. 492–515; 11. 523–532). Подробнее о ней было рассказано в "Малой Илиаде" и в "Разорении Илиона", затем эту тему обстоятельно разработал Стесихор в поэме "Деревянный конь" (дошли только фрагменты). С интервалом ещё в 400–500 лет к ней возвращались Вергилий (*Эн.* II. 13–267), Сенека (Агамемнон. 630–678) и Квинт См. (XII. 23–83; 104–156; 218–443; XIII. 21–59). Описанию Т. к. и связанных с ним событий посвящена чуть ли не вся поэма Трифиодора. Краткий рассказ о Т.к. см. у Аполлодора (*Эп.* V. 14–20); Гигина (№ 108, 135); Диктиа (V. 9, 11 сл.).

ФЕДРА – дочь критского царя Миноса и Пасифаи, жена Тесея. Основу мифа о Ф. составляет любовь к её пасынку Ипполиту, сына Тесея от амазонки, которую в источниках называют по-разному. Так как в Од. 11. 321, имя Ф. названо без всякого объяснения, можно предположить, что миф был достаточно хорошо известен слушателям. Однако первую литературную фиксацию он получил в афинской трагедии 5 в.: у Софокла была трагедия "Ф.", до нас не дошедшая. Еврипид обращался к этой теме дважды – в трагедии "Ипполит, закрывающийся плащом" (431 г.) и "Ипполит увенчивающийся" (428 г.). Первая не сохранилась, но известно, что в ней Ф. сама признавалась в любви Ипполиту и, получив от него гневную отповедь, обвиняла его перед Тесеем в попытке овладеть ею. Во второй трагедии Ф., сознавая глубину позора, в которую её ввергает преступная любовь, готова наложить на себя руки, но уступает попыткам кормилицы открыть Ипполиту тайну его мачехи. Реакция Ипполита остается неизменной, и Ф., боясь разоблачения, кончает с собой, оставив, однако, клеветническое письмо, обвиняющее Ипполита. В обеих трагедиях разгневанный Тесей призывал на голову сына проклятья и месть своего божественного отца Посидона, которые приводили к гибели невинного юноши.

В римской литературе Сенека в трагедии "Ф." воспроизвел ситуацию недошедшего еврипидовского "Ипполита". Овидий посвятил Ф. свою IV "Героиду" (письмо Федры Ипполиту), а в "Метаморфозах", XV. 497–546, использовал версию, по которой Ипполит после смерти принял облик италийского божества Вирбия; это, впрочем, не помешало Овидию очень обстоятельно изобразить, как погиб Ипполит. См. краткое изложение: Аполлодор (Эп. I. 17–19); Гигин, № 47; Ватиканский мифограф, I. 46.

ФИЛОКТЕТ – сын Пеанта, один из царей Фессалии. В "Одиссее" о нем сообщается только, что он был среди греков самым искусным стрелком из лука (8. 219 сл.) и вернулся живым из-под Трои (3. 190). В киклических поэмах его роль в Троянской войне описывалась значительно подробнее. Как один из женихов Елены Ф. принял участие в походе, но незадолого до высадки на берег, когда ахейцы сделали привал на острове Тенедос, был ужален змеей, и рана издавала такое зловоние, что мешала совершать жертвоприношения богам. Тогда *Одиссей* по приказу *Агаммемнона* отвез больного Ф. на о-в Лемнос ("Киприи"; ср. Ил. II. 721–725). Судя по поздним источникам, в первоначальной версии Ф. остался на Лемносе добровольно, ибо был поручен заботам тамошних врачей, особенно искусных с исцелении от укусов змей (Филострат. Героик. 5. 2; схолий D к Ил. II. 722), и под Трою вернулся в надежде на неудавшееся до сих пор лечение. На десятом году войны ахейцам стало ясно, что Троя не может быть взята без участия Ф., владевшего луком *Геракла* (он получил его в свое время в награду от умирающего героя за то, что согласился поджечь под ним погребальный костер). Согласно "Малой Илиаде", за Ф. послали Диомеда, который побудил его следовать под Трою. Здесь Ф. был исцелен от раны и выстрелом из лука сразил Париса. Из этого видно, что первоначально роль Ф. в троянской эпопее была весьма значительна, поскольку с гибелью Париса отпадала, в сущности, причина войны. Пришлось ли Диомеду прибегнуть к какой-либо хитрости, чтобы заставить Ф. вернуться, неизвестно.

В дальнейшем образу Ф. посвятили свои трагедии все три афинских драматурга: Эсхил, Еврипид (431 г.) и Софокл (409 г.); сохранились только последняя из них и сравнительный анализ у ритора Диона Хрисостома (речи 52 и 59). Уже у Эсхила главная роль принадлежала не Диомеду, а Одиссею, и засвидетельствовано похищение лука, без которого Ф. оставался безоружным и был вынужден присоединиться к ахейскому войску. У Еврипида Одиссей также был главным действующим лицом в интриге, осуществленной с помощью Диомеда. По версии, предложенной Софоклом, нападению змеи Ф. подвергся не на Тенедосе, а на маленьком острове Хрисе близ Лемноса (там до конца 1 в. находился посвященный ему алтарь), и, самое главное, в товарищи Одиссею был придан не Диомед, а *Неоптолем*, причем оба они по-разному понимали свой нравственный долг: Одиссей руководствовался соображениями "пользы", Неоптолем не считал возможным поступиться честью благородного человека. Сам Ф., с негодованием отвергавший все попытки вновь привлечь его на сторону однажды предавших его Атридов, уступает просьбам Неоптолема, только повинуясь явившемуся с небес Гераклу, который изрекает волю богов.

В позднейшей литературе см.: Овидий (*Метам.* IX. 229–234; XIII. 45–54, 313–334); "Геркулес на Эте". 1607–1755; Аполлодор (Эп. III. 27; V. 8); Гигин, № 102; Квинт Смирнский (IX. 333–528; X. 223–241); Диктис. II. 14, 47; III. 18; IV. 19 сл.

ЭДИП – фиванский царь, сын Лаия и Иокасты (в "Одиссее" – Эпикасты). Наиболее известный вариант мифа о Э., восходящий к трагедии Софокла "Царь Эдип", сводится к следующему: Лаию было предсказано, что, если у него родится сын, он станет убийцей отца. Поэтому новорожденному младенцу Лаий пронзил сухожилия на ногах и велел подбросить его на горе Киферон. Однако ребенок был спасен и попал к бездетной царской чете в Коринфе, которая его усыновила, назвав Э. (имя Οἰδίπους сближают с глаголом οἰδάω "опухать" и существительным πούς "нога"). Выросши, Э. получил в Дельфах пророчество, что ему суждено убить отца и сойтись с матерью. Считая своими родителями коринфскую чету, он не вернулся домой, а отправился искать себе другого пристанища. В дорожной ссоре с повстречавшимся ему Лаием Э. убил его, не ведая, с кем имеет дело. Подойдя к Фивам, он освободил их от зловещей полуженщины, полульвицы Сфинкс и получал в награду царский престол и руку овдовевшей царицы, т.е. собственной матери. Все это составляет предысторию трагедии Софокла, в ходе действия которой выявляются все преступления, совершенные по неведению Э. Иокаста кончает с собой, а Э. ослепляет себя и готовится к изгнанию.

Эта сюжетная ситуация сложилась, однако, в литературной традиции далеко не сразу: в Од. 11. 271–280 сообщается, что боги вскоре раскрыли тайну нечестивого брака Э., вследствие чего Эпикаста повесилась, Э. же продолжал царствовать в Фивах, не помышляя о самоослеплении. Из Ил. XXIII. 679 сл. известно, также, что некогда состоялись надгробные игры по павшему Э., – вероятно, он погиб, защищая свою землю и свои стада от врагов. Ни о каком трагическом повороте в его судьбе здесь речи нет. Дальнейшее развитие миф получил в киклических "Эдиподии" и "Фиваиде", от которых дошло очень немного. Нет, однако, достаточных оснований утверждать, что уже в этих поэмах Э. лишал себя зрения.

Важно отметить, что в ранних версиях только Лаию было дано пророчество о возможной гибели от руки сына; сам Э., до тех пор, пока он не стал героем Софокла, не получал никаких предупреждений о встрече с отцом и тем более – о браке с собственной матерью. Также Иокаста даже у Софокла ничего не знает о грозящем ей соединении с родным сыном. Из сказанного следует, что первоначальным содержанием мифа о Э. был тот же самый широко распространенный фольклорный мотив битвы отца с сыном, о котором уже говорилось во вступительной статье в связи с сюжетной линией Телемаха, а женитьба Э. на собственной матери оказывается вариантом сюжетного хода богатырской сказки: спасителю царства вручается рука царевны или незамужней царицы.

Наряду с Софоклом к мифу о Э. обращались Эсхил и Еврипид, а также еще более десятка их современников и последователей – товарищей по афинскому театру. Ни одно из этих

произвекдений не сохранилось, как и трагедия Юлия Цезаря "Э." Единственный автор, кроме Софокла, чья трагедия "Э." уцелела до наших дней, – Сенека. В ней ничто не напоминает о величии того бескомпромиссного анализа, который с трагической неизбежностью вел Э. к выявлению истины у Софокла, поскольку у Сенеки Э. заранее знает о грозящих ему бедствиях, и жуткие картины пророчеств способны только усилить его страх перед будущим.

Концу жизни Э. была посвящена другая трагедия Софокла – "Э. в Колоне" (поставлена в 401 г.). Здесь изгнанный из Фив Э. получал вечное успокоение в Земле Аттики, которой его могила должна служить защитой от врагов и залогом благополучия. В трагедии Еврипида "Финикиянки", содержание которой составляет братоубийственная распря сыновей Э., и сам он, и Иокаста изображены ещё живущими в своем дворце, хотя их трагическое прошлое уже стало известно. Иокасте не удается предотвратить поединок между ее сыновьями от Э., и она кончает с собой на поле боя над трупами братьев-врагов (ст. 1349–1459). Э. после этого отправляется в изгнание в сопровождении верной дочери Антигоны (ст. 1539–1763). Контаминацию двух названных трагедий представляли собой "Финикиянки" Сенеки, сохранившиеся только в отрывках. В основном по "Финикиянкам" излагалась судьба Э. и Иокасты в "Фиваиде" Стация, с той лишь разницей, что Иокаста сама пробирается в лагерь аргивян, чтобы склонить к примирению Полиника (VII. 468–533; VIII. 240–258; XI. 315–353; 580–756).

Сжатое изложение мифа о Э.: Диодор, IV. 64; Аполлодор. III. 5. 7–9; Гигин, № 66, 67.

ЭРИНИИ – хтонические божества, родившиеся из капель крови оскопленного Урана. Гомеровский эпос, отвергающий подобные варварские представления, умалчивает о божественном происхождении Э., хотя и наделяет их достаточно многочисленными правами. Главное из них восходит к первоначальной функции Э. как мстительниц за оскорбление. совершенное в пределах рода. Соответственно, в их власти осуществить проклятие, изреченное отцом или матерью (Ил. IX. 454, 571; XXI. 412; Од. 2. 135; 11. 280); они наказывают за клятвопреступление (Ил. XIX. 259; ср. Гесиод. *ТиД*, 803 сл.), насылают на человека ослепление, ввергающее его в беду (Ил. XIX. 87; Од. 15. 234), и подчиняют себе людей после смерти (Од. 20. 78). Более мирный характер носят такие качества Э., как знание грядущего (Ил. XIX. 418), покровительство, оказываемое старшим против младших (Ил. XV. 204) и нищим (Од. 17. 475).

В последующей литературе, особенно в афинской трагедии, Э. выступают прежде всего как мстительницы за пролитую кровь и оскорбление, нанесенное в пределах рода. В "Орестее" Эсхила они преследуют поколение за поколением, запятнанные убийством кровных родственников (Агамемнон 1186–1193, 1433, 1468, 1476, 1481 сл., 1580, 1660; Хоэфоры. 577 сл., 912, 929 сл., 971; Евмениды. 210–212, 424–428, 492–500, 607); в его же "Семерых против Фив" Э. принадлежит право осуществить проклятья отца, адресованные оскорбившим его сыновьям (695, 766, 791, 887, 952, 977). Затем, Э. мстят вообще за всякое нарушение нравственных норм (Эсхил. Агамемнон. 59, 463, 1119; Евмениды. 269–272, 541–552; Софокл. Аякс. 835–844, 1389–1392). У Еврипида гнев Э. направлен, главным образом, против Ореста, которого они изводят припадками безумия (Орест. 255–276; Ифигения в Тавриде. 279–300).

Вместе с тем по распространенному в мифологических представлениях закону совмещения противоположностей, Э. являются также благодетельными божествами, оберегающими тех, кто оказывает им почет, от болезней и гражданских распрей, а их землю – от недорода. В таком качестве изображены они в финале "Евменид" Эсхила, где Э. берут на себя обязанности милостивых богинь (ст. 917–1047). Одновременно карающими и дарующими благо являются они и у Софокла в трагедии "Эдип в Колоне" (ст. 38–45).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Настоящий указатель ни в какой мере не притязает на полноту. В него не включены имена и названия, (1) объясненные в примечаниях; (2) вошедшие в Словарь мифологических сюжетов, на который даются отсылки в примечаниях; напр., Агамемнон, Ахилл; (3) встречающиеся однократно, и притом в контексте, из которого ясно, кто это такие; например, сыновья Нестора в 3. 413, или служанки Елены в 4. 123–125; (4) более нигде не встречающиеся, на что указано в примечаниях; например Дметор в 17. 443.

Ссылки на строки с упоминанием того или иного имени, включенного в Указатель, сделаны для примера и не являются исчерпывающими. Свойства и функции богов освещаются, как правило, только в той мере, в какой они представлены в "Одиссее".

Агелай – сын Дамастора, один из женихов Пенелопы (20. 321), убит Одиссеем (22. 247).

Аид – подземное царство (3. 410) и его бог (40. 492); в переводе часто "ад".

Алиферс – см.Галиферд.

Алкмеон – см. СМС: Амфиарай.

Амфином – сын Ниса, один из женихов Пенелопы (16. 394), убит Телемахом (22. 89–94).

Амфион – 1. Сын Зевса и Антиопы (см. СМС). 2. Сын Иасоса, царь минийского Орхомена (14. 283 сл.).

Амфитрион – супруг Алкмены (см. СМС), земной отец Геракла.

Амфитрита – морская богиня, олицетворение бурного моря (3. 91; 5. 422). В более поздних источниках супруга Посидона.

Антиклея – дочь Автолика (см. СМС), супруга Лаэрта, мать Одиссея (14. 85).

Антилох – сын Нестора, погибший под Троей (3. 144).

Антиной – сын Евпейта, один из самых дерзких женихов Пенелопы (4. 379), первая жертва мести Одиссея (22. 8–20).

Антифонт – 1. Спутник Одиссея, умерщвленный Полифемом (2. 17–20). 2. Житель Итаки, верный Одиссею (16. 68).

Аполлон – сын Зевса и титаниды Лето, бог-прорицатель, вещающий волю Зевса в своем храме в Дельфах (8. 79–82), вдохновитель певцов-сказителей (8. 488); не знающий промаха стрелок из лука (см. примеч. к 3. 280; примеч. к 21. 259), сражающий своим выстрелом мужчин (см. примеч. к 3. 280).

Аргивяне – одно из собирательных обозначений греческого войска под Троей (3. 379).

Аргос – чаще всего обозначение Пелопоннеса (4. 184), иногда – области Арголиды (3. 180).

Аргус – 1. Стоглазое чудовище, приставленное Герой сторожить Ио, возлюбленную Зевса, и убитое Гермесом (1. 38). 2. Пес Одиссея (17. 292).

Арей (Арес) – бог войны и кровопролития (11. 537); в Од. 8. 267–361, возлюбленный Афродиты.

Арета – супруга Алкиноя (см. СМС).

Артемида – дочь Зевса и титаниды Лето (Латоны), сестра Аполлона, богиня-охотница; идеальный образ девичьей стройности и красоты (6. 102–108). См. также примеч. к 3. 280.

Асоп – бог речного потока в Беотии, отец Антиопы (см. СМС).

Атлант – титан, держащий на своих плечах небесный свод, отец Калипсо (4. 51–53); назван "кознодеем" как участник заговора титанов против Зевса, за что и осужден на вечное наказание. См.: Гесиод. *Теог.* 507–520.

Атрей – царь Микен, отец Агамемнона и Менелая, именуемых соответственно Атридами (1. 29; 3. 257).

Афина (Афинея) – любимая дочь Зевса, вторая по значению в Олимпийском пантеоне. В гомеровском эпосе имя ее матери титаниды Метиды не упоминается, равно как и широко распространенная в позднейших источниках версия о ее рождении из головы Зевса. В "Одиссее" Афина выступает как постоянная покровительница ее героя, заботящаяся о его возвращении домой (1. 44–85; 6. 116; 7.14–42 и т.д.; см. также § 2) и покровительствующая Телемаху (1. 85–316 и т.д.).

Афины – главный город Аттики. См. примеч. к 7. 80 сл.

Афродита – богиня красоты и чувственного влечения (5. 429), дочь Зевса и Дионы (8. 308; Ил. V. 370). Гомеровский эпос избегает варианта, по которому Афродита родилась из морской волны, оплодотворенной семенем Урана (Гесиод. *Теог.* 188–199), близ острова Кипр (отсюда ее имя Киприда), но именно там, вблизи Пафоса локализует ее священный участок (8. 352–366; см. также 8. 287 и примеч.). В "Одиссее" – возлюбленная Ареса, уличенная ее супругом Гефестом в измене (8. 267–361).

Ахерон (Ахеронт) – река в подземном царстве. См. примеч. к 10. 513–515.

Ахеяне, ахейцы – одно из собирательных названий греческого войска под Троей (1. 206) и населения Пелопоннеса, который поэтому может быть назван ахейской землей (21. 107).

Аэт – см. Ээт.

Борей – северный ветер.

Вакх – см. СМС: Ариадна.

Галиферд – сын Мастора, прорицатель, живущий на Итаке (2. 157 сл.).

Гарпии – буквально: "похитительницы", "женские божества смерти".

Гебея (правильнее: Геба) – дочь Зевса и Геры, олицетворение вечной юности; отдана в жены обожествленному после смерти Гераклу (11. 603 сл.).

Гелиос – солнце и его олицетворение, бог Солнца, отец Цирцеи (10. 136–139), владелец священного стада, на которое покусились спутники Одиссея (12. 127–132, 353–361).

Гера (Ира) – дочь Крона и Реи, сестра и супруга Зевса. В "Одиссее" никакой роли не играет (см. 11. 604 и примеч.).

Гермес (Эрмий) – сын Зевса и аркадской нимфы Майи (см. примеч. к 24.1), вестник богов (5. 28–55), убийца Аргуса (1. 38; впрочем о значении его эпитета ἀργειοφόντης среди исследователей нет согласия), покровитель хитрецов (см. СМС: Автолик). О его функциях провожатого душ умерших в Аид см. примеч. к 24. 1–204.

Гефест (Ифест) – сын Зевса и Геры, бог-кузнец и искусный мастер (15. 117); центр его культа – Лемнос (8. 283 сл.), что связано, по-видимому, с вулканической деятельностью на острове горы Мосихл, под которой локализовали кузницу бога. В "Одиссее" выступает как мститель Аресу и Афродите за оскорбление его супружеских прав (8. 267–361).

Гея - олицетворение Земли, породившей гигантов и великанов (11. 576).

Гиганты - см. примеч. к 7. 59.

Гипересия – город в Ахее (15. 254), позднее называвшийся Эгирой.

Гиперион (Иперион, "пребывающий в высоте") – эпитет Гелиоса (12. 133).

Горгона – чудовище, вид которого внушает безотчетный ужас (11. 634).

Гортина – город на острове Крит (см. примеч. к 3. 291–300).

Латона (Летó) – титанида, мать Аполлона и Артемиды (6. 106).

Лаэрт – сын Аркесия, отец Одиссея (1. 185).

Левкотея (Левкофея) – морская богиня, снабдившая Одиссея спасительным покрывалом (5. 333–353). В нее превратилась Инó, когда бросилась в море, спасаясь от обезумевшего мужа. Имя Левкофеи – говорящее, произведенное от слов λευκός "белый", "ясный" (как морская гладь в ясную погоду) и θεά "богиня".

Леда – спартанская царица, супруга Тиндара (11. 298). См. СМС: Елена; Кастор и Полидевк.

Лемнос – остров в северной части Эгейского моря и город на нем (8. 283). См. Гефест.

Леодей (правильнее: Леод) – один из женихов Пенелопы, жертвогадатель (21. 144–166); убит Одиссеем (22. 310–329).

Лесбос – остров в северной части Эгейского моря (см. примеч. к 3. 169–180).

Ливия – страна на северном побережье Африки (4. 85).

Майя – аркадская нимфа, мать Гермеса от Зевса (14. 435).

Малея – мыс на южной оконечности Пелопоннеса (3. 287).

Марафон – местность и поселение в Аттике, примерно в 40 км к северо-востоку от Афин (7. 80).

Медон (Медонт) – глашатай на Итаке, оставшийся верным Одиссею (2.677); спасен Телемахом во время убийства женихов (22. 357–379).

Меламп – прорицатель (см. примеч. к 11. 289–297).

Мелантий (Меланфий) – сын Долия, козовод на Итаке, помогающий женихам и кончающий жизнь в страшных мучениях (22. 135–201, 474–477).

Меланто (Меланфо) – дочь Долия, дерзкая служанка Пенелопы (18. 321–339; 19.65–95).

Мемнон – сын Эос и Тифона, царь эфиопов, пришедший на помощь троянцам и сразивший в бою Антилоха, сына Нестора (4. 187 сл.); затем был убит Ахиллесом.

Ментес – предводитель тафийцев, в облике которого Афина является Телемаху (1. 100–103).

Ментор – итакиец, старый друг Одиссея (2. 225–241), в образе которого Афина сопровождает Телемаха в поездке в Пилос (3. 13–24).

Мессена – область в юго-западной части Пелопоннеса (21. 15).

Микена – город в северо-восточной части Пелопоннеса, столица Агамемнона (3. 303); в послегомеровских источниках обычная форма: Микены (см. статью «"Одиссея" – фольклорное наследие...», § 1).

Мимант – мыс на ионийском побережье Эгейского моря, обращенный к острову Хиос (3. 172).

Минос – сын Зевса и Европы, царь Кносса на Крите (см. примеч. к 19. 172–179).

Мирмидоны – фессалийское племя, вождем которого был Ахиллес, а затем Неоптолем (3. 189).

Навзикая (Навсикая) – дочь Алкиноя и Ареты, первой оказавшая помощь Одиссею на острове феаков (6. 17).

Навзитой (Навсифой) – сын Посидона и Перибеи, отец Алкиноя, вождь феаков, при котором они переселились на остров Схерию (6. 7–11).

Наяды – нимфы-покровительницы водоемов, рощ, гротов (13. 104).

Нелей – сын Посидона и Тиро, отец Нестора, основатель Пилоса (3. 4 сл.; см. примеч. к 11. 289–297).

Нерион – см. примеч. к 3.81.

Нестор – сын Нелея и Хлориды, царь Пилоса, старейший из греческих героев, участвовавших в Троянской войне (1. 280 сл.); оказывает гостеприимство Телемаху и рассказывает ему о событиях, происходивших после взятия Трои (кн. 3).

Нот – южный ветер.

Океан – поток, окружающий со всех сторон земной круг; на его западной окраине находится вход в подземное царство (40. 508), еще дальше – Елисейские поля (4. 563–568).

Олимп – гора в Фессалии, обитель богов (6. 42–46; см. примеч. к 11. 315).

Орест – см. СМС: Агамемнон.

Орион – красавец-охотник, возлюбленный Эос; застрелен Артемидой (5. 121–124; причина здесь не объясняется, но, судя по поздним источникам, Орион пытался овладеть ею).

Ортигия – "остров куропатки", локализуемый в 15. 404 западнее острова Делос;*в позднейшее время их обычно отождествляли.

Орхомен – древнейший город в Беотии, расположенный при впадении р. Кефис в Копаидское озеро (14. 283).

Оры – собственно, времена года, затем – их персонификация в образе юных дев (11. 295).

Осса – молва и ее олицетворение (1. 279; 24. 413).

Отос (правильнее: От) – вместе с братом Эфиальтом – великаны, сыновья Посидона и Ифимедеи (11. 308; см. примеч. к 11. 315).

Паллада – культовой эпитет Афины, значение которого было неясно уже в древности.

Парки – в римской мифологии божества, аналогичные греческим Мойрам (см. примеч. к 1.17); имя их без.достаточных оснований введено в перевод Жуковским.

Патрокл – ближайший соратник Ахиллеса, убитый под Троей (3.110; Ил. XVI. 782–857); его тень неразлучна в Аиде с тенью друга (11. 468).

Пафнос – см. Афродита.

Пеан (правильнее: Пеон) – божественный врач, предок врачевателей (4. 232).

Певсенор – 1. Дед Евриклеи (1. 425). 2. Глашатай на Итаке (2. 38).

Пелей – царь Фтии, отец Ахиллеса (11. 494).

Пелиас (правильнее: Пелий) – сын Посидона и Тиро, царь Иолка (11. 254).

Персефона – дочь Зевса и Деметры, супруга Аида, владычица подземного царства (10. 491; 11. 217).

Пиерия – горный хребет в Фессалии (5.50).

Пилос – город в Мессении, столица царства Нестора (см. примеч к 3. 4–6).

Пиритой (Пирифой) – царь лапифов (см. примеч к 21. 295–304); вместе с Тесеем проник в Аид, чтобы похитить Персефону, но остался там навеки; в Од. 11. 631 только упоминается среди обитателей подземного царства.

Пизистрат (Писистрат) – сын Нестора (см. примеч к 3. 36, 39).

Плеяды – созвездие, восходящее в начале лета и заходящее с началом зимы; их присутствие на небе определяет продолжительность времени, пригодного для судоходства (5. 272).

Полиб (Полибий) – 1. Житель египетских Фив, принимавший у себя Менелая (4. 126). 2. Феакиец (8. 373). 3. Итакиец, отец Евримаха (1. 395). 4. Жених Пенелопы, убитый Евмеем (22. 284).

Понтоной – глашатай у феаков (7.179).

Посидон – сын Крона и Реи, брат Зевса (см. примеч к 13. 142), повелитель морской стихии (5. 291–296); преследует Одиссея из мести за ослепление Полифема (1. 67–74; 9. 528–536); превращает в скалу корабль феаков, доставивший Одиссея на родину (13. 146–183).

Приам – троянский царь (3.107: Приамов град – Троя).

Протей – морской старец, предсказавший Менелаю его будущее и сообщивший ему о судьбе его соратников под Троей (4. 385–570).

Радамант (Радаманф) – сын Зевса и Европы. В Од. 4. 564 только упоминается как обитатель Елисейских полей; в позднейших источниках – неподкупный судья в царстве мертвых.

Салмоней – сын Эола и Энареты, отец Тиро (14. 236), царствовал сначала в Фессалии, затем переселился в Элиду.

той в послегомеровской поэзии, Эос добилась от богов, чтобы ему даровали бессмертие, но не сумела (или забыла) добиться для него вечной молодости.

Тринакрия (правильнее: Тринакия) – сказочный остров, где пасутся стада бога Гелиоса (12. 126); впоследствии его стали отождествлять с Сицилией.

Тритогена (правильнее: Тритогения) – эпитет Афины (3. 378), не получивший общепринятого объяснения ни в древности, ни у современных лингвистов.

Троя (Илион) – город и крепость у входа в пролив Геллеспонт (Дарданеллы), соединяющий Эгейское море с Черным. См. статью «”Одиссея” – фольклорное наследие... § 1; СМС: Елена, Неоптолем, Одиссей, Троянский конь.

Фарос – остров, лежащий против западных рукавов Нильской дельты (4. 355).

Феакийцы, феакияне – сказочный народ, населяющий остров Схерию (5. 35, 280).

Феб (вероятно: “сияющий”) – культовой эпитет Аполлона (3. 279).

Фемида – первоначально олицетворение обычного права; в Од. 2. 68 – богиня, следящая за его соблюдением.

Феоклимен – прорицатель из Аргоса, сопровождающий Телемаха на обратном пути из Пилоса на Итаку (15. 224–286).

Фера (правильнее: Феры) – город на полпути между Пилосом и Спартой (3. 488), ныне Каламата. В наше время между Наварином (Пилосом) и Каламатой (Ферой) обнаружены остатки древней дороги, вероятно, микенского времени.

Феспроты – народ, населявший юго-западную прибрежную область Эпира (14. 315).

Фест – город в южной части Крита (3. 295).

Фетида – морская нимфа, супруга Пелея, мать Ахилла (11. 547).

Филотий (Филойтий) – старший коровник в хозяйстве Одиссея (20. 185).

Финикия – страна, расположенная на восточном побережье Средиземного моря (4. 83).

Форк (правильнее: Форкий или Форкин) – морское божество, сын Понта и Геи (1. 70).

Фракия – страна, расположенная на юг от устья Дуная до северного побережья Эгейского моря (8. 361).

Фразимед (Фрасимед) – сын Нестора (см. примеч к 3. 36, 39).

Фтия – царство Пелея и Ахиллеса в Фессалии (11. 496).

Харибда – водоворот, который поглощает проплывающие мимо корабли (12. 104).

Хариты – божества, олицетворяющие очарование (6. 18), прислужницы Афродиты (8. 364).

Хиос – большой остров в восточной части Эгейского моря (3. 170).

Цетос – см. СМС: Антиопа.

Циклопы (киклопы) – сказочный народ великанов, вытеснивший из их прежней земли феаков (6. 5); соплеменники Полифема (9. 106).

Цирцея (правильно: Кирка) – волшебница, дочь Гелиоса, живущая на сказочном острове Эя (10. 135–139).

Эак – сын Зевса и Эгины, царь на острове, названном именем его матери; отец Пелея и Теламона, дед Ахилла и Аякса (11. 471).

Эвбея, Эвмей, Эвпейт, Эвриал, Эвриклея, Эврилох, Эвримах, Эврипил, Эврит, Эвритион – см. Евбея, Евмей, Евпейт, Евриал, Евриклея, Еврилох, Евримах, Еврипил, Еврит, Еврипион.

Эвр – восточный ветер.

Эгист (Эгисф) сын Фиеста, склонивший Клитемнестру к измене мужу (1. 29; см. СМС: Агамемнон).

Эгия (правильнее: Эги) – город в Ахее, на севере Пелопоннеса, где особенным почетом пользовался Посидон (5. 381).

СОДЕРЖАНИЕ

ОДИССЕЯ

ДОПОЛНЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

ГОМЕР

ОДИССЕЯ

Утверждено к печати
редколлегией серии
"Литературные памятники"

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*
Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.В. Морозова, В.М. Ракитина*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23. 06. 1997

Подписано к печати 31.10.2000
Формат 70×90[1]/[16]. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,68. Усл.кр.-отт. 37,3. Уч.-изд.л. 35,0
Тираж 5000 экз. Тип. зак. 815

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-011652-1

ΟΜΗΡΟΥ
ΟΔΥΣΣΕΙΑ

HOMERI
ODYSSEIA